

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

№ 4 (107) 2023

Учредитель: Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации
Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 38836
Издается с июня 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Адрес типографии: 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Тел./факс (3952) 410-215
e-mail: esiirk_vestnik@mvd.ru
www.vestnikesiirk.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2023

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:

А. Н. Шаламова, канд. юрид. наук, доц., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

Ответственный секретарь:

М. В. Кивокурцева, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Восточно-Сибирского института МВД России

Члены редакционной коллегии:

А. В. Варданян, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России

О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф., первый проректор – проректор по научной работе Байкальского государственного университета

Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области

В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета

В. И. Майоров, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры административной деятельности органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России

И. В. Минникес, д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета

И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доц., зав. отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета

В. В. Николюк, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., гл. научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия

С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доц., заведующий центром уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., заведующий отделом криминологических исследований Института правовых исследований Байкальского государственного университета

Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, проф., директор Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

И. В. Смалькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Юридического института Байкальского государственного университета

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, первый проректор, проректор по науке и стратегическому развитию Центрально-Казахстанской академии

Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доц., зам. начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе)

В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 22 декабря 2023 г. Дата выхода в свет 25 декабря 2023 г.

Цена свободная

Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 37,0.

Тираж 1000 экз.

Первый завод 60 экз. Заказ № 59

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK
OF THE EAST SIBERIAN INSTITUTE
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS
OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 4 (107) 2023

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registered with the Federal service
for supervision of communications, information technology and mass communications
(Roskomnadzor)

PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Since June 1997
The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontov St. 110
Tel./fax (3952) 410-215,
e-mail: esiirk_vestnik@mvdr.ru
www.vestnikesiirk.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2023

Editors

Chief Editor

O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Deputy Chief Editor

A. N. Shalamova, candidate of legal sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Executive Secretary:

M. V. Kivokurtseva, Deputy Head of the Research and Editorial and Publishing Department of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Members of the Editorial Board

A. V. Vardanyan, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector - Vice-Rector for Research of Baikal State University

B. Y. Gavrilov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region

V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University

V. I. Majorov Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia

I. V. Minikes, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of Legal Research, Baikal State University

I. A. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Institute of Legal Research, Baikal State University

V. V. Nikolyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice

S. L. Nudel, Doctor of Law, Associate Professor, head of the center of the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

A. L. Repetskaya, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminological Research Department of the Institute of Legal Studies of the Baikal State University

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Pro-Curatorial Supervision of the Law Institute Baikal State University

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminology, Forensic Examinations and Legal Psychology of the Baikal State University

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector, Vice-Rector for Science and Strategic Development of The Central Kazakhstan Academy

N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head for scientific affairs of the Law Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University

A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on 22 th December 2023. Publication date 25 th December 2023.

Price: free

Format 60 × 84/8

Conventional printed sheets 37,0. Issue 1000 copies

Fist issue 60 copies. Order No. 59.

Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Жалене Ю. С. Опыт нормативного закрепления основ советского государственного строя в Конституции РСФСР 1918 года	9
Шелегов Ю. В. Механизм правового регулирования: структура и критерии эффективности.....	21

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Гершинкова Д. А. К вопросу о становлении административно-правового регулирования выбросов парниковых газов в России.....	28
Гусев А. В., Карасева В. В. Право человека на облегчение боли наркотическими лекарственными препаратами как элемент конституционно-правового статуса личности.....	44
Кравцов А. Ю. Особенности процессуального статуса прокурора по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов	55
Нежинская К. С. Историческое наследие в конституционных нормах	66
Перетолчин А. П. К вопросу о разграничении административной и налоговой ответственности за совершение налоговых правонарушений в российском праве	78

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Бубербаев Н. Д. Детерминанты преступности социально-психологического уровня (на материалах г. Астана)	87
Валькирия Н. И. Актуальные задачи криминалистического изучения человека на современном этапе	101
Вальтер А. В. Вопросы бланкетности, семантики и скрытой налоговой преюдиции по уголовно-правовым нормам, предусмотренным ст.ст. 198-199.4 УК РФ.....	112
Ермакова О. В. Классификация формальных составов преступлений и ее значение	126
Галяутдинов Р. Р. Направления расследования должностных насильственных преступлений: теоретико-практические аспекты	134
Грибунов О. П., Косых В. А. Информационные технологии в системе противодействия незаконному обороту леса	143
Днепровская М. А., Абрамитов С. А. Некоторые проблемы применения запрета определенных действий	157

Зайцев В. Н. Порядок ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела на этапе предварительного расследования: современный практический взгляд	168
Куровский В. М. О необходимости криминализации хранения экстремистских материалов	180
Лебеденко С. Е., Заэр Е. В. Проблемные вопросы определения количества наркотического средства d-лизергид (лсд, лсд-25) на бумажных носителях	190
Леонова К. И. Применение видеозаписи и киносъемки при производстве следственных действий с несовершеннолетним потерпевшим и свидетелем	203
Лисаускайте В. В. Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. как источник толкования военных преступлений в контексте рассмотрения ч. 1 ст. 356 УК Российской Федерации	213
Попова Е. И., Сандакова А. Б. Криминалистическое обеспечение деятельности следователя по достижению компромисса стороны обвинения и защиты, как важная составляющая методики расследования дорожно-транспортных преступлений	225
Тирских А. А. Профилактика идеологии экстремизма и терроризма в образовательной сфере	240
Титов С. Н. Размерные признаки в составах преступлений против интеллектуальной собственности	251
Шаутаева Г. Х., Попова Л. В. К вопросу о либерализации порядка применения мер пресечения к предпринимателям	263
Федотова Е. Н. Привилегированные составы убийств в российском уголовном законодательстве: теоретико-методологический анализ	276
Юдина Э. И. О некоторых вопросах оценки достаточности доказательств в досудебном производстве по уголовным делам	286
Информация для авторов	297

CONTENTS

**5.1.1. Theoretical and historical legal sciences
(legal sciences)**

Zhalene Ju. S. The experience of normative consolidation of the foundations of the soviet state system in the constitution of the RSFSR 1918	9
Shelegov Yu. V. Mechanism of legal regulation: structure and criteria of effectiveness.....	21

**5.1.2. Public law (state law) sciences
(legal sciences)**

Gershinkova D. A. On the issue of administrative legal regulation of greenhouse gas emissions in Russia	28
Gusev A. V., Karaseva V. V. The human right to the relief of pain narcotic medicines as an element of the constitutional and legal individual status	44
Kravtsov A. Yu. Peculiarities of the procedural status of the prosecutor in administrative cases challenging normative legal acts.....	55
Nezhinskaya K. S. Historical heritage in constitutional norms	66
Peretolchin A. P. Some aspects of distinguishing administrative and tax liability for tax offenses in russian law.....	78

**5.1.4. Criminal Law Sciences
(legal sciences)**

Buberbaev N. D. Determinants of crime at the socio-psychological level (based on the materials of Astana)	87
Valkyrie N. I. Actual tasks of criminalistic study The human being at the present stage	101
Walter A.V. Questions of formality, semantics and hidden tax Prejudices on criminal law norms provided for in Articles 198-199.4 of the Criminal Code of the Russian Federation.....	112
Ermakova O. V. Classification of formal elements of crimes and its significance	126
Galyautdinov R. R. Directions of investigation of official violent crimes: theoretical and practical aspects	134
Gribunov O. P., Kosykh V. A. Information technologies In the system of countering illegal timber trafficking.....	143
Dneprovskaya M. A., Abramitov S. A. Some problems of the application of the prohibition of certain actions	157
Zaitsev V. N. The procedure for familiarizing the accused with the materials of the criminal case at the stage of the preliminary investigation: a modern practical view.....	168

Kurovsky V. M. On the need to criminalize storage Extremist materials.....	180
Lebedenko S. E., Zaer E. V. Problematic issues of determining the amount of the narcotic drug d-lysergide (Lsd, Lsd-25) on paper	190
Leonova K. I. The use of video recording and filming in the production of investigative actions with a minor victim and witness	203
Lisauskaite V. V. The Hague Conventions of 1899 and 1907 as a source of interpretation of war crimes in the context of consideration Part 1 of Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation	213
Popova E. I., Sandakova A. B. Forensic support of the investigator's activities to achieve a compromise between of the prosecution and defence as an important component of the methodology of investigation of road traffic offences	225
Tirskikh A. A. Prevention of extremist and terrorist ideology in the educational environment	240
Titov S. N. Dimensional attributes in intellectual property offences	251
Shautaeva G. H., Popova L. V. Towards a liberalisation of the application of the liberalisation of preventive measures for entrepreneurs	263
Fedotova E. N. Privileged compositions of murders in russian criminal legislation: theoretical and methodological analysis	275
Yudina E. I. Privileged compositions of murders in russian criminal legislation: theoretical and methodological analysis.....	286
Information for authors	297

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 9–20.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023.
No. 4 (107). P. 9–20.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 340.1

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.46.12.001

ОПЫТ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОСНОВ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ В КОНСТИТУЦИИ РСФСР 1918 Г.

Жалене Юлия Сергеевна

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, jaleneyus@icloud.com

Введение. В статье, посвященной опыту нормативного закрепления основ советского государственного строя в Конституции РСФСР 1918 г., анализируется проблематика разработки и принятия указанного нормативно-правового акта. Автор освещает проблему новой нормативной тенденции взаимоотношений церкви и Советского государства, которое предполагалось светским и антиклерикальным. Кроме того, в работе затрагиваются вопросы правового статуса интеллигенции в рамках ее существования в государстве с диктатурой пролетариата, с особенностями новых эlectorальных связей, которые подлежали существенной трансформации, реализации принципа гендерного равноправия. Автор акцентирует внимание на амбивалентности прав, свобод и обязанностей человека и гражданина советской России в ее первом Основном Законе. Статья демонстрирует факт, что Конституция РСФСР 1918 г. отразила переходный этап развития советской государственности, который характеризовался сломом буржуазных отношений и становлением социалистического строя.

Материалы и методы. В работе использован метод исторического материализма, а также методологический инструментарий сравнительно-правового исследования, анализ, синтез, дедукция и индукция.

Результаты исследования. На современном этапе исследования, посвященные становлению социалистической государственности основаны на плюрализме мнений, которые отражают текущие политические взгляды авторов на сущность Советского государства. Это выражается, в частности, в многогранности проблематики и наличии разнообразных подходов к детерминированию правового статуса личности в РСФСР в условиях перехода от капитализма к социализму.

Выводы и заключения. Советская историко-правовая доктрина стояла на позициях прямого действия Конституции РСФСР 1918 г. При этом Основной Закон молодого Советского государства выступал ниторативной основой для текущей нормативной базы страны переходного периода. Принципы указанного Основного Закона государства диктатуры пролетариата вплоть до принятия Конституции РСФСР 1925 г. опосредовали общественные отношения страны, в самый сложный ее период.

Ключевые слова: Конституция РСФСР 1918 г., советское государство, избирательная система, права и свободы человека, обязанности гражданина, РКП(б), Русская Православная Церковь, социалистическая государственность, Октябрьская революция 1917 г., диктатура пролетариата

Для цитирования: Жалене Ю. С. Опыт нормативного закрепления основ советского государственного строя в Конституции РСФСР 1918 г. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 9–20.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.46.12.001

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

THE EXPERIENCE OF NORMATIVE CONSOLIDATION OF THE FOUNDATIONS OF THE SOVIET STATE SYSTEM IN THE CONSTITUTION OF THE RSFSR 1918

Julia S. Zhalene

East Siberian Institute, Irkutsk, Russian Federation, jaleneyus@icloud.com

Introduction: The article devoted to the experience of normative consolidation of the foundations of the Soviet state system in the Constitution of the RSFSR of 1918 analyzes the problems of the development and adoption of this normative legal act. The author highlights the problem of a new normative trend in the relationship between the Church and the Soviet state, which was supposed to be secular and anticlerical. In addition, the work touches upon the issues of the legal status of the intelligentsia within the framework of its existence in a state with the dictatorship of the proletariat, with the features of new electoral ties that were subject to significant transformation, the implementation of the principle of gender equality. The author focuses on the ambivalence of the rights, freedoms and duties of a person and a citizen of Soviet Russia in its first Basic Law. The article demonstrates the fact that the Constitution of the RSFSR of 1918 It reflected the transitional stage of the development of Soviet statehood, which was characterized by the breakdown of bourgeois relations and the formation of the socialist system.

Methods and Materials: the work uses the method of historical materialism, as well as methodological tools of comparative legal research, analysis, synthesis, deduction and induction.

The Results of the Study: At the present stage, studies devoted to the formation of socialist statehood are based on pluralism of opinions, which, however, reflects the current political views of the authors on the essence of the Soviet state. This is reflected, in particular, on the versatility of the problems and the presence of various approaches to determining the legal status of an individual in the RSFSR in the conditions of transition from capitalism to socialism.

Findings and Conclusions: The Soviet historical and legal doctrine stood on the positions of the direct effect of the Constitution of the RSFSR of 1918. At the same time, the Basic Law of the young Soviet state acted as a regulatory basis for the current regulatory framework of the country in transition. The principles of this Basic Law of the state of the dictatorship of the proletariat until the adoption of the Constitution of the RSFSR in 1925 mediated the social relations of the country, in its most difficult period.

Keywords: The Constitution of the RSFSR of 1918, the Soviet state, the electoral system, human rights and freedoms, duties of a citizen, the RCP(b), the Russian Orthodox Church, socialist statehood, the October Revolution of 1917, the dictatorship of the proletariat.

For citation: Desire of Yu.S. Opyt normativnogo zakrepljenija osnov sovetskogo gosudarstvennogo stroja v Konstitucii RSFSR 1918 g. [The experience of normative consolidation of the foundations of the Soviet state system in the Constitution of the RSFSR 1918]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia : scientific and practical. journal. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 4 (107), pp. 9–20. DOI: 10.55001/2312-3184.2023.46.12.001

Актуальность тематики данного исследования заключается в том, что Октябрьская социалистическая революция 1917 г., реализованная партией большевиков, сформировала новый, не существовавший ранее, тип социалистического государства, предусматривающего диктатуру пролетариата. По сути, появление формально бесклассового общества и уничтожение эксплуатации человека человеком потребовало создания новой нормативной основы и прежде всего Основного Закона страны, который бы определял революционные преобразования с параллельной их легитимацией¹. В этой связи, на наш взгляд, крайне важно уяснить роль Конституции РСФСР 1918 г. Осмыслить значимость первого Основного Закона Советского государства, выделив положительные и отрицательные его стороны не только с исторических позиций, но и с точки зрения юридического взгляда на указанный политico-идеологический документ.

Стоит отметить, что Конституция РСФСР 1918 г. имела важное идеологическое значение и прежде всего в аспекте ее восприятия трудящимся населением не только России, но и всего мира. Так, В. И. Ленин подчеркивал исключительно важную роль указанного документа в таком состоянии мирового правопорядка, в котором развит колониализм и угнетение многомиллионных трудящихся масс. Политик подчеркивал

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1918. №51. ст.582. 23456. ГАВО,Ф.Р-1503, оп. 1, д.9, л.2.

все плюсы Конституции 1918 г., сравнивая ее с конституциями западноевропейских государств и США, предусматривающих частную собственность на средства производства [1, с. 114].

На многогранность и сложность проблематики нормативного закрепления основ советского государственного строя в Конституции РСФСР 1918 г. указывает и обширность историографии. В частности, в 1918 г. Н. К. Крупская в своей брошюре «Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» попыталась осветить вопрос идеологического значения Конституции РСФСР 1918 г. в аспекте борьбы трудящихся против эксплуататоров [2, с. 8]. В брошюре Н. Глебова был отражен посттатейный комментарий к первому Основному Закону Советского государства [3, с. 2]. В 1923 году увидел свет труд Е. Энгеля, в котором он в рамках существующих идеологических установок комментировал первую советскую Конституцию [4, с. 4]. В высших образовательных организациях Советского государства спустя два года после принятия первого советского Основного Закона был запущен к преподаванию курс «Основы Советской Конституции» [5; 6].

В 30-40-е годы XX столетия авторитетные юридические журналы и историко-правовая периодика отражали интерес к конституционному праву. При этом в конце 40-х гг. вышел ряд монографий, посвященных первой советской Конституции. В частности, проблематика истории и разработки Конституции РСФСР 1918 г. отразилась в монографии С. Л. Ронина [7], где автор подробно рассматривал деятельность Конституционной комиссии ВЦИК. В 1949 г. вышел фундаментальный труд Д. Чугаева, в котором освещалась концептуальная сущность Конституции РСФСР 1918 г. [8].

Историко-правовой аспект развития Советского государства был подробно разобран в книге О. И. Чистякова. По мнению ученого, предпосылки принятия первой советской Конституции заключались в региональном противостоянии органов власти Советского государства, когда областные органы пытались отстоять свое место в новой иерархии органов управления страны [9, с. 5]. По сути, проблема выстраивания иерархии советских органов в РСФСР выступила общей тенденцией, настоятельно требуя систематизации и нормативного регулирования. Центральный Комитет сделал соответствующие выводы, ликвидировав СНК Московской области, параллельно инициировав разработку Конституции РСФСР. В целях формирования ее основных положений Я. М. Свердлов через ВЦИК, по поручению ЦК, сформировал соответствующие комиссии.

Состав конституционной комиссии ВЦИК был представлен следующими лицами:

- И. В. Сталин, Я. М. Свердлов, М. Н. Покровский от РКП(б);
- Д. А. Магеровский, А. А. Шрейдер от левых эсеров;
- А. И. Бердников от максималистов;
- В. А. Аванесов, М. А. Рейннер, М. И. Лацис, Д. П. Боголепов, Э. М. Склянский, Н. И. Бухарин осуществляли ведомственное представительство [8, с. 103].

В связи с тем, что в комиссии заседали представители различных политических сил, ее работа сопровождалась дискуссиями, но оказалась крайне продуктивной. С апреля 1918 г. в комиссии по разработке Конституции рассматривались проекты,

посвященные основам государственного устройства РСФСР. Примечательно, что И. В. Сталин подверг жесткой критик проект Основного Закона, предложенный М. А. Рейннером, пролоббировав свое предложение, которое и было принято большинством голосов, отразившись впоследствии в ст. 9–11 Конституции РСФСР 1918 г. При этом первоначальный проект Основного Закона существенно отличался от окончательной редакции в результате его постатейного обсуждения и широкого спектра внесенных правок. В итоге текст Конституции являлся плодом работы коллектива авторов, которые разработали ее принципы. Далее три сформированные подкомиссии доработали первоначальный проект Основного Закона [9, с. 23].

Примечательно, что в рамках работы конституционной комиссии с апреля по июнь 1918 г. насчитывалось восемь заседаний, на которых было отклонено предложение от представителей левых эсеров по формированию местных органов советской власти. Не прошло и предложение по упразднению СНК и народных комиссариатов в целях передачи их полномочий структурным подразделениям ВЦИК.

Анализируя деятельность конституционной комиссии, можно увидеть, что делегаты от различных политических сил участвовали в разработке и обсуждении первого Основного Закона РСФСР в аспекте нормативного оформления ее государственного строя. Сам фактор многонациональности страны провоцировал разработчиков на принятие федеративной формы государственно-территориального устройства. Однако марксистская доктрина отрицательно относилась к федерализму, так как в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса обосновывалась ее переходность. Федерация в марксистских трудах предусматривалась лишь как промежуточный этап, который мог сгладить острые национальные противоречия на пути к централизации власти [10, с. 355].

Стоит отметить, что, по мнению раннего В. И. Ленина, унитаризм считался наилучшей формой устройства государства. Тем не менее после февраля 1917 г. он стал допускать создание федерации, в которую может трансформироваться бывшая Российская империя [11, с. 41, 286]. Его концепция воплотилась в ст. 2 Конституции РСФСР 1918 г., где нормативно закреплялся федерализм.

Проблематика системы государственного управления в центре и на местах также характеризовалась в качестве актуальной, так как вопрос ее консервации или полного слома непременно выступал предметом жестких дискуссий. За год до октябрьской революции В. И. Ленин обосновывал необходимость уничтожения государственных силовых органов, способствующих угнетению трудящихся в буржуазном государстве, с параллельным сохранением учетных и регистрационных учреждений, которые можно было бы использовать при построении нового социалистического государства.

Анализ нормативного материала, отраженного в статьях Основного Закона 1918 г., позволяет ответить на ряд вопросов, затрагивающих правовой статус интеллигенции, которая не покинула пределы РСФСР после Октябрьской революции 1917 г. В статьях первой Конституции социалистической России были определены в правовом отношении и сложившиеся взаимоотношения советской власти с клирикальными институтами, права, свободы и обязанности человека. Документ также регламентировал и специфику избирательных связей в рамках диктатуры пролетариата.

Так, в ст. 7 и 10 Конституции РСФСР 1918 г. заключались те базовые положения, на которых выстраивалось отношение большевиков к узкому слою интеллигенции, который был сформирован еще до революции. Важно подчеркнуть, что последняя была настроена достаточно лояльно к новой власти, не представляя угрозы советскому правительству. В рамках ст. 7 все население страны градировалось на две основных группы – трудящиеся и бывшие эксплуататоры. При этом вся полнота политической, следовательно, и государственной власти передавалась первым. В свою очередь, класс бывших эксплуататоров радикально урезался в правах. Примечательно то, что условия переходного этапа не позволяли привести интеллигенцию к единому знаменателю. В связи с этим социалистические правоведы видели в ней оплот нового порядка и защитников завоеваний революции. Тем не менее элиту интеллигенции, ее высшую прослойку власть однозначно относила к эксплуататорским классам [9, с. 33].

В религиозном аспекте власть большевиков была однозначно настроена на секуляризацию правопорядка. Церковь была отделена от государства Декретом «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», который впоследствии трансформировался в Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»². Сложившаяся нормативная политика Советского государства, по сути, лишила церковь тех государственных функций, которые были ей присущи до революции. Кроме того, клерикальные институты утратили право ведения регистрационных действий, затрагивающих акты гражданского состояния. Поддержка церкви со стороны государства была полностью нуллифицирована. Так, под запрет попадали все процессы возврата долговых обязательств в пользу религиозных организаций. Церкви запрещалось реализовывать свои права по наложению церковных наказаний и каким бы то ни было способом принуждать верующих. Религиозным организациям, и прежде всего РПЦ, была перекрыта финансовая поддержка со стороны государства. Религиозные конгрегации получили статус обычных частных ассоциаций. Подобные тенденции были лаконично отражены в ст. 13 Конституции РСФСР 1918 г.

Проводя политику секуляризации и расцерковления, большевики подчеркивали свою политическую самодостаточность. Тем не менее подавляющее число граждан страны были людьми верующими, в основном православными христианами. Такое положение советская власть не могла игнорировать. В этой связи, в рамках ст. 13 первого советского Основного Закона была инициирована свобода слова в аспекте религиозной и антирелигиозной пропаганды. По сути, сложившееся положение дел можно было характеризовать как реализацию принципа свободы совести. Однако видные представители РКП(б) неоднократно критиковали подобный механизм обеспечения указанного принципа, так как считали, что он возможен лишь с посредством запрета религиозной пропаганды [12, с. 254].

Стоит отметить, что декларация религиозной свободы проходила на фоне скрытой борьбы с религией. Так, одной из функций органов государственной безопасности выступала борьба с религией посредством негласных способов, одним из

² Декрет СНК "Об отделении церкви от государства и школы от церкви 23 января (5 февраля) 1918 г. // Собрание узаконений и постановлений... 1917–1918 гг. № 18. М., 1942. Отд. I. Ст. 263. С. 286–287.

которых выступали разложение и дискредитация клерикальных институтов через внедрения в религиозные конгрегации тайной агентуры. В мае 1920 г. Ф. Э. Дзержинский приказывал начальнику секретного отдела ВЧК всемерно подрывать авторитет РПЦ и мусульманских религиозных организаций. Глава ВЧК призывал через тайных агентов вносить раскол в клерикальные объединения и преследовать религиозные секты, которые настроены враждебно к советской власти [13, с. 200]. Наибольший размах борьбы Советского государства с церковью пришелся на начало 20-х гг., когда в угоду антирелигиозного противостояния была изменена формулировка ст. 4 Конституции РСФСР 1918 г. Отныне религиозная пропаганда вне культовых зданий попадала под запрет [14, с. 435–437].

Конституционно-правовому регулированию всегда свойственна проработка раздела, касающегося электоральных связей, и Конституция РСФСР 1918 г. не являлась исключением. Нормативным базисом избирательного права выступала ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г., в которой классовый подход утверждался как ключевой принцип формирования электоральных правоотношений. В частности, указанная статья отражала перечень лиц, которые были лишены избирательных прав. К последним были причислены лица, извлекающие прибыль с труда наемных работников, граждане, извлекающие нетрудовые доходы, коммерсанты, торговые представители, духовенство, бывшие сотрудники органов правопорядка царской России, а также члены бывшей императорской семьи. Кроме указанных лиц, электоральных прав по Конституции РСФСР 1918 г. лишились лица, совершившие преступления, и душевнобольные, что, впрочем, не отражало классовый принцип, а было характерно и для большинства конституций буржуазных государств.

Избирательное право первого советского Основного Закона характеризовалось еще и тем, что в нем закреплялось электоральное неравенство в рамках городских и сельских избирателей. Так, Всероссийский съезд Советов формировался из депутатов городских Советов из расчета 1 представитель на 25 тыс. избирателей. В свою очередь, депутатов губернских съездов Советов формировали несколько иначе: 1 депутат на 125 тыс. жителей. Подобное неравенство, закреплявшее пятикратное преимущество рабочих над крестьянами было нормировано ст. 25 Конституции РСФСР 1918 г. Такая тенденция была продиктована тем, что имело место вполне очевидное численное преимущество сельских жителей над городскими, так как Россия и после Октябрьской революции оставалась страной сугубо аграрной. Указанная проблема усугублялась еще и тем, что имела место многостепенная избирательная система, так как практика показывала, что в заседаниях местных Советов нередко участвовали зажиточные крестьяне и сельские коммерсанты. В связи с этим система прямых выборов функционировала только в рамках избирательной системы населенных пунктов, а в волостных органах власти она отсутствовала. В выборах последних реализовывалась схема, где на одного депутата волостного съезда Советов приходилось 10 членов Совета волости. Такой избирательный алгоритм был закреплен ст. 53 Конституции РСФСР 1918 г. По сути, закреплялась двухстепенная система выборов.

Примечательно, что народное представительство отталкивалось не от числа членов сельсовета, а от количества проживающих на его территории граждан. Следовательно, в уездных съездах Советов могли принимать участие и те, кто являлся

депутатом Советов, сформированных в городах с малой численностью населения. Выборы в губернские съезды Советов могли иметь и третью ступень, в случае, когда уездный съезд Советов формировался непосредственно перед губернским. Трехступенчатой была избирательная система областных съездов Советов, которые формировались из депутатов городских советов и уездных съездов Советов. По аналогичному принципу формировался и Всероссийский съезд Советов, при том что для крестьян выборы в него были четырехступенчатыми. В свою очередь, для горожан выборы во все съезды Советов являлись двухступенчатыми [9, с. 183].

Подобный пример формирования избирательной системы нельзя назвать истинно демократическим. Напротив, анализ избирательной системы демонстрирует явную дискриминацию избирательных прав нелояльных к советской власти социальных групп [15, с. 64–65].

Что характерно, указанный Основной Закон страны не регламентировал процедуру голосования. На практике голосование осуществлялось в рамках открытости, через простое поднятие руки либо иными способами, когда визуально можно было определить его итоги [16, с. 143]. Нередко выборы проводились прямо на производстве [17, с. 38]. Выборы в сельсоветы и Советы волости могли проходить на сходках [18 с. 33]. Необходимо отметить, что голосование могло быть и тайным, посредством записок и иных подручных средств [9, с. 174].

Крайне сложной и мало исследованной выступает и проблематика прав и обязанностей граждан РСФСР в 1918 г. По нашему мнению, в основе подобной тенденции лежат идеологические причины. Равноправие на тот момент отвергалось большевиками. Напротив, классовость Советского государства и Конституции РСФСР 1918 г. неоднократно подчеркивалась социалистическими идеологами. Классовый принцип нового, революционного правопорядка заключался в диктатуре пролетариата. В этой связи проблематика правового положения граждан активно не муссировалась в трудах прокоммунистических ученых и советской печати. Партия большевиков понимала демократию в рамках узкого подхода и видела в ней не народовластие, а власть трудящихся, разграничивая население на эксплуататоров и эксплуатируемых.

На основании анализа ст. 23 и 65 первого Основного Закона Советского государства очевидно, что закреплялось положение о том, что власть могла лишить избирательных и иных прав не только отдельную личность, но и целую социальную группу. Ученые подобную тенденцию объясняют сложившейся революционной практикой в аспекте утверждения принципа диктатуры пролетариата.

Стоит отметить, что в рамках гендерного равноправия Конституция РСФСР 1918 г. сыграла позитивную роль. При этом первые признаки уравнивания женщин в правах с мужчинами имели место уже в первых декретах советской власти. Так, Декрет «О земле» упоминал о равном праве пользования землей, не зависимо от половой принадлежности³. Декрет «О суде», который был издан 22 ноября 1917 г. наделял равными правами гендерные группы в сфере гражданского судопроизводства. На

³ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 19.

правовом статусе женщин в области брачно-семейных отношений положительно сказался Декрет ВЦИК и СНК «О расторжении брака»⁴.

Примечательно, что Основной Закон РСФСР 1918 г. прямо не содержит принципов гендерного равноправия, но последний вытекает из формулировки статей документа. В частности, ст. 10 первой Конституции Советского государства провозглашает социалистическое государство обществом всех трудящихся страны, то есть обществом и мужчин, и женщин. Статьи 13–17 указанного нормативного правового акта, закрепляя политические права за трудящимися, не разграничивают их по гендерному признаку. В свою очередь, в аспекте обязанностей граждан ст. 18 документа нормирует долженствование трудиться для всего населения. Только в одной статье Конституции РСФСР 1918 г. (ст. 64) закон прямо указывает на закрепление равных избирательных прав мужчин и женщин.

В сфере отношений гражданства Конституция РСФСР 1918 г. закрепила упрощенный порядок предоставления гражданства для иностранцев. Советские идеологи считали, что подобная ситуация благотворно скажется на скорой, как они полагали, мировой революции. Так, ст. 20 конституционного закона наделяла правом местные Советы предоставлять иностранным гражданам и подданным российское гражданство быстро и без особых формальностей.

Если проанализировать Конституцию РСФСР 1918 г. в аспекте нормирования обязанностей, то в качестве основного долженствования граждан советской страны выступает обязанность трудиться (ст. 18). Еще одной обязанностью советских граждан выступала защита Отечества, в рамках которой закреплялась всеобщая воинская повинность (ст. 19). При этом с оружием в руках Родину защищали лишь трудящиеся, а нетрудовые элементы выполняли иные военные обязанности.

Основные права и обязанности человека в Конституции РСФСР 1918 г. были отражены в несколько амбивалентной плоскости. Так, Основной Закон достаточно четко освящал «право на жизнь» и обязанность подчиняться советской власти. Вместе с тем документ «размывал» свободу слова, печати и собраний. Также представители максималистов отмечали, что появлялась нормативная основа для реализации принципа уравниловки, и высококвалифицированный труд слабо стимулировался [19, с. 57].

В заключение статьи необходимо отметить, что плюрализм подходов к детерминации спектра прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в РСФСР указывает на многогранность проблемы правового положения личности в Советском государстве на этапе утверждения власти большевиков. Советская историография видела в Конституции РСФСР 1918 г. нормативную основу фактически сложившихся отношений, ключевым принципом которых выступала классовость и диктатура пролетариата. В период краткого переходного периода первый Основной Закон Советского государства отличался крайней степенью противоречивости и обусловливался политической конъюнктурой, искаженно толкуя принцип демократизма в угоду достижения политического господства партии большевиков.

⁴ *О расторжении брака* : Декрет ВЦИК и СНК. 16 декабря 1917 г. // РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4988. Л. 1–2.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1970. 624 с.
2. Крупская, Н. К. Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики / Н.К. Крупская. М.: Изд-во ВЦИК, 1918. 16 с.
3. Глебов, Н. П. Наш основной закон: разъяснение Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики / Н. Глебов. М.: Изд-во Всерос. Центр. Исполнит. Ком. Советов Р. С. Кр. и К. Депутатов, 1918. 40 с.
4. Энгель, Е. А. Основы советской конституции: конспект лекций / Е. А. Энгель. М.: Государственное изд-во (Госиздат), 1923. 248 с.
5. Рейснер, М. А. Основы Советской Конституции / М. А. Рейснер. М.: Госиздат, 1920. 239 с.
6. Гурвич, Г. С. Основы Советской Конституции. Вып. 1 / Г. С. Гурвич; РКП(б). Смоленск: Смолен. губ. комитет РКП(б), 1921. 27 с.
7. Ронин, С. Л. Первая советская Конституция. (К истории разработки Конституции РСФСР 1918 года) / С. Л. Ронина. М.: Госюриздан, 1948. 124 с.
8. Чугаев, Д. Первая Конституция Советского государства, 1918 г. / Д. Чугаев. М: Госюриздан, 1949. 176 с.
9. Чистяков, О. И. Конституция РСФСР 1918 года : учебное пособие / О. И. Чистяков. М.: Изд-во МГУ, 1984. 206 с.
10. Маркс, К. Сочинения. Т. 4. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 615 с.
11. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин Т. 32. М.: Государственное издательство политической литературы, 1974. 606 с.
12. Стучка, П. И. Избранные произведения по марксистко-ленинской теории права / П. И. Стучка. Рига: Латв. гос. изд-во, 1964. 748 с.
13. Грошев, С. Н. Чрезвычайное правосудие в годы нэпа / С. Н. Грошев // Советское государство и право в период новой экономической политики: Материалы международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 30 марта 2021 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 198–201.
14. Модоров, Н. С. Русская Православная Церковь и советское государство в 1917–1940 гг. (по материалам Алтая) / Н. С. Модоров, Р. В. Мезенцев, Д. И. Шкуратова // МНКО. 2013. №6 (43). С. 435–437.
15. Пушкарев, Б. С. Две России XX века: 1917–1993 / Б.С. Пушкарев. М.: Посев, 2008. 592 с.
16. Рид, Д. Десять дней, которые потрясли мир / Д. Рид. М.: Время, 2019. 480 с.
17. Злоказов, Г. И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции (февраль – июнь 1917 г.) / Г. И. Злоказов. М.: Политиздат, 1984. 280 с.
18. Гришаев, В. В. Строительство Советов в деревне в первый год социалистической революции / В. В. Гришаев. М.: Мысль, 1967. 88 с.

19. Гурвич, Г. С. История советской конституции / проф. Г. С. Гурвич; Социалистическая академия, Секция советского строительства. Москва: изд. Социалистической академии, 1923. 216 с.

REFERENCES

1. Lenin, V. I. Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. M.: 1970, vol. 39. Publishing House of Political Literature, 624 p.
2. Krupskaya, N.K. Konstitucija Rossijskoj Socialisticheskoy Federativnoj Sovetskoj Respubliki [Constitution of the Russian Socialist Federative Soviet Republic]. M.: 1918, 16 p.
3. Glebov, N.P. Nash osnovnoj zakon: razjasnenie Konstitucii Rossijskoj Socialisticheskoy Federativnoj Sovetskoj Respubliki [Our Basic Law: explanation of the Constitution of the Russian Socialist Federative Soviet Republic]. M.: 1918. 40 p.
4. Engel, E.A. Osnovy sovetskoy konstitucii [Fundamentals of the Soviet Constitution]. M.: 1923, 248 p.
5. Reisner, M. A. Osnovy Sovetskoy Konstitucii [Fundamentals of the Soviet Constitution]. M.: Gosizdat, 1920, 239 p.
6. Gurvich, G.S. Osnovy Sovetskoy Konstitucii [Fundamentals of the Soviet Constitution]. Smolensk, 1921, issue 1, 27 p.
7. Ronin, S.L. Pervaja sovetskaja Konstitucija. (K istorii razrabotki Konstitucii RSFSR 1918 goda) [The First Soviet Constitution. (On the history of the development of the Constitution of the RSFSR in 1918)]. M.: Gosyurizdat, 1948, 124 p.
8. Chugaev, D. Pervaja Konstitucija Sovetskogo gosudarstv [The first Constitution of the Soviet State 1918]. Moscow, 1949, 176 p.
9. Chistyakov, O.I. Konstitucija RSFSR 1918 god [The Constitution of the RSFSR of 1918]. M.: Publishing House of Moscow State University, 1984, 206 p.
10. Marx, K. Sochinenija [Essays]. Moscow, 1955, vol. 4. 615 p.
11. Lenin, V. I. Polnoe sobranie sochinenij [The Complete works]. Moscow, 1974, T. 32, 606 p.
12. Stuchka, P.I. Izbrannye proizvedenija po marksistko-leninskoy teorii prava [Selected works on the Marxist-Leninist theory of law]. Riga: Latv. state Publishing House, 1964, 748 p.
13. Groshev, S. N. [Emergency justice in the years of the NEP] Sovetskoe gosudarstvo i pravo v period novoj jekonomiceskoy politiki: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii [The Soviet State and Law in the Period of the New Economic Policy: Proceedings of the International Scientific and Theoretical Conference, St. Petersburg, March 30, 2021]. Saint Petersburg, 2022, pp. 198-201.
14. Modorov, N.S. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' i sovetskoe gosudarstvo v 1917-1940 gg. (po materialam Altaja) [The Russian Orthodox Church and the Soviet State in 1917-1940. (based on the materials of Altai)]. MNKO. 2013, no. 6 (43), pp. 435-437.
15. Pushkarev, B. S. Dve Rossii HH veka: 1917-1993 [Two Russias of the twentieth century: 1917-1993]. M.: Sowing, 2008, 592 p.
16. Reed, D. Desyat' dnej, kotorye potrjasli mir [Ten days that shook the world]. M.: Time, 2019, 480 p.

17. Zlokazov, G.I. Petrogradskij Sovet rabochih i soldatskikh deputatov v period mirnogo razvitiya revoljucii (fevral' – ijun' 1917 g.) [Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies during the peaceful development of the revolution (February – June 1917)]. M., Politizdat, 1984, 280 p.
18. Grishaev, V.V. Stroitel'stvo Sovetov v derevne v pervyj god socialisticheskoy revoljucii [Construction of Soviets in the village in the first year of the socialist revolution]. M.: 1967, 88 p.
19. Gurvich, G.S. Istorija sovetskoy konstitucii [The History of the Soviet Constitution]. Socialisteskaja akademija, Sekcija sovetskogo stroitel'stva – Socialist Academy, Section of Soviet Construction]. Moscow, 1923, 216 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жалене Юлия Сергеевна, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074 г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Yulia Sergeevna Zhalene, Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664074 Irkutsk, Lermontov str., 110.

Статья поступила в редакцию 03.11.2023; одобрена после рецензирования 07.11.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted to the editorial office on 03.11.2023; approved after review on 07.11.2023; accepted for publication on 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 21–27.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023.
No. 4 (107). P. 21–28.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 342.7

DOI : 10.55001/2312-3184.2023.96.48.002

МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: СТРУКТУРА И КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Шелегов Юрий Владимирович

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, shelegoff@list.ru

Введение. Механизм правового регулирования является одним из ключевых понятий теории права. Однако, несмотря на очевидность самой формулировки термина, нет единого подхода к его структуре и содержанию и, соответственно, нет универсального рецепта оценки эффективности действия этого механизма. Анализ базовых понятий, вычленение его структурных элементов и стадий с акцентом на выявление эффективности позволяет более глубоко проникнуть в сущность явлений и процессов, играющих существенную роль в современных правовых реалиях.

Материалы и методы. В ходе исследования использовались исследования отечественных ученых, анализировались различные подходы к понятию механизма правового регулирования. В работе сравниваются и анализируются понятия «правовое воздействие» и «правовое регулирование», исследуется структура механизма правового регулирования, отдельные его элементы. При написании статьи использовались общенаучные методы: системный подход, индукция, аналогия, анализ, синтез.

Результаты исследования. Проведен анализ механизма правового регулирования, его структуры и особенностей функционирования в современных условиях, пути повышения его эффективности правовыми средствами и методами.

Выводы и заключения. Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что сегодня механизм правового регулирования играет значительную роль в жизни общества. Он позволяет не только определить этапы преобразования норм права, но установить, на какой стадии происходит отклонение от предписаний, сформулированных в законе. Проанализировав различные подходы к толкованию понятия «механизм правового регулирования», мы приходим к выводу, что это последовательная организованная система юридических средств, способов и методов воздействия права на общественные отношения с целью трансформации нормы права в правомерное поведение граждан. В настоящее время вопросы, связанные с его структурой, остаются дискуссионными, однако ученые сходятся во мнении, что для успешного функционирования механизма правового регулирования необходимо грамотное и слаженное взаимодействие всех его элементов и составных частей. На наш взгляд, в современных условиях данный механизм может эффективно работать лишь при создании положения, при котором в нормах права с помощью высокого уровня законодательной техники будут отражены интересы общества.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, правовое сознание, правовое поведение, регулятор общественных отношений

Для цитирования: Шелегов Ю. В. Механизм правового регулирования: структура и критерии эффективности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 21–28.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.96.48.002

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

MECHANISM OF LEGAL REGULATION: STRUCTURE AND CRITERIA OF EFFECTIVENESS

Yuri V. Shelegov

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk,
Russian Federation, shelegoff@list.ru

Introduction: The mechanism of legal regulation is one of the key concepts of the theory of law. However, despite the obviousness of the very wording of the term, there is no single approach to its structure and content and, accordingly, there is no universal recipe for assessing the effectiveness of this mechanism. The analysis of basic concepts, delineation of its structural elements and stages with a focus on the identification of effectiveness allows us to penetrate more deeply into the essence of phenomena and processes that play an essential role in modern legal realities.

Materials and Methods: in the course of the study, the research of domestic scientists was used, various approaches to the concept of the mechanism of legal regulation were analyzed, the concepts of "legal impact" and "legal regulation" are compared and analyzed. The structure of the mechanism of legal regulation, its individual elements are investigated. When writing the article, general scientific methods were used: a systematic approach, induction, analogy, analysis, synthesis.

The Results of the Study: the mechanism of legal regulation, its structure and peculiarities of functioning in modern conditions, ways of increasing its efficiency by legal means and methods have been analyzed.

Findings and Conclusions: Summarizing the above, it should be noted that today the mechanism of legal regulation plays a significant role in the life of society. It allows not only to determine the stages of transformation of legal norms, but also to establish at what stage there is a deviation from the prescriptions formulated in the law. Having analyzed various approaches to the interpretation of the concept of "mechanism of legal regulation", we come to the conclusion that it is a consistent organized system of legal means, ways and methods of the impact of law on social relations in order to transform the norm of law into lawful behavior of citizens. At present, the issues related to its structure remain debatable, but scientists agree that for the successful functioning of the mechanism of legal regulation it is necessary competent and coherent interaction of all its elements and components. In our opinion, in modern conditions, this mechanism can work effectively only when creating a

situation in which the interests of society are reflected in the norms of law with the help of a high level of legislative technique.

Keywords: mechanism of legal regulation, legal consciousness, legal behavior, regulator of social relations

For citation: Shelegov Yu.V. Mechanizm pravovogo regulirovaniya: struktura i kriterii effektivnosti [Mechanism of legal regulation: structure and criteria of effectiveness]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, vol. no. 4 (107), pp.21–28 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.96.48.002

Не вызывает сомнений положение о том, что право играет важную роль в жизни общества, поскольку оно оказывает целенаправленное воздействие на сознание людей. В настоящее время под правом принято понимать систему общеобязательных социальных норм, которые, в первую очередь, регулируют общественные отношения, возникающие между людьми, и, кроме того, подлежат охране со стороны государства. Как отмечает А. Я. Сухарев, «по отношению к государству и обществу право выступает как регулятор общественных отношений, а процесс регулирования общественных отношений осуществляется механизмом правового регулирования» [1].

Правовое регулирование, обладая специфическим чертами, одна из которых – целенаправленность, оказывает воздействие на сознание человека и тем самым влияет на его поведение. Подчеркнем, что «правовое воздействие» и «правовое регулирование» являются схожими, но не тождественными понятиями. Специфика правового воздействия преимущественно заключается в том, что в этом случае задействованы как юридические средства, так и правовые принципы. Что касается второго понятия, то правовое регулирование осуществляется только посредством правовых средств, способов и методов. Отметим, что в совокупности все элементы последнего образуют механизм правового регулирования, без которого правовая система не может существовать и развиваться.

Прежде чем перейти к исследованию термина «механизм правового регулирования», необходимо рассмотреть ряд понятий. Так, одним из них выступают правовые средства – юридические инструменты, а именно – нормы права, субъективные права и их юридические обязанности, юридическая ответственность, правовые ограничения, правовые стимулы, направленные на упорядочивание отношений, складывающихся в обществе. Что касается способов правового регулирования, – приемов, посредством которых происходит правовое регулирование, в частности, это дозволение, запрещение и обязывание.

Сегодня в научных кругах авторы по-разному трактуют понятие «механизм правового регулирования». Например, А. С. Пиголкин считает, что это прежде всего организационное воздействие правовых средств, которые позволяют достигать поставленные цели [2].

С позиции Л. П. Рассказова, механизм правового регулирования как «систему правовых средств, способов и методов воздействия права на общественные отношения, позволяющую претворить в жизнь содержащиеся в нормах правила поведения» [3].

Изучая правовую природу данного понятия, В. В. Лазарев пишет, что механизм правового регулирования направлен на раскрытие процесса перевода предписаний права в реальное правомерное поведение человека [4].

Весьма интересна точка зрения А. В. Малько, который указывает, что это система юридических средств, которая, во-первых, изложена в определенном порядке, во-вторых, направлена на преодоление возникающих в процессе удовлетворения своих потребностей и интересов препятствий [5]. Автор обращает внимание, что основная задача механизма правового регулирования – постоянное совершенствование законодательства в целях устранения имеющихся на сегодняшний день пробелов и коллизий. По мнению А. В. Малько, оценить эффективность правового регулирования возможно лишь при соотношении цели правового регулирования и достигнутого результата.

Безусловно, любая система имеет в своей структуре определенные элементы, и механизм правового регулирования не является исключением.

Вопрос о его структуре на сегодняшний день также является дискуссионным. Так, представители первого подхода включают в его структуру лишь два основных элемента – правовые нормы и способы их реализации. В данном случае с помощью норм дозволения, запрещения и обязывания происходит процесс воздействия на поведение, а результатом является второй элемент, проявляющийся в фактическом поведении людей.

Однако существует и другая точка зрения, согласно которой механизм правового регулирования не способен в полной мере выполнять свою функцию. В этой связи ученые в качестве дополнительного связующего звена выделяют юридические факты и правоотношения.

Как нами указывалось ранее, вопрос о количестве элементов, образующих структуру механизма правового регулирования, также является спорным. Анализ юридической литературы позволяет заключить, что ученые достаточно часто в его состав включают следующее: юридические нормы, правоотношения, индивидуальные предписания, акты реализации субъективных прав и акты применения права. Заслуживает внимания и тот факт, что, являясь элементами, образующими механизм правового регулирования, они рассматриваются и как его стадии.

Схожей позиции придерживается А. П. Рассказов, дополняя вышеуказанный список несколькими элементами, а именно юридическим фактом и охранительным правоприменительным актом [3]. Подчеркнем, что последний не всегда прослеживается в структуре механизма правового регулирования, поскольку является лишь факультативным элементом.

Значительный вклад в исследование механизма правового регулирования внес В. Д. Перевалов. По мнению автора, в имеющуюся на сегодняшний день структуру необходимо добавить такие элементы, как правосознание и режим законности. В подтверждение своих доводов В. Д. Перевалов детально исследует их правовую природу и содержание. Правосознание представляет собой «совокупность знаний, идей и чувств, которая характеризует восприятие, оценку и отношение людей к правовым явлениям в реальной действительности» [6]. Отметим, что правосознание может быть эмпирическим, профессиональным, научным. Помимо этого, существует индивидуальное, групповое и массовое правосознание.

Правовое сознание принято отождествлять с понятием «правовой менталитет». Такое положение обусловлено их тесной взаимосвязью и тем фактом, что правовой менталитет – это фундамент, на котором основывается правосознание. Однако в научном сообществе и по данному вопросу нет единого мнения.

О том, что правосознание шире правового менталитета, указывает в своей работе Р. В. Овичев. В обоснование своей позиции автор пишет: «в системе элементов юридического сознания правовой менталитет предстает в виде глубинного слоя сознания, в определенной мере смыкаясь с правовым уровнем, с юридическим подсознанием» [7]. Однако И. А. Иванников предлагает иной подход, согласно которому правосознание и юридически значимая деятельность в своей совокупности образуют «правовой менталитет», в связи с чем их следует отождествлять [8].

Продолжая исследование механизма правого регулирования, необходимо обратиться к термину «правовая культура». В научной литературе данное понятие рассматривают как совокупность ценностей, созданных человеком в области права, посредством которой представляется возможным оценить качество и состояние жизни общества. Что касается уровня правовой культуры, то он складывается прежде всего из правосознания, степени развития правовой науки и законодательства. В этой связи видится логичным вывод, что все перечисленные ранее элементы являются частью единой системы – механизма правового регулирования.

Аргументируя свою точку зрения относительно включения в структуру механизма правого регулирования такого элемента как режим законности, В. Д. Перевалов, пишет, что это, в первую очередь, подчинение закону и определение юридической ответственности в зависимости от вида правонарушения [6].

Безусловно, фундаментальным понятием юридической науки является законность. Сегодня законность рассматривается с различных аспектов – социального, политического, юридического и психологического. Однако все они сводятся к тому, что законность обладает верховенством, единством, всеобщностью и неотвратимостью наказания за ее нарушение.

Обобщая вышесказанное, мы приходим к выводу, что законность следует понимать как общественно-политический режим, заключающийся в верховенстве права и закона в общественной жизни. Возможность фактического исполнения законов всеми субъектами права и неотвратимость юридической ответственности за любые их нарушения принято называть реальностью законности. Ее осуществление возможно лишь при определенных обстоятельствах – предоставлении возможности соблюдать и исполнять правовые предписания, а также создании условий для эффективного противодействия противоправным проявлениям.

Подводя итог, необходимо отметить, что сегодня механизм правового регулирования играет значительную роль в жизни общества. Он позволяет не только определить этапы преобразования норм права, но установить, на какой стадии происходит отклонение от предписаний, сформулированных в законе. Проанализировав различные подходы к толкованию понятия «механизм правового регулирования», мы приходим к выводу, что это последовательная организованная система юридических средств, способов и методов воздействия права на общественные отношения посредством нормы права упорядочивать общественные отношения, способствовать развитию правомерного поведения. В настоящее время вопросы, связанные с его структурой, остаются дискуссионными, однако ученые сходятся во мнении, что для успешного функционирования механизма правового регулирования необходимо грамотное и слаженное взаимодействие всех его элементов и составных частей. На наш взгляд, в современных условиях данный механизм может эффективно работать лишь при создании такого положения, при котором в нормах права с

помощью высокого уровня законодательной техники будут отражены интересы общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сухарев А.Я. Российская юридическая энциклопедия. М.: Изд. дом Инфра-М, 1999. С.740-741.
2. Пиголкин А.С., Дмитриев Ю.А. Теория государства и права: Учебник. 2-е издание. М.: Юрайт, 2010. С.576.
3. Рассказов Л.П. Теория государства и права: Учебник, углубленный курс. М.: Инфра-М, 2015. С. 445.
4. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2023. 521 с.
5. Малько А.В. Теория государства и права: Краткий учебник. Саратов: КРОСС-Н, 2010. С.96-97.
6. Перевалов В.Д. Теория государства и права: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2012. С.397.
7. Овчиеев Р.М. Правовая культура и российский правовой менталитет. Автореферат канд.юрид.наук. Краснодар, 2006. С.15-20.
8. Иванников И. А. Проблемы государства и права России начала XXI века. Ростов на Дну: издательство Рост. университета, 2003. С.305.

REFERENSES:

1. Sukharev A.Ya. Rossijskaja juridicheskaja jenciklopedija [Russian Legal Encyclopedia]. Moscow: Publishing house Infra-M, 1999, pp.740-741.
2. Pigolkin A.S., Dmitriev Yu.A. Teorija gosudarstva i prava [Theory of State and law]. Moscow: Yurayt, 2010, 576 p.
3. Rasskazov L.P. Teorija gosudarstva i prava [Theory of State and Law]. Moscow, 2015, 445 p.
4. Lazarev V.V., Lipen S.V. Teorija gosudarstva i prava [Theory of state and law]. Moscow: Yurayt, 2023. 521 p.
5. Malko A.V. Teorija gosudarstva i prava [Theory of state and law]. Saratov: CROSS-N, 2010, pp.96-97.
6. Perevalov V.D. Teorija gosudarstva i prava [Theory of State and Law]. Moscow: Yurayt, 2012, pp.397.
7. Ovchiev R.M. Pravovaja kul'tura i rossijskij pravovoij mentalitet. Avtoreferat kand.jurid.nauk. [Legal culture and the Russian legal mentality. Abstract of the Candidate of Legal Sciences]. Krasnodar, 2006, pp.15-20.
8. Ivannikov I.A. Problemy gosudarstva i prava Rossii nachala XXI veka [Problems of the state and law of Russia at the beginning of the XXI century]. Rostov on the Bottom: Rost Publishing House. University, 2003, 305 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шелегов Юрий Владимирович, начальник кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент. 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shelegov Yuri Vladimirovich, Head of the Department of Criminal Procedure of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor. 664074, Irkutsk, Lermontov str., 110.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 08.11.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 01.11.2023; approved after reviewing 08.11.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 28–43.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023.
No. 4 (107). P. 28–43.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 342.9: 342.92; 342.6

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.83.33.003

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫБРОСОВ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ В РОССИИ

Гершинкова Динара Александровна

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия,
gdinara@list.ru

Введение. В статье рассматривается история развития административно-правовых отношений, связанных с выбросами парниковых газов в Российской Федерации, предпосылки и особенности применяемых методов административно-правового углеродного регулирования.

Материалы и методы. Нормативную базу исследования составили законы, нормативные акты Правительства Российской Федерации и органов исполнительной власти Российской Федерации. В исследовании применялись общенаучные методы (анализ, синтез, исторический), частнонаучные (сравнительно-правовой) и специальные (формально-юридический).

Результаты исследования. Регулирование отношений, связанных с выбросами парниковых газов, во многом обусловлено обязательствами страны по трем международным климатическим соглашениям – Рамочной конвенцией ООН об изменении климата, Киотскому протоколу и Парижскому соглашению. При этом долгое время сокращение парниковых выбросов было сопутствующим результатом мер по охране атмосферного воздуха и по повышению энергоэффективности экономики. В этой связи можно выделить два крупных этапа развития административно-правового регулирования в стране. Первый (неспецифический) с 1980-х гг. до 2019–2020 гг. Второй этап связан с принятием в 2021–2022 гг. федеральных законов «Об ограничении выбросов парниковых газов» и «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» и является специфическим, с установлением конкретных обязательств по ограничению выбросов парниковых газов для регулируемых организаций на федеральном и региональном уровнях.

Выводы и заключения. Современные тенденции развития административного права, такие как децентрализация полномочий органов власти, программное управление, комплексный подход к регулированию охраны окружающей среды, энергосбережения и выбросов парниковых газов, цифровизация, усиление экономических методов в балансе императивных и диспозитивных методов, должны найти отражение в дальнейшем развитии углеродного регулирования.

Ключевые слова: административно-правовые отношения, методы правового регулирования, выбросы парниковых газов, Парижское соглашение, квотирование выбросов парниковых газов, Сахалинский эксперимент, климатические проекты

Для цитирования: Д. А. Гершинкова. К вопросу о становлении административно-правового регулирования выбросов парниковых газов в России / Гершинкова Д. А. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 28–43.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.83.33.003

5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences)

Original article

ON THE ISSUE OF ADMINISTRATIVE LEGAL REGULATION OF GREENHOUSE GAS EMISSIONS IN RUSSIA

Dinara A. Gershinkova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation gdinara@list.ru

Introduction: The publication examines the history of the development of administrative and legal relations related to greenhouse gas emissions in the Russian Federation, the prerequisites and features of the applied methods of administrative and legal carbon regulation.

Materials and Methods: The regulatory framework for the study was made up of laws, regulations of the Government of the Russian Federation and executive authorities of the Russian Federation. The study used general scientific methods (analysis, synthesis, historical), special scientific (comparative legal) and special (formal legal) methods.

The Results of the Study: Legal regulation of relations related to greenhouse gas emissions (carbon regulation) in Russia is largely determined by three international climate agreements – the UN Framework Convention on Climate Change, the Kyoto Protocol and the Paris Agreement. Before international climate commitments reduction of greenhouse emissions was not targeted, but was a side effect of atmospheric air protection and energy efficiency measures. In this regard, two major stages of the historical development of administrative legal regulation in Russia can be distinguished. The first (non-specific) is a period from 1980s to 2019-2020. The second (specific) stage is connected with the adoption in 2021-2022 of two federal laws "On limiting greenhouse gas emissions and "On conducting an experiment to limit greenhouse gas emissions in certain subjects of the Russian

Federation", that have set specific obligations for regulated organizations at the federal and regional levels.

Findings and Conclusions. Modern trends in the development of administrative law, such as decentralization of authorities' powers, program management, integrated approach to the regulation of environmental protection, energy conservation and greenhouse gas emissions, digitalization, strengthening of economic methods in the balance of imperative and dispositive methods, should be reflected in the further development of carbon regulation.

Keywords: administrative and legal relations, methods of legal regulation, greenhouse gas emissions, Paris Agreement, greenhouse gas emission quotas, Sakhalin experiment, climate projects.

For citation: Gershinkova D.A. K voprosu o stanovlenii administrativno-pravovogo regulirovaniya vybrosov parnikovyh gazov v Rossii [On the issue of administrative legal regulation of greenhouse gas emissions in Russia]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, vol. no. 4 (107), pp.28–43 (in Russ.)

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.83.33.003

Федеральные законы от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»¹ (далее – Закон № 296-ФЗ) и от 6 марта 2022 г. № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации»² (далее – Закон № 34-ФЗ) установили правила регулирования выбросов парниковых газов в стране, в том числе конкретные обязательства для организаций – эмитентов, включающие представление углеродной отчетности, а также квотирование выбросов и плату за превышение квот в рамках правового эксперимента в Сахалинской области. Законы и почти три десятка подзаконных актов составляют сегодня основу административно-правового регулирования отношений, связанных с выбросами парниковых газов в России. Однако формировать такие отношения стали значительно раньше. Их исторический путь связан как с участием России в международных климатических соглашениях (в 2024 г. отмечается 30-летие Рамочной конвенции ООН об изменении климата (далее – РКИК ООН, Конвенция), так и с развитием российского законодательства об охране атмосферного воздуха и об энергосбережении. В настоящей статье рассмотрены цели, методы регулирования, субъекты и содержание правоотношений, проанализированы основные нормативные правовые акты в области углеродного регулирования.

¹ Об ограничении выбросов парниковых газов : Федеральные закон от 02.07.2021 г. № 296-ФЗ : принят Государственной Думой 1 июня 2021 года : одобрен Советом Федерации 23 июня 2021 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388992/ (дата обращения: 27.09.2023). Режим доступа: свободный.

² О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации : Федеральный закон от 06.03.2022 N 34-ФЗ (последняя редакция) : принят Государственной Думой 16 февраля 2022 года : одобрен Советом Федерации 2 марта 2022 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411051/ (дата обращения: 27.09.2023). Режим доступа: свободный.

Анализу правового регулирования выбросов парниковых газов в России посвящены работы Ю. А. Тихомирова, Н. В. Кичигина, Н. Г. Жаворонковой и В. Б. Агафонова, О. А. Зиновьевой, С. Л. Ситникова и др.

Согласно теории права регулирование является одной из функций государства, непременным элементом государственно-управленческой деятельности и состоит в целенаправленном воздействии на общественные отношения с помощью правовых (юридических) средств [1, с.145]. В случае регулирования отношений, связанных с антропогенными выбросами парниковых газов в атмосферу, целью является их сокращение. Основной антропогенный парниковый газ – углекислый газ (двуокись углерода). Поэтому регулирование выбросов парниковых газов часто называют углеродным. Метод правового регулирования в целом включает такие компоненты, как запрет, дозволение и предписание [2, с. 73]. Та или иная отрасль права в качестве основного применяет, как правило, один из них. Административно-правовое регулирование, основанное на неравенстве сторон (одной из сторон является орган государственной власти), характеризуется применением средств распорядительного типа – то есть предписывающих норм [3, с. 34]. Однако метод административно-правового регулирования примечателен тем, что может гармонично сочетать все указанные компоненты [4, с. 15]. Рассмотрим это на примере регулирования отношений, связанных с выбросами парниковых газов (углеродного регулирования).

В истории развития углеродного регулирования в России представляется обоснованным выделить два крупных этапа – неспецифическое регулирование, в рамках которого сокращение выбросов парниковых газов не было целевым, а сопутствующим эффектом мер по охране атмосферного воздуха, и повышению энергоэффективности экономики (преимущественно с 1980-х гг.³ и до 2019–2020 гг.) и специфическое, когда эмитентам парниковых газов были установлены конкретные обязательства либо определен порядок установления этих обязательств – законами № 296-ФЗ и № 34-ФЗ. Внутри неспецифического этапа можно разделить периоды «в привязке» к трем международным климатическим соглашениям – РКИК ООН 1992 г., Киотскому протоколу 1997 г. и Парижскому соглашению 2015 г. С. Л. Ситников [5] предлагает связать начало регулирования с Монреальским протоколом 1987 г., в соответствии с которым были установлены обязательства для стран – участниц Соглашения по ограничению и запрещению производства и применения веществ, содержащих хлорфторуглероды, – парниковых газов, разрушающих озоновый слой. Действительно, РКИК ООН является как бы продолжением Монреальского протокола, поскольку касается парниковых газов, «не регулируемых Монреальским протоколом» (статья 4 РКИК ООН). Полагаем, данный подход не противоречит предложению рассматривать исторический путь развития углеродного регулирования в России шире, включая временной период до ратификации РКИК ООН.

Признавая вклад российского законодательства об охране атмосферного воздуха в сокращение национальных выбросов парниковых газов, (в соответствии с которым, например, парниковый газ метан является загрязняющим веществом) [6], рассмотрим

³ Об охране атмосферного воздух : Закон СССР от 25 июня 1980 № 2353-Х // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44309#2phAoxTGu3S6dcYv> (дата обращения: 27.09.2023). Режим доступа: свободный.

более подробно этап углеродного неспецифического регулирования после появления у России международных климатических обязательств.

Принятая в 1992 г. Конвенция, являясь рамочным соглашением, определила глобальную цель Конвенции и принципы взаимодействия стран по ее достижению. В соответствии со статьей 2 РКИК ООН целью является стабилизация концентраций парниковых газов в атмосфере «на таком уровне, который не допускал бы *опасного антропогенного воздействия на климатическую систему*». Ключевым принципом Конвенции *стал принцип общей, но дифференцированной ответственности стран*. РКИК ООН запустила процесс ежегодной инвентаризации выбросов и поглощений парниковых газов на национальном уровне по единым методикам, а также регулярной подготовки (один раз в четыре года) национальных сообщений о политике и мерах по смягчению последствий изменения климата (статья 4 РКИК ООН). Утвержденные органами Конвенции руководства по подготовке углеродной отчетности стран определили подлежащие учету парниковые газы – углекислый газ (CO₂), метан (CH₄), закись азота (N₂O), гидрофторуглероды (ГФУ), перфторуглероды (ПФУ), гексафторид серы (SF₆), а также секторы экономики/категории источников выбросов – энергетика, промышленные процессы, использование растворителей, сельское хозяйство, отходы и землепользование, изменение в землепользовании и лесное хозяйство.

В это время выстраивалось взаимодействие между федеральными органами исполнительной власти по подготовке международной отчетности и формированию политики и мер, направленных на снижение выбросов парниковых газов. В терминах административного права – выстраивались горизонтальные правоотношения между органами исполнительной власти.

В 1994 г. постановлением Правительства России от 19 апреля 1994 г. № 346 была образована Межведомственная комиссия Российской Федерации по проблемам изменения климата (МВК) – для координации деятельности министерств и ведомств.

В состав комиссии под председательством руководителя Росгидромета вошли представители более 20 федеральных министерств и ведомств, отвечающих в то время за реализацию госполитики в области энергетики, промышленности, природных ресурсов, строительства, науки, сельского хозяйства, внешней политики, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, а также Российской академии наук, позже добавились представители крупных энергетических компаний – РАО ЕЭС и Газпрома. Состав МВК определил те органы власти, которые и сегодня являются ключевыми в углеродном регулировании в стране. Одной из функций МВК была подготовка предложений и рекомендаций «предприятиям, учреждениям и организациям по сокращению на основе использования экологически чистых технологий антропогенных выбросов парниковых газов, а также по увеличению поглощения этих газов за счет осуществления лесотехнических мероприятий и расширения площади лесов»⁴. То есть сокращение выбросов рассматривалось совокупно с мерами по увеличению их поглощения, и в этой связи подчеркивалась особая роль лесов в России,

⁴ Об утверждении Положения о Межведомственной комиссии Российской Федерации по проблемам изменения климата и ее состава : Постановление Правительства РФ от 19 апреля 1994 г. № 346 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=359837&cacheid=A1B81B4F533CAB54EAD270652B74A733&mode=splus&rnd=T3uX5rTmMOwfNpo#plzY5rTSqruoOY3R2> (дата обращения: 27.09.2023). Режим доступа: свободный.

которые, как известно, составляют одну пятую лесов всего мира⁵. В 1996 году была принята первая Федеральная целевая программа «Предотвращение опасных изменений климата и их отрицательных последствий» на 1997–2000 гг. (ФЦП «Климат»)⁶, в значительной степени состоящая из мероприятий по обеспечению сбора исходной информации и подготовки международной отчетности, но одно из мероприятий было посвящено разработке и совершенствованию «нормативно-правовой и методической базы экономического и административного регулирования выбросов парниковых газов на базе автоматизированного многоцелевого банка данных по научно-техническому и эколого-экономическому обеспечению мероприятий для широкого круга отраслей и производств». То есть закладывались основы для дальнейшего развития административного углеродного регулирования в стране.

Сегодня мало кто вспоминает, что первые климатические проекты в России были реализованы в рамках Конвенции в начале 2000-х гг. Всего в мире более реализовано 150 проектов в рамках экспериментального этапа «мероприятий, осуществляемых совместно»⁷, включая около 10 проектов в России - по утилизации свалочного метана, сокращению эмиссий метана при транспортировке и хранении природного газа, повышению энергоэффективности теплосетей и по высадке лесов. Совокупный эффект оценивался в 150 тыс. тонн СО₂-экв./год⁸. Несмотря на то, что правоотношения по реализации климатических проектов регулируются нормами гражданского права (добровольность договора, имущественные права), этот опыт внес весомый вклад в развитие в России административно-правовых отношений, связанных с углеродным регулированием, а именно: понимание технологий сокращения выбросов, методологий оценок достигнутого результата, знакомство с международными терминами и определениями – то, что потом нашло отражение в Законах № 296-ФЗ и № 34-ФЗ. Росгидромет и его территориальные органы осуществляли функции по централизованному учету документов о климатических проектах, осуществляемых на территории Российской Федерации в соответствии с приказом Росгидромета от 23 марта 2001 г. № 40 «Об утверждении порядка централизованного учета документов о выбросах и стоках парниковых газов и результатов климатических проектов, снижающих антропогенные выбросы или увеличивающих стоки парниковых газов субъектами хозяйственной деятельности, осуществляющими свою деятельность на территории Российской Федерации» (отменен только в 2021 г.). Примечательно, что приказ стал первым нормативным правовым актом, в котором были раскрыты понятия

⁵ Глобальная оценка лесных ресурсов 2020 года. ФАО. сайт. URL: <https://www.fao.org/forest-resources-assessment/2020/ru/> (дата обращения 23.09.2023).

⁶ Постановление Правительства РФ от 19 октября 1996 г. № 1242 (ФЦП «Климат») // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=239176&cacheid=72BB0235347BB138EF5417ECACDAC621&mode=splus&rnd=T3uX5rTmMOwfNp#FJGZ5rTxuxge6tS> (дата обращения: 12.09.2023). Режим доступа: свободный.

⁷ Документ РКИК ООН FCCC/SBSTA/2002/8 «Шестой сводный доклад о мероприятиях, осуществляемых совместно на экспериментальном этапе» // URL: <https://unfccc.int/> (дата обращения: 20.09.2023).

⁸ См. подробно во Втором Национальном сообщении РФ по РКИК ООН. 1998. // URL: <https://unfccc.int/> (дата обращения: 20.09.2023).

«парниковые газы» и «климатический проект». На законодательном уровне эти определения были закреплены значительно позже – в 2021 г. в Законе № 296-ФЗ.

На рубеже ХХ–ХХI вв. в России было принято много федеральных и региональных программ по энергосбережению в топливно-энергетическом комплексе, ЖКХ, в энергоемких отраслях промышленности, включая внедрение энергосберегающей техники и оборудования, использование приборов учета и регулирования расхода энергоресурсов. Реализация этих программ приводила и к сокращению выбросов парниковых газов. Но при этом сокращение выбросов не являлось целью, а было дополнительным, сопутствующим эффектом их выполнения. Однако в некоторых случаях ожидаемое сокращение выбросов отражалось в программных документах⁹. Например, результатом реализации ФЦП «Энергоэффективная экономика» на 2002–2005 гг. и на перспективу до 2010 г. должно было стать сокращение выбросов парниковых газов к 2005 г. на 80 Мт СО₂-экв. в год, а к 2010 г. – до 330 Мт СО₂-экв. в год, а сбережение энергоресурсов в рамках ФЦП «Энергосбережение России» на 1998–2005 гг. – к сокращению на 780-830 Мт в СО₂-экв. за 8 лет. При этом специальных норм, предписывающих ограничение выбросов на уровне предприятий или отраслей экономики, не устанавливалось.

Появились примеры участия органов исполнительной власти субъектов федерации в мероприятиях по региональному учету выбросов парниковых газов. В 2003 году под эгидой Минприроды России (приказ МПР РФ от 28 октября 2003 г. № 959) проводился пилотный проект по инвентаризации выбросов парниковых газов в Свердловской, Ленинградской и Новгородской областях – в рамках подготовки к ратификации Киотского протокола.

После ратификации Киотского протокола в 2004 г. ключевым изменением в обязательствах России по сравнению с РКИК ООН стало появление конкретных целевых показателей сокращения выбросов на период 2008–2012 гг. и возможности участия в экономических механизмах Киотского протокола. Российские обязательства заключались в непревышении уровня выбросов 1990 г., что в принципе не требовало больших усилий. Из-за значительного спада в экономике в конце 1990-х гг. и сокращения промышленного сектора национальные выбросы стабильно сохранялись на уровне около 30 % ниже уровня 1990 г.¹⁰ Поэтому вопрос введения специфического углеродного регулирования в стране для достижения цели по-прежнему не был актуальным. Но в ответ на запрос бизнес-сообщества Правительством России была сформирована нормативная база для участия заинтересованных организаций в одном из экономических механизмов Киотского протокола – проектах совместного осуществления (ПСО, проекты по статье 6 Киотского протокола). Были приняты правила

⁹ Об участии Российской Федерации в реализации Рамочной конвенции ООН об изменении климата (1994-2014 гг.). // Неправительственный экологический фонд имени В.И. Вернадского, 2014. сайт. URL: <http://www.priroda.ru/lib/detail.php?ID=11763> (дата обращения: 16.09.2023).

¹⁰ Национальный доклад о кадастре антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом за 1990 – 2021 гг. сайт. // ИГКЭ : Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. URL: <http://www.igce.ru/performance/publishing/reports/> (дата обращения: 07.10.2023).

реализации ПСО¹¹, в рамках которых Россия выступала в роли «продавца» углеродных единиц за рубеж в обмен на инвестиции почти в 150 проектов [7]. Был создан российский реестр углеродных единиц, на сайте которого и сегодня можно увидеть всю проектную документацию того периода¹². Реализация ПСО регулировалась сочетанием норм административного и гражданского права. Административная часть заключалась в определении органами исполнительной власти требований к проектной документации, правилам отбора и регистрации проектов. В этот период впервые был реализован принцип «зеленого» реинвестирования – российские участники проектов должны были направлять полученные от продажи углеродных единиц финансовые средства на повышение энергетической или экологической эффективности, ликвидацию накопленного экологического ущерба и снижение негативного воздействия на окружающую среду. Однако никакой административной ответственности за невыполнение установленных норм введено не было.

Некоторые сложившиеся до этого отношения были формализованы актами Правительства РФ – например, распоряжением Правительства РФ от 1 марта 2006 г. № 278-р была создана российская система оценки антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов. Система была создана и для «разработки мероприятий, направленных на ограничение (снижение) антропогенных выбросов из источников и (или) увеличение абсорбции поглотителями парниковых газов», но прикладного применения по большому счету этот функционал не получил. Росгидромет был назначен ответственным органом исполнительной власти за ведение системы оценки и подготовку национальных кадастров и сообщений во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти.

Достигаемое в масштабах страны сокращение парниковых выбросов по-прежнему было сопутствующим результатом программ повышения энергоэффективности экономики, и в ряде случаев информация об ожидаемом сокращении включалась в программы. Например, мероприятия Государственной программы РФ «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на период до 2020 года» должны были привести к сокращению выбросов в объеме 2 436 млн. т СО₂-экв¹³. Кроме этого, появились примеры запретительных норм, косвенно приводящих к сокращению выбросов парниковых газов: например с 2011 г. был введен запрет на производство и продажу электрических ламп накаливания мощностью 100 ватт и более, а также запрет на ввод в эксплуатацию зданий, строений, сооружений,

¹¹ Например приказ МПР РФ и Минэкономразвития Российской Федерации от 7 мая 2007 г. № 121/148 «Об утверждении Порядка формирования и ведения российского реестра углеродных единиц», постановление Правительства РФ от 15 сентября 2011 г. № 780 «О мерах по реализации статьи 6 Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.09.2023). Режим доступа: свободный.

¹² Российский реестр углеродных единиц : сайт. URL: <http://www.carbonunitsregistry.ru/> (дата обращения: 16.09.2023).

¹³ Распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2010 г. №2446-р «Об утверждении Государственной программы Российской Федерации «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на период до 2020 года» // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=142439&cacheid=7B6BBB4528DFDAE657BF1CC2E1772E19&mode=splus&rnd=T3uX5rTmMOwfNnpo#ghAa5rTY9yNjzynu> (дата обращения: 12.09.2023). Режим доступа: свободный.

построенных, реконструированных, не соответствующих требованиям энергетической эффективности и требованиям оснащенности их приборами учета используемых энергетических ресурсов¹⁴.

В 2009 г. распоряжением Президента России от 17 декабря 2009 г. № 861-рп была принята Климатическая доктрина Российской Федерации – первый в отечественной истории документ такого рода, закрепивший принципы внешней и внутренней политики страны по вопросам изменения климата. Ю. А. Тихомиров обращает внимание на связь доктрины с природоохранным законодательством: ее основу составляют конституционные положения, а Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и Государственная программа Российской Федерации «Охрана окружающей среды на 2012–2020 годы» (утверждена постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г.) «позволяли вводить и использовать систему соответствующих правовых, экономических, технических и организационных мер» [8]. Одним из ключевых направлений политики в области климата, в соответствии с доктриной, является развитие нормативно-правовой базы и организация государственного регулирования в области изменений климата (пункт 31), а также дальнейшее совершенствование законодательства Российской Федерации в указанной области, обеспечение строгого его соблюдения всеми хозяйствующими субъектами. Климатическая доктрина определила круг субъектов реализации политики в области климата: федеральные органы государственной власти; органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления; организации, включая общественные организации (объединения); средства массовой информации; домашние хозяйства. Таким образом, доктринальным документом были определены важные элементы для дальнейшего выстраивания административно-правового регулирования выбросов парниковых газов в стране.

В почти 10-летний период после окончания российских киотских количественных обязательств в 2012 гг. [9] и до принятия законов об ограничении выбросов парниковых газов в 2021 и 2022 гг. происходила подготовка к введению специфического углеродного регулирования, предполагающего установление целей по сокращению выбросов парниковых газов на уровне эмитентов.

Впервые указом Президента России от 30 сентября 2013 г. № 752 закрепляется внутригосударственная цель по сокращению выбросов парниковых газов – обеспечить до 2020 г. сокращение объемов выбросов парниковых газов до уровня не более 75 % объема выбросов 1990 г. – уже без жесткой привязки к международному соглашению. В 2014 г. для достижения этой цели был принят соответствующий план мероприятий Правительства Российской Федерации¹⁵, предусматривающий разработку концепции формирования системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов

¹⁴ См. подробно во Втором Национальном сообщении РФ по РКИК ООН. 1998. сайт. URL: <https://unfccc.int> (дата обращения: 20.09.2023).

¹⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2014 года № 504-р «Об утверждении Плана мероприятий по обеспечению к 2020 году сокращения объема выбросов парниковых газов до уровня не более 75 процентов объема указанных выбросов в 1990 году» // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=199936&cacheid=1F748F047592559F6D1CB6BC2683F0AC&mode=splus&rnd=T3uX5rTmMOwfNnpro#TKXa5rTdfTCeP35H> (дата обращения: 12.09.2023). Режим доступа: свободный.

парниковых газов в Российской Федерации и разработку проекта федерального закона об углеродной отчетности для организаций-эмитентов, а также методик оценки выбросов и поглощений парниковых газов на уровне организаций и регионов. Далее для введения непосредственного углеродного регулирования планировалась разработка показателей сокращения выбросов по секторам экономики, стимулирующих мер по сокращению выбросов в субъектах Российской Федерации и разработка проекта федерального закона «О государственном регулировании выбросов парниковых газов» в 2018 г. Также планировалось установить индивидуальные показатели для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в целях организации учета и сокращения выбросов парниковых газов. В принципе предлагаемая конструкция углеродного регулирования представлялась достаточно логичной: имелся целевой показатель сокращения выбросов в масштабах страны, отраслевые показатели сокращения для достижения цели, отчетность и ответственность органов власти за достижение целей. Однако из всего перечисленного была принята лишь концепция формирования системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов в 2015 г.¹⁶ и несколько методик количественной оценки выбросов и поглощений (для предприятий и для субъектов федерации). Согласование законопроектов затянулось и завершилось в 2021 г. принятием Закона № 296-ФЗ. В свою очередь методики оценки выбросов и поглощений, хотя и имели рекомендательный характер, были востребованы субъектами федерации¹⁷ и бизнес-сообществом. Информация о корпоративных выбросах парниковых газов отражалась в добровольной нефинансовой отчетности (отчетах об устойчивом развитии)¹⁸.

После принятия Парижского соглашения в 2015 году многие страны и компании объявили цели по достижению углеродной нейтральности. Российские экспортёры стали уделять внимание вопросам сокращения углеродного следа продукции, поставляемой за рубеж, особенно в ЕС, в связи с обнародованным в 2019 году планом о введении с 2026 года механизма пограничной углеродной корректировки (Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM)¹⁹. Данный механизм является аналогом

¹⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 апреля 2015 № 716-р «Об утверждении Концепции формирования системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178600/55eabf08eff0bbfedd50267b349fbde86c3fbbab/?ysclid=ln9960z47c697022768 (дата обращения: 12.09.2023). Режим доступа: свободный.

¹⁷ Инвентаризацию парниковых газов провели 11 субъектов Российской Федерации. Интернет-сайт Минприроды России. 21.08.2017 : сайт. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/inventarizatsiyu_parnikovykh_gazov_proveli_11_subektov_rossiyskoy_federatsii/?ysclid=lmuy3lsk1a501329006 (дата обращения: 23.09.2023).

¹⁸ Отчет об устойчивом развитии ПАО «НК «Роснефть» за 2019 год. // ПАО «НК «Роснефть», 2020 : сайт. URL: https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/Rosneft_CSR2019_RUS.pdf (дата обращения: 23.09.2023).

¹⁹ Европейский механизм пограничной углеродной корректировки – ключевые вопросы и влияние на Россию // Центр энергетики Московской школы управления СКОЛКОВО, 2021 : сайт. URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/SKOLKOVO_EneC_RU_CBAM.pdf (дата обращения: 23.09.2023).

таможенного сбора, предъявляемого на ввозимые в ЕС товары из стран без платы за выбросы парниковых газов, включая Россию. Издержки российских экспортно-ориентированных компаний из-за введения СВАМ оценивались миллиардами евро²⁰. Российские экспортно-ориентированные производители стали принимать цели по сокращению выбросов и стали выпускать продукцию с низким углеродным следом²¹. Тенденции ответственного отношения к климату стали проявляться и в обществе в целом, можно сказать стало углеродное правосознание. В 2018 году доля обеспокоенных изменением климата россиян составляла 64%, 60% россиян готовы были платить больше за продукцию компаний, ответственно относящихся к обществу и окружающей среде [10].

После принятия Россией Парижского соглашения в 2019 году и определения указом Президента РФ от 4 ноября 2020 № 666 долгосрочной цели по сокращению выбросов – на уровне 70% уровня 1990 года к 2030 году, регулирование выбросов парниковых газов стало конкретизироваться.

Второй текущий этап развития углеродных административно-правовых отношений связан с появлением специфического углеродного регулирования, после установления принятыми в 2021 -2022 гг. законов № 296-ФЗ и № 34-ФЗ общих рамок углеродного регулирования в стране, включающих как императивные, так и диспозитивные начала и установления конкретных обязательства для организаций-эмитентов по ограничению выбросов. Жаворонкова Н.Г. и Агафонов В.Б. считают принятие Закона № 296-ФЗ ключевым моментом в развитии российского климатического законодательства [11]. Кичигин Н.В. и Хлуднева Н.И., отмечая направленность Закона № 296-ФЗ на создание правовых условий для устойчивого и сбалансированного развития экономики РФ при снижении выбросов парниковых газов, полагают, что закон может стать средством национального углеродного регулирования на многие десятилетия вперед [12].

В 2021 г. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р была принята Стратегия развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов с конкретными целевыми показателями в масштабах страны по сокращению выбросов и увеличению поглощения на период до 2050 г. и содействия достижению углеродной нейтральности в 2060 г. Однако достижимость установленных показателей в отношении почти двукратного увеличения поглощения CO2 ставится под сомнение [13]. План Правительства Российской Федерации по реализации Стратегии пока не принят.

Мерами по ограничению выбросов парниковых газов в соответствии со статьей 4 Закона № 296-ФЗ являются государственный учет выбросов парниковых газов; установление целевых показателей сокращения выбросов парниковых газов; поддержка в соответствии с законодательством Российской Федерации деятельности

²⁰ KPMG подсчитала ущерб для российских экспортёров от углеродного налога ЕС // Ведомости. 05.08.2021 : сайт. URL:

<https://www.vedomosti.ru/business/news/2021/08/05/881009-kpmg-podschitala-uscherb-dlya-rossiiskih-eksporterov-ot-uglerodnogo-naloga-es> (дата обращения: 23.09.2023).

²¹ Отчет об устойчивом развитии ОК РУСАЛ за 2019 год // URL: <https://rspp.ru/upload/uf/33e/d3c309fbe8fa639ba074024f22abc9e4.pdf?ysclid=lmw0jniqsq56169515> (дата обращения: 23.09.2023).

по сокращению выбросов парниковых газов и увеличению поглощения парниковых газов. Учет выбросов обеспечивается путем установления обязанности предоставять углеродную отчетность организациям с уровнем выбросов от 150 тыс. т СО₂-экв с 2023 г. и от 50 тыс. т – с 2025 г. по единым утвержденным методикам и формату, в специально созданный реестр. В 2023 г. были приняты изменения в Кодекс об административных правонарушениях, устанавливающие административную ответственность за непредставление или несвоевременное представление отчета о выбросах парниковых газов либо представление в указанном отчете заведомо недостоверной информации ²², что сделало конструкцию правовой нормы о предоставлении отчетов завершенной. Что касается целевых показателей сокращения выбросов, то Законом № 296-ФЗ определен лишь порядок его установления: для экономики Российской Федерации (общеэкономический показатель) показатель устанавливается Правительством Российской Федерации в соответствии с указами Президента Российской Федерации и документами стратегического планирования, а для отраслей экономики – с учетом особенностей применяемых технологий, объема инвестиций, выручки от реализации товаров, работ, услуг и суммы поступлений в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации в соответствующей отрасли экономики. Таким образом, пока Закон № 296-ФЗ не в полной мере отражает его содержание (цель сокращения отсутствует).

Еще одним недостатком Закона № 296-ФЗ является отсутствие полномочий субъектов России в углеродном регулировании. При этом объем выполняемой субъектами работы достаточно велик. Он включает в себя оказание различных мер поддержки в области декарбонизации (перевод индивидуальных источников теплоснабжения, транспорта на газ, развитие возобновляемой энергетики, реализация проектов энергосбережения и др.). Субъекты Российской Федерации наделены полномочиями в области использования, охраны, защиты лесного фонда и воспроизводства лесов, установленными Лесным кодексом (статьи 82 и 83). В этой связи представляется необходимым внести изменения в пункт 2 статьи 4 Закона № 296-ФЗ, добавив органы власти субъектов Федерации в перечень органов власти, осуществляющих государственное управление в области ограничения выбросов парниковых газов. На период правового эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов определенные полномочия субъектам были установлены.

Законом № 34-ФЗ проводится региональный правовой эксперимент по квотированию выбросов парниковых газов в период 2022–2028 гг. Первый регион-участник экспериментального регулирования – Сахалинская область. Целью специального регулирования является достижение углеродной нейтральности на территории Сахалинской области до 31 декабря 2025 г. В рамках эксперимента региональным регулируемым организациям (организации с уровнем выбросов от 20 тыс. т СО₂-экв. в год) установлены квоты на выбросы парниковых газов и обязательства по соблюдению квот. У органов власти субъекта Федерации – участника эксперимента появились новые полномочия: по распределению квот, подготовке и

²² О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 13 июня 2023 года № 218-ФЗ : принят Государственной Думой 1 июня 2023 года : одобрен Советом Федерации 7 июня 2023 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449360/ (дата обращения: 21.09.2023).

мониторингу программы эксперимента, подготовке регионального кадастра выбросов и поглощений парниковых газов и др. В рамках правового эксперимента применяется экономический метод регулирования выбросов парниковых газов – аналог системы ограничений и торговли выбросами парниковых газов, применяемый почти в 30 странах и регионах мира²³. В случае превышения квоты на выбросы региональные регулируемые организации должны либо приобрести единицы выполнения квот или углеродные единицы от климатических проектов у других организаций (при наличии), либо оплатить в региональный бюджет 1000 руб. за 1 тонну выбросов в СО2-экв. Также по аналогии с зарубежным опытом в рамках эксперимента региональным регулируемым организациям установлено требование предоставлять ежегодные отчеты о выбросах парниковых газов, верифицированные независимой стороной (общефедеральное законодательство не требует верификации, но, как было сказано выше, установлена административная ответственность за недостоверные отчеты). В связи с появившимся спросом на услуги верификаторов (климатические проекты также верифицируются независимой стороной) под эгидой Росаккредитации стал формироваться пул независимых верификаторов.

Однако экспериментальное углеродное регулирование в России имеет существенные отличия от зарубежных систем квотирования выбросов, например от Европейской, в частности по допуску к зачету углеродных единиц от климатических проектов (в рамках Сахалинского эксперимента – неограниченный, в ЕС – нулевой), по административной ответственности (штрафов) за нарушение режима квот (в рамках Сахалинского эксперимента штрафов не установлено, в ЕС – установлен штраф в 100 евро за непокрытую разрешением на выбросы тонну СО2-экв.). Таким образом, говорить об интеграции Сахалинской системы регулирования выбросов с зарубежными (на примере ЕС) пока преждевременно.

Кроме этого, недостаточная гармонизация законодательства по ограничению выбросов парниковых газов и по охране атмосферного воздуха привела к тому, что в настоящее время два парниковых газа подлежат регулированию и как климатически активные газы, и как загрязняющие вещества – метан и гексафторид серы (перечень загрязняющих веществ утвержден распоряжением Правительства РФ от 8 июля 2015 г. № 1316-р, перечень регулируемых парниковых газов утвержден распоряжением Правительства РФ от 22 октября 2021 г. № 2979-р). В случае эксперимента в Сахалинской области возникает двойная плата за их выбросы.

С учетом изложенного, углеродное регулирование в России требует дальнейшей настройки, устранения выявленных недочетов. В этом процессе необходимо учесть современные направления развития административного права, такие как децентрализация полномочий органов власти, программное управление [14], комплексный подход к регулированию охраны окружающей среды и выбросов парниковых газов [15], цифровизация [16], усиление экономических методов в балансе императивных и диспозитивных методов [4].

²³ World Bank. State and Trends of Carbon Pricing 2022. // State and Trends of Carbon Pricing : сайт. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/37455> (дата обращения: 01.10.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Теория государства и права: учебник для вузов / отв.ред. проф. В. Д. Перевалов. М.: Норма, 2010. 496 с.
2. Сорокин, В. Д. О структуре предмета правового регулирования // Правоведение. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1972. № 6. С. 73–80.
3. Алехин, А. П., Кармалицкий, А. А., Козлов, Ю. М. Административное право Российской Федерации : учебник. М.: Зерцало. 1998. – 671 с.
4. Куракин, А. В. Еще раз о методе административного права// Полицейская и следственная деятельность. 2023. № 1. С.10–19.
5. Ситников, С. Л. Углеродное регулирование в России: истоки и особенности. // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14. № 6.
6. Маслова, Е. В., Дайман, С. Ю., Аджиенко, Г. В., Момот, Р. В., Клочкова, Е. С. Анализ требований российского и международного законодательства в области нормирования, отчетности и взимания платы за выбросы метана в атмосферу // Газовая промышленность. 2017. Т. 1. № 750. С. 44–50.
7. Леонова, И. И. Становление и развитие правового регулирования охраны климата в России. // Экологическое право. 2022. № 3. С. 17–21.
8. Тихомиров, Ю. А. Сохранение климата – актуальная задача права // Право и экономика, 2016, № 6. С. 4–8.
9. Шаманов, О. А. Киотский протокол умер-да здравствует "Киото-2"? // Международная жизнь. 2013. № 3. С. 96–105.
10. Гершинкова, Д. А. Углеродный налог: готово ли общество к новой реальности? // Эковестник. № 1. 2021. С. 38–43.
11. Жаворонкова, Н. Г., Агафонов, В. Б. Тенденции и перспективы развития законодательства в сфере обеспечения климатической безопасности Российской Федерации // Юрист, 2022, № 9. С. 24–27.
12. Кичигин, Н. В., Хлуднева, Н. И. Правовые механизмы углеродного регулирования в Российской Федерации// Экологическое право. 2022. № 3. С. 10–16.
13. Шварц, Е. А., Птичников, А. В. Стратегия низкоуглеродного развития России и роль лесов в ее реализации // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. №4. С. 399–426.
14. Тихомиров, Ю. А. Наука Административного права: преемственность и новые повороты // Административное право и процесс. 2021. № 7. С. 11–15.
15. Зиновьева, О. А. Правовое регулирование декарбонизации и охраны атмосферного воздуха в целях решения глобальной экологической проблемы изменения климата. Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 5 (93). С. 95–103.
16. Крамер, У., Мицкевич, Л. А., Васильева, А. Ф. Электронные формы в административном процессе России и Германии. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т.10. № 4. С. 756–780.

REFERENCES

1. Perevalov V.D. (Ed.) Teorija gosudarstva i prava [Theory of state and law]. Moscow. Norma, 2010, 496 p.

2. Sorokin V.D. O structure predmeta pravovogo regulirovaniya [On the structure of the subject of legal regulation]. *Pravovedenie – Jurisprudence*, 1972, no. 6, pp. 73–80.
3. Alyokhin A.P., Karmolitsky A.A., Kozlov Yu.M. *Administrativnoe pravo Rossijskoi Federacii* [Administrative law of the Russian Federation]. Moscow, 1998, 671 p.
4. Kurakin A.V. Eshe raz o metode administrativnogo prava [Once again about the method of administrative law]. *Policeiskaja I sledstvennaja dejatelnost – Police and investigative activities*. 2023, no. 1, pp.10–19.
5. Sitnikov S.L. *Uglerodnoe regulirovaniye v rossii: istoki i osobennosti* [Carbon regulation in Russia: origins and features]. *Vestnik evraziiskoj nauki – Vestnik of Eurasian Science*. 2022, vol. 14, no. 6.
6. Maslova E.V., Daiman S.Yu., Adzienko G.V., Momot R.V., Klochkova E.S. *Analiz trebovaniy rossiskogo I mezhdunarodnogo zakonodatelstva v oblasti normirovaniya, otchetnosti I vzimanija plati za vibrosi metana v atmosferu* [Analysis of the requirements of Russian and international legislation in the field of rationing, reporting and charging for methane emissions into the atmosphere]. *Gazovaja promishlennost – Gas Industry*. 2017, vol. 1, no. 750, pp.44–50.
7. Leonova I.I. *Stanovlenije I razvitiye pravovogo regulirovaniya ohrani klimata v Rossii* [Formation and development of legal regulation of climate protection in Russia]. *Ecologicheskoje pravo – Environmental Law*. 2022, no. 3, pp.17–21.
8. Tikhomirov Yu.A. *Sohranenija klimata- aktualnaja zadacha prava* [Climate conservation is an urgent task of law]. *Pravo I ekonomika – Law and Economics*. 2016, no. 6, pp.4–8.
9. Shamanov O.A. *Kiotskij protocol umer- da zdravstvujet Kioto-2? Mezhdunarodnaja zhizn – International life*. 2013, no. 3, pp. 96–105.
10. Gershinkova D.A. *Uglerodnij налог: gotovo li obschestvo k novoj realnosti?* [Carbon tax: is society ready for a new reality?]. *Ecovestnik – Ekovestnik*. 2021, no.1, pp.38–43.
11. Zhavoronkova N.G., Agafonov V.B. *Tendencii I perspective razvitiya zakonodatelstva v sfere obespechaniya klimaticeskoy bezopasnosti Rossijskoi Federacii*. *Jurist – Lawyer*. 2022, no. 9, pp. 24–27.
12. Kichigin N.V., Khludneva N.I. *Pravovije mehanismi uglerodnogo regulirovaniya v Rossijskoi Federacii* [Legal mechanisms of carbon regulation in the Russian Federation]. *Ecologicheskoje parvo – Environmental law*. 2022, no. 3, pp.10–16.
13. Schwartz E.A., Ptichnikov A.V. *Strategija nizkouglerodnogo razvitiya Rossii I rol lesov v ee realizacii* [The strategy of low-carbon development of Russia and the role of forests in its implementation]. *Nauchnija Trudi Volnogo Economiceskogo Obschestva – Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2022, no. 4, pp. 399–426.
14. Tikhomirov Yu.A. *Nauka Administrativnogo prava: preemstvennost I novije poveroti* [Science of Administrative law: continuity and new turns]. *Administrativnoe parvo i process – Administrative law and process*. 2021, no. 7, pp.11–15.
15. Zinovieva O.A. *Pravovoje regulirovaniye dekarbonizacii i ohrani atmosfernogo vozduha* [Legal regulation of decarbonization and protection of atmospheric air in order to solve the global environmental problem of climate change]. *Vestnik MGYA – Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSLA)*. 2022, no. 5 (93), pp. 95–103.

16. Kramer U., Mickiewicz L. A., Vasilevva A.F. 2019. Elektronnije formi v administrativnom proceccce Rossii I Germanii [Electronic forms in the administrative process of Russia and Germany]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo – Bulletin of St. Petersburg University. Law. Vol.10, no. 4, pp. 756–780.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гершинкова Динара Александровна, соискатель юридического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, 644077, Омск, пр. Мира 55а.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gershinkova Dinara Alexandrovna, Applicant, Faculty of Law, Dostoevsky Omsk State University

Postal address: 55 a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

RSCI SPIN-code: 3414-331

Статья поступила в редакцию 08.10.2023; одобрена после рецензирования 17.10.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 08.10.2023; approved after reviewing 17.10.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 44–54.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023.
No. 4 (107). P. 44–54.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Научная статья

УДК: 349

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.93.46.004

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ОБЛЕГЧЕНИЕ БОЛИ НАРКОТИЧЕСКИМИ ЛЕКАРСТВЕННЫМИ ПРЕПАРАТАМИ КАК ЭЛЕМЕНТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

Гусев Андрей Владимирович¹, Карасева Вера Васильевна²

¹Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

²Уральский государственный медицинский университет Минздрава России, Екатеринбург, Россия

¹ural-yui@mvdr.ru

²vevaska500@mail.ru

Введение. В работе раскрываются механизм и гарантии реализации субъективного права на получение наркосодержащих лекарственных препаратов его взаимосвязи с иными субъективными правами, образующими конституционно-правой статус личности. Также в статье рассмотрены вопросы нарушения этого права, связанные с недобросовестным поведением медицинских работников, наличием субъективного элемента в оценке интенсивности боли.

Материалы и методы. Информационная база исследования включает: труды отечественных ученых, посвященные изучению сущности болевого синдрома, его безопасного и эффективного купирования, научные статьи, размещенные в электронных научных библиотеках, а также нормативно-правовые акты и судебную практику. В процессе исследования применялись общенаучные методы познания: общелогические методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение), системный, логико-семантический и диалектический методы. В числе специально-юридический метод предпочтение отдано формально-юридическому методу.

Результаты исследования. Право на облегчение боли наркосодержащими лекарственными препаратами производно от конституционного права на достоинство личности, конституционного права на медицинскую помощь и дополнительно обеспечивается конституционным запретом на жестокое обращение. В то же время непосредственное правоотношение по его реализации возникает при оформлении медицинским работником рецептурного бланка, а если медицинская помощь оказывается в стационарных условиях – в момент назначения. В последующем анализируемое субъективное право не подлежит ограничению. Отличное толкование не просто нарушает права человека, но и посягает на существо конституционного права на жизнь, создавая препятствия для его реализации.

Выводы и заключения. Проблема реализации субъективного права на облегчение боли наркосодержащими лекарственными препаратами актуальна. На практике рассмотренное право повсеместно нарушается. Наличие субъективного элемента в оценке интенсивности боли порождает недобросовестное поведение со стороны медицинских работников. В связи с чем сделан вывод о необходимости разработать и нормативно закрепить в качестве обязательных медицинские стандарты оказания помощи – четкий алгоритм действий медицинских работников с момента постановки диагноза, оформления рецептурного бланка, учета, хранения лекарственных препаратов.

Ключевые слова: субъективное право, конституционное право, болевой синдром, наркотические вещества, лекарственные препараты, право на облегчение боли, интенсивная боль, пациенты, терапия

Для цитирования: Гусев А. В., Карасева В. А. Право человека на облегчение боли наркотическими лекарственными препаратами как элемент конституционно-правового статуса личности / А. В. Гусев, В. А. Карасева // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журнал. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С.44–54.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.93.46.004

5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences)

Original article

THE HUMAN RIGHT TO THE RELIEF OF PAIN NARCOTIC MEDICINES AS AN ELEMENT OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL INDIVIDUAL STATUS

Andrey V. Gusev¹, Vera V. Karaseva²

¹Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federation, Russian Federation, Ekaterinburg

²Ural State Medical University, Russian Federation, Ekaterinburg

¹ural-yui@mvd.ru

²vevaska500@mail.ru

Introduction: the work reveals the mechanism and guarantees of realization of the subjective right to receive narcotic drugs, its interrelation with other subjective rights that form the constitutional and legal status of the individual. The article also considers the issues of violation of this right associated with unfair behavior of medical workers, the presence of a subjective element in the assessment of pain intensity.

Materials and Methods: the information base of the study includes: works of domestic scientists devoted to the study of the essence of pain syndrome, its safe and effective management, scientific articles posted in electronic scientific libraries, as well as normative legal acts and judicial practice. In the course of the research we applied general scientific methods of cognition: general logical methods of cognition (analysis, synthesis, induction, deduction, generalization), systemic, logical-semantic and dialectical methods. Among the special-legal methods, the formal-legal method was preferred.

The Results of the Study: The right to pain relief with narcotic drugs is derived from the constitutional right to personal dignity, the constitutional right to medical assistance and is additionally ensured by the constitutional prohibition of ill-treatment. At the same time, a direct legal relationship for its realization arises when a medical worker issues a prescription form, and if medical care is provided in inpatient conditions - at the time of prescription. Subsequently, the analyzed subjective right is not subject to restriction. An excellent interpretation not only violates human rights, but also infringes on the essence of the constitutional right to life, creating obstacles to its realization.

Findings and Conclusions: the problem of realization of the subjective right to pain relief with narcotic drugs is relevant. In practice, this right is violated everywhere. The presence of a subjective element in the assessment of pain intensity generates unfair behavior on the part of medical workers. In this regard, it is concluded that it is necessary to develop and normatively enshrine as mandatory medical standards of care - a clear algorithm of actions of medical workers from the moment of diagnosis, registration of the prescription form, accounting and storage of medicines.

Keywords: pain syndrome, narcotic substances, medications, the right to pain relief, intense pain, patients, therapy.

For citation: Gusev A. V., Karaseva V. V. Pravo cheloveka na oblegchenie boli narkoticheskimi lekarstvennymi preparatami kak jelement konstitucionno-pravovogo statusa lichnosti [The human right to the relief of pain narcotic medicines as an element of the constitutional and legal individual status]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, vol. no. 4 (107), pp. 44–54 (in Russ.)

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.93.46.004

Слово «боль» в русском языке понимается как ответная реакция организма на развивающиеся либо уже протекающие в нем неблагоприятные явления, вызванные факторами различной природы. В медицинской практике встречается множество видов и оснований для классификации боли: по продолжительности (острая, подострая, хроническая); по области локализации и места болевого процесса (местная, отраженная, проекционная, иррадиирующая, фантомная); по причине расстройства здоровья (физическая и психогенная); и прочие [1, с. 20–21].

Существует большой арсенал методов уменьшения (снятия) болевого синдрома: психоэмоциональные, прием седативных препаратов, акупунктурные, физиотерапевтические и другие. Применение наркосодержащих медицинских препаратов является пожалуй самым действенным методом, но и самым опасным (как с точки зрения побочных эффектов, так и с точки зрения возможности незаконного использования наркосодержащих веществ). Именно в силу этих обстоятельств гражданин не может в одностороннем порядке воспользоваться наркотическим препаратом для облегчения боли. Иными словами, реализация этого субъективного права в обязательном порядке требует участия в механизме его реализации еще одного субъекта – врача.

Медицинский работник, обладающий профессиональными компетенциями (определенным набором знаний, умений и навыков), с учетом анализа клинической картины и данных лечебно-диагностических исследований способен правильно

поставить диагноз. Однако сопутствующий болевой синдром, тяжесть ощущений фиксируется преимущественно со слов пациента (то есть является субъективным фактором). Так происходит потому, что восприятие боли в каждом случае индивидуально, порог чувствительности у людей разный и зависит не только от пола и возраста, но и физиологических и психологических особенностей личности [2, с. 53]. Сложность назначения таких препаратов обусловлена тем, что точное измерение и объективная оценка интенсивности боли невозможна [3, с. 3, 7]. Следовательно, императивные нормативные установки связи диагноза с вероятными болевыми проявлениями весьма затруднительны и вряд ли оправданы.

Наркосодержащие лекарственные препараты применяют в условиях стационара для снижения чувствительности при оперативных вмешательствах и уменьшения боли в послеоперационном периоде. Показаны сильнодействующие препараты к применению в амбулаторных условиях, а также при оказании паллиативной и хосписной помощи для избавления от мучительных страданий пациентов в терминальной стадии заболеваний, таких как вирус иммунодефицита человека [4, с. 205], онкологических заболеваний (например, рака поджелудочной железы [5, с. 27], рака толстой кишки [6, с. 8], рака челюстей, языка и др. [7, с. 116]). Перечисленное лишь малая часть показаний к применению исследуемой группы анальгетиков.

Употребление наркосодержащих лекарственных препаратов может привести к появлению обширного спектра побочных симптомов. Научно доказано, что опиоиды – мощные иммуносупрессоры (средства, подавляющие иммунный ответ организма [8, с. 61]. Кроме того, существуют и риски незаконного оборота наркосодержащих препаратов в корыстных целях. Несмотря на существующие побочные эффекты и их социальную опасность, показания для применения наркотических препаратов весьма обширны, и вполне логично, что их применение частично нормативно урегулировано.

Так, оборот наркотических средств, изготовленных в виде лекарственных форм, регулируется рядом нормативных правовых актов. Базовым является Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах»¹. Пунктом 2 статьи 4 данного акта к принципам государственной политики в сфере оборота наркотических средств отнесена доступность наркотических средств лицам, нуждающимся в них в медицинских целях. Для чего допускается использовать наркотические средства, внесенные в списки II и III перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в РФ, утвержденного Правительством РФ². Наркотические средства в I списке перечня разрешается перерабатывать в производственной среде, получая вторичные средства и вещества. По пункту 1 статьи 25 названного федерального закона отпуск наркосодержащих лекарственных препаратов реализовывается аптечными и медицинскими организациями, при наличии

¹ О наркотических средствах и психотропных веществах : Федеральный закон от 08 января 1998 года № 3-ФЗ (в ред. от 28 апреля 2023 г.) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ (дата обращения: 26.09.2023).

² Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 года № 681 (в ред. от 10 июля 2023 г.) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19243/ (дата обращения: 26.09.2023).

лицензии. Порядок отпуска, согласно части 3 статьи 55 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств», регламентируется Министерством здравоохранения РФ по согласованию с Министерством внутренних дел РФ³.

Возможность реализовать свое право обезболивание наркосодержащими лекарственными препаратами возникает у граждан при оформлении медицинским работником рецептурного бланка строгой формы, а при оказании медицинской помощи в стационарных условиях – в момент назначения. Право на получение наркосодержащих препаратов обеспечивается совокупностью положений Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁴. В частности, в пункте 4 части 5 статьи 19 этого закона закреплено, что пациент имеет право на облегчение боли, связанной с заболеванием, состоянием и (или) медицинским вмешательством. Оно, как и предыдущее право, входит в состав более крупного (комплексного) права на обеспечение лекарственной помощью. Ему корреспондирует комплекс юридических обязанностей медицинских работников и медицинских организаций, среди которых обязанности оказывать квалифицированную медицинскую помощь, руководствоваться в деятельности порядками и стандартами оказания медицинской помощи, следовать клиническим рекомендациям, соблюдать медицинскую этику, назначать лекарственные препараты в порядке, установленном Министерством здравоохранения Российской Федерации (статья 73 и 79) и претерпевшем незначительные изменения в марте 2022 г.

Порядок назначения лекарственных препаратов, включая наркосодержащие, в некоторой степени упрощен⁵. Нововведениями затронут вопрос выдачи рецептурных бланков лицам, действующим в интересах пациента. Факт выражения воли пациента ранее удостоверялся исключительно доверенностью, соответствующей требованиям гражданского законодательства. Теперь же установлено исключение из этого правила для лиц, ухаживающих за инкурабельными пациентами на завершающем этапе жизни. Вместо доверенности достаточно предоставить документ о состоянии больного с указанием в нем сведений о лице – получателе лекарственных препаратов.

Если говорить о том, какие должностные лица медицинской организации участвуют в принятии решений о назначении наркосодержащих лекарственных препаратов и как эти решения предварительно согласуются между ними, то можно констатировать, что стадии и этапы остались прежними. Так, в стационаре лекарственные препараты обычно назначаются с согласия лица, уполномоченного правовым актом главного врача медицинской организации. Замена лекарственного

³ Об обращении лекарственных средств : Федеральный закон от 12 апреля 2010 года № 61-ФЗ (в ред. от 04 августа 2023 г.) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99350/(дата обращения: 26.07.2023).

⁴ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 г.) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/(дата обращения: 26.07.2023).

⁵ Об утверждении Порядка назначения лекарственных препаратов, форм рецептурных бланков на лекарственные препараты, Порядка оформления указанных бланков, их учета и хранения, форм бланков рецептов, содержащих назначение наркотических средств или психотропных веществ, Порядка их изготовления, распределения, регистрации, учета и хранения, а также Правил оформления бланков рецептов, в том числе в форме электронных документов : Приказ Минздрава России от 24 ноября 2021 г. № 1094н // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_401865/(дата обращения: 26.07.2023). Режим доступа: свободный.

препарата по жизненным показаниям или из-за индивидуальной непереносимости пациента производится решением врачебной комиссии. В амбулаторных условиях первичное назначение осуществляется медицинским работником единолично.

В то же время главный врач медицинской организации вправе издать правовой акт о необходимости согласования таких назначений с врачебной комиссией. При повторном назначении коллегиальный орган не участвует. Впрочем, не все наркосодержащие лекарственные препараты могут использоваться пациентом вне медицинской организации. К примеру, в инструкции по медицинскому применению лекарственного препарата «Фентанил» заявлено его применение только в условиях стационара. Аналогичным образом применяются «Кетамин». Рецептурные бланки на данные препараты не оформляются. Иные запреты обозначены в нормативных актах министерства здравоохранения Российской Федерации, но подвергать их анализу мы не будем.

Поскольку большинство наркосодержащих лекарственных препаратов отнесены к фармакотерапевтической группе анальгетиков, отказ в их назначении требует крайней осмотрительности и осторожности. Медицинскому работнику, определяя тяжесть ощущений, надлежит соотносить жалобы пациента на боль с диагнозом, распространенными сведениями о течении заболевания, клиническими рекомендациями. Следует брать во внимание и субъективность восприятия боли. Именно специфический субъективный элемент в оценке симптоматики значительно осложняет выбор тактики терапии и может вести к неправомерным злоупотреблениям как со стороны пациента, так и со стороны врача. Взгляд на жалобы пациента должен быть критическим, поскольку отдельным пациентам свойственно преувеличить выраженность боли. В то же время необоснованный отказ от применения в терапии болевого синдрома наркосодержащих лекарственных препаратов расценивается как отступление от лицензионных требований и может трактоваться как нарушение права пациента на облегчение боли. Подобное деяние влечет наложение административной ответственности на медицинскую организацию. Действия (бездействия) медицинского работника, повлекшие смерть пациента либо причинение ему тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, вызванные отказом в назначении наркосодержащего препарата, влекут гораздо более серьезные юридические последствия, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации.

Лаконично освещенная система правовых гарантит права на облегчение боли и отчасти смежного с ним права на получение наркосодержащих лекарственных препаратов воспроизводит положения части 1 статьи 41 Конституции России⁶. Декларативно провозглашенное право на медицинскую помощь входит в ядро

⁶ Конституция Российской Федерации : принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) (В редакции указов Президента Российской Федерации от 09.01.1996 № 20, от 10.02.1996 № 173, от 09.06.2001 № 679, от 25.07.2003 № 841; федеральных конституционных законов от 25.03.2004 № 1-ФКЗ, от 14.10.2005 № 6-ФКЗ, от 12.07.2006 № 2-ФКЗ, от 30.12.2006 № 6-ФКЗ, от 21.07.2007 № 5-ФКЗ; законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ; Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ; Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; Указа Президента Российской Федерации от 27.03.2019 № 130; Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; федеральных конституционных законов от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.10.2022) (дата обращения: 11.09.2023).

конституционного статуса личности и подразумеваемо лежит в основе других субъективных прав, близких по своей природе. Прежде всего речь идет об отраслевых субъективных правах, ориентированных на поддержание и восстановление здоровья. Таковым является уже упомянутое выше право на обеспечение лекарственной помощью. Оно, помимо прочих, охватывает исследуемые нами права-обеспечители. Право на облегчение боли направлено на достижение приемлемого функционирования организма в ходе лечения заболевания, послужившего триггером болевого синдрома. Улучшение качества жизни, вследствие подавления негативных раздражающих проявлений, производная цель. Положительный эффект невозможен без правильно подобранных средств – лекарственных препаратов. Размышая об исключительных случаях, когда необходимо применять наркосодержащие лекарственные препараты, очевидно, что право на их назначение тесно коррелирует с предыдущим.

На страницах научной литературы встречается мнение, что право на облегчение боли граничит с запретом на жестокое обращение, в контексте статьи 21 Конституции Российской Федерации. Через осмысление объема конституционной категории «достоинство личности» учеными предложено понимать право на защиту достоинства личности как дополнительную гарантию обеспечения права на медицинскую помощь в целом. Так, Н. С. Волкова считает, что ненадлежащий уход, необеспеченность обезболивающими средствами непосредственно посягают на человеческое достоинство пациента [9, с. 36]. Акцентируемое недобросовестное поведение сродни безразличию. Медицинский работник не может не понимать, что любое обращение в медицинскую организацию с просьбой об оказании помощи проецирует недостаток знаний и умений помочь себе самостоятельно. Отсутствие же чуткого и внимательного отношения идет вразрез с некогда взятыми профессиональными и моральными обязательствами (имеется в виду клятва врача, текст которой приведен в статье 71 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях не раз, хотя и косвенно, упоминал категорию «достоинство личности». В частности, достоинство личности признано предпосылкой всех других неотчуждаемых прав и свобод человека и условием их существования и соблюдения⁷. В постановлении от 25 апреля 2001 г.

⁷ По делу о проверке конституционности статьи 46 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданки И.В. Серегиной : Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2018 года № 41-П // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации : сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision363389.pdf> (дата обращения: 01.09.2023); По делу о проверке конституционности положений статьи 13 Закона Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий", пунктов 3 и 5 статьи 7, пункта 1 части 1 и части 2 статьи 8 Закона города Москвы "Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения" в связи с жалобами граждан А. Л. Мейсснер, Е. С. Михайловой и Е. Б. Шашевой : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 года № 39-П // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации : сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision442846.pdf> (дата обращения: 01.09.2023); По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта "в" части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова : Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2022 года № 33-П // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации : сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision622002.pdf> (дата обращения: 01.09.2023); По делу о проверке

Суд указал, что «...государство обязано охранять достоинство личности во всех сферах...», «...человеческое достоинство не может быть ограничено ни при каких условиях...»⁸. Анализируя соответствие Конституции России нормам уголовно-процессуального права, Суд сформулировал следующую правовую позицию: «...государство обязано способствовать восстановлению достоинства личности ... поскольку иное означало бы умаление ... достоинства личности ... и самим государством ...»⁹. Также Суд, рассматривая на соответствие Конституции России положения Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»¹⁰, отметил, что государство обязуется охранять достоинство личности путем предоставления поддержки гражданам, утратившим возможность самостоятельно обеспечивать достойный уровень жизни¹¹. Перечисленные правовые позиции суда

конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. В. Григорьевой : Постановление Конституционного Суда РФ от 02 марта 2023 года № 7-П // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации : сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision667150.pdf> (дата обращения: 01.09.2023).

⁸ По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова : Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2001 года № 6-П // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации : сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30377.pdf> (дата обращения: 01.09.2023).

⁹ По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 2 и части первой статьи 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Красноперова : Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 2012 года № 22-П // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации : сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision112948.pdf> (дата обращения: 01.09.2023).

¹⁰ О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС : Закон Российской Федерации от 15 мая 1991 года № 1244-1 (в ред. от 28 декабря 2022 г.) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5323/ (дата обращения: 29.07.2023). Режим доступа: свободный.

¹¹ По делу о проверке конституционности пункта 15 части первой статьи 14 Закона Российской Федерации "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС", части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года N 5-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС", пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 26 апреля 2004 года N 31-ФЗ "О внесении изменений в статью 5 Закона Российской Федерации "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС" и в статью 2 Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС" и положения пункта 8 статьи 3 Федерального закона от 22 августа 2004 года N 122-ФЗ "О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина А.Я. Сизова : Постановление Конституционного Суда РФ от 08 февраля 2018 года // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации : сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision314465.pdf> (дата обращения: 01.09.2023).

высшей инстанции применимы и к отношениям в области реализации права на облегчение боли наркосодержащими лекарственными препаратами.

Таким образом, реализация субъективного права на облегчение боли наркосодержащими лекарственными препаратами возникает при оформлении медицинским работником рецептурного бланка, а если медицинская помощь оказывается в стационарных условиях – в момент назначения. В последующем право не подлежит ограничению, в том числе со ссылкой на конституционные значимые ценности, изложенные в части 3 статьи 55 Конституции России. Отличное толкование посягает на существование права на жизнь, создавая препятствия для его реализации.

Право на облегчение боли наркосодержащими лекарственными препаратами органично входит в содержание таких конституционных прав, как право на медицинскую помощь и право на защиту достоинства личности, а также обеспечивается разветвленной системой конституционных и отраслевых гарантий, нашедших подробное воплощение в законодательстве о здравоохранении. Последнее предотвращает жестокое обращение с пациентом из-за допущения дефекта оказания медицинской помощи.

Между тем рассматриваемое в настоящей статье право на практике повсеместно нарушается. Наличие субъективного элемента в оценке интенсивности боли порождает недобросовестное поведение со стороны медицинских работников. Ряд отечественных ученых считают, что основными барьерами в назначении наркосодержащих лекарственных препаратов выступают отсутствие у медицинских работников знаний по лечению болевого синдрома, неумение правильно оценить интенсивность боли и опасения быть привлеченным к ответственности за ошибки при назначении [10, с. 15–16; 11, с. 12–13]. В то же время практика привлечения к ответственности (административной или дисциплинарной) за нарушение права на облегчение боли наркосодержащими препаратами практически полностью отсутствует.

Применение в терапии болевого синдрома наркосодержащих лекарственных препаратов оправдано, когда известно, что альтернативные препараты не принесут ожидаемого результата, или их воздействие не отразилось положительно на динамике лечения пациента. С целью улучшения качества жизни пациентов со сложной патологией, особенно в терминальных стадиях заболеваний, необходимо наряду с нормативно-правовой поддержкой разработать медицинские стандарты оказания помощи – четкий алгоритм действий медицинских работников с момента постановки диагноза, оформления рецептурного бланка, учета, хранения лекарственных препаратов, а также регулярное повышение квалификации всех медицинских работников в масштабах государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамова, А. Ю. Современные представления о боли / А. Ю. Абрамова, С. С. Перцов // Медицинская сестра. 2017. № 8. С. 20–25.
2. Палехов, А. В. Проблемы нормативно-правового регулирования и использования опиоидных анальгетиков в клинической практике / А. В. Палехов, Е. С. Введенская // Российский журнал боли. 2019. Т. 17. № 2. С. 51–60.
3. Понкин, И. В. Юридическое определение понятия «боль» / И. В. Понкин, А. А. Понкина // Медицина. 2016. Т. 4. № 1 (13). С. 1–15.
4. Соснов, А. В. Оценка потребности Российской Федерации в сильнодействующих анальгетиках / А. В. Соснов, С. С. Голубев, Б. С. Пункевич, С. В.

Садовников, Ф. М. Семченко, В. Н. Тохмакчи, А. А. Соснова // Разработка и регистрация лекарственных средств. 2016. № 2(15). С. 202–214.

5. Зенкевич, А. А. Современные способы лечения болевого синдрома при раке поджелудочной железы / А. А. Зенкевич, А. И. Вельчева, Е. П. Гарагашева // Академический журнал Западной Сибири. 2023. Т. 19. № 1(98). С. 25–31.

6. Невзорова, Д. В. Лечение ХБС у пациентки с метастатическим раком сигмовидной кишки / Д. В. Невзорова, А. В. Сидоров, О. В. Осетрова, Э. Л. Кракауэр, М. Чвистек, С. Коннор, К. Консон, С. Майклсон, А. И. Устинова // Pallium: паллиативная и хосписная помощь. 2022. № 1 (14). С. 4–11.

7. Карасева, В. В. Применение современных методов лечения в поэтапной ортопедической реабилитации пациентов с дефектами челюстно-лицевой области / В. В. Карасева // Вятский медицинский вестник. 2020, № 3 (67). С. 116–120.

8. Диордиев, А. В. Опиоиды – лучшие анальгетики! ... Или нет? Перспективы безопиоидной аналгезии у детей / А. В. Диордиев, Е. С. Яковлева, Е. А. Адкина, Т. Т. Батышева, Ю. А. Климов, В. В. Лазарев // Анестезиология и реаниматология (Медиа Сфера). 2021. № 3. С. 668.

9. Волкова, Н. С. Особенности лекарственного обеспечения при оказании паллиативной помощи / Н. С. Волкова // Ремедиум. 2022. Т. 26. № 1. С. 35–41.

10. Осетрова, О. В. Опиоидофобия: барьеры назначения наркотических обезболивающих препаратов в России / О. В. Осетрова, Т. А. Парфенова, О. С. Караева // Pallium: паллиативная и хосписная помощь. 2020. № 4(9). С. 14–17.

11. Каминская, И. А. Актуальные вопросы обращения наркотических средств и психотропных веществ в медицинских и фармацевтических организациях в рамках новых положений нормативно-правовой базы / И. А. Каминская // Современная организация лекарственного обеспечения. 2022. Т. 9. № 3. С. 7–18.

REFERENCES

1. Abramova, A. Ju. Sovremennye predstavlenija o boli [Modern ideas about pain]. Medicinskaja sestra – Meditsinskaya sestra. 2017, no. 8, pp. 20–25.
2. Palehov, A. V. Problemy normativno-pravovogo regulirovaniya i ispol'zovanija opioidnyh anal'getikov v klinicheskoy praktike [Problems of legislative regulation and use of opioid analgetics in clinical practice]. Rossijskij zhurnal boli – Russian journal of pain. 2019, vol. 17, no. 2, pp. 51–60.
3. Ponkin, I. V. Juridicheskoe opredelenie ponjatija «bol'» [Legal definition of pain]. Medicina – Medicine. 2016, vol. 4, no. 1 (13), pp. 1–15.
4. Sosnov, A. V. Ocenna potrebnosti rossijskoj Federacii v sil'nodejstvujushhih anal'getikah [Assessment of the russian federation requirement in potent analgesics]. Razrabotka i registracija lekarstvennyh sredstv – Drug development & registration. 2016, no. 2 (15), pp. 202–214.
5. Zenkevich, A. A. Sovremennye sposoby lechenija bolevogo sindroma pri rake podzheludochnoj zhelezы [Modern methods of treating pain syndrome in pancreatic cancer]. Akademicheskij zhurnal Zapadnoj Sibiri – Academic Journal of West Siberia. 2023, vol. 19, no. 1 (98), pp. 25–31.
6. Nevzorova, D. V. Lechenie HBS u pacientki s metastaticheskim rakom sigmovidnoj kishki [Treatment of chronic pain in a patient with metastatic sigmoid colon cancer]. Pallium: palliativnaja i hospisnaja pomoshh' – Pallium: palliative and hospice care. 2022, no. 1 (14), pp. 4–11.
7. Karaseva, V. V. Primenenie sovremennyh metodov lechenija v pojetapnoj ortopedicheskoy reabilitacii pacientov s defektami cheljustno-licevoj oblasti [Application of

up-to-date methods in step-by-step orthopedic rehabilitation of patients with defects in the maxillofacial region]. Vjatskij medicinskij vestnik – Medical newsletter of vyatka. 2020, no. 3 (67), pp. 116-120.

8. Diordiev, A. V. Opioidy – luchshie anal'getiki! ... Ili net? Perspektivy bez opioidnoj analgezii u detej [Opioids are the best analgesics! ... Or not? Prospects for opioid-free analgesia in children]. Anestezijologija i reanimatologija (Media Sfera) – Russian journal of anaesthesiology and reumatology. 2021, no. 3, pp. 60-68.

9. Volkova, N. S. Osobennosti lekarstvennogo obespechenija pri okazanii palliativnoj pomoshhi [Features of drug provision in palliative care]. Remedium – Remedium. 2022, vol. 26, no. 1, pp. 35-41.

10. Osetrova, O. V. Opioidofobija: bar'ery naznachenija narkoticheskikh obezbolivajushhih preparatov v Rossii [Opioidophobia: barriers to prescribing narcotic pain medications in Russia]. Pallium: palliativnaja i hospisnaja pomoshh' – Pallium: palliative and hospice care. 2022, no. 4 (9), pp. 14-17.

11. Kaminskaja, I. A. Aktual'nye voprosy obrashhenija narkoticheskikh sredstv i psihotropnyh veshhestv v medicinskikh i farmacevticheskikh organizacijah v ramkah novyh polozhenij normativno-pravovoj bazy [Topical issues of the circulation of narcotic drugs and psychotropic substances in medical and pharmaceutical organizations within the framework of the new provisions of the regulatory framework]. Sovremennaja organizacija lekarstvennogo obespechenija – Modern organization of drug supply. 2022, vol. 9, no. 3, pp. 7-18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гусев Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника института (по научной работе) Уральского юридического института МВД России. 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.

Карасева Вера Васильевна, кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры ортопедической стоматологии и стоматологии общей практики Уральского государственного медицинского университета Минздрава России, 620028, Екатеринбург, ул. Репина, 3

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gusev Andrey Vladimirovich, candidate of legal sciences, associate professor, deputy head of the institute (for scientific work). Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 620057, Ekaterinburg, st. Korepina, 66.

Vera Vasilievna Karaseva, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Orthopedic Dentistry and General Dentistry. Ural State Medical University of the Ministry of Health of Russia, 620028, Ekaterinburg, st. Repina, 3.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 08.11.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 01.11.2023; approved after reviewing 08.11.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 55–65.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023.
Vol. no. 4 (107). p. 55–65.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья

УДК: 347.963

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.10.37.005

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПРОКУРОРА ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ ОБ ОСПАРИВАНИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Кравцов Алексей Юрьевич

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Иркутск, Россия, Kravcoff@list.ru

Введение. В настоящей статье представлен анализ процессуального статуса прокурора, обратившегося в суд с административным исковым заявлением об оспаривании нормативного правового акта. Проведенное исследование показало, что законодательство об административном судопроизводстве ограничило возможность оспаривания прокурором в суде нормативных правовых актов по сравнению с ранее действующим процессуальным порядком, что существенно снизило эффективность деятельности прокуроров в рассматриваемом направлении.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования образуют Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации, а также Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами». Сформулированные выводы основываются на представленных статистических данных и материалах административных дел. Исследование проведено с использованием сравнительно-правового метода, а также анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили установить противоречия законодательства об административном судопроизводстве и законодательства, определяющего основные направления деятельности прокуратуры в части определения статуса прокурора в делах об оспаривании нормативных правовых актов. На основе проведенного исследования обосновано, что предусмотренная в настоящее время модель процессуального участия прокурора при оспаривании в суде нормативного правового акта существенно снижает надзорный потенциал органов прокуратуры.

Выводы и заключения. На основе анализа действующего законодательства, практики его применения, а также изученных статистических данных автором сделан вывод, что с введением в действие КАС РФ количество обращений прокуроров в суд с требованием об оспаривании нормативных правовых актов сократилась в среднем на 70 %, что обусловлено установлением ограничений по предъявлению таких требований необходимостью защиты прав, свобод и законных интересов граждан или неопределенного круга лиц. В статье указано, что прокурор как участник административных правоотношений, в которых он реализует публичную функцию по обеспечению законности в силу статьи 38 КАС РФ, может являться административным истцом. Учитывая, что одним из направлений деятельности органов прокуратуры является надзор за законностью нормативных правовых актов, автор приходит к выводу о том, что при обжаловании таких актов в суде прокурор должен занимать положение истца, а значит не должен обосновывать нарушение или угрозу нарушения эти актом прав граждан или неопределенного круга лиц. На основе проведенного исследования автором сделан вывод о необходимости внесения изменений в отдельные положения КАС РФ, направленные на изменение процессуального статуса прокурора, оспаривающего нормативный правовой акт.

Ключевые слова: прокурор, нормативный правовой акт, административное судопроизводство, публичная функция, административный иск, административный истец

Для цитирования: Кравцов А. Ю. Особенности процессуального статуса прокурора по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов / А. Ю. Кравцов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 55–65.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.10.37.005

5.1.2. Public law (state legal) sciences

Original article

PECULIARITIES OF THE PROCEDURAL STATUS OF THE PROSECUTOR IN ADMINISTRATIVE CASES CHALLENGING NORMATIVE LEGAL ACTS

Aleksey Y. Kravtsov

Irkutsk Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Russian Federation, Irkutsk, Kravcoff@list.ru

Introduction: This article analyses the procedural status of a prosecutor who has applied to the court with an Administrative Lawsuit to challenge a normative legal act. The conducted research has shown that the legislation on administrative proceedings has limited the possibility of challenging normative legal acts by a prosecutor in court compared to the previously existing procedural order, which significantly reduced the effectiveness of prosecutors' activity in the considered direction.

Materials and Methods: The normative basis of the study is formed by the Code of Administrative Legal Proceedings of the Russian Federation, the Federal Law of 17.01.1992 № 2202-1 "On Prosecutor's Office of the Russian Federation", organisational and administrative documents of the Prosecutor General of the Russian Federation, as well as the Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2018 № 50 "On the practice of consideration by courts of cases on contesting normative legal acts and acts containing clarifications of legislation and having normative properties". The formulated conclusions are based on the presented statistical data and materials of administrative cases. The study was conducted using the comparative legal method, as well as analysis, generalisation and description.

The Results of the Study: allowed to establish the contradictions of the legislation on administrative proceedings and the legislation defining the main directions of the activities of the prosecutor's office in terms of determining the status of the prosecutor in cases of challenging normative legal acts. On the basis of the conducted research, it is substantiated that the currently envisaged model of procedural participation of a prosecutor in challenging a normative legal act in court significantly reduces the supervisory potential of the prosecutor's office.

Findings and Conclusions: Based on an analysis of the current legislation, the practice of its application, as well as the studied statistical data, the author concluded that with the introduction of the CAS of the Russian Federation, the number of prosecutors' appeals to the court with a requirement to challenge regulatory legal acts decreased by an average of 70%, which is due to the establishment of restrictions on the presentation of such demands by the need to protect the rights, freedoms and legitimate interests of citizens or an indefinite number of persons. The article states that the prosecutor, as a participant in administrative legal relations in which he implements the public function of ensuring the rule of law, by virtue of Article 38 of the Code of Arbitration Procedures of the Russian Federation, can be an administrative plaintiff. Considering that one of the areas of activity of the prosecutor's office is supervision over the legality of regulatory legal acts, the author comes to the conclusion that when appealing against such acts in court, the prosecutor must occupy the position of the plaintiff, and therefore should not justify the violation or threat of violation of the rights of citizens by this act or an indefinite number of persons. Based on the research, the author concluded that it is necessary to make changes to certain provisions of the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation, aimed at changing the procedural status of the prosecutor challenging a normative legal act.

Keywords: prosecutor, normative legal act, administrative proceedings, public function, administrative claim, administrative plaintiff.

For citation: Kravtsov A.Y. Osobennosti processual'nogo statusa prokurora po administrativnym delam ob osparivaniyu normativnyh pravovyh aktov [Features of the procedural status of the prosecutor in administrative cases about challenging regulatory legal acts]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 4 (107), pp. 55–65.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.10.37.005

Одним из основных признаков становления гражданского общества и правового государства в Российской Федерации является возможность судебного оспаривания нормативных правовых актов. Данная категория дел имеет особое социальное значение, поскольку затрагивает не только права и интересы конкретного лица, но и неопределенного круга лиц.

Право на оспаривание нормативных правовых актов является неотъемлемой частью конституционного права на судебную защиту. Дела данной категории по большей части относятся к компетенции судов общей юрисдикции и рассматриваются в порядке, предусмотренном главой 21 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ). В компетенции арбитражных судов остались только дела по оспариванию нормативных актов в сфере патентных прав и прав на селекционные достижения, права на топологию интегральных микросхем, права на секреты производства (ноу-хай), права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, права использования результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии.

Обеспечение единства правового пространства Российской Федерации – одна из основных задач органов прокуратуры. При этом прокурор как гарант соблюдения законности является крайне востребованным при обеспечении соответствия Конституции Российской Федерации и законам тех правовых актов, которые принимаются органами публичной государственной власти, иными органами и их должностными лицами [1, с. 114]. Разрешение указанной задачи осуществляется в том числе путем обращения в суд с заявлениями о признании нормативного правового акта недействующим полностью или в части. Прокурорам предписано при выборе форм реагирования на выявленные незаконные правовые акты руководствоваться тем, что прокурор обязан безотлагательно принести протест на незаконный правовой акт, в случае его отклонения – в установленном порядке обратиться с заявлением в суд (пункт 4.2 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина»).

Правовую основу участия прокурора в рассмотрении судами административных дел об оспаривании нормативных актов составляют не только нормы главы 21 КАС РФ, но и положения раздела IV Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), а также приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» (далее – Приказ ГП РФ № 2).

Кроме того, отдельного внимания заслуживают положения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации», Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 50). Разъяснения, данные Верховным Судом Российской Федерации, ориентируют прокуроров, участвующих в административном судопроизводстве по указанной

категории дел, на правильное применение норм КАС РФ. В частности, речь идет о соблюдении правил подсудности, требований к административному иску и иных процедурных правил при подаче административного искового заявления.

Вместе с тем анализ приведенных положений не позволяет однозначно определить процессуальный статус прокурора при его обращении в суд с административным иском об оспаривании нормативного правового акта.

В научной литературе справедливо отмечается, что процессуальное положение прокурора как участника административного судопроизводства тождественно его статусу в гражданском процессе. При этом объем предоставленных прокурору прав и возложенных на него процессуальных обязанностей в указанных процессах различаются существенно [2, с. 62]. Однако это утверждение справедливо только при сравнении процессуальных статусов прокурора, обращающегося в суд в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц (статья 45 ГПК РФ, статья 39 КАС РФ). В указанных случаях прокурор не является истцом или административным истцом, а лишь пользуется их процессуальными правами и несет процессуальные обязанности за некоторым исключением. То есть если и рассматривать прокурора с позиции истца, то исключительно с процессуальной стороны. Для определения процессуального статуса прокурора в подобных случаях в практике прокурорской деятельности зачастую используется термин «процессуальный истец».

В административном судопроизводстве, в отличие от гражданского процесса, прокурор может быть административным истцом. О таком статусе прокурора прямо сказано в нормах законодательства об административном судопроизводстве. Так, в соответствии с частью 2 статьи 38 КАС РФ под административным истцом понимается прокурор, обратившийся в суд для реализации возложенных на него публичных функций. Данное положение обусловлено прежде всего тем, что прокурор, осуществляя надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, вступает в административные (публичные) правоотношения, в которых в том числе реализует предоставленные ему полномочия по предъявлению государственно-властных требований к органам государственной власти и местного самоуправления, должностным лицам, государственным и муниципальным служащим, а также гражданам и организациям.

Таким образом, прокурор, обращаясь в суд с административным исковым заявлением, может наделяться специальным статусом, предусмотренным статьей 39 КАС РФ, либо являться административным истцом в соответствии с частью 2 статьи 38 КАС РФ. Очевидно, что эти две юридические конструкции участия прокурора в административном судопроизводстве, несмотря на внешнее сходство, по основаниям и внутреннему содержанию различны. Единого понимания критериев разграничения указанных конструкций в правоприменительной практике до настоящего времени нет.

В этой связи возникает вопрос и относительно процессуального статуса прокурора, обратившегося в суд с административным исковым заявлением об оспаривании нормативного правового акта.

Следует отметить, что часть 3 статьи 208 КАС РФ наделяет прокурора правом на предъявление в суд административного иска об оспаривании нормативного правового акта только в пределах компетенции прокурора. В пункте 9 Постановления Пленума ВС РФ № 50 разъяснено, что прокурор вправе в порядке, предусмотренном

главой 21 КАС РФ, и в соответствии с полномочиями, предоставленными Законом о прокуратуре, оспорить в суде общей юрисдикции нормативные правовые акты, а также акты, обладающие нормативными свойствами (в том числе нарушающие права и свободы гражданина), издаваемые, в частности, федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, представительными (законодательными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и их должностными лицами (п. 2 ст. 1, п. 3 ст. 22, ст. 23 и ст. 28 Закона о прокуратуре, ст. 39, ч. 3 ст. 208 КАС РФ). То есть компетенция прокурора, которой ограничено его право на оспаривание в суде общей юрисдикции нормативных правовых актов, определена Законом о прокуратуре. Эта работа органов прокуратуры направлена на устранение дефектов правового регулирования, обеспечение законности в правотворчестве, содействие надлежащему применению современного механизма формирования системы права в Российской Федерации [1, с. 116].

Анализируя статус прокурора в административном судопроизводстве В. В. Ярков указывает, что в подобных ситуациях для ограничения административного истца от внешне схожих, но иных по содержанию процессуальных конструкций (имеются в виду конструкции, указанные законодателем в ст. ст. 39, 40 КАС), необходимо выяснить, существуют ли какие-либо конкретные частные или публичные субъекты, которые имеют непосредственную заинтересованность в материально-правовом разрешении спора... Если нет лиц, чьи права, свободы и законные интересы затрагиваются оспариваемым актом, то в таком случае возникает необходимость участия прокурора в административном процессе в качестве административного истца [3, с. 26]. Применительно к делам об оспаривании нормативных правовых актов наделение прокурора статусом административного истца представляется целесообразным, поскольку в таком случае его компетенция будет расширена, что позволит участвовать в судебном процессе по оспариванию нормативных актов не только при наличии конкретного материально-правового спора. Фактически признание прокурора административным истцом позволит ему осуществлять «абстрактный нормоконтроль», оспаривая нормативные акты, которые не соответствуют актам большей юридической силы вне связи с нарушением прав, свобод и законных интересов каких-либо лиц.

Изложенное позволяет сделать вывод, что, оспаривая нормативные правовые акты в суде, прокурор реализует некую публичную функцию, возложенную на него законом, в частности Законом о прокуратуре, а следовательно, должен в процессе наделяться статусом административного истца.

Следует отметить, что на сегодняшний день прокурор в силу прямого указания закона не наделен статусом административного истца. Так, в административном исковом заявлении об оспаривании нормативного правового акта прокурор должен указать, какие права, свободы и законные интересы иных лиц, в интересах которых подано административное исковое заявление, нарушены или, что существует реальная угроза их нарушения (часть 5 статьи 209 КАС РФ). Следовательно, законодатель рассматривает прокурора исключительно в контексте статьи 39 КАС РФ. О том, что прокурор, обратившийся в суд с административным иском об оспаривании нормативного правового акта, не является административным истцом, а лишь наделяется его процессуальными правами и обязанностями, за исключениями,

предусмотренными КАС РФ, прямо указано в абзаце 2 пункта 9 Постановления Пленума ВС РФ № 50.

Таким образом, указанная в части 3 статьи 208 КАС РФ компетенция ограничивается положениями статьи 39 КАС РФ, предусматривающей возможность обращения прокурора в суд только в защиту прав, свобод и законных интересов граждан или неопределенного круга. При этом, для подачи административного искового заявления в защиту прав конкретного гражданина необходимо наличие оснований, свидетельствующих о том, что гражданин сам по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может самостоятельно обратиться в суд.

Однако до введения в действие КАС РФ необходимость оспаривания подобных актов законом не ставилась в зависимость от нарушения конкретных прав и законных интересов отдельных граждан или неопределенного круга лиц, незаконность нормативного правового акта рассматривалась как достаточное юридическое основание для обращения прокурора в суд с заявлением об оспаривании этого акта [4, с. 14]. Это прямо указывалось в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части». В пункте 7 данного постановления разъяснялось, что при обращении прокурора с заявлением об оспаривании нормативного правового акта от него не требуется указания данных, конкретизирующих, чьи и какие права и свободы, гарантированные Конституцией Российской Федерации и другими нормативными правовыми актами, нарушаются оспариваемым актом, поскольку статья 251 ГПК РФ не возлагает на него такую обязанность.

В этой связи заслуживает внимания мнение А. Вифлянцева, который считает, что если институт оспаривания нормативных правовых актов будет подразумевать только обращение частного лица для защиты своего уже нарушенного права, то такая радикальная позиция не будет отвечать интересам государства, так как это настолько сузит круг возможных заявителей, что нормативные правовые акты, которые противоречат нормативному правовому акту большей юридической силы, действовали бы в силу недостаточного количества субъектов оспаривания [5, с. 35]. Если развивать данную мысль, то ограничение права прокурора на обжалование нормативных правовых актов наличием нарушения конкретных прав и свобод граждан или неопределенного круга лиц, введенных КАС РФ, противоречит интересам государства, поскольку не позволяет исключать из правового пространства нормативные правовые акты, противоречащие нормативным правовым актам, которые имеют большую юридическую силу, не дожидаясь их применения и, как следствие, нарушения ими прав и законных интересов граждан и организаций.

Кроме того, указанные ограничения, как представляется, не позволяют прокурору оспорить в суде нормативный правовой акт, регулирующий отношения с участием исключительно юридических лиц, поскольку в силу статьи 39 КАС РФ прокурор не уполномочен на обращение в суд в защиту их прав и законных интересов.

Таким образом, следует признать, что при принятии КАС РФ законодатель существенно ограничил возможности органов прокуратуры для эффективной реализации предоставленных Законом о прокуратуре полномочий по участию в правотворческой деятельности и осуществлению постоянного надзора за законностью

правовых актов, независимо от поступления жалоб или иной информации о нарушении законодательства [6, с. 36].

Отмеченное обстоятельство подтверждается судебной статистикой. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за период 2018–2022 гг. по административным исковым заявлениям прокуроров судами общей юрисдикции ежегодно возбуждалось не более 428 административных дел об оспаривании нормативных правовых актов¹. За истекшие шесть месяцев 2023 г. по административным искам прокуроров возбуждено 247 таких дел². В сравнении с общим числом административных исков названной категории, инициированных в судах общей юрисдикции за указанный период, доля административных дел, возбужденных по инициативе прокуроров, составила в среднем около 11 %. При этом до введения в действие КАС РФ эта доля была существенно выше. Так, в 2014 г. по заявлениям прокуроров было возбуждено 1 551 дело об оспаривании нормативных актов из 3 244 возбужденных судами дел³, что составило чуть менее 50 %.

В настоящее время наиболее распространенным основанием для обращения прокурора в суд с требованием об оспаривании таких актов является защита прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, поскольку одним из признаков, характеризующих нормативный правовой акт, является наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных именно для неопределенного круга лиц (пункт 2 Постановления Пленума ВС РФ № 50). Однако прокурору необходимо не только указать в административном исковом заявлении на нарушение нормативным правовым актом прав неопределенного круга лиц, но и доказать эти нарушения в процессе рассмотрения дела судом. В случае недоказанности этих обстоятельств, суд отказывает прокурору в удовлетворении его требований. Так, решением Ульяновского областного суда от 23.09.2019 по делу № 3А-234/2019 было отказано в удовлетворении требований прокурора Новомалыклинского района Ульяновской области о признании недействующими в части приказов Агентства архитектуры и градостроительства Ульяновской области, так как прокурором «не представлено убедительных доказательств, подтверждающих нарушение интересов, как муниципального образования, так и прав и законных интересов неопределенного круга лиц, принятием оспариваемых нормативных правовых актов. Судом таких нарушений в ходе

¹ Судебная статистика // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7650> (дата обращения: 27.09.2023).

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 6 месяцев 2023 г – Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2023 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7041> (дата обращения: 27.09.2023).

³ Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских дел по первой инстанции за 12 месяцев 2014 г. // Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2014 год. [Электронный ресурс]. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2884> (дата обращения: 27.09.2023).

рассмотрения дела также не установлено»⁴.

Следует отметить, что в некоторых случаях суды выходили за пределы тех ограничений, которые определены положениями КАС РФ, в том числе статьей 39, принимая к производству административное исковое заявление прокурора об оспаривании нормативного правового акта, поданное в защиту публичных интересов. При этом проверяя законность вынесенного по такому иску решения об удовлетворении требований прокурора, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что, поскольку прокурор обратился «с данным административным исковым заявлением в соответствии с полномочиями, предоставленными ему Федеральным законом от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», а также в порядке, предусмотренном главой 21 КАС РФ, в том числе в защиту публичных интересов, то неуказание в иске конкретных лиц, чьи права, обязанности и законные интересы нарушаются оспариваемыми положениями, не может свидетельствовать о существенном нарушении норм процессуального права, влекущем безусловную отмену решения суда»⁵.

Обобщая все вышесказанное отметим, что поскольку дела об оспаривании нормативных правовых актов относятся к спорам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, а их противоречие нормативному правовому акту большей юридической силы свидетельствует о наличии недостатков в сфере нормотворчества, представляется, что административное исковое заявление прокурора не должно содержать указание на то, чьи и какие права, свободы и законные интересы нарушены этим актом или его частью. Представляется, что прокурор в такой ситуации реализует предоставленные ему законом публичные полномочия в сфере надзора за соответствием Конституции Российской Федерации и Федеральным законам нормативных правовых актов. Такой подход также согласуется с положениями части 2 статьи 38 КАС РФ, определяющими прокурора как административного истца при обращении в суд в целях реализации публичных полномочий.

С учетом изложенного представляется необходимым внесение изменений в часть 5 статьи 209 КАС РФ, в части исключения прокурора из числа лиц, которые должны в административном исковом заявлении указать, какие права, свободы и законные интересы иных лиц, в интересах которых подано административное исковое заявление, нарушены, или о том, что существует реальная угроза их нарушения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маматов, М. В., Маслов И. А. Применение прокурорами процессуальных средств при обеспечении законности правовых актов // Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право. 2023. № 1. С. 114–122.

⁴ Решение Ульяновского областного суда от 23 сентября 2019 года по делу № 3А-234/2019 // Судебный и нормативные акты Рос. Федерации : база данных. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VRHk5uNMGsJv/> (дата обращения: 19.09.2023).

⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2019 № 46-АПГ18-44. [Электронный ресурс]. Доступ из базы данных СПС КонсультантПлюс. (дата обращения: 25.09.2023).

2. Насонов, Ю. Г., Выскуб В. С. О недостатках правового регулирования участия прокурора в административном судопроизводстве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 5. С. 60–66.
3. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (постатейный, научно-практический) / под ред. В.В. Яркова. М.: Статут, 2016. 1870 с.
4. Мищенко, Е. А. Пределы оспаривания прокурором нормативных правовых актов в порядке административного судопроизводства // Законность. 2023. № 5. С. 13–17.
5. Вифлянцев, А. О. Субъекты оспаривания нормативных правовых актов // Журнал административного судопроизводства. 2019. № 4. С. 34–40.
6. Исмагилов, Р. Роль прокурора в абстрактном нормоконтроле, осуществляемом в порядке административного судопроизводства // Законность. 2018. № 3. С. 34–36.

REFERENCES:

1. Mamatov M.V., Maslov I.A. Primenenie prokurorami processual'nyh sredstv pri obespechenii zakonnosti pravovyh aktov [The use of procedural means by prosecutors in ensuring the legality of legal acts]. Oborонno-promyshlennyj kompleks: upravlenie, jekonomika i finansy, parvo – Defense-industrial complex: management, economics and finance, law. 2023, no. 1, pp. 114-122.
2. Nasonov Yu. G., Vyskub V. S. O nedostatkah pravovogo regulirovaniya uchastija prokurora v administrativnom sudoproizvodstve [On the shortcomings of the legal regulation of the participation of the prosecutor in administrative proceedings]. Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii – Vestnik of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2015, no. 5, pp. 60-66.
3. Yarkov V.V. (ed.) Kommentarij k Kodeksu administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii (postatejnyj, nauchno-prakticheskij) [Commentary on the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation (article-by-article, scientific-practical)]. Moscow, 2016, 1870 p.
4. Mishchenko E.A. Predely osparivanija prokurorom normativnyh pravovyh aktov v porjadke administrativnogo sudoproizvodstva [The limits of the prosecutor challenging normative legal acts in administrative proceedings]. Zakonnost' – Legality.2023, no. 5, pp. 13-17.
5. Viflyantsev A.O. Sub#ekty osparivanija normativnyh pravovyh aktov [Subjects of challenging normative legal acts]. Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva – Journal of Administrative Proceedings. 2019, no. 4, pp. 34-40.
6. Ismagilov R. Rol' prokurora v abstraktnom normokontrole, osushhestvlyajemom v porjadke administrativnogo sudoproizvodstva [The role of the prosecutor in abstract normative control carried out in administrative proceedings]. Zakonnost' Legality. 2018, no. 3, pp. 34-36.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравцов Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, декан юридического факультета. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kravtsov Aleksey Yurievich, Candidate of Law, Dean of the Faculty of Law. Irkutsk Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation. 664035, Irkutsk, st. Shevtsova, 1.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107) С. 66–77.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023.
Vol. No 4 (107). p. 66–77.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья

УДК 342.4

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.17.89.006

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМАХ

Нежинская Ксения Сергеевна

Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск, Россия,
umatno@gmail.com

Введение. Целью исследования стало изучение различных подходов к трактовке понятия идеология, процесса закрепления и развития государственной идеологии в России. Анализ закономерностей развития идеологической функции государства был проведен через призму аксиологического подхода к пониманию права и сущности Конституции Российской Федерации, ее развитии в национальном законодательстве.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, федеральное законодательство, а так же нормы документов стратегического планирования, направленных на формирование идеологической функции российского государства. Методологическим фундаментом исследования выступает общий диалектический метод научного познания, а также методы дедукции, анализа, синтеза и другие инструментарии, по средствам которых стало возможным изучить и проанализировать закрепление, становление и развитие идеологической функции российского государства.

Результаты исследования дают возможность по-новому взглянуть на статью 13 Конституции Российской Федерации. В статье предпринята попытка доказать, что идеологическая функция российского государства раскрывается через конституционные ценности, которые в свою очередь конкретизируются в национальном законодательстве и являются воплощением компромисса интересов триады «человек, общество, государство».

Выводы и заключения. В ходе анализа норм, регулирующих общественные отношения в сфере идеологической функции государства, выявлено, что понятия «конституционная ценность» и «духовная ценность» идентичны. Конституционная ценность является ценностью высшего порядка, так как происходит от конституционной нормы. Воплощение и толкование конституционной нормы раскрывает основное содержание идеологической функции государства, а анализ норм национального законодательства, направленных на сохранение духовных ценностей российского общества подтверждает эту гипотезу.

Ключевые слова: государственная идеология, духовная ценность, конституционная ценность, конституционные нормы, надконституционные нормы, идеологическая функция государства

Для цитирования: Нежинская К. С. Историческое наследие в конституционных нормах. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 66–77. DOI: 10.55001/2312-3184.2023.17.89.006

5.1.2. Public law (state law) sciences

Original article

HISTORICAL HERITAGE IN CONSTITUTIONAL NORMS

Ksenia S. Nezhinskaya

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Khabarovsk, Russian, ymatno@gmail.com

Introduction: the purpose of the study was to study different approaches to the interpretation of the concept of ideology, the process of consolidation and development of state ideology in Russia. The analysis of the regularities of the development of the ideological function of the state was carried out through the prism of the axiological approach to the understanding of law and the essence of the Constitution of the Russian Federation, its development in the national legislation.

Materials and Methods: The normative basis of the study is the Constitution of the Russian Federation, federal legislation, as well as the norms of strategic planning documents aimed at forming the ideological function of the Russian state. The methodological basis of the study is the general dialectical method of scientific cognition, as well as the methods of deduction, analysis, synthesis and other tools by means of which it became possible to study and analyse the consolidation, formation and development of the ideological function of the Russian state.

The Results of the Study: provide an opportunity to take a fresh look at Article 13 of the Constitution of the Russian Federation. The article attempts to prove that the ideological function of the Russian state is revealed through constitutional values, which in turn are specified in national legislation and are the embodiment of a compromise of interests of the triad "man, society, state".

Findings and Conclusions: In the course of analysing the norms regulating social relations in the sphere of ideological function of the state, it was revealed that the concepts of "constitutional value" and "spiritual value" are identical. The constitutional value is a value of the highest order, as it comes from the constitutional norm. The embodiment and interpretation of the constitutional norm reveals the main content of the ideological function of the state, and the analysis of the norms of national legislation aimed at preserving the spiritual values of the Russian society confirms this hypothesis.

Keywords: state ideology, spiritual value, constitutional value, constitutional norms, supra-constitutional norms, ideological function of the state.

For citation: Nezhinskaya K.S. Istoricheskoe nasledie v konstitucionnyh normah [Historical Heritage in Constitutional Norms]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.2023, no. 4 (107), pp. 66–77.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.17.89.006

История становления российской государственности связана с формированием особого, отличающегося от других стран пути правового развития. Существующие в обществе социальные регуляторы тесно связаны не только с религией и обычным правом, но и прежде всего с особым менталитетом, культурой и даже климатическими особенностями нашей страны. Идеологическая надстройка российского государства берет свое начало в учредительных, дефинитивных, декларативных и т. п. нормах Конституции Российской Федерации. По мнению большинства российских ученых-правоведов, именно конституционные ценности обладают наиболее социально-значимым положением в иерархии правовых норм закрепляющих идеологическую надстройку российского государства [1, с. 73–91].

Многовековая борьба России за свое существование на мировой арене оказала огромное влияние на формирование современных конституционных ценностей, ставших фундаментом для формирования российской правовой системы, с присущими только ей национальными особенностями. Процессы глобализации, умаления значения права в угоду политическим интересам отдельных государств, разрушения международных механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина, активного развития экстремистских течений вновь обратили взгляды представителей власти и научной общественности на проблему отсутствия концептуальной модели развития российского общества и государства. Именно поэтому востребованность исследований в данной области знаний сегодня является весьма актуальной в правовой науке и практике. Динамично развивающиеся нормы права, регулирующие правоотношения в сфере образования, патриотического воспитания, сохранения исторического наследия, являются ярким примером пересмотра конституционного разъяснения статьи 13 Конституции Российской Федерации.

Примечательно в контексте данной проблематики мнение О. Е. Кутафина, что процесс деологизации государства нельзя рассматривать упрощенно. Стремление освободится от государственно идеологии – тоже идеология, которая, как показывает российская история, ведет к необратимым дегенеративным процессам в развитии триады «личность, общество, государство» [2, с. 223]. Более того, стоит согласится с С. А. Авакян, что «ни одна страна не может жить без идеологии, а утверждать иное – значит вводить людей в заблуждение. Идти вперед нельзя, не выбрав целей, а это и есть выбор определенных идеологических установок» [3, с. 543–544].

Но если по вопросу необходимости существования государственной идеологии большинство ученых пришли к единому мнению, то с определением ее содержательного наполнения разобраться весьма затруднительно. Анализ конституционных норм, норм стратегического планирования, правотворческой

деятельности органов публичной власти указывает на непоследовательный и бессистемный характер решения проблем, возникающих в данной сфере общественных отношений. Более того, в понятие идеологической основы российского государства включают иные термины, которые закреплены в том числе и в нормативно правовых актах стратегического планирования. Совершенно обоснованно в контексте указанной проблемы О. Е. Кутафин [2, с. 379] предлагает искать ответ в конституционных нормах и их прямом воплощении в российском законодательстве и правоприменительной практике органов публичной власти. Ведь не случайно объектом воздействия конституционной идеологии является не только правосознание отдельного гражданина, а абсолютно все формы общественного сознания. В Конституции Российской Федерации аккумулированы общенациональные интересы, а их реализация способствует мобилизации материальных, духовных и человеческих ресурсов в социально значимых целях.

История развития идеологической функции российского государства в трудах отечественных историков и правоведов указывает на то, что все попытки заимствования нашим государством идеологических начал, основанных на религиозных доктринах, европейских ценностях, так или иначе, приспособливались к русской культуре и менталитету, приобретая общие, присущие только нашей стране черты [4, с. 53–64]. Так, существовавшая в дореволюционной России идеология божественности власти и ее справедливом от природы характере сменилась социалистической идеологией всеобщей справедливости, равенства и свободы. В основе этих идеологий лежали непоколебимые человеческие ценности, связывающие каждого члена общества с историей нашей страны, ее традициями, верованиями и целями развития. Построение нового российского государства началось с закрепления в Конституции Российской Федерации своего рода правовой коллизии. Устанавливая за конституционной нормой высшую юридическую силу и учредительный характер, законодатель фактически заложил те самые идеологические ориентиры становления и развития российского государства. С другой стороны, статья 13 Конституции Российской Федерации эти ориентиры отменяет, устанавливая запрет на государственную идеологию.

Указанное выше привело к тому, что общество перестало иметь единое представление о возникновении, становлении, развитии российского государства и его самобытности, а также о человеческих ценностях, которые создают определенный невидимый барьер, являющийся основой формирования правовой культуры и полноценного развития личности. Многие исторические события стали рассматриваться однобоко, а иногда искаженно, в ущерб формированию чувства патриотизма и любви к своей Родине. Стоит согласится с мнением А. Самсонова: «мы видим яркие проявления ряда черных мифов, которые были созданы прозападными, либеральными кругами и наносящими огромный урон русскому самосознанию, исторической памяти, что в перспективе ведет к разрушению самой русской государственности и цивилизации» [5].

Согласно исследованиям Федерального института педагогических измерений при Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации, полученных на основе анализа результатов основного и единого государственного экзамена по истории, более трети российских школьников довольно слабо знают историю своего государства [6]. По мнению С. С. Кравцова, «школьники

путаются даже в наиболее известных событиях нашей страны, не могут установить простейшие хронологические и причинно-следственные связи, не знают ключевых исторических деятелей, историю российской культуры. В большинстве своем данная ситуация связана с отсутствием современных методик преподавания, с недостатком программ подготовки учителей» [7]. Молодое поколение россиян не знает элементарные исторические события в истории родной земли (9 % опрошенных смогли назвать дату русско-японской войны, 7 % – Гражданской войны), а также известных отечественных деятелей. 14 сентября 2017 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Музей современной истории России представили данные исследования по оценке знаний россиян в области истории: «74 % вчерашних школьников не смогли правильно назвать имя первого и единственного президента СССР. Однако на большем временном промежутке результаты еще более ошеломляющие: 95 % участников опроса в возрасте от 18 до 24 лет не идентифицируют последнего главу Временного правительства А. Ф. Керенского»⁶. В этом контексте невозможно не согласится с С. Я. Левит, что «Самобытность определяется как жизненное ядро культуры, тот динамичный принцип, через который общество, опираясь на свое прошлое, черпая силу в своих внутренних возможностях, осуществляет процесс постоянного развития» [8].

Анализ нормативно-правовых актов, развивающих последние конституционные изменения, бесспорно, поставил точку в научном дискурсе относительно государственной политики, в сфере становления и развития идеологической основы российского общества.

Так, например, часть 1 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации, закрепляет, что «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником Союза ССР в отношении членства в международных организациях»⁷. Закрепление на конституционном уровне синтеза исторического и юридического знания, объектом которого является прошлое человека, общества и государства, положенного в основу правоприменительной практики, содержит в себе неоспоримый потенциал не только государственной монополии на это знание, но и гарантии его получения. Часть 2, 3 и 4 статьи 67.1 закладывают фактически

⁶ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/istoriya-strany-stavim-otlichno-v-ume-derzhim-neud> (дата обращения: 17.07.2023 г.).

⁷ Конституция Российской Федерации : принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) (В редакции указов Президента Российской Федерации от 09.01.1996 № 20, от 10.02.1996 № 173, от 09.06.2001 № 679, от 25.07.2003 № 841; федеральных конституционных законов от 25.03.2004 № 1-ФКЗ, от 14.10.2005 № 6-ФКЗ, от 12.07.2006 № 2-ФКЗ, от 30.12.2006 № 6-ФКЗ, от 21.07.2007 № 5-ФКЗ; законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ; Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ; Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; Указа Президента Российской Федерации от 27.03.2019 № 130; Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; федеральных конституционных законов от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 07.07.2023).

основу механизма правоприменения первой части. Так, часть 4 статьи 67.1 подчеркивает, что «дети являются важным приоритетом государственной политики... Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим». В развитие данной конституционной нормы Министерство просвещения в 2021 г. устанавливает образовательный стандарт основного общего образования⁸, а в феврале 2022 г. глава государства своим указом утверждает «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовных ценностей» (далее Основы)⁹. Примечательно, что два этих нормативно-правовых актах вплоть до текстологических совпадений дублируют друг друга. Таким образом, на государственном уровне было закреплено не только понятие традиционных ценностей, но и их содержательное наполнение.

Примечательно, что сохранение и укрепление традиционных ценностей глава государства видит в проведении единой государственной политики в области воспитания, образования и культуры, как на государственном, так и на международном уровнях. Так, в механизме правореализации данных норм Министерство просвещения России утверждает и вводит в действие федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации»¹⁰, в соответствии с которым в образовательных организациях общего и профессионального образования активно проводятся мероприятия патриотической направленности. Бессспорно, теперь можно утверждать, что конституционная норма перестала носить исключительно декларативный характер, а получила конкретный механизм правореализации, и истолковать ее двояко уже вряд ли представится возможным.

Конституционные нормы содержат в себе множество терминов, изначально имеющих не только правовое, но прежде всего философское значение. Так, например, Еникеев З.Д., анализируя этимологию конституционных ценностей, отмечает, что право в целом является ценностно-ориентированным социальным феноменом, так как напрямую отражает результат развития общественных отношений под влиянием различных системообразующих факторов [9]. В иерархии социальных регуляторов именно норма права обладает не только большей юридической силой, но и является неким компромиссом интересов триады личность-общество-государство. Через

⁸ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/> (дата обращения: 07.07.2023).

⁹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809 // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 22.12.2022).

¹⁰ Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» // <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (дата обращения 17.07.2023 г.); Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2016. № 2. (часть I). Ст. 368.

идеологическую функцию нормы права исследователи изучают аксиологические начала права и сущность государства в целом на всем протяжении человеческой цивилизации.

Именно по этой причине в отечественной науке конституционного права в последние годы зачастую высказываются предложения о необходимости анализа норм Конституции Российской Федерации через призму аксиологического (ценностного) подхода [10; 11]. Конституционная аксиология в нашей стране дала возможность выявить значительное количество теоретических и эмпирических проблем, существующих как в правотворчестве, так и в правореализации. Более того, проводимая реформа образования, направленная на унификацию и пересмотр ценностного подхода в образовательном процессе, свидетельствует о заинтересованности российского государства в развитии единого идеологического подхода применительно ко всем сферам жизнедеятельности общества. Соотнесение таких категорий, как «конституционная ценность» и «духовная ценность», имеет приоритетное значение при определении содержания идеологической функции российского государства.

Как полагает О. А. Снежко, конституционные ценности представляют собой основополагающие, предельно обобщенные принципы (цели, установки), положенные в основу российской государственности [12]. По мнению Е. И. Клочко, под конституционными ценностями следует понимать «идеи, идеалы, ориентиры, имеющие положительную значимость для всего народа и являющиеся основой всей правовой системы, общественного и государственного развития [13, с. 121]. В. В. Мамонов считает, что к анализируемому понятию следует относить предметы, субъекты, ориентиры, убеждения, конституционными ценностями являются также те цели, которые поставило перед собой общество и государство в качестве наиболее важных направлений развития [14, с. 129]. Д. А. Авдев, резюмируя вышеуказанные мнения, под конституционными ценностями понимает только те идеи, явления или социально значимые обстоятельства, которые нашли свое отражение в Основном законе государства или в нормативно-правовых актах, имеющих равнозначную юридическую силу [1, с. 74]. В основе данного тезиса лежит учредительный характер конституционных норм, выступающих ориентиром, «предопределяющим содержание норм текущего законодательства, которое в процессе регламентации общественных отношений отдает приоритет конституционным ценностям».

Представленные научные определения содержательному наполнению «конституционная ценность», несомненно, имеют значительные отличия, которые Н. С. Бондарь раскрывает в, предложенном им делении вышеуказанных ценностных ориентиров. Все конституционные ценности он разделяет на три блока. Первый рассматривает саму Конституцию как ценность. И это вполне справедливо, если учитывать ее природу и социальную сущность. Во второй блок включены все ценности, закрепленные в конституционных нормах. Как уже указывалось выше, именно высшая юридическая сила и учредительный характер конституционной нормы предопределяет вектор развития национального законодательства. Третий блок включает ценности, которые не нашли отражения в Основном законе, но скрыто в нем присутствуют и находят свое отражение в решениях Конституционного суда Российской Федерации. Такие ценности прямо вытекают из «духа Конституции» [15].

В. В. Невинский, напротив, выступает против соединения конституционной нормы с правотворческой и правоприменительной практикой, указывая на то, что под

исследуемым понятием следует понимать лишь те конституционные нормы, которые содержат в себе основы конституционного строя или конкретизируют их [16, с. 111].

Рассмотрение данной проблематики было бы неполным без исследования ее через призму концепции «надконституционных норм», которая, по мнению Д. Шустрова, приобретает «актуальное доктринальное и теоретическое звучание в контексте исследования материальных пределов изменения конституции» [17]. Суть данной теории состоит в том, что в Конституции содержатся нормы, стоящие по юридической силе выше других конституционных норм и в процессе развития общественных отношений, не подлежащие изменению. Надконституционные нормы несут в себе положения фундаментального характера, составляющие сущность самой конституции, ради чего она и была принята. В развитие этой концепции стоит высказать предположение о наличии международных и естественно-правовых надконституционных норм, которые не всегда имеют доктринальное или нормативное закрепление, но при этом являются результатом развития всего общества в целом и своего рода универсальным маркером процесса становления личности, независимо от ее правового статуса. Таким образом, рассмотрение содержания конституционных ценностей невозможно без уяснения сущности Конституции, а именно тех ценностей, которые содержатся как в нормах Конституции и формируемого на ее основе законодательства, так и в иных социальных регуляторах, которые являются результатом развития всего человечества в целом.

Несмотря на то, что конституционная ценность не имеет четкого нормативного определения, как и буквального толкования ее содержательного наполнения, анализ документов стратегического планирования позволяет нам сделать вывод о том, что ее текстологическое наполнение связано с недавно введенной в правовой оборот дефиницией «традиционная ценность». Упомянутые ранее Основы, являясь документом стратегического планирования в рамках обеспечения национальной безопасности государства, закрепили ее определение. Так, под «традиционной ценностью» понимаются совокупность нравственных ориентиров, «формирующих мировоззрение граждан России, передаваемые из поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющее гражданское единство, нашедшее свое уникальное самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России». Примечательно, что в этом аспекте определение, данное О. Н. Володиным, звучит как излишне декларативное, эмоциональное, перенасыщенное неправовыми признаками [18].

Тем не менее в Основах содержится перечень самих ценностей, который наполняет данное определение вполне конкретными ориентирами, большинство из которых имеет нормативное закрепление. Так, к «традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

Итогом соотнесения нормативного и доктринального подхода к определению идеологической функции российского государства становится вполне обоснованный

вывод, что государство без идеологии существовать не может. Несмотря на отрицание в конституционной норме государственной идеологии, последняя не только имеет место быть в России, но и активно развивается. Российская государственная идеология опирается на конституционные нормы, несущие в себе конституционные ценности, являющиеся историческим наследием нашей страны. Конституционные ценности, впитав в себя всю историю развития российского государства, достижения международных механизмов защиты естественных прав и свобод человека и правоприменительную практику, являются своего рода компромиссом между триадой «личность, общество, государство». Анализ традиционных ценностей позволяет нам сделать вывод о том, что конституционные и традиционные ценности являются идентичными понятиями, а следовательно, и составляющими основу идеологической функции государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авдеев, Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия / Д. А. Авдеев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6. № 2 (22). С. 73–91.
2. Кутафин, О. Е. Российский конституционализм. М., 2008. 544 с.
3. Авакьян, С. А. Ни одна страна не может жить без идеологии // Размышления конституционалиста : избр. ст. М., 2010. 621 с.
4. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
5. Макарова, А. К. Нивелирование русофобской мифологии в учебном курсе «Россия – моя история» / А. К. Макарова // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/02PDMN223.pdf>.
6. Макарына, И. В., Осокин И. В., Никодимова Е. А. Анализ результатов государственной итоговой аттестации на региональном уровне // Педагогические измерения. №2.2023. С. 120–128.
7. Кравцов, С. С. Теория и практика организации профильного обучения в школах Российской Федерации : автореферат дис. ... доктора педагогических наук : 13.00.01. М., 2007. 57 с.
8. Левит, С. Я. Гуманитарное знание: генезис, итоги и перспективы // Гуманитарное знание и вызовы времени. М., 2014. С. 7–42
9. Еникеев, З. Д. Исследование проблем правовой защиты общечеловеческих ценностей как одна из важнейших задач российской юридической науки // Рос. юрид. журн. 2006. № 1. С. 45–49.
10. Бурла, В. М. Ценность как базовая категория отечественной конституционной аксиологии // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. С. 23–32.
11. Голубева, Л. А., Рудометов, С. С. Конституционные ценности как предмет конституционной аксиологии // Актуальные проблемы науки и практики : материалы VI Международной научно-практической конференции «Гатчинские чтения 2019». 17–18 мая 2019 года. Том 1. Гатчина, 2019. С. 24–27.
12. Снежко, О. А. Правовая природа конституционных ценностей современной России // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 2 (51). С. 13–19.

13. Ключко, Е. И. Подходы к определению понятия «конституционные ценности» в теории конституционного права России и зарубежных стран // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2015. № 2. С. 115–124.
14. Мамонов, В. В. Конституционные ценности современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 125–132.
15. Бондарь, Н. С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда РФ) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6. С. 8–25.
16. Невинский, В. В. Сущность и универсализация конституционных ценностей в современном обществе // Lex Russica. 2018. № 11 (144). С. 106–121.
17. Шустров, Д. Надконституционные нормы в конституционном праве // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 1 (140). С. 100–127.
18. Володин, О. Н., Лузгина, А. А. Применение основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей в воспитательной и профилактической работе // Вестник Прикамского социального института. 2023. № 1 (24). С. 179–184.

REFERENCES

1. Avdeev D. A. Konstitucionno-pravovye cennosti: ponjatie, vidy i ierarhija [Constitutional and legal values: concept, types and hierarchy]. Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomichekie i pravo-vye issledovanija – Vestnik of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2020, vol. 6, no. 2 (22), pp. 73-91.
2. Kutafin O.E. Rossijskij konstitucionalizm [Russian constitutionalism]. M. 2008, 544 p.
3. Avakian S.A. Ni odna strana ne mozhet zhit' bez ideologii [No country can live without ideology]. Razmyshlenija konstitucionalista – Reflections of a constitutionalist. M., 2010, 621 p.
4. Danilevsky N.Ya. Rossija i Evropa [Russia and Europe]. M.: Book, 1991, 574 p.
5. Makarova, A. K. Nivelirovanie rusofobskoj mifologii v uchebnom kurse «Rossija – moja istorija» [Leveling Russophobic mythology in the training course "Russia is my history"]. Mir nauki. Pedagogika i psihologija – The world of science. Pedagogy and psychology. 2023, vol. 11, no. 2, URL: <https://mir-nauki.com/PDF/02PDMN223.pdf>.
6. Makariina I.V., Osokin I.V., Nikodimova E.A. Analiz rezul'tatov gosudarstvennoj itogovojo attestacii na regio-nal'nom urovne [Analysis of the results of the state final attestation at the regional level]. Pedagogicheskie izmerenija – Pedagogical measurements. 2023, no.2, pp. 120-128.
7. Kravtsov S.S. Teoriya i praktika organizacii profil'nogo obuchenija v shkolah Rossijskoj Federa-cii : avtoreferat dis. ... doktora pedagogicheskikh nauk : 13.00.01. [Theory and practice of the organization of specialized education in schools of the Russian Federation : abstract of the dissertation. ... Doctor of Pedagogical Sciences : 13.00.01.]. M., 2007, 57 p.
8. Levit S.Ya. Gumanitarnoe znanie: genezis, itogi i perspektivy [Humanitarian knowledge: genesis, results and prospects]. Gumanitarnoe znanie i vyzovy vremeni – Humanitarian knowledge and challenges of the time. Moscow, 2014, pp. 7-42.

9. Enikeev, Z. D. Issledovanie problem pravovoj zashchity obshhechelovecheskih cennostej kak odna iz vazhnejshih zadach rossijskoj juridicheskoy nauki [The study of the problems of legal protection of universal values as one of the most important tasks of the Russian legal science]. Ros. jurid. Zhurn. – Russian Jurid. journal. 2006, no. 1, p. 45.
10. Burla V.M. Cennost' kak bazovaja kategorija otechestvennoj konstitucionnoj aksiologii [Value as a basic category of domestic constitutional axiology]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law. 2021, vol.16, pp. 24 – 25;
11. Golubeva L.A., Rudometov S.S. [Constitutional values as a subject of constitutional axiology]. Aktual'nye problemy nauki i praktiki : materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Gatchinskie chtenija 2019» [Actual problems of science and practice: Gatchina Readings-2019]. Gatchina, 2019. pp. 124 – 125.
12. Snezhko O.A. Pravovaja priroda konstitucionnyh cennostej sovremennoj Rossii [The legal nature of constitutional values in modern Russia]. Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review. 2005, no. 2 (51), p. 13.
13. Klochko E.I. Podhody k opredeleniju ponjatija «konstitucionnye cennosti» v teorii konstitucionnogo prava Rossii i zarubezhnyh stran [Approaches to the definition of the concept of "constitutional values" in the theory of constitutional law of Russia and foreign countries]. Vestnik RUDN. Serija «Juridicheskie nauki» – Vestnik of the RUDN. The "Legal Sciences" series. 2015, no. 2, p. 121.
14. Mamonov V.V. Konstitucionnye cennosti sovremennoj Rossii [Constitutional values of modern Russia]. Vestnik Saratovskoj gosudar-stvennoj juridicheskoy akademii – Vestnik of the Saratov State Law Academy. 2013, no. 4 (93), pp. 129.
15. Bondar N.S. Konstitucionnye cennosti – kategorija dejstvujushhego prava (v kontekste praktiki Konstitucionnogo Suda RF) [Constitutional values - a category of current law (in the context of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation)]. Zhurnal konstitucionnogo pravosudija – Journal of Constitutional Justice. 2009, no. 6, p. 3.
16. Nevinsky V.V. Sushhnost' i universalizacija konstitucionnyh cennostej v sovremenном obshhestve [The essence and universalization of constitutional values in modern society]. Lex Russica. 2018, no. 11 (144), p. 111.
17. Shustrov D. Nadkonstitucionnye normy v konstitucionnom prave [Supra-constitutional norms in constitutional law]. Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie – Comparative Constitutional review. 2021, no. 1 (140), pp. 100-127.
18. Volodin O.N., Luzgina A.A. Primenenie osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniju i ukrepleniju tradici-onnyh duhovno-nravstvennyh cennostej v vospitatel'noj i profilakticheskoy rabote [Application of the foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional spiritual and moral values in educational and preventive work]. Vestnik Prikamskogo social'nogo institute – Vestnik of the Prikamsky Social Institute. 2023, no. 1 (24), pp. 179-184.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Нежинская Ксения Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин. Дальневосточный юридический институт МВД России, пер. Казарменный, д.15, г. Хабаровск, 680020

ORCID: 0000-0002-1177-1455

ResearcherID:GRE-7681-2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nezhinskaya Ksenia Sergeevna, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines. Far Eastern Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, trans. Barracks, 15, Khabarovsk, 680020

ORCID: 0000-0002-1177-1455

ResearcherID:GRE-7681-2022

Статья поступила в редакцию 12.09.2023; одобрена после рецензирования 19.09.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 12.09.2023; approved after reviewing 19.09.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107) С. 78–86.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023.
Vol. No 4 (107). P. 78–86.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Научная статья

УДК: 347.73

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.13.70.007

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И НАЛОГОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ НАЛОГОВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Перетолчин Артем Павлович

Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, Иркутск, peretart@gmail.com

Введение. Научная статья посвящена актуальной проблеме разграничения административной и налоговой ответственности за совершение налоговых правонарушений в контексте российского права. Цель исследования заключается в анализе механизмов определения и разграничения административных и налоговых санкций, а также выявлении принципов и критериев, которые должны учитываться при принятии решения о привлечении к ответственности.

В статье рассматриваются существенные особенности разделения административных и налоговых мер ответственности, а также анализируются случаи, в которых возникает необходимость определения применяемых мер. Предметом исследования является российское налоговое законодательство, а объектом – совершение налоговых правонарушений и санкций, которые могут быть применены. Особое внимание уделяется сравнительному анализу практики применения административных и налоговых санкций в России.

Кроме того, статья обращает внимание на важность четкого определения компетенции и взаимодействия между налоговыми и административными органами при рассмотрении случаев налоговых правонарушений. Эффективное сотрудничество между этими инстанциями способствует более эффективной пресечении налоговых преступлений и обеспечению соблюдения законности.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, отечественные нормативные акты, регламентирующие порядок и условия привлечения к налоговой ответственности, а также формулирующие основные подходы к юридической ответственности за нарушение налогового законодательства. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования. В результате исследования делается вывод о необходимости усовершенствования процедур разграничения административной и налоговой ответственности в России, а также о значимости применения прозрачных и справедливых критериев при рассмотрении подобных случаев. Это исследование предоставляет полезный вклад в область улучшения налоговой системы и соблюдения правопорядка в России.

Выводы и заключения. Налоговая ответственность является самостоятельным видом юридической ответственности.

Ключевые слова: налоговое право, административное право, налоговая ответственность, административная ответственность, налоговое правонарушение, налоговая система, налоговое законодательство, разграничение ответственности

Для цитирования: Перетолчин А. П. К вопросу о разграничении административной и налоговой ответственности за совершение налоговых правонарушений в российском праве. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 78–86.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.13.70.007

5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences)

Original article

SOME ASPECTS OF DISTINGUISHING ADMINISTRATIVE AND TAX LIABILITY FOR TAX OFFENSES IN RUSSIAN LAW

Artem P. Peretolchin

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia,
peretart@gmail.com

Introduction: The scientific article is devoted to the urgent problem of differentiation of administrative and tax liability for tax offences in the context of Russian law. The purpose of the study is to analyses the mechanisms of determination and differentiation of administrative and tax sanctions, as well as to identify the principles and criteria that should be taken into account when deciding on bringing to responsibility.

The article considers the essential features of the separation of administrative and tax measures of responsibility, and analyses the cases in which there is a need to determine the applicable measures. The subject of the study is Russian tax legislation, and the object is the commission of tax offences and sanctions that can be applied. Special attention is paid to a comparative analysis of the practice of administrative and tax sanctions in Russia.

In addition, the article draws attention to the importance of clearly defining the competence and interaction between tax and administrative authorities when dealing with tax offences. Effective cooperation between these instances contributes to more effective

suppression of tax offences and enforcement of the rule of law.

Materials and Methods: The normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, domestic normative acts regulating the procedure and conditions for bringing to tax liability, as well as formulating the main approaches to legal responsibility for violation of tax legislation. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific cognition, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalisation and description.

The Results of the Study: as a result of the research, a conclusion is drawn regarding the need to improve the procedures for delineating administrative and tax liability in Russia and the significance of applying transparent and fair criteria when considering such cases. This study provides a valuable contribution to the field of tax system improvement and the maintenance of law and order in Russia.

Findings and Conclusions: tax liability is an independent form of legal responsibility.

Keywords: tax law, administrative law, tax liability, administrative liability, tax offense, tax system, tax legislation, delineation of liability

For citation: Peretolchin A. P. K voprosu o razgranichenii administrativnoj i nalogovoj otvetstvennosti za sovershenie nalogovyh pravonarushenij v rossijskom prave [Some aspects of distinguishing administrative and tax liability for tax offenses in Russian law]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, vol. no. 4 (107), pp.78–86 (in Russ.)

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.13.70.007

При исследовании актуальных проблем налогового права одним из самых проблемных является вопрос о выделении самостоятельной формы юридической ответственности – налоговой. Такая проблема возникла по причине того, что совершенные правонарушения в сфере налогового законодательства подпадают под нормы нескольких отраслей российского права и могут регулироваться как административным законом, так и налоговым.

В юридической литературе нередко можно встретить такую категорию ответственности, как публично-правовая, из которой, по мнению многих ученых, сформировались другие виды ответственности.

Так, под публично-правовой ответственностью следует понимать правовое явление, характеризующееся особыми признаками, разграничающими ее от частной правовой юридической ответственности, закрепленное нормами публичного права и возникающее в результате нарушения публичных правоотношений и обязанности субъекта претерпевать негативные последствия данного правонарушения [1, с. 88].

Нарушение публичных правоотношений равнозначно совершению публичного правонарушения определенным субъектом [2, с. 69]. В данном случае в качестве субъекта могут выступать физические или юридические лица.

Определение публично-правовой ответственности является широкой категорией, под которую имеется возможность подставить любой вид юридической ответственности. Одной из ее форм является административная ответственность.

Согласно мнению А. И. Страхова, под административной ответственностью принято понимать два аспекта:

1) мера государственного принуждения, применяемая к лицу, совершившему правонарушение, предусмотренное нормами административного законодательства [3, с. 235];

2) юридическая обязанность лица претерпевать лишения и ограничения, согласно тем условиям, которые предусмотрены административным законодательством [4, с. 261].

Помимо административной ответственности, другими формами публично-правовой ответственности также являются конституционная, уголовная и экологическая [5, с. 110]. Однако, по мнению большинства ученых, наряду с перечисленными формами юридической ответственности необходимо включить в перечень налоговую ответственность, как самостоятельный вид [6, с. 148]. Данный вопрос в настоящее время остается дискуссионным, ввиду того, что мнения ученых разделились и, с одной стороны, доказывается необходимость выделения налоговой ответственности [7, с. 7], а с другой – отстаивается позиция, согласно которой налоговая ответственность является частью административной ответственности [8, с. 266–267; 9, с. 132; 10, с. 139]. Законодатель оставил некоторый пробел в нормах, закрепив толкование налогового правонарушения лишь в статье 106 Налогового Кодекса Российской Федерации, при этом легальное определение понятия «налоговая ответственность» отсутствует.

В поддержку точки зрения о том, что необходимо признать налоговую ответственность самостоятельным видом юридической ответственности, Ю. В. Тютиной отмечает, что в налоговом законодательстве имеются нормы, которые не вошли в административный кодекс, что является формальным основанием существования налоговой ответственности [11, с. 20]. А. П. Зрелов всецело поддерживает мнение Ю. В. Тютиной, аргументируя тем, что наличие Налогового Кодекса Российской Федерации порождает наступление налогово-правовой ответственности в результате нарушения его норм [12, с. 163].

В то же время Д. В. Винницкий отстаивает мнение, что нет острой необходимости в утверждении самостоятельной формы налоговой ответственности, ведь, анализируя нормы двух отраслей законодательств, они видятся как смежные институты [13, с. 311]. Вместе с тем Л. В. Тернова утверждает, что российское законодательство нуждается в формировании отдельной процессуальной формы производства о налоговых правонарушениях, а выделение налоговой ответственности станет началом в создании налогового процесса [14, с. 29].

С мнениями авторов по поводу установления категории налоговой ответственности трудно не согласится. Налоговый Кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за совершение тех правонарушений, которые закреплены лишь в указанном законе, и этот круг правонарушений ограничен.

По данному вопросу сравниваются две главы: глава 15 КоАП РФ и глава 16 НК РФ. Проведя юридический анализ данных глав, необходимо отметить, что главное различие между установлением ответственности за правонарушения, полностью

совпадающее по составу, заключается в определении субъекта совершенного деяния. Так, налоговое законодательство предусматривает ответственность за правонарушение, совершенное налогоплательщиком, а административное – должностного лица организации.

С этой стороны исследования А. Р. Нугуманова совместно с Р. Р. Субхангуловым указывают, что для налогового законодательства России статус субъекта (его должность и обязанности) не имеет значения. Согласно их мнению, субъектом налогового правонарушения может быть только исключительно участник налоговых правоотношений. Перечень субъектов налоговых правоотношений закреплен в статье 9 НК РФ [15, с. 36].

Исходя из сложившейся судебной практики, предполагается, что налоговые органы в конкретных случаях при получении сообщения или документа не могут определить, имело ли место правонарушение, поскольку для проведения действий на установление данного факта должно пройти определенное время (истечение срока подачи сообщения об открытии счета, срока предоставления налоговой декларации, срока выполнения поручения о предоставлении документов и т. д.) [16, с. 610].

Исключением является ст. 15.11 КоАП РФ, так как правонарушение, закрепленное данной статьей, выявляется в ходе выездных налоговых проверок, где устанавливаются все фактические обстоятельства дела, и в случае выявления правонарушения лицо привлекается к ответственности на основании протокола. При этом следует учитывать, что протокол проверяющим органом не может быть составлен незамедлительно, поскольку налоговая проверка может длиться до 6 месяцев, а протокол об административном правонарушении может быть составлен должностным лицом налогового органа только после вынесения решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения. Иной подход был бы нелогичен, так как невозможно привлечение должностного лица к административной ответственности без установления факта вины организации в совершении налогового правонарушения.

В поддержку мнения о том, что налоговая ответственность должна быть самостоятельной формой ответственности, необходимо обратить внимание на то, что КоАП РФ не всегда может быть применен в сфере имущественных отношений. Первой причиной этого является то, что административное законодательство не ориентировано на длящиеся налоговые правонарушения, в результате чего не может обеспечить необходимую подготовку материалов по данному делу и соблюдение специальных правил исполнения вынесенного решения [17, с. 248]. Второй причиной является уникальность природы финансово-правовой сферы.

Следующим признаком, по которому разграничивается административная и налоговая ответственность, является санкция. Дело в том, что в нормах административного законодательства санкция может выступать в виде штрафа, предупреждения, обязательных работ и т. д. Что касается налогового законодательства, то в данном случае имеется только штраф. Обусловлено это тем, что санкции налогового закона направлены не на ограничение лица, а на защиту налоговых правоотношений [18, с. 43].

Подводя итог, следует отметить, что налоговые правоотношения имеют свои

особенности и самостоятельные признаки, которые отличают их от иного вида правоотношений [19, с. 35]. Разумно разграничить правовое регулирование таких отношений от отношений, складывающихся в других отраслях российского права. Так, целесообразнее в юридической литературе выделить налоговую ответственность как самостоятельную форму юридической ответственности по причине уникальности природы налогово-правовых институтов. В заключение отметим, что административное законодательство отличается от налогового механизмом правового регулирования и целью применения норм [20, с. 110], в связи с чем необходимо четко разграничивать эти два вида ответственности за правонарушения, совершенные в налоговой сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Евсикова, Е. В. Публично-правовая ответственность в современном российском праве: теоретико-правовой аспект // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8, № 4. С. 87–96.
2. Кравченко, Н. А. К вопросу о публично-правовом характере налоговой ответственности // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 2. С. 66-70.
3. Административное право России: учебник и практикум для вузов / А. И. Стахов [и др.]; под редакцией А. И. Стахова, П. И. Кононова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 484 с.
4. Стахов, А. И., Кононов, А. И. Административное право России: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 685 с.
5. Вальтер, А. В. Криминогенные детерминанты налоговой преступности: проблемы и пути решения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 108–122.
6. Евсикова, Е. В., Буц, С. Б., Кравченко, Н. А., Ковалишина, К. В. Публичная ответственность за экологические правонарушения: теоретические аспекты и проблемы правоприменения в цифровом пространстве // Евразийский юридический журнал. 2022. № 9 (172). С. 146–150.
7. Гогин, А. А. Теоретико-правовые вопросы налоговой ответственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2002. 237 с.
8. Кирин, А. В. Административно-деликтное право (теория и законодательные основы). Москва : Норма : ИНФРА-М, 2012. 463 с.
9. Кинсбурская, В. А. Ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах. Москва : Юстицинформ, 2013. 203 с.
10. Щербакова, К. В. Налоговая ответственность как часть административно-правовой: проблемы законодательного регулирования // Молодой ученый. 2017. № 26 (160). С. 138–141.
11. Тютина, Ю. В. Содержание финансово-правовой ответственности // Финансовое право. 2009. № 2. С. 19–21.
12. Зрелов, А. П. Административное расследование нарушений

законодательства в области налогов и сборов : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2005. 232 с.

13. Бирюков, П. Н. Финансовое право Российской Федерации : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Бирюков П. Н., Брызгалин А. В., Винницкий Д. В. и др.]; отв. ред. д.ю.н., проф. М.В. Карасева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юристъ, 2006. 591 с.

14. Тернова, Л. В. Налоговая ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности // Финансы. 1998. № 9. С. 27–29.

15. Нугуманов, А. Р., Субхангулов Р. Р. К вопросу об ответственности за нарушение законодательства в сфере налогов и сборов и ее месте в системе юридической ответственности // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2020. № 2 (2). С. 34–38.

16. Шведова, О. В. К вопросу о разграничении налоговой и административной ответственности за правонарушения в сфере налогообложения // Вопросы российской юстиции. 2019. № 11. С. 605–611.

17. Зимулькин, М. И. Понятие существенности нарушения процедурно-процессуальных норм при применении налогового законодательства в сфере осуществления налогового мониторинга // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1 (152). С. 247–249.

18. Пепеляев, С. Г., Алехин, А. П. Ответственность за нарушение налогового законодательства. М., 1992. 96 с.

19. Фархутдинов, Р. Д. Вина в налоговых правоотношениях // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 4. С. 34–36.

20. Евсикова, Е. В. Проблемы теории и практики института административной ответственности // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10 (125). С. 108–110.

REFERENCES

1. Evsikova, E.V. Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Juridicheskie Nauki [Public-Legal Responsibility in Modern Russian Law: Theoretical and Legal Aspect.]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Juridicheskie nauki. –Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. 2022, vol. 8, no. 4, pp. 87-96.
2. Kravchenko, N.A. K voprosu o publichno-pravovom haraktere nalogovoj otvetstvennosti [On the Public-Legal Nature of Tax Liability]. Zhurnal Pravovykh i Ekonomicheskikh Issledovanii – Journal of Legal and Economic Research. 2022, no. 2, pp. 66-70.
3. Stakhov A. I., Kononov P. I Administrativnoe pravo Rossii [Administrative Law in Russia: 3rd Edition]. Revised and Expanded. Moscow, 2020, 484 p.
4. Stakhov, A.I., Kononov, P.I. Administrativnoe pravo Rossii [Administrative Law in Russia]. Moscow: Yurayt Publishing, 2019, 685 p.
5. Walter, A.V. Kriminogennye determinanty nalogovoj prestupnosti: problemy i puti reshenija [Criminogenic Determinants of Tax Crime: Issues and Solutions]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo Instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2022, no. 4 (103), pp. 108-122. DOI 10.55001/2312-

3184.2022.90.33.011.

6. K.V. Publichnaja otvetstvennost' za jekologicheskie pravonarushenija: teoreticheskie aspekty i problemy pravoprimenenija v cifrovom prostranstve [Public Responsibility for Environmental Offenses: Theoretical Aspects and Problems of Law Enforcement in the Digital Space]. Evraziiskii Yuridicheskii Zhurnal – Eurasian Legal Journal. 2022, no. 9 (172), pp. 146-150.

7. Gogin, A.A. Teoretiko-pravovye voprosy nalogovoj otvetstvennosti: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01. [Theoretical and legal issues of tax liability: Cand. Cand. jurid. sciences: 12.00.01.]. Saratov, 2002, 237 p.

8. Kirin A.V. Administrativno-deliktnoe pravo (teoriya i zakonodatel'nye osnovy) [Administrative and tort law (theory and legislative foundations)]. Moscow: Norma: INFRA-M, 2012, 463 p.

9. Kinsburskaya V.A. Otvetstvennost' za narushenie zakonodatel'stva o nalogah i sborah [Responsibility for Violation of Tax and Fee Legislation]. Moscow: Yustitsinform, 2013, 203 p.

10. Shcherbakova, K.V. Nalogovaja otvetstvennost' kak chast' administrativno-pravovoj: problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya [Tax Liability as Part of Administrative Law: Problems of Legislative Regulation]. Molodoi Uchenyi – Young Scientist. 2017, no. 26 (160), pp. 138-141.

11. Tyutina, Y.V. Soderzhanie finansovo-pravovoj otvetstvennosti [The Content of Financial-Legal Responsibility]. Finansovoe Pravo – Financial Law. 2009, no. 2, pp. 19-21.

12. Zrelov A.P. Administrativnoe rassledovanie narushenij zakonodatel'stva v oblasti nalogov i sborov : dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.14. [Administrative investigation of violations of legislation in the field of taxes and fees : diss. ... Cand. jurid. sciences: 12.00.14.]. Moscow, 2005, 232 p.

13. Biryukov P. N., Bryzgalin A. V., Vinnitsky D.V. (Ed.) Finansovoe pravo Rossiijskoj Federacii [Financial Law of the Russian Federation]. Moscow: Yurist Publishing, 2006, 591 p.

14. Ternova, L.V. Nalogovaja otvetstvennost' – samostojatel'nyj vid juridicheskoy otvetstvennosti [Tax Liability as an Independent Form of Legal Responsibility]. Finansy – Finance. 1998, no. 9, pp. 27-29.

15. Nugumanov, A.R., Subkhangulov, R.R. K voprosu ob otvetstvennosti za narushenie zakonodatel'stva v sfere nalogov i sborov i ee meste v sisteme juridicheskoy otvetstvennosti [On Responsibility for Violation of Legislation in the Field of Taxes and Levies and Its Place in the System of Legal Responsibility]. Obshchestvo, Pravo, Gosudarstvennost: Retrospektiva i Perspektiva – Society, Law, Statehood: Retrospective and Perspective. 2020, no. 2 (2), pp. 34-38.

16. Shvedova, O.V. K voprosu o razgranichenii nalogovoj i administrativnoj otvetstvennosti za pravonarushenija v sfere nalogooblozhenija [On the Differentiation of Tax and Administrative Responsibility for Violations in the Taxation Sphere]. Voprosy Rossiiskoi Yustitsii – Issues of Russian Justice. 2019, no. 11, pp. 605-611.

17. Zimulkin M.I. Ponjatie sushhestvennosti narushenija procedurno-processual'nyh norm pri primenenii nalogovogo zakonodatel'stva v sfere osushhestvlenija nalogovogo monitoring [The Concept of the Significance of Violation of Procedural and Procedural

Norms in the Application of Tax Legislation in the Field of Tax Monitoring]. Evraziiskii Juridicheskii Zhurnal – Eurasian Legal Journal. 2021, no. 1 (152), pp. 247-249.

18. Pepelyaev, S.G., Alekhin, A.P. Otvetstvennost' za narushenie nalogovogo zakonodatel'stva [Responsibility for Violation of Tax Legislation]. Moscow, 1992, 96 p.

19. Farkhutdinov, R.D. Vina v nalogovyh pravootnoshenijah [Fault in Tax Legal Relations]. Juridicheskii Vestnik Samarskogo Universiteta [Legal Vestnik of Samara University]. 2022, vol. 8, no. 4, pp. 34-36.

20. Evsikova, E.V. Problemy teorii i praktiki instituta administrativnoj otvetstvennosti [Problems of Theory and Practice of Administrative Liability]. Evraziiskii Juridicheskii Zhurnal – Eurasian Legal Journal. 2018, no. 10 (125), pp. 108-110.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Перетолчин Артем Павлович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин. Восточно-Сибирский институт МВД Российской Федерации». 664074, Россия, г. Иркутск, Лермонтова, 110.

Artem Pavlovich Peretolchin, Candidate of Law, associate professor of the Department of Civil Law Academic Disciplines. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 664074, Lermontov st. 110, Irkutsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 13.09.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 13.09.2023; approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 87–100.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023.
No. 4 (107). P. 87–100.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.9.018

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.41.39.008

**ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО УРОВНЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ г. АСТАНА)**

Бубербаев Нурлан Дюсентаевич

Карагандинская академия МВД Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова,
Караганда, Республика Казахстан, fairuz2982@mail.ru.

Введение. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся социально-психологических детерминантов преступности в столице Казахстана – городе Астана. Большое внимание уделяется рассмотрению малых социальных групп (семья, учебный или производственный коллектив, неформальное окружение и т. п.), в которых формировались криминальные наклонности лиц, совершивших преступления.

Материалы и методы. В качестве методологической основы исследования использован диалектический метод как всеобщий метод познания социально-правовых явлений. Применялся статистический метод при обработке статистических материалов Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан о зарегистрированных преступлениях. Использован метод системного анализа в процессе изучения материалов уголовных дел по фактам обвинений в совершении преступлений на территории города Астана.

Результаты исследования позволили установить негативное влияние социальной микросреды (малых социальных групп) на детерминацию преступного поведения.

Выводы и заключения. На основании проведенного исследования делается вывод, что неблагоприятная социальная микросреда является важным фактором, способным детерминировать совершение преступления.

Ключевые слова: преступность, преступность крупного города, социально-психологические детерминанты преступности, семейная десоциализация, криминологический рецидив, преступник, антиобщественное поведение, социальная микросреда, криминальная среда, криминогенная ситуация.

Для цитирования: Бубербаев Н. Д. Детерминанты преступности социально-психологического уровня (на материалах г. Астана) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. Т. № 4 (107). С. 87–100.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.41.39.008

© Бубербаев Н. Д., 2023

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

SOCIO-PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF CRIME (BASED ON ASTANA CITY MATERIALS)

Buberbaev Nurlan Dyusentaevich

Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after. Barimbek Beisenov.

fairuz2982@mail.ru.

Introduction: The article deals with issues related to socio-psychological determinants of crime in the capital of Kazakhstan - the city of Astana. Much attention is paid to the consideration of small social groups (family, educational or industrial collective, informal environment, etc.), in which criminal inclinations of persons who committed crimes were formed.

Materials and Methods: The dialectical method as a universal method of cognition of socio-legal phenomena was used as a methodological basis of the research. The statistical method was used in the processing of statistical materials of the Committee on Legal Statistics and Special Records of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan on registered crimes. The method of system analysis was used in the process of studying the materials of criminal cases on the facts of accusations of committing crimes on the territory of Astana city.

The Results of the Study: made it possible to establish the negative influence of the social microenvironment (small social groups) on the determination of criminal behaviour.

Findings and Conclusions: based on the conducted study, we concluded that microsocial disadvantage is an important factor that can determine the commission of a crime.

Keywords: criminality, big city criminality, socio-psychological determinants of crime, family desocialization, criminological recidivism, criminal, bad social behavior, social microenvironment, criminal environment, crime rate.

For citation: Buberbaev N. D. Determinants of crime at the socio-psychological level (based on materials from the city of Astana) [Determinanty prestupnosti social'no-psihologicheskogo urovnja (na materialah g. Astana)]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, vol. no.7 (107). P. 87–100.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.41.39.008

В течение последних полутора десятков лет, по данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, по числу совершенных преступных деяний столица республики удерживает вторую

позицию в республике, уступая только населенному пункту с особым статусом – г. Алматы, о чем свидетельствуют данные, представленные в таблице 1¹¹.

Таблица 1

**Показатели зарегистрированной преступности
в регионах и городах республиканского значения Казахстана
(2008–2022 гг.)**

Регион (область, город)	Количество преступлений							
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Республика Казахстан	127 478	121 667	131 896	206 801	287 681	359 844	341 291	346 510
Акмолинская	6 006	6 234	7 062	10 812	12 289	15 731	13 327	11 585
Актюбинская	5 712	5 588	5 734	8 719	13 741	20 651	17 697	16 248
Алматинская	8 439	8 495	9 102	12 712	20 064	28 109	25 443	23 360
Атырауская	3 674	3 517	3 497	5 097	6 601	8 099	7 921	9 343
Восточно-Казахстанская	18 594	17 823	17 408	22 822	26 459	32 766	28 942	24 005
Жамбылская	5 549	5 437	5 594	9 227	11 664	16 836	16 142	15 865
Западно-Казахстанская	5 432	4 688	5 053	6 523	9 755	11 672	11 527	11 563
Карагандинская	10 786	10 883	12 084	19 839	25 108	29 171	23 665	26 666
Костанайская	8 101	7 943	8 305	15 399	23 109	26 197	23 845	20 594
Кызылординская	3 423	3 639	3 601	7 203	10 226	11 884	10 237	10 764
Мангистауская	3 084	2 923	2 876	3 664	4 661	6 690	6 562	6 580
Павлодарская	9 868	8 911	8 159	10 390	14 415	19 745	15 609	15 870
Северо-Казахстанская	4 881	4 655	5 191	7 189	7 875	9 669	9 715	8 933
Туркестанская обл. (ЮКО)	9 669	9 268	10 331	18 008	22 807	27 853	30 220	32 499
Алматы	14 830	12 694	19 002	29 695	52 022	55 482	61 391	69 508
Шымкент		-	-	-	-	-	-	-
Астана	3 885	3 963	4 491	15 142	22 760	34 756	34 985	39 918

¹¹ По данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан за 2008–2022 гг. // Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан : сайт. URL: <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwig9vqrloDAXVMERAIhQhDAdAQF noECAkQAQ&url=https%3A%2F%2Fgis.kgp.kz%2F&usg=AQvVaw12XZnYWp5svh9JrdlrrXRF&opi=89978449> (дата обращения: 30.10.2023).

Окончание таблицы 1

Регион (область, город)	Количество преступлений						
	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Республика Казахстан	324 185	285 755	263 138	217 172	140 212	135 022	136 429
Абай	-	-	-	-	-	-	2 227
Акмолинская	11 221	10 611	12 549	10 072	6 505	5 551	4 535
Актюбинская	14 956	12 100	14 649	10 394	6 355	6 244	6 021
Алматинская	24 202	22 657	27 678	18 997	11 401	11 215	9 498
Атырауская	8 838	7 642	6 878	5 768	3 738	3 786	4 373
Восточно-Казахстанская	22 883	21 864	23 001	16 413	12 036	10 692	6 945
Жамбылская	14 252	11 118	9 804	7 589	5 317	4 937	4 676
Жетысуская	-	-	-	-	-	-	1 777
Западно-Казахстанская	11 261	10 634	11 105	8 092	5 937	5 060	4 935
Карагандинская	25 233	21 569	31 029	15 034	11 168	10 413	8 917
Костанайская	17 494	14 937	16 479	11 595	7 869	7 415	6 310
Кызылординская	8 662	7 248	7 655	5 488	3 394	3 154	2 827
Мангистауская	6 119	5 212	5 459	3 974	2 939	2 929	2 930
Павлодарская	12 801	9 586	10 340	7 061	5 390	5 041	4 451
Северо-Казахстанская	7 905	6 173	7 157	5 453	3 942	3 883	3 634
Туркестанская обл. (ЮКО)	31 433	29 004	11 031	7 336	5 238	5 199	5 305
Ульятау	-	-	-	-	-	-	727
Алматы	59 761	61 494	62 646	51 237	25 798	24 762	31 419
Шымкент	-	-	16 146	13 207	10 154	9 861	8 850
Астана	38 019	33 363	25 159	17 525	11 644	13 491	14 672

Величина коэффициента (индекса) интенсивности преступности в гг. Астана и Алматы в 2013–2022 гг. значительно превосходят соответствующие показатели в целом по республике, о чем свидетельствуют данные, представленные в таблице 2.

Таблица 2

**Коэффициент (индекс) интенсивности преступности
в Республике Казахстан и городах республиканского значения
(2013–2022 гг.)**

Регион (населенный пункт)	Коэффициент (индекс) интенсивности преступности, на 10 тыс. чел.									
	2013	2014	2015	201 6	2017	2018	201 9	202 0	2021	2022
Астана	627	615	703	607	511	374	252	162	180	176
Алматы	518	546	560	615	519	525	418	204	192	238
Шымкент	-	-	-	-	-	275	222	166	157	134
Республика Казахстан	329,4	311,9	316,1	295, 3	259,8	239,1	197	126	122	120

Преступность обусловлена множеством социальных противоречий [1, с. 75–77], в том числе социально-психологическими. Детерминанты преступности социально-психологического уровня являются центральным звеном для понимания детерминации преступности крупного города. В основе социально-психологической детерминации преступности лежит феномен отчуждения. Оно представляет собой социальное противоречие, которое возникает между обычным человеческим существованием и возможностями индивида, его неиспользованным потенциалом и стремлениями. Это противоречие находит свое выражение в отчуждении гражданина от государства и общества, конфликтах между людьми, утрате смысла жизни и внутреннем беспорядке. В таких случаях преступление становится способом выражения личности и средством решения жизненных проблем, конфликтов, получением материального и морального удовлетворения, а также вымещением агрессии и негативных эмоций.

Существование и развитие человека не могут быть рассмотрены отдельно от социальных связей, которые он формирует на протяжении жизни. Взаимодействие с другими людьми оказывает значительное влияние на формирование когнитивных и социальных навыков, а также на поведение в обществе.

На социально-психологическом уровне детерминанты преступности определяются путем исследования социальных групп, в которых формируется личность человека и где проходит его жизненный процесс. Такие группы могут существовать как на уровне всего общества (макрогруппы), так и в непосредственном окружении личности (микрогруппы), таких как семья, учебный или производственный коллектив, неформальное окружение и т. п. При неблагоприятном влиянии этих социальных групп, личность может подвергаться серьезной трансформации, проявляющейся в искажении мотивационной сферы, что повышает риск выбора им противоправной линии поведения [2, с. 165].

На уровне макрогрупп личность человека формируется в социальных контекстах, которые охватывают более широкие общности и культурные системы. Это могут быть нации, этнические группы, религиозные общности, общественные классы и другие крупные социокультурные образования (города, области, страны). Процесс формирования личности на этом уровне обусловлен множеством детерминантов,

которые оказывают влияние на мировоззрение и поведение индивида, а также на его взаимодействие с другими членами общества.

Социально-психологические детерминанты преступности макросреды действуют внутри социальной общности, и поэтому приобретают в той или иной степени характер идентичности, присущей этой общности в целом. А. М. Смирнов справедливо замечает, что «социально-психологические детерминанты поведения неразрывно связаны с менталитетом и особенностями (традициями) жизнедеятельности общества» [3, с. 28–31].

Вместе с тем установить связь между социально-психологическими противоречиями на уровне социальной макросреды (макрогрупп) и преступностью представляет собой довольно сложную задачу, а в некоторых случаях даже может быть невозможной. Тем не менее отвергать возможность существования такой связи было бы упрощением сложных социальных явлений и пренебрежением к возможным взаимосвязям, которые могут существовать в сложной социальной реальности.

Малые социальные группы (семья, учебный или производственный коллектив, неформальное окружение и т. п.) являются одними из наиболее важных групп в окружении человека. Они способны оказать большое влияние на его формирование, развитие и поведение. Причем в условиях крупного города, когда личность выполняет разные роли, социальная микросреда увеличивается многократно. Основным элементом такой микросреды являются неформальные микрогруппы, каждая из которых оказывает определенное влияние на личность, формируя стереотипы жизни человека.

Они могут выступать мощным стабилизирующим либо дестабилизирующим фактором. Негативное влияние этих факторов обусловлено возможной десоциализацией малых групп, в которых личность выполняет разные роли. Суть данного явления сводится к тому, что они целенаправленно способствуют формированию у личности антиобщественных взглядов, свойств, ориентации либо не противодействуют их формированию.

В первом случае происходит целенаправленная передача негативных установок, навыков, опыта от членов микрогрупп другим (членам семьи, друзьям, знакомым, коллегам и т. п.). Во втором – члены микрогрупп не требуют совершения преступлений от других, но своим антиобщественным, криминальным образом жизни (злоупотреблением алкоголем, потреблением вне медицинских целей наркотических средств, совершением преступлений и т. п.) отрицательно влияют на других членов групп [4, с. 133].

Одной из главных социальных групп является семья. Институт семьи традиционно играет важную роль в формировании личностных качеств человека, она способна стимулировать положительное и контролировать отрицательное поведение. Воспитание, образцы поведения и ценности, которые передаются в рамках семьи, могут оказывать влияние если не на все, то на многие аспекты жизни человека, включая его отношение к закону и праву.

Как отмечают ученые [2, с. 145], влияние семьи на личность может быть как положительным, так и отрицательным, и зависит от качества воспитания и отношений внутри семьи. Не все семьи одинаково способны оказывать антикриминогенное

влияние, неблагополучная атмосфера в семье становится источником проблем и стресса для ее членов, а неправильные условия воспитания выступают исходным этапом формирования личности преступника.

Одной из особенностей преступности в г. Астана является отсутствие семейных связей у большинства лиц, совершивших преступления, в частности собственной семьи (супруга) 78,3 %. Так, согласно нашему исследованию, у 51,8 % преступников на момент совершения преступления отсутствовали собственные семьи, 26,1 % состояли ранее в браке, 0,4 % были вдовыми, и только 21,4 % состояли в браке¹². Представляется логичным вывод, что отсутствие семейных связей у лиц, совершивших преступления, можно рассматривать в качестве детерминанты преступности в г. Астана.

Сказанное, думается, убеждает, что наличие семьи и родственников, а особенно детей и нетрудоспособных и престарелых родителей, заставляет человека заботиться не только о себе, но и о них. Расширяющийся круг обязанностей вынуждает человека более критично относиться к своим поступкам, что, как правило, стимулирует законопослушное поведение [5, с. 45].

Однако, как показало исследование, важно не только обращать внимание на наличие или отсутствие семьи, но и на качество отношений внутри семьи. Неудовлетворительные, напряженные взаимоотношения в семье, недостатки эмоциональной поддержки, жестокость, насилие и другие формы неблагоприятного

¹² Рабочее дело № 16.2/1-2 по теме научного исследования «Актуальные вопросы квалификации террористических и экстремистских преступлений, относящихся к подследственности ОВД: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты» (2017–2018 гг.) в 2-х т. // Архив Центра по проблемам исследования и мониторинга законодательства, регламентирующего деятельность ОВД НИИ Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова. Регистр. № 6.1/5351–6.1/5352; Рабочее дело № 16.1/1-1 по теме научного исследования «Повышение эффективности расследования преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты» (2016–2017 гг.) в 3-х т. // Архив Центра по исследованию проблем расследования преступлений НИИ Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова. Регистр. № 6.1/6559–6.1/6561; Рабочее дело № 16.1/2 по теме научного исследования «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта либо исполнительного документа: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты» (2017–2018 гг.) в 3-х т. // Архив Центра по исследованию проблем расследования преступлений НИИ Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова. Регистр. № 6.1/6553–6.1/6555; Рабочее дело № 16.1/1-1 по теме научного исследования «Повышение эффективности расследования медицинских уголовных правонарушений (317, 318, 319, 320): уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты» (2017–2018 гг.) в 4-х т. // Архив Центра по исследованию проблем расследования преступлений НИИ Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова. Регистр. № 6.1/5681–6.1/5684; Рабочее дело № 16.4/1-2 по теме научного исследования «Деятельность ОВД по предупреждению преступности в земельно-строительном секторе (уголовно-правовые и криминологические аспекты)» (2016–2017 гг.) в 6-ти т. // Архив Центра по исследованию криминологических проблем НИИ Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова. Регистр. № 6.1/6399–6.1/6404.

воздействия на личность часто являются фактором, который определяет вероятность преступного поведения [6, с. 58–64].

Как показало исследование, из числа имеющих собственную семью лиц, совершивших преступления, часть (9 %) подвержена антиобщественным взглядам, криминальным идеалам. В основном это неблагополучные семьи. Женщины в этих семьях считают себя состоящими в браке. Мужчины же, будучи в браке и имея малолетних детей, подвержены таким негативным проявлениям, как алкоголизм, потребление наркотических средств, склонность к азартным играм, т. е. не чувствуют своей ответственности перед семьей. Они часто и очень длительное время отсутствуют дома, ведут беспорядочную половую жизнь, в душе считая себя холостыми. Данная категория молодых людей в криминологическом отношении представляет интерес как категория лиц, склонных к повторному совершению преступления. Поведение таких супругов зачастую приводит к распаду семьи по вышеперечисленным причинам, а их устоявшиеся антиобщественные взгляды – к продолжению преступной деятельности.

Эти факторы тесно связаны с семейной десоциализацией, посредством которой происходит процесс отчуждения личности от семьи [7, с. 27–29], а также от иных микрогрупп позитивной направленности. В результате личность ищет поддержки в неформальных группах, включая группы с антиобщественной или криминальной направленностью. Пребывание в таких группах в разы увеличивает риск формирования у личности отрицательных установок, качеств, и в дальнейшем может продуцировать преступное поведение.

Впрочем, в юридической литературе давно и достаточно широко освещены вопросы, связанные с отчуждением личности от позитивных социальных связей, которые в принципе рассматриваются в криминологии как основа последующего преступного поведения [2, с. 144].

В условиях крупного города (в нашем случае г. Астана) риск попадания человека в группы с различной антиобщественной, в том числе криминальной направленностью увеличивается многократно. Ввиду большого количества людей с различными ценностными ориентациями, интересами и поведенческими моделями, они ищут компанию людей, разделяющих их негативные взгляды на общество либо имеют проблемы с наркотиками или алкоголем. О чем свидетельствует высокий уровень (коэффициент) лиц этих категорий: наркоманы, алкоголики, ранее судимые и т. п.

Семейная десоциализация личности может происходить как в семье родителей, так и в своей собственной семье. Зачастую они выражены в неполноценных отношениях между членами семьи, недостаточной эмоциональной связанности и поддержке, а также в нарушении норм и ценностей, которые считаются важными для формирования здоровых и гармоничных отношений в семье. Семейная десоциализация может быть связана с различными формами насилия в семье, как физическим, так и психологическим, что приводит к нарушению психического здоровья членов семьи и отсутствию доверия между ними.

Исследование свидетельствует, что из общего числа имеющих семью лиц, совершивших преступления, у 73 % отношения с близкими характеризовались как устойчивые, неконфликтные. Вместе с тем, представляется, что к характеристикам о семейно-бытовых взаимоотношениях лиц, в отношении которых проводилось

досудебное расследование, следует отнестись критически, поскольку зачастую близкие стараясь помочь ему, предоставляя не всегда объективную информацию.

У 27 % лиц, совершивших преступления, отношения с близкими характеризовались как конфликтные, из которых 11,5 % состояли на учете в органах полиции как «семейные дебоширы», их конфликты в семье имели хронический характер и происходили на постоянной основе. Они часто выражали свои негативные эмоции (гнев, раздражение, обида, недовольство и т. п.) через агрессивное поведение, (крики, ругань, физическое насилие, угрозы или другие формы нарушения правил и норм общения) по отношению к другим членам семьи, а их алкогольное, наркотическое опьянение только усугубляло и без того конфликтную ситуацию в семье. Причем указанные лица ранее привлекались к административной или уголовной ответственности и имели постоянные приводы в полицию, преимущественно на почве семейно-бытовых конфликтов.

Поэтому логичным представляется вывод, что отсутствие прочных и здоровых межличностных отношений в семье способствует усвоению и развитию криминальных форм поведения.

Рассматривая микросреду производственного (учебного) коллектива, можно наблюдать, что она способна оказывать определенное детерминирующее воздействие на преступность. Характер и условия работы, уровень культуры и потребностей, сложившихся в среде названных микрогрупп, неизбежно влияют на поведение ее членов, являющихся частью этой среды.

В данном контексте значимыми являются результаты анализа собранных в материалах уголовных дел справок-характеристик, выданных на преступников с места работы (учебы).

В основной массе указанные справки характеризовали преступников (по месту работы – 70,3 %, по месту учебы – 62,7 %) положительно, что в итоге оценивалось органами уголовного преследования аналогичным образом. Содержание справок-характеристик было достаточно тривиальным и преимущественно сводилось к перечислению общего набора «исполнительских» качеств, таких как старательность, ответственность, скрупулезность, предприимчивость, добросовестность, а также наличием навыков и способностей, необходимых для выполнения трудовых (образовательных) обязанностей. Однако эти характеристики не отличались большим разнообразием и практически не содержали информацию об индивидуальных особенностях сотрудника (обучающегося). Возможно, формальный подход, применяемый составителями характеристик, способствует их уклонению от содержательного анализа. Сходным образом преступники могут сохранять свою «лояльность» к работе (учебе), не уделяя должного внимания качеству проделанной работы. В процессе разбирательства по уголовному делу преступники чаще всего объясняли, что они не испытывали интереса к своей работе (учебе) и не прикладывали достаточных усилий для ее улучшения. Они не имели намерения развивать свои профессиональные знания и навыки, что свидетельствует об отсутствии стремления к самосовершенствованию.

Причины подобного отношения к работе (учебе), безусловно, во многом определяются индивидуальными качествами конкретного человека. Однако качество

работы и атмосфера производственного или учебного коллектива также оказывают значительное влияние. Если человек работает или учится в компании людей, которые не стремятся к успеху, то это может привести к деградации процесса работы или учебы, а также к отсутствию удовлетворения от них. Кроме того, такая среда не способствует внутреннему и внешнему развитию, что лишает человека возможности расти и развиваться. В итоге потенциальные возможности такого производственного или учебного коллектива оказываются невостребованными и не способствуют стимуляции индивида к саморазвитию.

Справедливо утверждается, что определенные социальные связи и взаимоотношения в среде проживания преступников оказывают большое влияние на их склонность к противоправному поведению [2, с. 160]. Например, неблагоприятное неформальное окружение по месту жительства может стимулировать участие в антиобщественных действиях.

С другой стороны, недостаток социально-полезных занятий или разрушение социальных связей вне профессиональной сферы (работы или учебы) также оказывает серьезное негативное влияние на преступников. Ослабление позитивных связей по месту жительства, вызванное разрушением «соседской общины», снижает контроль над личностью, что затрудняет получение помощи и поддержки в сложных жизненных ситуациях и бытовых конфликтах, неблагоприятные последствия которых могут стать определяющими факторами преступного поведения.

Поэтому полагаем, что отсутствие устойчивых социально-полезных связей является одним из главных факторов, обуславливающих преступное поведение. Другими словами, окружение и среда, в которых функционирует преступник, способствуют сначала формированию преступных установок, а затем и воплощению их в реальный преступный акт.

Анализ справок-характеристик, приобщенных к материалам уголовных дел, показал, что участие лиц, совершивших преступления в общественной жизни производственного (учебного) коллектива аналогичен их участию в общественной жизни по месту жительства. Так, из общего числа лиц, совершивших преступления, в отношении которых имелись соответствующие справки-характеристики, 64,1 % характеризовались посредственным участием в жизни «соседской общины», слабо поддерживали контакты с соседями по площадке или по участку, и в целом не ощущали необходимости в социальном взаимодействии с ними. Представляется, что дефицит социально-полезных связей у лиц, совершивших преступления, вызван либо их неспособностью установления крепких социальных контактов, либо незаинтересованностью в их установлении в связи с наличием у них антисоциальных установок.

С точки зрения социальной психологии детерминантами, обуславливающими преступное поведение преступников, является неблагоприятная социальная микросреда (в семье, производственном, учебном коллективе, в неформальном окружении), отсутствие социально-полезных занятий и связей вне производственной (учебной) сферы.

Резюмируя изложенное, представляется логичным и обоснованным заключение, что исключение либо самоотстранение преступников от участия в социальной жизни

микрогрупп (по месту жительства, работы, учебы) способно детерминировать преступность.

Одной из особенностей преступности в Астане является высокая доля преступлений, совершенных лицами, ранее совершившими преступления (35,5 %), так и высокой долей лиц, совершивших их впервые (50,6 %). Это обусловлено нескорректированным негативным влиянием их прежних социальных ролей.

Для более углубленного анализа социально-психологических детерминантов преступности представляется целесообразным рассмотреть ассоциальные убеждения лиц, повторно совершивших преступления. В литературе указывается, что убеждения – осознанная потребность личности, побуждающая ее действовать со своими жизненными позициями, ценностными ориентациями. Содержание потребностей, выступающих в форме убеждений, отражает определенное понимание природы и общества, образуя упорядоченную систему взглядов (философских, эстетических, этических, естественнонаучных и др.), выступающих как мировоззрение человека [8, с. 413].

Результаты многочисленных криминологических исследований указывают на то, что лица, совершающие криминологический рецидив обладают особой системой убеждений. Эти убеждения сводятся к тому, что их поведение и образ жизни безупречны. Подобного рода убеждения основываются на одобрении и поддержке в основном от таких же лиц, каковыми являются они сами [9, с. 153].

Поведение указанных лиц характеризуется деформацией системы потребности и интересов, которая основана на системе искаженных ценностных установок, интерпретированных нормах традиционной культуры, специфическом языке-жаргоне и символах-знаках, примитивности и аморальности их удовлетворения. В результате общество получает личность с социально-отклоненным стереотипом поведения, с ослабленной либо вовсе разрушенной системой социально-полезных связей (в семье, в производственной сфере и т. п.).

Непрерывное нарушение закона и моральных норм постепенно приводит к разрушению социальных ценностей личности. Человек, становясь преступником, отстраняется от общества и не может функционировать в нем нормально. Его действия порождают опасность и неопределенность, страх и тревогу, что негативно сказывается на устойчивости социума в целом.

Это приводит к увеличению или нарастанию тяжести и частоты совершаемых преступлений у отдельного преступника. Обычно преступники начинают со сравнительно мелких преступлений из-за своей неопытности и желания быстро получить некоторую выгоду или удовольствие. Однако по мере накопления опыта и приобретения навыков, они совершают более тяжкие преступления [10, с. 44]. Результатом этого является сохраняющийся высокий удельный вес преступлений и лиц, характеризующихся криминологическим рецидивом.

Кроме того, увеличение или нарастание тяжести и частоты совершаемых преступлений могут быть связаны с изменением жизненных обстоятельств преступника, таких как материальные проблемы, смена социальной среды, нахождение под воздействием вредных привычек и т. д. В таких случаях преступники могут

начинать совершать более тяжкие преступления, чтобы удовлетворить свои потребности.

Эта тенденция исследователями объясняется несколькими факторами. Во-первых, лица, совершающие преступления, часто не ощущают последствий своих действий и не видят в них ничего плохого. Они понимают, что нельзя красть, грабить или убивать, но не осознают своей ответственности перед обществом и законом [8, с. 153]. Во-вторых, преступники зачастую подвержены влиянию окружения, в котором находятся. Это может быть криминальная среда, где преступления являются обычной практикой и где межличностные отношения основаны на криминальных обычаях, традициях и насилии. В-третьих, совершение преступлений может быть вызвано определенными факторами, такими как алкоголь и наркотики, финансовые проблемы, нервные расстройства и т. д.

Все эти факторы могут влиять на повторяемость криминального поведения, и с каждым новым случаем приводят к нарастанию тяжести совершаемых им преступлений.

Лица, совершившие криминологический рецидив могут испытывать чувство неполноценности, неуверенности в своих силах, что склоняет их к совершению преступлений в поисках легких путей к достижению желаемого. Они часто склонны к принятию рискованных решений и не оценивают последствия своих действий. Их поведение характеризуется низким самоконтролем и дается им с большим трудом. Такие особенности личности представляют серьезную проблему для общества, поскольку совершенные ими преступления могут иметь негативные последствия для общества [11, с. 229–231].

Кроме того, лица совершившие преступления повторно, как правило, не испытывают угрызений совести за свои поступки, не понимают важности законов и не уважают права других людей. Они могут проявлять агрессию и насилие как в отношении общества в целом, так и к отдельным людям, включая близких.

Именно этим объясняется высокая доля преступлений, совершенных лицами, ранее совершившими преступления, в общей структуре преступности, Астана представляется социально и криминогенно опасной, что является серьезным общественным вызовом и оказывает значительное негативное влияние на криминогенную ситуацию.

Подводя итоги рассмотрения социально-психологических детерминантов преступности в г. Астана, представляется обоснованным сделать следующие выводы:

1. К детерминантам социально-психологического уровня относится негативное влияние малых социальных групп, таких как семья, производственный и учебный коллектив, а также сообщества по месту жительства, в которых преступник проводил основное время.

2. Отсутствие семьи или десоциализация в семье, при ее наличии, оказывают существенное влияние на преступное поведение. Причем это негативное воздействие проявляется, главным образом, в отношениях преступника с близкими людьми.

Отсутствие поддержки и стабильности в семейной среде, а также нарушения социальных связей внутри нее, значительно увеличивает вероятность выбора противоправной линии поведения.

3. Следует признать, что включение преступника в неблагоприятную социальную микросреду (окружение) производственного, учебного коллективов, а также отсутствие у него социально-полезных связей и занятий вне этой среды, способны детерминировать совершение преступления.

4. Микросреда лиц, совершивших криминологический рецидив, основана на неуважении к закону и правам других людей. Нередко она выражается в агрессии и насилии, а также в приверженности к криминальному образу жизни, который подразумевает следование искаженным ценностным установкам, интерпретированным нормам традиционной культуры, примитивности и аморальности их удовлетворения. Все это только обуславливает совершение преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонов, И. М., Бойко, Н. В. Детерминанты преступности: терминологический аспект // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2018. №. 4–5. С. 75–77.
2. Прозументов, Л. М. Криминология (Общая часть): учебное пособие / Л. М. Прозументов, А. В. Шеслер. Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2017. 283 с.
3. Смирнов, А. М. Социально-психологические детерминанты самосуда в России // Юридическая психология : науч. журнал. М.: Издательская группа Юрист. 2013. № 4. С. 28–31.
4. Демина, К. А. Криминологическая характеристика и детерминанты современной женской преступности (по материалам Кемеровской, Новосибирской и Томской областей): дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. 194 с.
5. Голик, Ю. В. Случайный преступник. Томск, 1984. 166 с.
6. Антонян, Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 353 с.
7. Спиридонова, Е. В. Причины преступности // Криминологический журнал. 2019. № 3. С. 27–29.
8. Психологический словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990. 494 с.
9. Антонян, М. Ю. Причины преступности // Научный портал МВД России. 2021. № 1. С. 58–64.
10. Лебедев, С. Я. Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность : учеб. пособие. Омск: Высшая школа милиции МВД СССР, 1989. 72 с.
11. Кобец, П. Н. Исследование личности рецидивиста – как одна из важнейших задач связанных с разработкой мер по предупреждению рецидива преступлений // Символ науки. 2015. № 6. С. 229–231.

REFERENCES

1. Antonov I. M., Boyko N. V. Determinanty prestupnosti: terminologicheskiy aspekt [Determinants of crime: terminological aspect]. Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Vestnik of the Khabarovsk State University of Economics and Law. 2018, no. 4-5, pp. 75-77.
2. Prozumentov L. M. Kriminologiya (Obshchaya chast') [Criminology (General part)]. Tomsk, 2017, 283 p.

3. Smirnov A.M. Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty samosuda v Rossii [Social and psychological determinants of mob justice in Russia]. *Yuridicheskaya psikhologiya – Legal psychology*. 2013, no. 4, pp. 28-31.
4. Demina K. A. Kriminologicheskaya kharakteristika i determinanty sovremennoy zhenskoy prestupnosti (po materialam Kemerovskoy, Novosibirskoy i Tomskoy oblastey): dis. ... kand. yurid. nauk [Criminological characteristics and determinants of modern female crime (based on Kemerovo, Novosibirsk and Tomsk regions materials): Dis. Cand. Jurid. Sciences]. Tomsk, 2011, 194 p.
5. Golik Yu. V. Sluchaynyy prestupnik [Random criminal]. Tomsk, 1984, 166 p.
6. Antonyan E. A. Lichnost' retsidiivista: kriminologicheskoe i ugolovno-ispolnitel'noe issledovanie: dis. ... dokt. yurid. nauk [Personality of a recidivist: criminological and penal research: Dis. doc. Jurid. Sciences]. Moscow, 2014, 353 p.
7. Spiridonova E. V. Prichiny prestupnosti [Causes of crime]. *Kriminologicheskiy zhurnal – Criminological Journal*. 2019, no. 3, pp. 27-29.
8. Petrovskogo A. V., Yaroshevskogo M. G. Psikhologicheskiy slovar' [Psychological Dictionary]. Moscow, 1990, 494 p.
9. Antonyan M. Yu. Prichiny prestupnosti [Causes of crime]. Nauchnyy portal MVD Rossii – Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 1, pp. 58-64.
10. Lebedev S.Ya. Antiobshchestvennye traditsii, obychai i ikh vliyanie na prestupnost' [Antisocial traditions, customs and their impact on crime], Omsk, 1989, 72 p.
11. Kobets P.N. Issledovanie lichnosti retsidiivista – kak odna iz vazhneyshikh zadach svyazannykh s razrabotkoy mer po preduprezhdeniyu retsidiiva prestupleniy [Study of a recidivist's personality as one of the most important tasks associated with the development of measures to prevent repetition of crimes]. *Simvol nauki – Symbol of Science*. 2015, no. 6, pp. 229–231.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бубербаев Нурлан Дюсентаевич, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии. Карагандинская академия МВД Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. 100009, Караганда, ул. Ермекова, 124.

Соискатель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Национального исследовательского Томского государственного университета. пр. Ленина, 36, Томск, Томская обл., 634050.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Buberbaev Nurlan Dyusentayevich, senior lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology. Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after. Barimbek Beisenov. 100009, Karaganda, st. Ermekova, 124.

Applicant for the Department of Criminal Executive Law and Criminology at the National Research Tomsk State University. Lenin Ave., 36, Tomsk, Tomsk region, 634050.

Статья поступила в редакцию 25.10.2023; одобрена после рецензирования 03.11.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 25.10.2023; approved after reviewing 03.11.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 101–111.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023.
Vol. No 4 (107. P. 101–111.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК: 343.98

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.76.64.009

**АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Валькирия Наталья Ивановна

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, ni_malykhina@mail.ru

Введение. На протяжении многих лет в криминалистической науке изучаются личные качества человека, его поведение. Данное научное направление – динамично развивающееся и многогранное для исследования, что предопределяет возникновение на каждом этапе развития криминалистики определенных задач, требующих разрешения.

Материалы и методы. Теоретической основой исследования явились научные труды по проблемам криминалистического изучения человека. В ходе работы были использованы общенаучные и специальные методы научного познания (анализ, синтез, сравнение, аналогия, моделирование, системно-структурный метод и др.).

Результаты исследования. В результате проведенного исследования: выявлены актуальные, в том числе дискуссионные, вопросы формирования учения, аккумулирующего систему знаний о криминалистическом изучении человека; определена необходимость совершенствования ряда научных направлений по рассматриваемой тематике.

Выводы и заключения. Инициирована постановка вопроса о необходимости дополнительного обсуждения темы включения носителей криминалистически значимой информации (следователя, эксперта, специалиста и др.) самостоятельными объектами изучения в рамках одного учения с участниками криминального события. Определена новая научная задача – создание концептуальных основ криминалистического изучения подсудимого. Обозначены актуальные направления развития вопросов криминалистического изучения лица, совершившего преступление, свидетеля, потерпевшего.

Ключевые слова: криминалистическое изучение человека, личные качества человека, криминалистическое учение, лицо, совершившее преступление, свидетель, потерпевший, подсудимый.

Для цитирования: Валькирия Н. И. Актуальные задачи криминалистического изучения человека на современном этапе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 101–111.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.76.64.009

**5.1.4. Criminal Law Sciences
(legal sciences)**

Original article

**ACTUAL TASKS OF FORENSIC RESEARCH OF A PERSON
AT THE PRESENT STAGE**

Natalya I. Valkiriya

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
ni_malykhina@mail.ru

Introduction. For many years in forensic science personal qualities of a person, his behaviour are studied. This scientific direction is dynamically developing and multifaceted for research, which predetermines the emergence at each stage of development of criminalistics of certain tasks that require resolution.

Materials and Methods. The theoretical basis of the study was scientific works on the problems of criminalistic study of a person. In the course of the work were used general scientific and special methods of scientific cognition (analysis, synthesis, comparison, analogy, modelling, system-structural method, etc.).

The Result of the Study. As a result of the conducted research: actual, including debatable, issues of formation of the doctrine accumulating the system of knowledge on criminalistics study of a human being were revealed; the necessity of improvement of a number of scientific directions on the considered subject was determined.

Findings and Conclusions. The question of the necessity of additional discussion of the topic of including the carriers of criminally significant information (investigator, expert, specialist, etc.) as independent objects of study within the framework of one doctrine with the participants of the criminal event was initiated. A new scientific task - the creation of conceptual foundations of criminalistic study of the defendant is defined. The actual directions of development of issues of criminalistic study of the person who committed a crime, witnesses, victims are outlined.

Keywords: forensic study of the person, personal characteristics of the person, forensic doctrine, person who committed the offence, witness, victim, defendant.

For citation: Valkiriya N. I. Actual tasks of the forensic study of a person at the present stage [Actual tasks of forensic research of a person at the current stage]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva Vnutennykh Del Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federation.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.76.64.009

На сегодняшний день изучение человека является одним из самых востребованных направлений в криминалистике. В настоящее время имеется ряд как ранее неразрешенных, так и новых теоретико-прикладных задач, которые будут обозначены и рассмотрены в аспекте научной полемики и (либо) с позиции выработки предложений и рекомендаций по их решению.

Во-первых, требует рассмотрения вопрос, который неоднократно поднимается учеными, но до сих пор остается неразрешенным: необходимости систематизации знаний о криминалистическом изучении человека в рамках одного учения. Одной из главных проблем решения данной задачи является отсутствие согласованности в определении объектов познания этого учения, что обуславливает научные дискуссии о его наименовании, системном построении, сущностном содержании.

Ранее нами был проведен достаточно подробный анализ существующих научных взглядов на определение наименования данного учения – «криминалистическая теория изучения личности (Я. В. Комиссарова, Е. Н. Холопова); криминалистическая гомология (В. А. Образцов); криминалистическая теория изучения и использования свойств личности при расследовании преступлений (В. А. Жбанков); криминалистическая антропология (Ф. В. Глазырин); криминалистическое учение о личности (Ю. Л. Дяблова) либо о человеке (А. М. Зинин), о личности участника уголовного судопроизводства (И. А. Макаренко), частная криминалистическая теория о личности и защите ее прав (В. М. Шматов), о личностной информации (Г. И. Поврезнюк)» [1, с. 55–56]. В рамках дискуссии исследованы также вопросы, связанные с определением объектов изучения с позиции практической значимости (либо ее отсутствия), изучения человека и как источника, и как носителя криминалистически значимой информации.

По итогам научной полемики о названии данного учения и об объектах его познания, нами было предложено наименование: «криминалистическое учение об участниках криминального события»¹³ и отмечено, что «объектами познания исследуемого учения должны являться непосредственно участники криминального события, то есть люди-источники сведений о произошедшем преступном деянии, поскольку именно их изучение является необходимым и важным для решения задач уголовного судопроизводства, в отличие от изучения индивидуальных качеств специалиста, понятого, эксперта и т. д.» [1, с. 61].

¹³ В данном случае следует уточнить, почему в названии учения фигурируют не участники уголовного судопроизводства, а участники криминального события. При формулировании названия учитывался тот факт, что объектами познания могут быть не только установленные, но и неустановленные, например, свидетель, потерпевший. Соответственно, методология, средства и методика изучения данных лиц будут существенно различными. Более того, неизвестный преступник – это не неустановленный подозреваемый. Сведения о неизвестном преступнике собираются на протяжении всего процесса расследования и должны сопоставляться с информацией о подозреваемом, обвиняемом для избежания следственной ошибки. Поэтому в целях терминологической согласованности названия и объектов познания учения наименование последнему определено как «криминалистическое учение об участниках криминального события».

Вопрос о включении учения носителей криминалистически значимой информации объектами познания вызывает научный интерес, предопределяя необходимость обращения более пристального внимания данной тематике в аспекте рассмотрения возможности придания научно-практическим положениям об изучении указанных субъектов статуса самостоятельных учений.

Во многих работах следователь, эксперт, специалист, понятой и т. д., то есть носители криминалистически значимой информации указываются объектами криминалистического изучения, в том числе в рамках одного учения, но без должной научной аргументации данных утверждений. В этой связи рассмотрение данных положений в качестве научно обоснованных, полагаем, на сегодняшний день следует считать преждевременным.

В настоящее время лишь некоторыми учеными анализируются проблемы определения данных субъектов, в частности следователя, объектами единого криминалистического учения, наряду с такими, как неизвестный преступник, свидетель, потерпевший и т. д., с позиции определения возможных направлений исследования их личностных особенностей.

Так, заслуживают внимания предложения О. В. Полстовалова, Ю. Л. Дяловой о необходимости изучения следователя в качестве самостоятельного объекта криминалистического учения, в частности в ракурсе изучения таких свойств личности либо аспектов его деятельности, как следственная интуиция, использование в своей работе различных криминалистических методов и средств, профессиональное мышление и т. д. [2, 3]

А. В. Сибилькова, развивая направления исследования личности следователя, отмечает перспективность разработки в криминалистическом учении таких вопросов, как «самодиагностика следователя, восприятие следователя другими участниками уголовного судопроизводства, разработка на этой основе индивидуальной криминалистической тактики и стратегии, самоорганизация труда следователя с учетом его индивидуальных особенностей, саморегуляция эмоциональных состояний, управление следственным подразделением и оптимизация формирования следственных групп с учетом личностных характеристик подчиненных сотрудников» [4, с. 108]. Отдельные подходы к изучению личности эксперта представлены Я. В. Комиссаровой [5, с. 208–219].

Отмечая ценность указанных предложений, необходимо обратить внимание на то, что при обозначении учением какого-либо теоретического построения следует также представлять его четкую структуру с отражением теоретико-прикладных вопросов, подлежащих исследованию в рамках данного учения. В связи с чем ранее нами уже отмечалось, что «отсутствие конкретизации по данному вопросу либо представление структуры теории (учения) при использовании обобщенных формулировок предопределяет нарушение целостности системы знаний как характеризующегося критерия теории (учения)» [6, с. 196].

Чтобы объединить данных лиц как объектов познания в диапазон одного учения, необходимо соблюдать, в частности, такое важное требование, предъявляемое к формированию положений учения, как определение его центрального

системообразующего элемента, которым, нами ранее был определен такой, как «криминалистически значимые свойства и состояния человека» [1, с. 62] применительно к участникам криминального события. Более того, если рассматривать данные вопросы в одном учении, необходимо раскрывать и практическую значимость изучения субъектов криминалистической деятельности для решения задач уголовного судопроизводства.

Поскольку субъектом криминалистической деятельности является не только следователь, в целях аргументации необходимости создания самостоятельных криминалистических учений, следует продолжить научные исследования и в отношении других субъектов указанной деятельности. При этом вопрос о возможности рассмотрения положений о криминалистическом изучении понятого (как носителя информации) в рамках учения, как представляется, требует дополнительного переосмысливания.

Лишь при достаточной научной обоснованности необходимости рассмотрения данных субъектов в качестве объектов криминалистического познания в диапазоне одного учения с участниками криминального события, а также при соблюдении требований к формированию соответствующих учений, можно будет определять учения о субъектах криминалистической деятельности самостоятельными структурными компонентами, например, криминалистического учения о человеке.

При этом следует обратить внимание на то, что при определении субъектов криминалистической деятельности как объектов исследования с позиции их личных качеств и их деятельности предложения ученых ограничиваются изучением данных аспектов только стадией предварительного расследования.

Возникновение данной ситуации, очевидно, во многом обусловлено тем, что продолжительное время в науке уделялось большее внимание проблемам криминалистического обеспечения предварительного расследования, в частности вопросам деятельности следователя, а не разработке криминалистических рекомендаций применительно к стадии судебного разбирательства уголовных дел. По справедливому замечанию С. Л. Кисленко, в современных условиях «криминалистика продолжает оставаться, по сути, наукой для предварительного расследования, рекомендации которой в условиях публичного судебного разбирательства зачастую не достигают своей цели» [7, с. 5].

Криминалистическое изучение лиц должно осуществляться как на стадии предварительного расследования, так и в судебном разбирательстве уголовных дел, учитывая объектно-предметную область криминалистики. Поэтому логично, что, государственный обвинитель, вероятно, должен рассматриваться самостоятельным объектом учения.

Существующая проблема ограничения изучения вопросов исследуемой тематики стадией предварительного расследования предопределяет выделение и рассмотрение *второй актуальной задачи* криминалистического изучения человека на современном этапе.

Так, в отличие от научных разработок по криминалистическому изучению неизвестного преступника, подозреваемого, обвиняемого [1, 8, 9], аналогичные вопросы относительно подсудимого находятся на стадии становления.

В современных условиях развития криминалистики работы по данному направлению представлены лишь отдельными публикациями ученых, в которых диапазон рассматриваемых вопросов ограничен конкретными положениями: об уровнях познания личности подсудимого [10]; о некоторых тактических особенностях изучения подсудимого [11]; о проблемах, связанных с источниками информации о подсудимом, при отсутствии однозначных связей между принимаемыми судом решениями и личностными особенностями подсудимого [12], и др.

Весьма фрагментарно вопросы криминалистического изучения подсудимого также затрагиваются в работах, посвященных тактико-методическим основам поддержания государственного обвинения в суде.

В настоящее время в криминалистике по исследуемой тематике ключевыми проблемами являются: отсутствие целостных теоретических положений и практических рекомендаций об изучении подсудимого; неопределенность места исследования рассматриваемых вопросов в системе криминалистики.

В целях разрешения данных проблем нами предлагается, в первую очередь, создание концептуальных основ криминалистического изучения подсудимого в общей теории криминалистики посредством разработки положений соответствующего учения как структурного компонента криминалистического учения об участниках криминального события.

При построении структуры предлагаемого учения полагаем рациональным использовать по аналогии разработанную нами ранее структуру криминалистического учения о неизвестном преступнике, включающую теоретическую и практическую части [1, с. 68–69], тем самым соблюдая требования к формированию учений в целом и придерживаясь единообразного подхода к их построению в криминалистике.

В теоретическом разделе следует рассмотреть вопросы, касающиеся основ формирования учения (объект, предмет, методология, функции учения, его понятийный аппарат и т. д.). Практический раздел должен включать вопросы (организационно-тактического, методологического и методического характера) работы субъектов криминалистической деятельности по изучению подсудимого.

Таким образом, разработка целостной системы знаний об изучении подсудимого на уровне учения – новая для криминалистической науки задача, решение которой направлено на расширение и углубление знаний по вопросам изучения указанного лица и, как следствие, на совершенствование всех разделов науки.

В-третьих, актуальной задачей является создание специальных программ по установлению преступника, в основе которых используются алгоритмы искусственного интеллекта и методы математической статистики. На данный момент такие программы только начинают создаваться и находятся на стадии апробации. Их практическая значимость заключается в возможности применения как в научной деятельности, так и в работе правоохранительных органов [13].

При этом требуют совершенствования, как и прежде, вопросы построения криминалистической модели неизвестного преступника. До сих пор актуальными остаются проблемы, связанные с уточнением и дополнением положений о субъектах, методологии, средствах и методических основах данного вида деятельности.

В условиях развития цифровых технологий количество преступлений, совершаемых с применением информационно-коммуникационных технологий, увеличивается с каждым годом. В этой связи при дальнейшей разработке положений методики построения указанной модели следует также уделять больше внимание вопросам работы с цифровыми следами как источниками информации об искомом преступнике.

В целом, рассматривая уровень научной разработанности данной проблематики, следует констатировать, что в криминалистике до настоящего времени не уделяется должного внимания вопросам создания целостной методики построения криминалистической модели неизвестного преступника, что весьма заметно по научным работам. Вместе с тем данное направление является практически востребованным и требует дальнейшего исследования.

В-четвертых, следует продолжить исследования по вопросам криминалистического изучения несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. На монографическом уровне концептуальные положения об изучении данных субъектов представлены лишь в двух работах (А. Г. Бедризова [14] и Р. И. Зайнуллина [15]), в которых учеными разработаны основы соответствующих учений. Однако рассматриваемые тематики многоаспектны для исследования и требуют своего дальнейшего развития, в том числе учитывая, проблемы кибербуллинга и скулшутинга [16].

В-пятых, в целях успешного решения задач уголовного судопроизводства необходимо более детально исследовать конкретные криминалистически значимые качества человека, как, например, Е. И. Фойгель, которая в систематизированном виде представила положения об этнических характеристиках участников уголовного судопроизводства [17].

Современные реалии повышения уровня профессионализма преступника предопределяют необходимость уделять большее внимание криминалистическому изучению не только биологических и социальных, но и психических свойств и состояний человека. Безусловно, данные качества являются непосредственным объектом исследования в психологии и психиатрии, однако в криминалистике их следует изучать в целях решения определенных задач.

Сегодня данный вопрос весьма актуален, как при установлении умений и навыков владения различными психотехнологиями при совершении преступлений (различные психотехнологии используются преступниками при совершении интернет-мошенничеств и многих других преступлений), так и при выявлении коммуникативного противодействия расследованию преступлений посредством применения данных технологий в целях оказания психологического давления на следователя (дознавателя).

Противодействие расследованию с применением психотехнологий выражается, например, в действиях допрашиваемых подозреваемых, обвиняемых, которые направлены на: «1) дестабилизацию морально-психологической сферы следователя (дознавателя); 2) создание условий для совершения сотрудником, осуществляющим допрос, ошибок или уступок; 3) принуждение следователя (дознавателя) совершить выгодные для противоборствующей стороны действия; 4) содействие отстранению конкретного следователя (дознавателя) от дальнейшего производства расследования» [18, с. 4].

Совершенно справедливо А. В. Сибилькова акцентирует внимание на том, что «долгое время в криминалистике не учитывался тот факт, что не только допрашивающий оказывает влияние на допрашиваемое лицо, но и допрашиваемое лицо может оказывать психологическое влияние на допрашивающего; в связи с этим следователи оказываются неготовыми к манипуляциям, зачастую не осознают их и не могут им противостоять» [4, с. 102].

В криминалистике данные вопросы в должной мере не разработаны как с позиции применения психотехнологий в качестве способа преступлений, так и в аспекте мер преодоления противодействия расследованию.

В качестве вывода отметим, криминалистическое изучение человека – тема интересная и многогранная для исследования. На сегодняшний день основными актуальными задачами по рассматриваемой тематике являются следующие:

- с позиции целесообразности и научной обоснованности требует дополнительного рассмотрения вопрос о систематизации знаний об изучении человека в криминалистике в рамках одного учения, объектами познания которого будут являться не только участники криминального события, но и субъекты криминалистической деятельности;
- актуальной и новой задачей для криминалистической науки является разработка криминалистического учения о подсудимом;
- следует обратить внимание на вопросы совершенствования положений методики построения криминалистической модели неизвестного преступника, в том числе посредством разработки вопросов работы с цифровыми следами как источниками информации об искомом преступнике;
- практически востребованным на сегодняшний день является создание специальных программ по установлению преступника, в основе которых используются алгоритмы искусственного интеллекта и методы математической статистики;
- необходимо продолжить исследования по вопросам криминалистического изучения несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, учитывая современные реалии развития цифровых технологий и их негативное влияние на несовершеннолетних лиц;
- следует уделять большее внимание криминалистическому изучению психических свойств и состояний человека, в частности умений и навыков владения различными психотехнологиями, которые в настоящее время активно используются преступниками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Малыхина, Н. И. Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2017. 403 с.
2. Полстовалов, О. В. О личности следователя как объекте криминалистического анализа // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: матер. междунар. науч.-практич. конф. (Москва, 22 декабря 2015 г.) / ред.-сост. М. А. Лушечкина. М.: ООО «МАКС Пресс», 2015. С. 89–93.
3. Дяброва, Ю. Л. Личность следователя и его профессиональное мышление как объект криминалистического изучения // Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания: правовые, управленческие и криминалистические проблемы: сб. матер. междунар. науч.-практич. конф. / под ред. И. П. Можаевой. М.: Академия управления МВД РФ, 2017. С. 180–185.
4. Сибилькова, А. В. Психологические аспекты допроса в парадигме развития криминалистики // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 101–109.
5. Криминалистическое изучение личности: научно-практическое пособие для магистров / отв. ред. Я. В. Комиссарова. М.: Проспект, 2016. 224 с.
6. Малыхина, Н. И. Криминалистические учения и теории: проблемы формирования и определения места в системе криминалистики // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 2 (83). С. 193–199.
7. Кисленко, С. Л. Концептуальные основы криминалистического обеспечения деятельности по поддержанию государственного обвинения в суде первой инстанции: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2023. 514 с.
8. Ахмедшин, Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. 413 с.
9. Макаренко, И. А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 404 с.
10. Воскобитова, Л. А., Малышева, О. А., Насонов, С. А. Личность подсудимого через призму правосудия: криминологические и уголовно-процессуальные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 5. С. 777–785.
11. Осипова, Е. В., Прейбис, И. И. Судебная тактика при изучении личности подсудимого // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 2–2. С. 88–95.
12. Кисленко, С. Л. Исследование данных, характеризующих личность подсудимого: проблемные аспекты теории и правоприменительной практики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1 (17). С. 77–93.
13. Бессонов, А. А. Современные информационные технологии на службе следствия // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1 (35). С. 94–100.
14. Бедризов, А. Г. Личность свидетеля как объект криминалистического исследования: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2020. 206 с.
15. Зайнуллин, Р. И. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей: дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2022. 480 с.
16. Волчецкая, Т. С., Авакьян, М. В., Осипова, Е. В. Криминологическая характеристика и профилактика скулштутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 5. С. 578–591.

17. Фойгель, Е. И. Концептуальные основы криминалистического изучения этнических характеристик личности и практика их реализации в расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2022. 566 с.

18. Белоусов, А. Д. Устойчивость следователя к манипуляции при допросе: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2023. 48 с.

REFERENCE

1. Malykhina, N. I. Criminalistic teaching about a person who committed a crime: dis. ... dr. yurid. sciences'. [Kriminalisticheskoe uchenie o lice, sovershivshem prestuplenie: dis. ... d-ra jurid. nauk.]. Saratov, 2017, 403 p.
2. Polstovalov, O. V. [On the identity of the investigator as an object of forensic analysis]. Sovremennaja kriminalistika: problemy, tendencii, perspektivy: mater. mezhdunar. nauch.-praktich. konf. (Moskva, 22 dekabrya 2015 g.) [Modern criminology: problems, trends, prospects: mater. International Scientific and Practical conference (Moscow, December 22, 2015)]. Moscow, 2015, pp. 89-93.
3. Dyablova, Yu. L. [The personality of the investigator and his professional thinking as an object of criminalistic study]. Optimizacija dejatel'nosti organov predvaritel'nogo sledstvija i doznanija: pravovye, upravlencheskie i kriminalisticheskie problemy: sb. mater. mezhdunar. nauch.-praktich. konf. [Optimization of the activities of the bodies of preliminary investigation and inquiry: legal, managerial and criminalistic problems: collection of materials. international scientific and practical conf.]. Moscow, 2017, pp. 180-185.
4. Sibilkova, A.V. Psychological aspects of interrogation tactics in the paradigm of criminalistics development [Psihologicheskie aspekty taktiki doprosa v paradigme razvitiya kriminalistiki]. Trudy Akademii upravlenija MVD Rossii – Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 1 (61), pp. 101-109.
5. Komissarova Ya. V. Criminalistic study of personality [Kriminalisticheskoe izuchenie lichnosti]. Moscow, 2016, 224 p.
6. Malykhina, N. I. Criminalistic doctrines and theories: problems of formation and determination of place in the system of criminalistics [Kriminalisticheskie uchenija i teorii: problemy formirovaniya i opredelenija mesta v sisteme kriminalistiki]. Pravovaja politika i pravovaja zhizn' – Legal policy and legal life. 2021, no. 2 (83), pp. 193-199.
7. Kislenko, S. L. Konceptual'nye osnovy kriminalisticheskogo obespechenija dejatel'nosti po podderzhaniju gosudarstvennogo obvinenija v sude pervoj instancii: dis. ... d-ra jurid. nauk. [Conceptual foundations of forensic support for the maintenance of public prosecution in the court of first instance: dis. ... dr. yurid. sciences']. Saratov, 2023, 514 p.
8. Akhmedshin, R. L. Kriminalisticheskaja harakteristika lichnosti prestupnika: dis. ... d-ra jurid. nauk. [Criminalistic characteristics of the criminal's personality: dis. ... dr. yurid. sciences']. Tomsk, 2006, 413 p.
9. Makarenko, I. A. Kriminalisticheskoe uchenie o lichnosti nesovershennoletnego obvinjaemogo: dis. ... d-ra jurid. nauk. [Criminalistic doctrine of the identity of a minor accused: dis. ... dr. yurid. sciences']. Saratov, 2006, 404 p.
10. Voskobitova, L. A., Malyshova, O. A., Nasonov, S. A. Lichnost' podsudimogo cherez prizmu pravosudija: kriminologicheskie i ugolovno-processual'nye aspekty [The identity of the defendant through the prism of justice: criminological and criminal procedural aspects]. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal – All-Russian Journal of Criminology. 2020, vol. 14, no. 5, pp. 777-785.

11. Osipova, E. V., Preibis, I. I. Sudebnaja taktika pri izuchenii lichnosti podsudimogo [Judicial tactics in the study of the defendant's personality]. Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki – Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2018, no. 2-2, pp. 88-95.
12. Kislenko, S. L. Issledovanie dannyh, harakterizujushhih lichnosti' podsudimogo: problemnye aspekty teorii i pravoprimenitel'noj praktiki [Investigation of data characterizing the personality of the defendant: problematic aspects of theory and law enforcement practice]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra – Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2021, no. 1 (17), pp. 77-93.
13. Bessonov, A. A. Sovremennye informacionnye tehnologii na sluzhbe sledstvija [Modern information technologies in the service of investigation]. Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chtenija – Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2022, no. 1 (35), pp. 94-100.
14. Bedrizov, A. G. Lichnost' svидетеля kak ob'ekt kriminalisticheskogo issledovaniya: dis. ... kand. jurid. nauk [The identity of a witness as an object of forensic research: dis. ... cand. jurid. sciences']. Kaliningrad, 2020, 206 p.
15. Zainullin, R. I. Kriminalisticheskoe uchenie o lichnosti nesovershennoletnih poterpevshih i svidetelej: dis. ... d-ra jurid. nauk. [Criminalistic teaching about the identity of minor victims and witnesses: dis. ... dr. yurid. sciences']. Ufa, 2022, 480 p.
16. Volchetskaya, T. S., Avakian, M. V., Osipova, E. V. Kriminologicheskaja harakteristika i profilaktika skulshutinga i kiberbullyinga v Rossii i zarubezhnyh stranah [Criminological characteristics and prevention of schoolshooting and cyberbullying in Russia and foreign countries]. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal – All-Russian Journal of Criminology. 2021, vol. 15, no. 5, pp. 578-591.
17. Foigel, E. I. Konceptual'nye osnovy kriminalisticheskogo izuchenija jetnicheskikh harakteristik lichnosti i praktika ikh realizacii v rassledovanii prestuplenij: dis. ... d-ra jurid. nauk. [Conceptual foundations of the criminalistic study of ethnic characteristics of a person and the practice of their implementation in the investigation of crimes: dis. ... dr. yurid. sciences']. Irkutsk, 2022, 566 p.
18. Belousov, A.D. Ustojchivost' sledovatelja k manipuljacii pri doprose [Investigator's resistance to manipulation during interrogation]. Moscow: Prospect, 2023, 48 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валькирия Наталья Ивановна, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Института правовых исследований. Байкальский государственный университет. 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valkiriya Natalya Ivanovna, Doctor of Law, Associate professor, Chief Researcher of the Institute of Legal Research. Baikal State University, 664003, Russia, Irkutsk, st. Lenina, 11.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023; одобрена после рецензирования 17.11.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 10.10.2023; approved after reviewing 17.11.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 112–125.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023.
No. 4 (107). p. 112–125.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК: 343

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.17.27.010

ВОПРОСЫ БЛАНКЕТНОСТИ, СЕМАНТИКИ И СКРЫТОЙ НАЛОГОВОЙ ПРЕЮДИЦИИ ПО УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМ НОРМАМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ СТ.СТ. 198–199.4 УК РФ

Вальтер Александр Валерьевич

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень,
Россия, T89612047813@gmail.com

Введение. В настоящей статье проводится анализ уголовно-правовых норм, предусмотренных ст.ст.198–199.4 УК РФ. Исследуются вопросы семантики, лингвистики, налоговой преюдиции, иные вопросы построения диспозиций по налоговым преступлениям, некоторые вопросы толкования по ст.198–199.4 УК РФ.

В статье исследуются вопросы межотраслевого законодательства, в частности связи уголовного и налогового законодательства, разбираются вопросы повышенной бланкетности диспозиций по налоговым преступлениям.

Указано на имеющиеся сложности толкования налоговых преступлений по ст. 198–199.4 УК РФ с учетом примененной в указанных статьях УК РФ оценочной терминологии, определенной неясности и неконкретности некоторых терминов.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования образуют Уголовный кодекс Российской Федерации, Налоговый кодекс Российской Федерации, разъяснения и письма ФНС России и др. Сформулированные выводы основываются на представленных сведениях, иных научных разработках, судебной практике, уголовно-правовом законодательстве и нормативно-правовых актах в области налогообложения.

Исследование проведено с использованием сравнительно-правового метода, а также межотраслевого исследования, обобщения и описания, также использован кибернетический метод, проведено математическое моделирование текста диспозиций по налоговым преступлениям.

Результаты исследования позволили установить основные сложности в ходе понимания и толкования уголовного закона, а именно по налоговым преступлениям, предусмотренным ст.ст.198–199.4 УК РФ.

На основе проведенного исследования раскрыты некоторые вопросы возникающие в ходе квалификации преступлений, предусмотренных ст.ст.198–199.4 УК РФ.

Выводы и заключения. На основе изученных уголовно-правовых норм по налоговым преступлениям, их лингвистических и семантических особенностей, межотраслевых связей и бланкетности, автором сделан вывод, что на этапе квалификации налоговых преступлений могут возникать определенные сомнения в ходе квалификации налоговых преступлений.

Автором установлено, что такие сложности возникают ввиду несоответствия текста уголовного закона и налогового законодательства, имеющихся дефектов семантического характера, а также имеющейся оценочной категории, несоответствующей общей формальной терминологии в области налогообложения.

Предложены определенные пути разрешения данной проблемы в тексте диспозиции по налоговым преступлениям и приведения ст.ст. 198–199.4 УК РФ в рамки более четких и ясных формулировок, отсылающих к налоговому законодательству.

Ключевые слова: налоговое преступление, семантика, лингвистика, налоговое законодательство, законотворчество

Для цитирования: Вальтер А. В. Вопросы бланкетности, семантики и скрытой налоговой преюдиции по уголовно-правовым нормам, предусмотренным ст.198–199.4 УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журнал. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 112–125.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.17.27.010

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

QUESTIONS OF FORMALITY, SEMANTICS AND HIDDEN TAX PREJUDICE UNDER CRIMINAL LAW NORMS PROVIDED FOR IN ARTICLES 198-199.4 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Alexander V. Walter

Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, T89612047813@gmail.com

Introduction: The present article analyses criminal legal norms provided by Articles 198-199.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. The issues of semantics, linguistics, tax prejudice, other issues of construction of dispositions on tax offences, some issues of interpretation under Articles 198-199.4 of the Criminal Code of the Russian Federation are studied.

The article studies the issues of inter-branch legislation, in particular, the connection between criminal and tax legislation, deals with the issues of increased blanket dispositions on tax offences.

The article points out the existing difficulties of interpretation of tax offences under Articles 198-199.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the applied in these articles of the Criminal Code of the Russian Federation evaluative terminology, certain vagueness and ambiguity of some terms.

Materials and Methods: The normative basis of the study is formed by the Criminal Code of the Russian Federation, the Tax Code of the Russian Federation, clarifications and letters of the Federal Tax Service of the Russian Federation, and others. The formulated conclusions are based on the presented information, other scientific developments, judicial practice, criminal law legislation and regulatory legal acts in the field of taxation.

The study was conducted using the comparative legal method, as well as cross-sectoral research, generalisation and description, also used the cybernetic method, mathematical modelling of the text of dispositions on tax crimes was carried out.

The Results of the Study: allowed to establish the main difficulties in the course of understanding and interpretation of the criminal law, namely on tax offences under Articles 198-199.4 of the Criminal Code of the Russian Federation.

On the basis of the conducted research some issues arising in the course of qualification of offences under Articles 198-199.4 of the Criminal Code of the RF are revealed.

Findings and Conclusions: On the basis of the studied criminal legal norms on tax offences, their linguistic and semantic peculiarities, inter-sectoral links and blanketness, the author concluded that at the stage of qualification of tax offences certain doubts may arise in the course of qualification of tax offences.

The author found that such difficulties arise due to the inconsistency of the text of the criminal law and tax legislation, existing defects of semantic nature, as well as the available evaluation category, inconsistent with the general formal terminology in the field of taxation.

Certain ways of resolving this problem in the text of the disposition of tax offences and bringing Art. 198-199.4 of the Criminal Code of the Russian Federation in the framework of more clear and precise wording referring to the tax legislation. **Keywords:** Tax crime, semantics, linguistics, tax legislation, lawmaking.

For citation: Walter A.V. Voprosy blanketnosti, semantiki i skrytoj nalogovoj prejudicii po ugolovno-pravovym normam, predusmotrennym st.198–199.4 UK RF [Questions of Bluntness, semantics and Hidden Tax Prejudice according to Criminal Law Norms provided for in Articles 198-199.4 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 4 (107), pp. 112–125.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.17.27.010

Вопросам бланкетности уголовно-правовых норм посвящено достаточное количество диссертационных и монографических исследований (А. В. Сельский [1], И. А. Михайлова [2], М. В. Морозов [3], Р. М. Пшипий [4], П. С. Яни [5], Н. И. Пикуров [6] и др). Также бланкетность и ее правовая природа рассматривается в иных актуальных работах [7; 8; 9].

Семантические и лингвистические исследования вопросов, связанных с бланкетными экономическими составами преступления, исследуются значительно

реже, и таких работ монографического и диссертационного уровня в настоящее время издано небольшое количество, среди них можно отметить работы Н. Н. Мироновой [10], Н. Ф. Алефиренко [11].

Вообще проблемы значения и смысла относятся к числу наиболее сложных вопросов языкоznания, каждое слово имеет свое значение, каждое значение выражается тем или иным словом или несколькими словами. Однако, как нам представляется, подобное мнение – одна из многочисленных иллюзий, связанных с языком. На самом деле до сих пор ученые-лингвисты не могут дать исчерпывающего ответа на вопрос, каким образом и при помощи какого механизма «звуковая оболочка» слова соединяется со значением, почему та или иная «форма» наделена именно данным значением, а данное значение сочетается с той или иной формой.

Так, еще в античной философии теория «именования» получила активное исследование в трудах великих мудрецов того времени, пытавшихся разъяснить сущность связи между «вещью», «предметом» и звучащим словом: Гераклита Эфесского (ок. 544–483 гг. до н. э.), Демокрита (460–371 гг. до н. э.), Платона (428–348 гг. до н. э.), в частности в его знаменитом диалоге «Кратил», в учении Филона Александрийского (рубеж I в. н. э.).

Вильгельм Дильтей (1833–1911), видный философ-идеалист и психолог, указывал, что значение языковых единиц сводится исключительно к субъективно-психологическому содержанию, чтобы слово стало понято, мало его перевести, истолковать, воспринимающему субъекту необходимо изменить «менталитет» (способ мышления).

Задача нашего исследования состоит в попытке выяснения возникающих сложностей, как у законодателя, так и правоприменителя, в интерпретации значений, смысла слов и терминов, использованных в построении диспозиции по налоговым преступлениям, с учетом бланкетной связи с налоговым законодательством РФ.

Мы полагаем что налоговая терминология используемая в диспозициях по ст.ст. 198–199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), когда в указанные составы преступлений, сложные в семантическом, лингвистическом и в некоторой степени логическом аспектах, вплетены неконкретные, неоднозначные термины и словосочетания, применяемые в налоговом законодательстве: «уклонение», «личный интерес», «неисполнение обязанностей налогового агента», а также и иные вопросы несоответствия терминологии, использованной в ст.ст. 199.3, 199.4 УК РФ, в сравнении с отыскочным законодательством в области социального страхования от травматизма¹.

Отметим, что и проблема перегруженности законодательства бланкетными нормами никуда не исчезла: отсутствие нормативности, наличие многочисленных декларативных и отыскочных норм, дублирование правовых норм, являющееся побочным результатом активного правотворчества, большой объем и темпы роста массива российского законодательства – все это не новое явление в нашей правовой реальности, об этом упоминается и в выступлениях представителей Государственной Думы Российской Федерации. Так, в ходе проведения круглого стола «Состояние

¹ Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний : Федеральный закон от 24.07.1998 N 125-ФЗ (ред. от 03.04.2023) // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19559/ (дата обращения: 12.11.2023).

системы права в современной России» 4 сентября 2013 г. С. Нарышкин относительно вопросов активного применения отсылочности норм Российского законодательства указал, что, «это не добавляет системности российской правовой системе, а гражданам очень трудно разобраться во всех тонкостях»².

Другие представители законодательного органа также поддерживают мнение, что в настоящее время принимается большое количество фактически декларативных, бланкетных норм, не имеющих зачастую четкого характера и самостоятельного предмета правового регулирования (О. Н. Смолин: «....что мы вообще принимаем в последнее время законы сплошь с правовой неопределенностью, потому что за каждой нормой стоит «в порядке, определяемом правительством», а то и просто принимается бланкетная норма, когда все полномочия парламента передаются Правительству Российской Федерации....», Н. Ф. Москалькова, критикуя внесение изменений в уголовное законодательство: «....Поэтому новая размытая, бланкетная статья...» и др.³).

Однако вернемся к терминологии относительно исследуемого предмета, анализируя термин «уклонение», который содержится в диспозициях уголовно-правовых норм, предусмотренных ст.ст.198–199 УК РФ, а также в ст.199.3 и ст.199.4 УК РФ (что касается налоговых преступлений), и в некоторых иных диспозициях статей особенной части УК РФ. Так, в главе 22 о преступлениях в сфере экономической деятельности проведенный анализ относительно использования термина «уклонение» показал, что данный термин в уголовно-правовом аспекте выступает в качестве части наименования нормы УК РФ и самом тексте диспозиции, а к примеру, в ст.ст. 169, 185.4, 195 и 287 УК РФ одновременно используются термины «отказ» и «уклонение» как разные понятия.

В лингвистическом и семантическом аспекте термин «уклониться» и «отказ» совершенно разные понятия, однако фактически используются рядом в вышеуказанных диспозициях уголовно-правовых норм Российской Федерации. Так, термин «уклонение» по словарю Ушакова: «Уклонение дороги в сторону. Уклонение от ответа. Уклонение от обязанностей» [12]. В большом современном толковом словаре русского языка указанный термин имеет трактовку в виде: «Результат такого действия; отклонение от первоначального направления движения...» [13].

Онлайн словарь синонимов с высокой частотой указывает на следующие слова (по нисходящей): ошибка, нарушение, исключение, отклонение, отступление, нежелание, уклон, отход, избежание, искривление. Из данных синонимов единственным более подходящим в контексте уголовно-правовых норм является нарушение, а все остальные, как нам представляется, не имеют категоричной

² Состояние системы права в современной России обсуждалось на площадке Московского государственного юридического Университета 05.09.2013 г. // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/8347/> (дата обращения: 12.11.2023).

³ Стенограмма заседания Госдумы. Здание Государственной Думы. Большой зал. 10 марта 2021 года. 12 часов. Председательствует Председатель Государственной Думы В. В. Володин. // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: http://cir.duma.gov.ru/duma/document/text/?doc_id=386241&QueryID=41547&HighlightQuery=41547&query_target=news (дата обращения 20.11.2023).

семантической модели, которая могла бы содержать в себе контекст о преступной неуплате налогов.

Исследуя вопросы лингвистики, логики и семантики указанного термина с нами соглашаются другие исследователи. Так, В. Ю. Маляр указывает, что «вновь обратившись к филологическим источникам, мы увидим, что уклонение не имеет абсолютного сходства с отказом. Чаще всего оно описывается в качестве поступка, направленного на избежание, устранение или уход от чего-либо. К примеру, в словаре В. И. Даля «уклониться» – значит избегать, отделяться под предлогами, отлынивать. По Т. Ф. Ефремовой «уклоняться» – отстраняться, отодвигаться в сторону, отходить от начатого, стараться избежать» [14].

В. Ю. Маляр в своем исследовании предлагает идею о том, что полнота криминализации преступного деяния, где имеется ссылка на понятие об «уклонении», достигается в полной мере тогда, когда указанный термин «соседствует» с термином об «отказе» в совершении каких-либо действий. Ярким примером может выступать ч.3 ст.195 УК РФ – «Незаконное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной или иной финансовой организации, в том числе *уклонение* или *отказ* от передачи арбитражному управляющему либо временной администрации кредитной или иной финансовой организации документов...»

Мы выделили в данном случае термин «незаконность», который еще ярче выражает криминальность (криминализацию) деяния в сфере проведения процедуры банкротства.

Полагаем, что при конструировании ст.ст.198–199 и ст.ст. 199.3–199.4 УК РФ, возможно применять следующую терминологию, близкую к терминологии Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), относительно преступной неуплаты налогов, исключая термин «уклонение от уплаты налогов»: «незаконное применение налогового законодательства» или «отказ от уплаты налогов, сборов, страховых взносов».

Анализ переводов термина «уклонение» в группе славянских языков также имеет расширительное, неконкретное толкование, соответствует в большей степени неоконченному действию, продолжающемуся элементу и соответствует отечественным словам: выгиб, изгиб, уныкание (польский язык – unikanie, чешский язык – *vyhýbání*, словацкий язык – *vyhýbanie*, украинский язык – ухилення (*ukhilenya*), белорусский язык – ухіленне (*ukhilenye*), сербский язык – избегавање (*izbegavanje*), хорватский язык – *izbjegavanje*, словенский язык – *izogibanje*).

В дальнейшем исследовании вопросов семантичности ст.ст.198–199.4 УК РФ мы использовали кибернетические методы анализа диспозиции указанных составов преступлений. К примеру, в ходе проведенного анализа текста ст.198 УК РФ, по методу Ципфа, «водности», насыщенности текста повторяющимися словами [15], было установлено, что юридический текст имеет удовлетворительные показатели: естественность текста по методу Ципфа составила 31 %; «водность текста», т. е. процент слов, не несущих смысловой нагрузки, «тошнота текста» составил 16,1 %; насыщенность текста повторяющимися словами – 3 (показатель в пределах нормы). В представленном графике (рис. 1) мы можем видеть, что естественность текста по ст.198 УК РФ не идеальна и, несомненно, необходимо проведение соответствующей

законотворческой, лингвистической и методологической работы для улучшения указанной уголовно-правовой нормы, ее диспозиции.

Рис. 1. График «Семантический анализ ст.198 УК РФ» по методу Ципфа

В представленном рисунке «Облако слов» (рис. 2), полученном в ходе кибернетического анализа на специализированном интернет-сайте семантического и лингвистического исследования текста, выявлено, что ключевым словом в тексте является «налоговый» – 3,57 % вхождения в текст. При этом термин, указывающий на способы совершения преступления в виде «уклонение», составил всего 0,01 % вхождения в текст (частота упоминаний – 2).

Облако слов

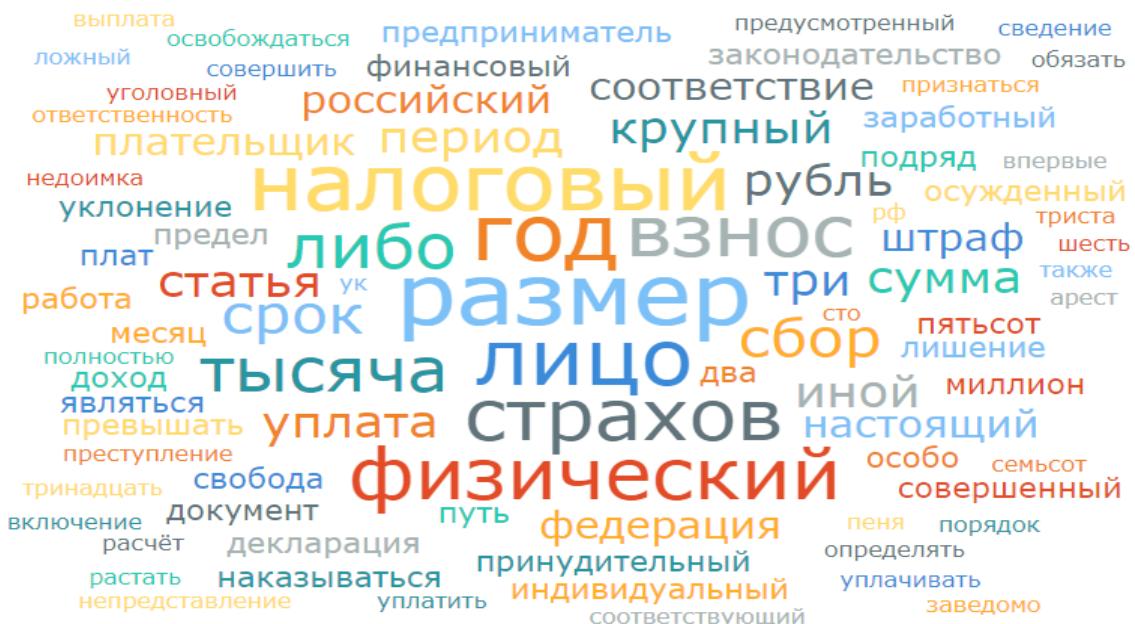

Рис. 2. «Облако слов» – частота вхождений слов в текст ст. 198 УК РФ

В ходе сравнительного исследования УК РФ и НК РФ проведен кибернетический семантический анализ текста ст. 122 НК РФ «Неуплата или неполная уплата сумм налога (сбора, страховых взносов)», который выявил следующие ключевые слова: взнос – 10 вхождений, страховой сбор – 10 вхождений, страховой – 9 вхождений и налог – 8 вхождений. Термин, указывающий на незаконное действие в виде «неуплата», – 3 вхождения (рис. 3).

Анализ семантичности текста по ст. 122 НК РФ, выявил, что «водность» текста (процент слов, не несущих смысловую нагрузку) составила 19,8 %, «Тошнота» (насыщенность текста повторяющимися словами) – 3,16 %, качество «естественности» текста по методу Ципфа – 41 %.

Облако слов

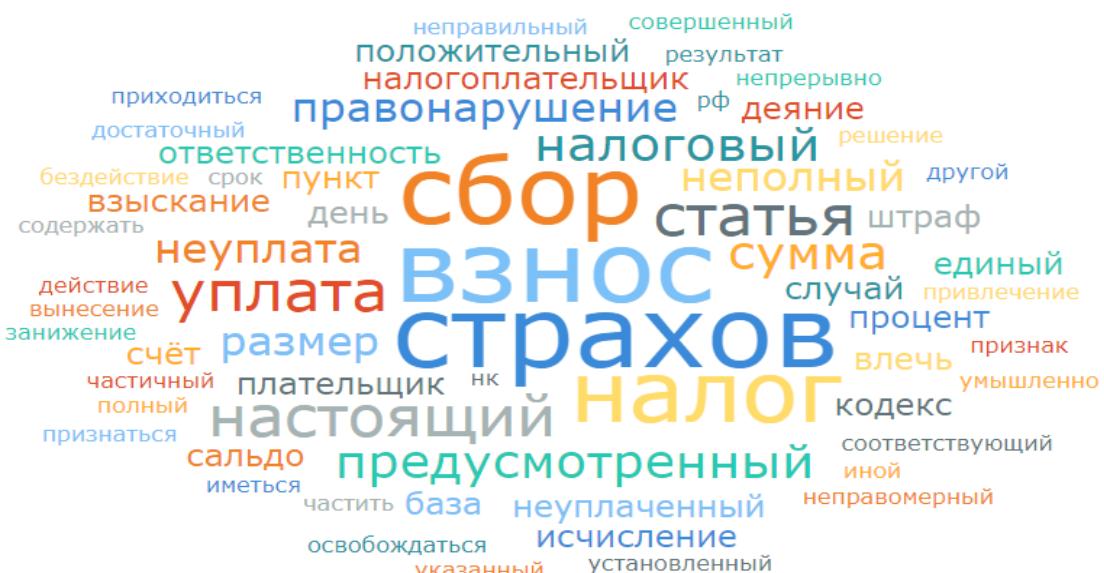

Рис. 3. «Облако слов» – частота вхождений слов в текст по ст.122 НК РФ

Таким образом, в ходе сравнительного исследования семантики в вышеуказанных нормах права, в части налогового правонарушения и налогового преступления, установлено, что с семантической точки зрения бланкетная норма, предусмотренная ст.198 УК РФ, по семантическому качеству ниже налоговой нормы, предусмотренной ст.122 НК РФ.

Возвращаясь к термину «уклонение» в контексте «уклонение от уплаты налогов», отметим, что указанный термин применительно к бланкетному составу преступления, предусмотренному ст.ст.198–199 УК РФ, также не совсем корректен, так как отыюочная статья 122 НК РФ «Неуплата или неполная уплата сумм налога (сбора, страховых взносов)» указывает на несколько способов его совершения в виде (результате) «занизжения налоговой базы (базы для исчисления страховых взносов)»; «иного неправильного исчисления налога (сбора, страховых взносов)» или «других неправомерных действий (бездействия)».

Таким образом, бланкетная отсылка ст.ст.198–199 УК РФ к налоговому законодательству искажает юридическое толкование и, соответственно,

правоприменение указанных уголовно-правовых норм. При этом необходимо принимать во внимание факт, что в настоящее время необходимо наличие повода для возбуждения уголовного дела по ст.ст.198–199.2 УК РФ, в соответствии с ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ⁴, т. е. фактически необходимо решение налогового органа о привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности.

Аналогичная ситуация относительно семантических несоответствий имеется и в ст.ст. 199.3, 199.4 УК РФ. В диспозициях данных норм указан ряд способов совершения преступления в связи с неуплатой «страховых взносов на травматизм», а именно путем занижения базы для начисления страховых взносов; иного заведомо неправильного исчисления страховых взносов; непредставления расчета по начисленным и уплаченным страховым взносам в государственный внебюджетный фонд или других документов; путем включения в страховые расчеты заведомо недостоверных сведений. При этом в ст. 26.29 «Неуплата или неполная уплата сумм страховых взносов» ФЗ № 125-ФЗ от 24.07.1998 г. «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» прямо указано на следующие способы неуплаты: занижения облагаемой базы для начисления страховых взносов; иное неправильное исчисление сумм страховых взносов и другие неправомерные действия (бездействия).

Терминология бланкетной уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 199.1 УК РФ, также имеет отличия относительно своей «налоговой матрицы» в виде ст. 123 НК РФ, в части способов нарушения налогового законодательства Российской Федерации, при этом в уголовное законодательство включен еще и сомнительный, неудачный для уголовного права оценочный признак в виде «личного интереса» при неуплате налогов [16].

Зачем законодатель загромождает диспозиции ст.ст. 199.3, 199.4 УК РФ излишними способами, а точнее механизмами совершения преступления, которых как представляется, может быть огромное количество, в виде различных манипуляций со ставками страховых взносов на травматизм, нам непонятно.

Получается замкнутый круг, когда налоговый орган, руководствуясь НК РФ и локальными разъяснениями налогового законодательства Российской Федерации, в т. ч. вопросами гражданского характера о добросовестности сделок (с учетом вопросов налогообложения – формальный характер, занижение/заныщение суммы сделки и др.), совместного приказа МВД России, СК России и ФНС России о

⁴ Ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ: «Поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьями 198–199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, служат только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела» // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwibz9OigY6DAxUhAxAIhANYAm8QFnoECA4QAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.consultant.ru%2Fdocument%2Fcons_doc_LAW_34481%2F848802d68744e2abb54076a99175a7ed6d5bb720%2F&usg=AOvVaw3owxKKMD0uC5EHjJ_fPzTV&opi=89978449(дата обращения 20.11.2023).

проводении совместных налоговых проверок⁵ и письма ФНС России о методических рекомендациях, об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)⁶, фактически собирает материал о налоговом правонарушении, особо не вникая либо вовсе абстрагируясь от материала уголовного права и вопросов обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ. Все это обусловлено разными целями и задачами, имеющимися у правоохранительных органов – СК России и МВД России в сравнении с налоговыми органами (ФНС России).

Приведем в данной связи позицию Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) и адвокатского сообщества относительно вопросов бланкетных составов преступлений: «Принцип правовой определенности, обязывающий федерального законодателя формулировать уголовно-правовые предписания с достаточной степенью четкости, позволяющей лицу сообразовывать с ними свое поведение – как дозволенное, так и запрещенное – и предвидеть вызываемые им последствия...»⁷. Аналогичные выводы КС РФ также содержатся и в постановлениях от 27 мая 2003 года № 9-П («...Между тем оценка степени

⁵ Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений" (вместе с "Инструкцией о порядке взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов при организации и проведении выездных налоговых проверок", "Инструкцией о порядке направления органами внутренних дел материалов в налоговые органы при выявлении обстоятельств, требующих совершения действий, отнесенных к полномочиям налоговых органов, для принятия по ним решения", "Инструкцией о порядке направления материалов налоговыми органами в органы внутренних дел при выявлении обстоятельств, позволяющих предполагать совершение нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления" : Приказ МВД России N 495, ФНС России N ММ-7-2-347 от 30.06.2009 (ред. от 12.11.2013) (Зарегистрировано в Минюсте России 01.09.2009 N 14675) // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwjM0Oj7hI6DAxUKEBAIHUIQAAkQFnoECA4QAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.consultant.ru%2Fdocument%2Fcons_doc_LA_W_91290%2F&usg=AOvVaw342vYtfzFe1dJhKes6DHol&opi=89978449(дата обращения 20.11.2023).

⁶ О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)" (вместе с "Методическими рекомендациями "Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)", утв. СК России, ФНС России) : Письмо ФНС России от 13.07.2017 N ЕД-4-2/13650@ // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220597/ (дата обращения 20.11.2023).

⁷ Определение Конституционного Суда России об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Люлинского Артема Хаймовича на нарушение его конституционных прав статьей 1853 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 2 части 1 и частью 2 статьи 5 Федерального закона «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 марта 2022 г. // Кодексы онлайн. Уголовный кодекс : сайт. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-konstitutonnogo-suda-rf-ot-31032022-n-817-o/> (дата обращения 20.11.2023).

определенности содержащихся в законе понятий должна осуществляться исходя не только из самого текста закона, используемых формулировок, но и из их места в системе нормативных предписаний...), от 31 марта 2011 года № 3-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 17 июня 2014 года № 18-П, от 16 июля 2015 года № 22-П и др.

Адвокат Д. Мыльцын указал на имеющуюся проблему при расследовании налоговых преступлений, когда материалы налоговой проверки становятся неотъемлемой частью уголовного дела без необходимости тщательной проверки органом предварительного следствия [17].

В итоге у уполномоченных лиц, осуществляющих предварительную квалификацию и расследующих уголовные дела по налоговым преступлениям, возникают определенные сложности в ходе понимания и правоприменения бланкетных диспозиций, предусмотренных ст.ст. 198–199.4 УК России, с учетом насложения налоговой терминологии, огромного количества механизмов нарушения налогового законодательства Российской Федерации, учитывая его несовершенство, и, как было указано выше, некоторые семантические и лингвистические неопределенности, размытая и неконкретная уголовно-правовая терминология относительно способов совершения налоговых преступлений, предусмотренных ст.ст. 198–199.4 УК России.

Таким образом уже на этапе квалификации налоговых преступлений, по нашему мнению, может возникнуть определенное «концептуальное смешение»⁸, внутренние сомнения в ходе квалификации налоговых преступлений, что в некоторой степени противоречит базовым Конституционным положениям⁹.

Полагаем, что вопросы понимания, гармоничности, четкости и ясности бланкетных налоговых составов преступлений по ст.ст. 198–199.4 УК РФ в настоящее время практически не изучаются в плоскости лингвистики и семантичности текста. В связи с чем мы попытались исследовать некоторые вопросы семантики и терминологии

⁸ «Концептуальное смешение» – это Концептуальная интеграция или концептуальное смешение рассматривается как теория познания, согласно которой элементы различных областей смешиваются, в результате чего происходит смешение ментальных пространств в подсознании человека. «Карта слов и выражений русского языка онлайн» // Карта слов : сайт. URL: <https://www.kartaslov.ru/> (дата обращения 11.10.2023).

⁹ Часть 3 ст. 49 Конституции Российской Федерации: «Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого» // Конституция Российской Федерации : принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) (В редакции указов Президента Российской Федерации от 09.01.1996 № 20, от 10.02.1996 № 173, от 09.06.2001 № 679, от 25.07.2003 № 841; федеральных конституционных законов от 25.03.2004 № 1-ФКЗ, от 14.10.2005 № 6-ФКЗ, от 12.07.2006 № 2-ФКЗ, от 30.12.2006 № 6-ФКЗ, от 21.07.2007 № 5-ФКЗ; законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ; Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ; Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; Указа Президента Российской Федерации от 27.03.2019 № 130; Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; федеральных конституционных законов от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 11.10.2023).

налогового законодательства, в том числе с использованием кибернетического метода исследования текста уголовного закона. Как мы полагаем, были получены положительные результаты, указывающие на определенные неточности при юридической и лингвистической связи между уголовным и налоговым законодательством.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сельский, А. В. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 12.00.08. «Бланкетные нормы в уголовном законодательстве России». Москва, 2010.
2. Михайлова, И. А. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 12.00.08. «Бланкетные нормы в уголовном законе и их применение органами внутренних дел». Москва, 2009.
3. Морозов, М. В. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 12.00.08. «Аналогия как способ толкования и применения уголовно-правовых норм». Екатеринбург, 2022.
4. Пшипий, Р. М. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 12.00.08. «Бланкетная диспозиция уголовно-правовой нормы: доктринальное понимание, законодательные подходы к конструированию и проблемы применения (на примере главы 22 УК РФ)». Краснодар. 2015.
5. Яни, П. С. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, 12.00.08. Актуальные проблемы уголовной ответственности за экономические и должностные преступления». Москва, 1996 г.
6. Пикуров, Н. И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава: Монография. – М.: Российская академия правосудия, 2009.
7. Ибрагимов, М. А., Ображиев К.В. Нормативные акты иных отраслей права как источники уголовного права : монография. Ставрополь: Сервисшкола, 2005.
8. Кипарисов, Ф. Г. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, 12.00.01. «Бланкетные нормы Российского права (Доктрина, практика, техника)». Нижний Новгород. 2021;
9. Асланян, Р. Г. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 12.00.08. «Теоретические основы построения особенной части Российского уголовного права». Краснодар. 2023.
10. Миронова, Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики. – Учебное пособие. - М.: НВИ - ТЕЗАУРУС, 1997.
11. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. - М.: Гнозис, 2005.
12. Толковый словарь русского языка Ушакова // URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/461916.html> (дата обращения 01.12.2023).
13. Большой современный толковый словарь // URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/461916.html> (дата обращения 01.12.2023).
14. Маляр, М. Ю. Разграничение отказа и уклонения в российском уголовном праве // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. № 2 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razgranichenie-otkaza-i-ukloneniya-v-rossiyskom-ugolovnom-prave> (дата обращения: 22.09.2023).
15. Семантический анализ текста онлайн // URL: <https://majento.ru/index.php?page=seo-analize/text->

semantic/index#https://majento.ru/index.php?page=seo-analize/text-semantic/index# (дата обращения 15.11.2023)

16. Мешков, М. В., Гайфуллин, А. Н. Доказывание мотива преступления и проблемы уголовно-правового регулирования // Мировой судья. 2015. № 3. С. 14–17.

17. Нагорная, М. КС не нашел оснований для признания бланкетных норм УК неконституционными // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-ne-nashel-osnovaniy-dlya-priznaniya-blanketnykh-norm-uk-nekonstitutsionnymi/> (дата обращения 13.11.2023)

REFERENCES

1. Selsky A.V. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskikh nauk, 12.00.08. «Blanketnye normy v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii». [Abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences, 12.00.08. “Blanket norms in the criminal legislation of Russia.”]. Moscow, 2010.
2. Mikhailova I.A. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskikh nauk, 12.00.08. «Blanketnye normy v ugolovnom zakone i ih primenie organami vnutrennih del». [Abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences, 12.00.08. “Blanket norms in criminal law and their application by internal affairs bodies.”]. Moscow, 2009.
3. Morozov M.V. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskikh nauk, 12.00.08. «Analogija kak sposob tolkovaniya i primenenija ugolovno-pravovyh norm». [Abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences, 12.00.08. “Analogy as a way of interpreting and applying criminal law norms.”]. Ekaterinburg, 2022.
4. Pshipy R.M. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskikh nauk, 12.00.08. «Blanketnaja dispozicija ugolovno-pravovoj normy: doktrinal'noe ponimanie, zakonodatel'nye podhody k konstruirovaniyu i problemy primenenija (na primere glavy 22 UK RF)». [Abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences, 12.00.08. “Blanket disposition of a criminal law norm: doctrinal understanding, legislative approaches to design and application problems (using the example of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation)”. Krasnodar, 2015.
5. Yani P.S. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora juridicheskikh nauk, 12.00.08. Aktual'nye problemy ugolovnoj otvetstvennosti za jekonomicheskie i dolzhnostnye prestuplenija» [Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law, 12.00.08. Current problems of criminal liability for economic and official crimes.”]. Moscow, 1996.
6. Pikurov N.I. Kvalifikacija prestuplenij s blanketnymi priznakami sostava [Qualification of crimes with blanket characteristics]. M.: Russian Academy of Justice, 2009.
7. Ibragimov M.A., Obrazhiev K.V. Regulatory acts of other branches of law as sources of criminal law: monograph. - Stavropol: Service School, 2005.
8. Kiparisov F.G. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora juridicheskikh nauk, 12.00.01. «Blanketnye normy Rossijskogo prava (Doktrina, praktika, tehnika)» [Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law, 12.00.01. “Blanket norms of Russian law (Doctrine, practice, technique).”]. Nizhny Novgorod. 2021;
9. Aslanyan R.G. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskikh nauk, 12.00.08. «Teoreticheskie osnovy postroenija osobенноj chasti Rossijskogo ugolovnogo prava» [Abstract of the dissertation for the degree of candidate of

legal sciences, 12.00.08. “Theoretical foundations for constructing a special part of Russian criminal law.”]. Krasnodar. 2023.

10. Mironova N.N. Diskurs-analiz ocenochnoj semantiki [Discourse analysis of evaluative semantics]. Tutorial. M.: NVI - THESAURUS, 1997.

11. Alefirenko N. F. Spornye problemy semantiki [Controversial problems of semantics]. M.: Gnosis, 2005.

12. Explanatory dictionary of the Russian language by Ushakov. [Email: Access] URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/461916.html> (access date 12/1/2023).

13. Large modern explanatory dictionary. [Email: Access]. URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/461916.html> (access date 12/1/2023).

14. Malyar M.Yu. Razgranichenie otkaza i uklonenija v rossijskom ugovolnom prave [Distinction between refusal and evasion in Russian criminal law]. Problemy jekonomiki i juridicheskoy praktiki – Problems of economics and legal practice. 2016. No. 2. [Email: Access] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razgranichenie-otkaza-i-ukloneniya-v-rossijskom-ugovolnom-prave> (access date: 09/22/2023).

15. Semantic text analysis online. [Email: Access]. URL: <https://majento.ru/index.php?page=seo-analyze/text-semantic/index#https://majento.ru/index.php?page=seo-analyze/text-semantic/index#> (access date 11/15/2023)

16. Meshkov M.V., Gaifullin A.N. Dokazyvanie motiva prestuplenija i problemy ugovolovo-pravovogo regulirovaniya [Proving the motive of a crime and the problem of criminal law regulation]. Mirovoj sud'ja – Justice of the Peace. 2015, no. 3, pp. 14 - 17

17. M. Nagornaya. KS ne nashel osnovanij dlja priznaniya blanketnyh norm UK nekonstitucionnymi [“The Constitutional Court found no grounds for recognizing the blanket norms of the Criminal Code as unconstitutional.”]. Advokatskaja gazeta – Advocate newspaper.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вальтер Александр Валерьевич, старший преподаватель кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз. Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России. 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Walter Alexander Valerievich, Senior Lecturer Department of Crime Investigation and Forensic Science. Tyumen Institute for the Search for Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Russia, 625049, Tyumen, st. Amurskaya, 75.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 08.11.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 01.11.2023; approved after reviewing 08.11.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 126–133.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023.
Vol. no 4 (107). p. 126–133.

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Научная статья

УДК 343.23

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.38.28.011

КЛАССИФИКАЦИЯ ФОРМАЛЬНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

Ермакова Ольга Владимировна

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия,
ermakova_alt@mail.ru

Введение. Статья посвящена разработке классификации составов оконченных преступлений. Автором отмечается отсутствие в уголовно-правовой науке однозначного понимания основания такой классификации и количественного показателя выделяемых подгрупп. Унификация видов конструкций составов оконченных преступлений приведет к единообразию законодательного материала, разрешит множественные вопросы толкования Особенной части уголовного закона. В работе обоснована необходимость классификации составов оконченных преступлений по различным основаниям (по вертикали и горизонтали). Отдельное внимание уделяется анализу формальных составов преступлений, предлагается их классификация в зависимости от включенности преступного результата в конструкцию состава преступления. Приведены конкретные примеры формальных и усеченных составов, закрепленных в Особенной части УК РФ, вызывающих сложности в толковании.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования образует уголовное законодательство. Методологической основой исследования послужил всеобщий диалектический метод познания социально-правовых явлений, общенаучные методы исследования (анализ и синтез, дедукция и индукция, системно-структурный и другие). Кроме того, использовались частно-научные методы познания – логико-формальный и системного анализа.

Результаты исследования. Проведенное исследование позволило представить комплексную характеристику формальных составов преступлений, предложить правила создания таких составов в нормах уголовного закона, а также опровергнуть сложившееся понимание формальных составов, как не охватывающих преступный вред.

Выводы и заключения. Автором впервые в науке уголовного права предложена классификация формальных составов преступлений, что развивает положения теории уголовного права о составе преступления, а также позволяет по-новому взглянуть на проблемы толкования конкретных составов.

Ключевые слова: состав преступления, моделирование состава преступления, формальный состав преступления, усеченный состав преступления, классификация составов преступлений

Для цитирования: Ермакова О. В. Классификация формальных составов преступлений и ее значение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. Т. № 4 (107. С. 126–133.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.38.28.011

5.1.4. Criminal Law Sciences

CLASSIFICATION OF FORMAL OFFENCES AND ITS SIGNIFICANCE

Original article

Olga V. Ermakova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul,
Russian Federation, ermakova_alt@mail.ru

Introduction: the article is devoted to the development of classification of completed offences. The author notes the lack of unambiguous understanding of the basis of such classification and quantitative indicator of the allocated subgroups in the criminal-legal science. Unification of types of constructions of completed offences will lead to the uniformity of legislative material; solve multiple issues of interpretation of the Special Part of the criminal law. The paper substantiates the need to classify the elements of completed offences on various grounds (vertically and horizontally). Special attention is paid to the analysis of formal corpus delicti of crimes, their classification is proposed depending on the inclusion of the criminal result in the construction of the corpus delicti. Specific examples of formal and truncated corpus delicti, enshrined in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, causing difficulties in interpretation are given.

Materials and Methods: the normative basis of the study is formed by criminal legislation. The methodological basis of the study was the universal dialectical method of cognition of socio-legal phenomena, general scientific methods of research (analysis and synthesis, deduction and induction, system-structural and others). In addition, private-scientific methods of cognition were used - logical-formal and system analysis.

The Results of the Study: The conducted research allowed to present a comprehensive characteristic of formal elements of crimes, to propose rules for the creation of such elements in the norms of criminal law, as well as to refute the current understanding of formal elements as not covering criminal harm.

Findings and Conclusions: The author for the first time in the science of criminal law proposed a classification of formal corpus delicti of offences, which develops the provisions of the theory of criminal law on the composition of the offence, as well as allows a new look at the problems of interpretation of specific corpus delicti.

Keywords: corpus delicti, modelling of corpus delicti, formal corpus delicti, truncated corpus delicti, classification of corpus delicti.

For citation: Ermakova O. V. Klassifikacija formal'nyh sostavov prestuplenij i ee znachenie [On the need to criminalize the storage of extremist materials]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 4 (107), pp. 126–133 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.38.28.011

Развитие российского уголовного права на современном этапе характеризуется непрекращающимися законодательными реформами. Подобная нестабильность закона объясняется причинами объективного характера, заключающимися в социальных изменениях общественной жизни. В результате появляются новые, ранее не известные виды, совершенствуются существующие способы осуществления преступлений, что порождает потребность в регулировании данных отношений уголовно-правовыми средствами. Однако необходимо помнить, что стремление «усовершенствовать» уголовное законодательство в соответствии с реалиями общественной жизни, должно быть не только социально обосновано, но и базироваться на определенных правилах. При этом учитывая, что в уголовном законе криминализируемые деяния обретают юридическую оболочку при помощи состава преступления, а сами конструкции представляют собой модели, прообразы деяний [1, с. 67], существующих в объективной действительности, то их создание необходимо основывать только на анализе общественно опасного деяния, имеющего место в реальной жизни.

Несмотря на то, что состав преступления, его элементы и признаки достаточно подробно освещены в работах ученых досоветского и советского времени – А. Н. Трайнина [2], В. Н. Кудрявцева [3], существует множество вопросов, требующих проведения дальнейших исследований. Так, в современной уголовно-правовой науке теория моделирования составов преступлений, вместо системного подхода, представлена отдельными положениями. Кроме того, не отличается однозначностью понимания классификация составов преступлений, поскольку учеными предлагается различное количество классификационных групп. В результате теоретической неоднозначности определение вида конструкции фактически любого конкретного состава преступления вызывает дискуссию в научной литературе.

Традиционно авторы выделяют формальные и материальные составы преступлений [4, с. 21]. Однако ограничение составов преступлений только этими разновидностями не в полной мере соответствует особенностям совершения в реальной жизни общественно опасного деяния.

Учитывая, что любое деяние протекает в определенный период времени, следует выделять механизм его осуществления, демонстрирующий процесс совершения преступления, подразделяющийся на определенные этапы. Так, данный процесс начинается с мотивации, перерастает в планирование и последующее исполнение деяния, включающее в себя совершение самих действий (бездействие) и наступление преступного

результата. Безусловно, количество этапов может существенно меняться (например, в отдельных деяниях отсутствует планирование). Но главная идея заключается в том, что законодатель может юридически перенести момент окончания преступления на любой момент механизма совершения преступления. В результате даже те деяния, которые не достигли преступного результата, в зависимости от особенностей использованной конструкции можно признать оконченными. Примером такого состава выступает разбой, поскольку юридически для признания его оконченным преступлением не требуется завладение имуществом и наступление ущерба.

Единственная стадия в генезисе механизма преступного деяния, не связанная с конструкциями состава преступления, – это стадия мотивации, что связано с признанием в ч. 1 ст. 14 УК РФ преступными исключительно действие или бездействие. Иная ситуация имела место в Воинском Артикуле, согласно которому отдельные преступления признавались оконченными уже на стадии «голого умысла». Например, арт. 140 закрепляет: «...ежели пойдут и захотят на поединке биться» [5, с. 388].

Вариации установления юридического момента окончания преступления показывают многочисленность возможных конструкций, которые необходимо упорядочить именно в зависимости от стадии механизма преступного деяния, выбранной законодателем в качестве оконченного преступления.

Одной из разновидностей, выделяемых учеными в рамках рассматриваемой классификации, выступает формальный состав, означающий признание преступления оконченным на этапе совершения деяния, независимо от наступления последствий [6, с. 36]. Несмотря на общепризнанность такого понимания формального состава, полагаем, его характеристика нуждается в конкретизации.

Возникают вопросы: причиняют ли вред преступления с такой конструкцией и в чем проявляется их общественная опасность?

По нашему мнению, в уголовном законе имеют место формальные составы, которые включают вредные последствия, однако законодатель не связывает момент окончания преступления с обязательным их установлением. К примеру, состав изнасилования (ст. 131 УК РФ) предполагает совершение деяния, в том числе с применением насилия. Соответственно, действия виновного лица могут привести к причинению вреда здоровью различной степени тяжести. Однако законодатель признает изнасилование оконченным на более раннем этапе – на моменте полового сношения, независимо от наступивших последствий.

Иная конструкция используется в составе угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ). Совершение деяния в виде угроз еще не приводит к наступлению реальных изменений в общественных отношениях, охраняющих жизнь и здоровье. Поэтому данное деяние не материализуется в преступном результате и преступление признается оконченным в момент выполнения самих действий.

Анализ действующего УК РФ показывает различия в конструкциях составов, объединенных названием «формальные». Следовательно, необходимо продолжить классификационный ряд на уровне формальных составов, в зависимости от включения преступного результата в конструкцию состава преступления.

В частности, виды таких конструкций могут быть представлены следующими вариантами:

- 1) формальные составы, не охватывающие преступный результат;
- 2) формальные составы, включающие в конструкцию определенный объем преступного вреда;
- 3) формальные составы, в которых возможный преступный вред получает конкретизацию, но в качестве возможных последствий. В этой части речь идет о так называемых «составах опасности», при которых момент окончания определяется лишь реальной возможностью (опасностью) причинения вреда, получившего в составе юридическое выражение.

В научной литературе составы опасности предлагается относить к различным видам конструкций составов.

Например, отдельными авторами составы опасности относятся к числу материальных по причине указания в них на преступные последствия [7, с. 63].

Однако, по нашему мнению, состав опасности занимает самостоятельное место в ряду формальных составов, поскольку момент окончания преступления с таким составом не связывается с наступлением преступных последствий (как в материальном составе), а наступает на стадии совершения деяния, создающего угрозу наступления вредных последствий. Схожесть с материальными составами заключается в том, что законодатель придает юридическое выражение определенным общественно опасным последствиям, не требуя фактического их наступления для признания преступления оконченным.

Представленные разновидности формальных составов преступлений вызывают сложности в толковании и правоприменительной деятельности. Так, если в конструкцию включен определенный объем преступного вреда, возникает вопрос в необходимости применения правил совокупности преступлений.

Например, состав неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего по своей конструкции является формальным, поскольку момент окончания деяния не связывается с наступлением преступных последствий. При этом обязательным признаком преступного деяния в составе неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего выступает жестокое обращение, которое включает в себя насилие (физическое или психическое), что вызывает вопрос о квалификации преступлений по совокупности при причинении вреда здоровью либо смерти.

Отдельные ученые предлагают применение правил совокупности преступлений ко всем случаям наступления в результате неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего вреда здоровью.

Подобная квалификация встречается и в судебной практике. Так, мать, ненадлежаще исполняющая обязанности по воспитанию своей малолетней дочери, в один из дней нанесла дочери не менее 3 ударов по лицу и ягодицам, причинив, согласно экспертизе, легкий вред здоровью по признаку кратковременного расстройства здоровья. Суд квалифицировал действия матери по ст. 156 и 115 УК РФ [8, с. 97].

Полагаем, если законодатель использует конструкцию формального состава, включающей в себя определенный объем преступного вреда, требуется сопоставлять санкции преступлений. В частности, сравнивая строгость санкций ст. 156 и 115 УК РФ, приходим к выводу, что более тяжкая норма об ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, должна охватывать умышленное причинение легкого вреда здоровью.

По нашему мнению, использование подобной разновидности формальных составов преступлений создает сложности в правоприменительной деятельности, поэтому следует либо конкретизировать объем вреда, который охватывается рамками конструкции либо минимизировать ее применение в процессе моделирования составов преступлений.

Определенные сложности вызывает и формальный состав, в котором конкретизируется преступный результат с указанием на необходимость лишь реальной опасности наступления последствий. Полагаем, в приговоре суд должен привести объективные данные, свидетельствующие о наличии такой опасности.

Например, в составе террористического акта (ст. 205 УК РФ) содержится указание на гибель человека, значительный имущественный ущерба, иные тяжкие последствия. Однако момент окончания преступления не связан с их наступлением, а лишь с реальной опасностью причинения. Именно поэтому при совершении взрыва, поджога, иных действий, обладающих схожей общественной опасностью, но не повлекших каких-либо последствий вменяется оконченный состав преступления.

Проведенное исследование показало, что многоуровневая классификация составов преступлений является необходимым элементом разработки концептуальных основ создания законодательных конструкций. При этом учитывая, что состав преступления должен воспроизводить черты реально существующего общественно опасного деяния, основанием для выделения классификационных групп должны выступать особенности механизма совершения такого деяния. Следует констатировать недостаточную разработанность классификации составов оконченных преступлений. Существующие разработки данного вопроса не основываются на особенностях и этапах механизма совершения общественно опасного деяния как явления объективной действительности. Вместе с тем, даже поверхностное сопоставление этапов совершения преступления и возможных вариантов установления момента окончания, свидетельствует о многочисленности конструкций составов преступлений по этому основанию.

Отдельное внимание в рамках заявленной классификации необходимо уделять конструкциям формальных составов преступлений, в которых момент окончания не связывается с наступлением преступных последствий. Формальные составы преступлений нельзя понимать упрощенно, как конструкции, не содержащие преступные последствия, поскольку законодатель вправе включать в них определенный объем преступного вреда.

Анализ УК РФ свидетельствует о том, что большая часть формальных составов преступлений включает определенный объем вреда, что вызывает вопросы необходимости применения правил совокупности преступлений. Полагаем необходимо проводить сравнительный анализ санкций различных преступлений с целью определения того факта охватывает ли конструкция преступный результат либо требуется дополнительная квалификация по другим статьям УК РФ.

Соответственно, на уровне формальных составов преступлений следует выделять конструкции, не включающие преступный результат, охватывающие определенный объем вреда, но не связывающие момент окончания преступления с его наступлением и конструкции с конкретизацией реальной опасности преступных последствий (так называемые составы опасности).

Предложенная классификация составов преступлений, выделяемая в зависимости от той стадии развития преступления, на которой законодатель объявил деяние оконченным, позволяет не только упорядочить многочисленные точки зрения ученых, но и определить конструкции конкретных составов преступлений, закрепленные в Особенной части УК РФ и момент окончания данных деяний. Осуществление данной классификации на уровне формальных составов преступлений показывает несовершенство и проблемы толкования отдельных разновидностей такой конструкции, что должно учитываться законодателем при создании составов преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кругликов, Л. Л. Спиридонова, О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. Санкт-Петербург, 2005. 336 с.
2. Трайнин, А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. Москва: Госюриздан, 1951. 388 с.
3. Кудрявцев, В. Н. Закон, поступок, ответственность. Москва: наука, 1986. 448 с.
4. Ермакова, О. В. Состав преступления / О. В. Ермакова, О. Н. Штаб. Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 2017. 70 с. Электрон. копия доступна на сайте Науч. электрон. б-ки eLibrary. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=31801606> (дата обращения: 22.01.2021). Доступ для зарегистрир. пользователей.
5. Российское законодательство X-XX веков : в 9 т. Москва: Юридическая литература, 1984–1994. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. тома заслуженный деятель науки РСФСР, д-р ист. наук А. Г. Маньков. 1986. 511 с.
6. Ермакова, О. В. Основания и условия, влияющие на конструкцию состава преступления : монография. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. 128 с.
7. Иванчин, А. В. Проблемы определения вида состава преступления в зависимости от функциональной роли последствий в его законодательной конструкции // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 61–65.
8. Ермакова, О. В., Шаганова, О. М. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, связанные с конструкцией состава и определением момента окончания преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. №2 (52). С. 52–55.

REFERENCES

1. Kruglikov L.L. Spiridonova O.E. Juridicheskie konstrukcii i simvoly v ugolovnom prave [Legal constructions and symbols in criminal law]. St. Petersburg, 2005, 336 p.
2. Trainin A.N. Sostav prestuplenija po sovetskomu ugolovnomu pravu [The composition of a crime under Soviet criminal law]. M.: Legal literature, 1951, 338 p.
3. Kudryavtsev V.N. Zakon, postupok, otvetstvennost' [Law, deed, responsibility]. M.: Legal literature, 1986, 448 p.
4. Ermakova O.V., Headquarters O.N. Sostav prestuplenija [Composition of the crime]. Barnaul: Altai State University, 2017, 70 p.
5. Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov [Russian legislation of the X-XX centuries. In 9]. M., 1986, vol. 4, 511 p.

6. Ermakova O.V. Osnovanija i uslovija, vlijajushhie na konstrukciju sostava prestuplenija [Grounds and conditions affecting the construction of the corpus delicti]. Barnaul, 2020, 128 p.

7. Ivanchin A.V. Problemy opredelenija vida sostava prestuplenija v zavisimosti ot funkcional'noj roli posledstvij v ego zakonodatel'noj konstrukcii [Problems of determining the type of corpus delicti depending on the functional role of consequences in its legislative structure]. Vestnik Jaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Serija: Gumanitarnye nauki. – Vestnik of the Yaroslavl State P.G. Demidov University. Series: Humanities. 2015, no. 2, pp. 61–65.

8. Ermakova O.V., Shaganova O.M. Problemy kvalifikacii neispolnenija objazannostej po vospitaniju nesovershennoletnego, svjazannye s konstrukcijoj sostava i opredeleniem momenta okonchanija prestuplenija [Problems of qualification of non-fulfillment of duties for the upbringing of a minor related to the construction of the composition and determination of the moment of the end of the crime]. Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018, no. 2 (52), pp. 52–55.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ермакова Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, 656062, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.

ORCID:0000-0002-4664-582X

ResearcherID: U-3132-2017

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ermakova Olga Vladimirovna, candidate of law sciences, associate professor, associate professor of the department of criminal law and criminology Barnaul law institute military of interior of Russia, police lieutenant colonel, 656062, Russia, Barnaul, Chkalova, 49.

ORCID:0000-0002-4664-582X

ResearcherID: U-3132-2017

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 16.01.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 16.01.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023 № 4 (107). С. 134–142.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023
Vol. no. 4 (107). p. 134–142.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 343.9

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.58.16.012

НАПРАВЛЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Галяутдинов Рушан Радикович

Институт права, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
rushan-94@mail.ru

Введение. Успешное и быстрое расследование любых преступлений зависит от того, правильно ли определены направления расследования. Направления расследования определяются следственными ситуациями по должностным насильственным преступлениям. С позиций уголовного права сюда включаются определенные виды преступлений – превышение должностных полномочий с применением насилия, пытки, или повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью (ч. 3, ч. 4, ч. 5 ст. 286 УК РФ) и принуждение к даче показаний путем насилия, издевательств или пыток, или повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью (ч. 2, 3, 4 ст. 302 УК РФ). Необходимость выделения теоретико-практических аспектов направления расследования рассматриваемых преступлений обусловлена многообразием следственных ситуаций. Целью настоящей публикации является выявление взаимосвязи следственных ситуаций и направления расследования для всестороннего, полного и объективного установления истины.

Материалы и методы анализа нормативно-правового регулирования, формально-юридический, сравнительно-правовой.

Результаты исследования. В ходе авторского исследования направлений расследований должностных насильственных преступлений автором определены шесть групп следственных ситуаций, которые позволяют на практике повысить эффективность выявления и раскрытия таких преступлений.

Выводы и заключения. При анализе направлений расследования должностных насильственных преступлений с использованием правоприменительной практики автором определены шесть групп по признакам следственных ситуаций первоначального периода расследования должностных насильственных преступлений, указывающих на направления расследования. Направление расследования по каждой группе индивидуально, их анализ и обобщение помогут в научном ключе разработать рекомендации по предотвращению и пресечению должностных насильственных преступлений.

Ключевые слова: направления расследования, следственные ситуации, криминалистические версии, следственные версии, теоретико-практические аспекты, цель преступления, исходные ситуации

Для цитирования: Галяутдинов Р. Р. Направления расследования должностных насильственных преступлений: теоретико-практические аспекты / Р. Р. Галяутдинов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практический журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 134–142. DOI: 10.55001/2312-3184.2023.58.16.012

**5.1.4. Criminal Law Sciences
(legal sciences)**

Original article

**DIRECTIONS OF INVESTIGATION OF OFFICIAL VIOLENT CRIMES:
THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS**

Rushan R. Galyautdinov

Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation,
rushan-94@mail.ru

Introduction. The successful and speedy investigation of any offence depends on whether the lines of enquiry are correctly identified. The directions of investigation are determined by investigative situations on official violent offences. From the point of view of criminal law here are included certain types of crimes - abuse of official powers with the use of violence, torture, or entailed by negligence the death of the victim or causing serious harm to his health (part 3, part 4, part 5 of article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation) and coercion to testify by violence, abuse or torture, or entailed by negligence the death of the victim or causing serious harm to his health (part 2, 3, 4 of article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation). The need to highlight theoretical and practical aspects of the direction of investigation of the crimes under consideration is due to the diversity of investigative situations. The purpose of this publication is to identify the relationship between investigative situations and the direction of investigation for a comprehensive, complete and objective establishment of the truth.

Materials and Methods: analysis of regulatory regulation, formal legal, comparative legal.

The Results of the Study: In the course of the author's research of directions of investigation of official violent crimes, the author has identified six groups of investigative situations that will allow in practice to increase the efficiency of detection and disclosure of such crimes.

Findings and Conclusions: when analysing the directions of investigation of official violent crimes using law enforcement practice, the author identified six groups on the signs of investigative situations of the initial period of investigation of official violent crimes, indicating the directions of investigation. The direction of investigation for each group is individual, their analysis and generalization will help in a scientific way to develop recommendations on prevention and suppression of official violent crimes.

Keywords: directions of investigation, investigative situations, forensic versions, investigative leads, theoretical and practical aspects, purpose of the offence, initial situations.

For citation: Galyautdinov R.R. Napravlenija rassledovanija dolzhnostnyh nasil'stvennyh prestuplenij: teoretiko-prakticheskie aspekty [Directions of investigation of official violent crimes: theoretical and practical aspects]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 4 (107), pp. 134–142.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.58.16.012

Идея исследования направлений расследования преступлений во взаимосвязи с следственными ситуациями в криминалистике затрагивалась давно. Первоначально эта идея была предложена И. Н. Якимовым, однако ученый предлагал определять направления расследования через призму механического разделения расследования по любому делу на три этапа: установление вещественного состава преступления; собирание и оценка улик; обследование предполагаемого виновника преступления [1, с. 69]. В дальнейшем в исследование данного вопроса значительный вклад внес А. Н. Васильев, который разделил все преступления для целей их расследования по признакам исходных данных [2, с. 36–37]. В дальнейшем последовало развитие исходных ситуаций. Например, по одной из классификаций следственные ситуации первоначального этапа делились на совершенные при свидетеle или потерпевшем (первая группа) и совершенные без этих лиц (вторая группа) [3, с. 50]. Практическое значение этой классификации могло бы заключаться в том, чтобы по первой группе преступлений внимание сосредоточилось в первую очередь на использование сведений, которые могли быть получены от свидетеля или потерпевшего. Конечно, и слишком большое количество выделения следственных ситуаций не способствовало бы их практическому использованию, поскольку они не отличались бы существенными типическими чертами, отделяющими одну группу от другой.

В теории криминалистики, исходя из следственных ситуаций первоначального периода расследования, предлагалось разделять преступления на совершенные при свидетелях или потерпевших (первая группа) и совершенные без очевидцев [4, с. 38]. Методика расследования в данных случаях исходит от использования информации, которая может быть получена от свидетеля или потерпевшего. Представляется, что при расследовании должностных насильственных преступлений данные криминалистические классификации не применимы в сегодняшних реалиях. Отличительной особенностью данных дел является прежде всего неочевидность самого события, послужившего основанием к возбуждению уголовного дела и в то же время, когда данных о предполагаемом субъекте – должностном лице нет вовсе или информации крайне мало. Отсюда и основное направление расследования по данным делам – определение круга должностных лиц. Случаев, когда данных о субъекте преступления нет вовсе, быть тоже не может. Если, разумеется, понимать под этими данными не его должностное положение, а любые данные, материальные и нематериальные, в том числе и такие, как сведения о чьей-либо заинтересованности в последствиях должностного насильственного преступления, то они чаще всего имеются.

С учетом вышесказанного имеются основания к тому, чтобы выделить шесть групп по признакам следственных ситуаций первоначального периода расследования должностных насильственных преступлений, указывающих на направление расследования:

1) Имеется информация о предполагаемом событии должностного насильственного преступления и о конкретном виновном должностном лице, но

требуется установить, действительно ли произошло это событие и имело ли оно противоправный характер (например, являлось ли законным задержание подозреваемого и/или было ли оно законным до определенного момента). Проиллюстрируем это примером: «Б. потерял ключи от дома возле подъезда многоквартирного дома. В ходе поисков на лужайке Б. был задержан сотрудниками полиции. После задержания Б. удерживали в служебном автомобиле, несколько раз его ударили в живот, требуя написать объяснения по поводу поиска им «закладок». Не добившись написания объяснений, через некоторое время Б. отпустили. Было возбуждено уголовное дело в отношении сотрудников полиции А. и. В.»¹. К этой категории можно отнести и случаи, когда факт должностного насилиственного преступления не вызывает сомнений, но вопрос в том, соответствует ли фактическая картина показаниям подозреваемого должностного лица или нескольких должностных лиц и какова была его действительная роль.

Направление расследования по данной группе – это установление события, его конкретных обстоятельств, поведения подозреваемого лица, а иногда, когда это имеет значение, также и поведения должностного лица и потерпевшего. Расследование в данных случаях должно быть направлено на установление действительной обстановки события, его конкретных обстоятельств, фактической роли должностного лица и потерпевшего [5, с. 89]. В вышеуказанном случае события с очевидными признаками преступления – установление действительной обстановки события, его конкретных обстоятельств, фактической роли самого заявителя. Все вышеуказанное имеет большое значение, так как при совершении преступных действий против личности преступники обычно не случайно выбирают определенных лиц объектами своих преступных посягательств [6, с. 95]. Например, сотрудником полиции А. во время патрулирования был остановлен потерпевший Б., находящийся в состоянии алкогольного опьянения, к тому же совершивший административное правонарушение. На законные требования должностного лица пройти в помещение отдела полиции для составления административного материала потерпевший Б. путем обмана, под предлогом того, что он забыл выключить газ, заехал к себе домой, лег на пол и не подчинялся законным требованиям сотрудника полиции А. В ответ на это сотрудником полиции А. была незаконно применена к потерпевшему физическая сила и нанесены телесные повреждения. А. был привлечен к уголовной ответственности по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ².

2) В развитие темы по первой группе направления расследования установлено событие с признаками должностного насилиственного преступления, известна группа должностных лиц, несущих ответственность за эти последствия по своему положению, но неизвестна роль каждого из них в событии преступления, и, следовательно, вина в уголовном смысле. Направление расследования по данной группе должно быть направлено на выяснение непосредственных и основных причин события должностного насилиственного преступления и также поведения потерпевших, когда это может иметь значение для дальнейшего расследования.

Проиллюстрируем это примером: потерпевший А., неоднократно привлекавшийся к административной ответственности, ночью, находясь в

¹ Архив Орджоникидзевского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Д. № 3-113/2013.

² Архив Ленинского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Д. №1-215/2014.

круглосуточном магазине, выражался нецензурно и оскорблял продавца, и этим совершил административное правонарушение. В ходе задержания угрожал расправой сотрудникам полиции. Доставив его в отделение, оперативный дежурный незаконно применил в отношении него специальные средства, а именно нанес более 30 ударов, чем превысил должностные полномочия с применением насилия³.

3) Установлено событие с признаками должностного насилиственного преступления, совершив которое и воспользоваться его результатами могли только определенные должностные лица из определенного круга по своему официальному положению (например, когда вносятся подложные данные в книги учета лиц, доставленных в отделы полиции, меняются даты в рапортах о задержании начальником отдела полиции). Такие выводы сделаны автором в ходе проведенного им исследования [7, с. 196–200]. Направления расследования в данных случаях – это исследование поведения руководства подразделения, где совершено должностное насилиственное преступление, и его отношение к установленным фактам и использованию результатов преступления, точное определение объема последствий.

4) Установлено событие с признаками должностного насилиственного преступления, совершив которое могли, скорее всего, должностные лица из определенного круга заинтересованных лиц, возможно, имеющие интерес не в непосредственном, а в более отдаленном результате преступления (это могут быть должностные карьеристские стремления, желание «помочь» руководству в повышении профессиональных показателей раскрываемости преступлений, может быть и корыстная, личная заинтересованность в получении долгосрочной выгоды для преступника). Проиллюстрируем это примером: «...по одному из дел были задержаны несколько граждан Казахстана, сотрудники правоохранительных органов вымогали у них денежные средства в течение продолжительного времени, при этом периодически подвергая физическим истязаниям. Были проведены оперативно-розыскные мероприятия в рамках возбужденного уголовного дела, после чего целая группа должностных лиц была привлечена к уголовной ответственности по п.п. «а», «б», «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ»⁴.

Направления расследования в этой группе должны быть направлены на выявление круга лиц, исследование поведения каждого из этого круга, его отношения к событию, установление извлеченных или возможных выгод или удовлетворения иных интересов из должностного насилиственного преступления.

5) Существует событие с признаками должностного насилиственного преступления, но сведения о возможном виновном должностном лице очень ограничены и отсутствуют следственные ситуации, рассмотренные нами выше. По одному из уголовных дел на улице был найден неизвестный мужчина с признаками алкогольного опьянения и без сознания, который был доставлен в больницу. Выяснилось, что мужчина был подвергнут избиениям после задержания сотрудниками правоохранительных органов, после чего его столкнули с лестницей. Мужчина не мог пояснить, кто конкретно совершил данное преступление, однако в ходе расследования виновные лица были установлены⁵.

³ Архив Московского районного суда г. Казань Республики Татарстан. Д. №2-97/2016.

⁴ Архив Кировского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Д. № 490-500/2016.

⁵ Архив Центрального районного суда г. Челябинск. Д. № 240-005/2015.

Направление расследования по данной группе заключается в выявлении максимального количества данных, характеризующих должностное лицо с какой-либо стороны (следы ног и рук, оставленные специальные средства, образ действий и поведение), если возможно, то выяснение признаков внешности преступников, обнаружение предметов и орудий должностного насилия преступления (например, импровизированных средств пыток), при превышении должностных полномочий с применением насилия, повлекшим смерть потерпевшего – установление личности погибшего, активное использование оперативно-розыскной работы, установление круга должностных лиц, которые могли по своим нравственным данным и прошлой деятельности совершить это должностное преступление, изучение их поведения и местоположения в момент, когда было совершено преступление.

6) Продолжая развитие темы прошлой следственной ситуации, считаем необходимым затронуть и такие следственные ситуации, когда имеется достаточно полная информация о событии преступления, но в целом сведения о преступнике малозначительны либо отсутствуют, неизвестно, являлось ли оно должностным лицом.

Указанная ситуация характеризуется наличием следующей информации: подтверждается событие преступления, имеются объяснения, подтверждающие факт должностного насилия преступления, преступник неизвестен, могут быть только предположения о личности преступника, высказываемые пострадавшим, очевидцы, непосредственно видевшие посягательство, отсутствуют, орудие преступления, спецсредства и иные материальные предметы, которые могут послужить вещественными доказательствами, не установлены, могут быть лишь общие документы (должностные инструкции, копии административных протоколов, копии записей из журнала учета задержанных в случаях, если известно место применения должностного насилия, например конкретный отдел полиции или потерпевший запомнил г/н служебного автомобиля). Данная следственная ситуация характеризуется как конфликтная, неочевидная и сложная.

Исходя из вышесказанного, необходимо отметить отдельную, исключительную ситуацию, когда следователь по итогам рассмотрения сообщения о должностном насилии преступлении выносит решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Практика показывает, что нередко факты применения должностного насилия «закамуфлированы» в прямом смысле. Задержание производится силами специальных подразделений, ориентированных на заведомо чрезмерное применение насилия в условиях, исключающих возможность идентификации сотрудника, но с конкретной целью подавления воли подозреваемого. Латентность таких деяний существенно выше, поскольку стратегия противодействия их расследованию встроена в общую концепцию применения насилия. Проверки по ним завершаются решением об отказе в возбуждении дела в связи с «мнимой» правомерностью применения насилия. Отказы в возбуждении уголовных дел типичны в 40% случаев для таких преступлений, как превышение должностных полномочий с применением насилия. Показателен следующий пример: потерпевший А. указал, что ему было отказано в возбуждении уголовного дела. Он был задержан неизвестным сотрудником правоохранительных органов возле районного суда: сотрудник полиции Б. задержал А. в тот момент, когда он искал что-то под лестницей. После задержания Б. удерживал А. в служебном автомобиле и требовал пояснений по возникшей ситуации, при этом применяя физическое насилие в виде ударов кулаком в живот. После запроса следователя из отдела полиции поступил ответ, в котором были указаны данные Б., при этом

прилагался рапорт сотрудника о задержании с необходимостью применения физической силы в целях своей защиты. В возбуждении уголовного дела было отказано, в последующем решение было отменено, а должностное лицо Б. было привлечено к уголовной ответственности по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ⁶.

В научно-методических пособиях утверждается, что во всех исходных типичных ситуациях анализ механизма образования следов по должностным насилиственным преступлениям основывается на всех элементах криминалистической характеристики преступления, в первую очередь на обстановке, механизме совершения преступления, личности преступника и потерпевшего [8, с. 60]. Криминалистически значимой информацией на этапе проверки сообщения о преступлении являются не только достоверные факты, но и ориентирующая информация. И здесь следует учитывать, что следователь на стадии проверки сообщения о преступлении действует с большим тактическим риском, чем при расследовании уголовного дела. Тактический риск определяется дефицитом информации, когда объектами тактического риска являются выбор процессуального действия или его очередности, выбор тактического приема, выбор определенного сочетания тактических приемов [9, с. 147]. Исходя из данных следственных ситуаций, на практике устанавливаются основные процессуальные действия, которые при использовании на этапе доследственной проверки по должностным насилиственным преступлениям необходимо рассматривать в корреляции друг с другом. Разрешение исходной ситуации как раз определяется выбором цели тактического воздействия путем производства определенного процессуального действия. Процессуальное действие служит методом получения информации. Информация обусловлена динамичным фактором и при верном тактическом решении может преобразоваться в определенную систему знаний для разрешения исходных следственных ситуаций. Исходная ситуация, обусловленная определенными факторами, в совокупности с криминалистической характеристикой преступления должна ориентировать следователя в реальной ситуации в условиях скучности информации и различных полученных сведений.

Эти группы по признакам следственных ситуаций первоначального периода расследования должностных насилиственных преступлений не исчерпывают всех возможных ситуаций, но они наиболее типичны на практике. Используя разработанные рекомендации по формированию главных направлений расследования, можно сориентироваться и в ситуациях, которые непосредственно не охватываются вышеизложенной нами системой. Следует иметь в виду, что можно соединить главные направления, если картина должностного насилиственного преступления по первичным данным не совсем ясна для выбора конкретного направления.

Реализация главного направления, сосредоточенного на первоочередном установлении определенных обстоятельств, позволяет выяснить общий характер и значительную часть содержания события должностного преступления, открывающую путь к его раскрытию, а затем и к установлению истины в процессе дальнейшего расследования.

Выбор главного направления расследования по должностным насилиственным преступлениям и разработка криминалистических версий, как правило, на практике не пересекаются между собой, так как по этой сложной категории дел, разработка

⁶ Архив Октябрьского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Д. №2-905/2019.

широкого круга криминалистических версий еще невозможна. На данном этапе обычно выдвигаются лишь общие версии.

В связи с общими версиями формируется главное направление расследования по должностному насильственному преступлению, но может быть и наоборот: главное направление как бы предопределяет общие версии [10, с. 74]. Эти мыслительные задачи решаются параллельно, причем направление отражает в большей степени оперативный ход мысли, а версии – познавательный.

Подводя итог, можно констатировать, что использование направлений в расследовании не самоцель, а при достаточной ясности события должностного насильственного преступления и виновности определенных должностных лиц необходимость в организации расследования по направлениям может и не возникнуть. Ход следствия будет в таком случае обеспечен непосредственным конструированием криминалистических версий – общих, по сторонам должностного насильственного преступления, и частных, на базе материалов, собранных первоначальными следственными и оперативно-розыскными действиями.

Эти предложения о направлениях расследования по характеру следственных ситуаций начального периода расследования должностных насильственных преступлений являются результатом поиска путей к усилению эффективности криминалистической методики рассматриваемых нами преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Якимов, И. Н. Практическое руководство к расследованию преступлений : учеб. пособие. М.: Заготхоз, 1930. 210 с.
2. Васильев, А. Н. Расследование убийств. Монография. М: Госюриздан, 1954. 315 с.
3. Ким, Д. В. Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 196 с.
4. Ищенко, Е. П. Криминалистика: курс лекций. М.: Контракт, 2007. 390 с.
5. Кушхов, Р. Х. Потерпевший как элемент криминалистической характеристики преступления // Теория и практика общественного развития : науч. журн. 2015. № 8. С. 95–110.
6. Мудьюгин, Г. Н. Планирование расследования преступлений. М.: Госюриздан, 1984. 280 с.
7. Галяутдинов, Р. Р. Криминалистические аспекты предварительного расследования уголовных дел о должностных насильственных преступлениях, совершенных работниками правоохранительных органов : монография. М.: Проспект, 2023. 203 с.
8. Халиков, А. Н. Основы расследования должностных преступлений: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 515 с.
9. Меретуков, Г. М. Методика расследования должностных преступлений. Учебное пособие. Краснодар: Куб ГАУ, 2013. 280 с.
10. Нечаев, А. А., Курилов. С. И. Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России : учеб. пособие. М.: Академия МВД, 2021. 122 с.

REFERENCES

1. Yakimov I.N. Prakticheskoe rukovodstvo k rassledovaniju prestuplenij [Practical guide to the investigation of crimes]. M.: Zagotkhoz, 1930, 210 p.

2. Vasiliev A.N. Rassledovanie ubijstv [Investigation of murders]. Moscow: Gosyurizdat, 1954, 315 p.
3. Kim D.V. Teoreticheskie i prikladnye aspekty kriminalisticheskikh situacij [Theoretical and applied aspects of criminalistic situations]. Barnaul, 2008, 196 p.
4. Ishchenko E.P. Kriminalistika [Criminalistics]. Moscow, 2007, 390 p.
5. Kushkhov R.H. Poterpevshij kak jelement kriminalisticheskoy harakteristiki prestuplenija [The victim as an element of the criminalistic characteristics of the crime]. Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya – Scientific journal "Theory and Practice of Social Development" 2015, no. 8, pp. 95-110.
6. Mudyugin G.N. Planirovanie rassledovaniya prestuplenij [Planning of investigation of crimes]. M.: Gosyurizdat, 1984, 280 p.
7. Galyautdinov R.R. Kriminalisticheskie aspekty predvaritel'nogo rassledovaniya ugolovnyh del o dolzhnostnyh nasil'stvennyh prestuplenijah, sovershennyh rabotnikami pravoohranitel'nyh organov [Criminalistic aspects of the preliminary investigation of criminal cases of official violent crimes committed by law enforcement officers]. Moscow, 2023, 203 p.
8. Khalikov A.N. Osnovy rassledovaniya dolzhnostnyh prestuplenij [Fundamentals of investigation of official crimes]. Moscow: Yurlitinform, 2010, 515 p.
9. Meretukov G.M. Metodika rassledovaniya dolzhnostnyh prestuplenij [Methods of investigation of official crimes]. Krasnodar: Kub GAU, 2013, 280 p.
10. Nechaev A.A., Kurilov S.I. Organizacija dejatel'nosti organov predvaritel'nogo sledstvija i doznanija v sisteme MVD Rossii [Organization of the activities of the bodies of preliminary investigation and inquiry in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Moscow, 2021, 122 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галяутдинов Рушан Радикович, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий». 450005, Россия, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

ORCID: 0000-0002-1205-7608.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galyautdinov Rushan Radikovich, candidate of legal sciences, associate professor of the department of criminology Institute of Law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ufa University of Science and Technology", Address: 450005, Russia, Ufa, st. Dostoevsky, 131.

ORCID: 0000-0002-1205-7608.

Статья поступила в редакцию 13.09.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 13.09.2023; approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107).
С. 143–156. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia. 2023. Vol. No 4 (107). p. 143–156.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.9

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.44.62.013

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В СИСТЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ ЛЕСА**

Грибунов Олег Павлович¹, Косых Валерия Александровна²

¹ Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия,
Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, gribunov@mail.ru

²Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
val-kosykh@yandex.ru

Введение: в статье рассматривается современная система контроля за заготовкой, переработкой, транспортировкой и реализацией древесины в Российской Федерации, включающая в себя применение инновационных компьютерных технологий и искусственного интеллекта. Предпринята попытка выявить наиболее актуальные недостатки применения автоматизированных систем учета древесины с точки зрения выявления и пресечения преступлений в лесной сфере.

Материалы и методы: методологической основой явился диалектический метод познания; анализ и синтез – при выявлении проблем применения современных технологий при противодействии незаконному обороту леса; описание – в процессе изложения научной статьи; индукция и дедукция – при формулировании и аргументации выводов по рассмотренной проблематике.

Результаты исследования: Автором выявлены наиболее подходящие для применения в деятельности правоохранительных органов по профилактике и противодействию незаконному обороту леса современные автоматизированные системы и информационные технологии, внедряемые в сферу лесопользования. В качестве наиболее значимого направления деятельности подразделений Рослесхоза и правоохранительных органов автором названо систематическое взаимодействие и постоянный информационный обмен о правоотношениях в лесной сфере, их участниках, выявляемых нарушениях лесного, административного и уголовного законодательства, обобщение и анализ информации.

Выводы и заключения: проведенное исследование позволило сделать вывод о необходимости адаптировать существующую систему противодействия и профилактики преступности в лесной сфере к изменениям в сфере лесных правоотношений; внедрение информационных технологий и автоматизированных систем сбора и обобщения информации об операциях с древесиной в деятельность правоохранительных органов позволит повысить эффективность противодействия незаконному обороту леса.

Ключевые слова: лесоматериалы, незаконный оборот леса, незаконная рубка лесных насаждений, информационные технологии, профилактика преступлений, правоохранительные органы, информационное взаимодействие, нейросети.

Для цитирования: Грибунов О. П., Косых В. А. Информационные технологии в системе противодействия незаконному обороту леса // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 143–156.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.44.62.013

Original article

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF COMBATING ILLEGAL FOREST TRAFFICKING

Oleg P. Grybunov¹, Valeria A. Kosykh²

¹Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, gribunov@mail.ru

²St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, val-kosykh@yandex.ru

Introduction: the article considers the modern system of control over the harvesting, processing, transport and sale of timber in the Russian Federation, which includes the use of innovative computer technologies and artificial intelligence. An attempt is made to identify the most relevant shortcomings of the use of automated timber accounting systems from the point of view of detection and suppression of forest crimes.

Materials and methods: The methodological basis was the dialectical method of cognition; analysis and synthesis - in identifying the problems of application of modern technologies in combating illegal forest trafficking; description - in the process of presentation of the scientific article; induction and deduction - in the formulation and argumentation of conclusions on the considered problems.

The Results of the Study: The author has identified the most suitable modern automated systems and information technologies introduced in the sphere of forest management for application in the activities of law enforcement agencies to prevent and

combat illegal forest trafficking. The author named systematic interaction and constant information exchange on legal relations in the forest sector, their participants, detected violations of forest, administrative and criminal legislation, generalisation and analysis of information as the most important area of activity of Rosleskhoz subdivisions and law enforcement agencies.

Findings and Conclusions: the study allowed us to conclude that it is necessary to adapt the existing system of combating and preventing crime in the forest sector to changes in the field of forest legal relations; the introduction of information technologies and automated systems for collecting and summarizing information on timber transactions in the activities of law enforcement agencies will increase the effectiveness of combating illegal timber trafficking.

Keywords: timber, illegal timber trafficking, illegal logging, information technology, crime prevention, law enforcement, information interaction, neural networks.

For citation: Gribunov O.P., Kosykh V.A. Informacionnye tehnologii v sisteme protivodejstvija nezakonnemu oborotu lesa [Information technologies in the system of combating illegal timber trafficking]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 4 (107), pp. 143–156.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.44.62.013

В 2023 году в лесной сфере активно используются информационные технологии, разработанные для нужд лесного комплекса и образующие систему современных автоматизированных инструментов сбора, обобщения, обработки информации об осуществляемых операциях с древесиной: ее заготовке, переработке, хранении, транспортировке и реализации, а также о правоотношениях между физическими и юридическими лицами при осуществлении таких операций.

На сегодняшний день необходимость обеспечения рационального использования лесов и сокращения фактов незаконной рубки лесных насаждений и реализации незаконно заготовленной древесины обусловлено повышением спроса на древесину внутри страны (как со стороны населения и предпринимателей, так и со стороны государственных институтов). В силу приостановления и сокращения торговых связей, внутренний спрос на лес обусловлен необходимостью развития лесопромышленного комплекса в целом, так и развития стратегически важных направлений:

- производства деревянных домокомплектов заводского изготовления;
- внутреннего рекреационного хозяйства;
- мебельного производства;
- производства котельного оборудования;
- производства отдельных видов целлюлозы и продукции ее переработки;
- обеспечение нужд оборонно-промышленного комплекса;
- импортозамещение в лесной промышленности с учетом текущих и перспективных потребностей.

В связи с этим возникает потребность минимизировать нерациональное использование лесов, исключить неконтролируемую рубку лесных насаждений, в

результате чего формируется дефицит лесоматериалов, необходимых для обеспечения нужд граждан, общества и государства. Кроме того, в равной степени возникает необходимость выявлять совершаемые в данной сфере преступления, в том числе экономической направленности, для которых характерна интеллектуальность, професионализм [8, с. 209], поскольку лица, их совершающие, обладают специфическими знаниями лесного законодательства и сложных экономических процессов, особенностей правоотношений, складывающихся по поводу заготавливаемой и реализуемой древесины.

Среди основных поручений Правительству, озвученных президентом Российской Федерации 10 февраля 2023 г., в области правового регулирования правоотношений в лесной сфере, можно обозначить указание принять меры к совершенствованию процесса фиксации автоматизированными системами административных правонарушений при перевозке древесины без электронного сопроводительного документа; определить перевозки продукции лесной промышленности как приоритетные; рассмотреть вопрос об обеспечении граждан древесиной для строительства жилых домов посредством применения соответствующих сертификатов.¹

Вышеперечисленные приоритетные направления одновременно вызывают необходимость повышать степень контроля над лесной сферой со стороны правоохранительных органов. Это связано прежде всего с тем, что совершенствование лесной сферы сопровождается увеличением финансирования, что формирует больший интерес со стороны криминальных структур, а также увеличивает долю коррупционных преступлений в рассматриваемой отрасли. Соответственно, закономерным является и повышение степени латентности совершаемых преступлений, связанных с незаконным оборотом лесоматериалов, что требует соответствующего реагирования со стороны правоохранительных органов.

Кроме того, одной из причин, по которой государственными органами, уполномоченными осуществлять контроль над заготовкой и оборотом древесины, не выявляется существенная доля преступлений, можно назвать несвоевременное и не систематическое обновление информации о состоянии лесов (их качественных и количественных характеристиках) [2, с. 6]. В дополнение необходимо отметить и недостаточный уровень взаимодействия уполномоченных органов со средствами массовой информации, в результате чего снижается качество экологического просвещения и правового информирования граждан; а равно недостаточная осведомленность правоохранительных органов о наличии информационных систем и массивах данных в сфере лесопользования.

От эффективности деятельности правоохранительных органов зависит надежность охраны прав и свобод граждан и иных критически значимых для государства объектов. С целью повышения эффективности реализуемых полномочий органы внутренних дел должны прибегать к использованию современных технологий и технических средств, в том числе нейронных сетей, которые представляют собой упорядоченную систему взаимодействующих друг с другом процессов, работающих над выполнением одной задачи. [4, с. 124–125]

¹ Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития лесопромышленного комплекса // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70764> (дата обращения: 24.10.2023)

В связи с этим внедряемые в сферу лесопользования современные автоматизированные системы, контролирующие операции с древесиной и другие процессы, тесно связанные с лесозаготовкой, лесопереработкой, транспортировкой и куплей-продажей древесины, подлежат всесторонней оценке с точки зрения их использования в профилактике и выявлении правонарушений и преступлений, совершаемых в области лесных отношений. На этом фоне центральной задачей является выработка комплексных алгоритмов выявления преступлений в сфере лесопользования правоохранительными органами посредством использования внедряющихся в лесную отрасль автоматизированных систем, информационных технологий и искусственного интеллекта (нейросетей), в том числе космический мониторинг [5]

К числу перспективных пилотных проектов, направленных на профилактику лесонарушений и преступлений, реализующихся в регионах в настоящее время, относятся следующие:

- «Сервис лесоизменений» – интеллектуальный сервис мониторинга лесоизменений, действующий на территории республики Татарстан с 2019 г., охватывает 1,2 млн га земель лесного фонда. Указанная деятельность полностью автоматизирована: нейросеть на основе данных формируемых спутниковых снимков фиксирует лесные изменения и распределяет их по пяти классам: вырубки, гари, карьеры, ветровалы, погибшие и поврежденные насаждения. Информация актуализируется каждые две недели, минимальная площадь выявляемых изменения – 0,1 га, скорость обработки снимков – 4 тыс. га в минуту². Так, к августу 2023 г. получено подтверждение о 7 976 лесоизменениях. В начале 2023 г. аналогичный проект начал реализовываться в Иркутской области.

- «Цифровая земля» – проект, реализуемый по поручению Президента РФ государственной корпорацией «Роскосмос» и компаниями «Российские космические системы» и «ТерраТех», направленный на модернизацию системы применения космических данных для нужд органов исполнительной власти в части осуществления контрольно-надзорной деятельности. В лесном хозяйстве реализация данного проекта обеспечит активное применение современных технологий дистанционной оценки лесных ресурсов, активизирует процесс лесоустройства, государственной инвентаризации лесов, вырубок и воспроизводства лесов. С 2022 г. в пилотном режиме в Архангельской и Иркутской областях запущен проект по интеграции ЛесЕГАИС, отслеживающей операции с древесиной и данных «Цифровой Земли» с целью повышения эффективности выявления изменений в состоянии лесов (незаконных рубок в том числе)³.

- Пилотный проект по автоматическому контролю за транспортировкой древесины, реализуемый в Пермском крае: через систему нейросети из потока автомобилей распознано 1052 единицы лесовозной техники, при этом выявлено 370 фактов перевозки древесины, которые не нашли своего подтверждения в системе

² Официальный сайт Министерства лесного хозяйства Республики Татарстан [Электронный ресурс] // Министерство лесного хозяйства Республики Татарстан : сайт. URL: <https://minleshoz.tatarstan.ru/plani-i-programmi.htm> (дата обращения: 02.10.2023)

³ Официальный сайт государственной корпорации «Роскосмос» // URL: <https://www.roscosmos.ru/34134/> (дата обращения: 09.10.2023)

ЛесЕГАИС⁴. В настоящее время Рослесхозом осуществляется разработка нормативно-правовой базы для реализации проекта на всей территории России.

Совершенствование системы надзора за заготовляемой древесиной и освоением лесов физическими и юридическими лицами вступило в активную фазу с 2021 года внесением изменений в Лесной кодекс РФ в части введения в лесное законодательство понятия «федеральный государственный надзор в сфере транспортировки, хранения древесины, производства продукции переработки древесины и учета сделок с ним».⁵

Субъектами надзора являются должностные лица Федерального агентства лесного хозяйства, его территориальных органов и подведомственных учреждений.

Объектами государственного надзора являются:

1. Деятельность, действия (бездействия) граждан и юридических лиц при транспортировке, хранении древесины, производства продукции переработки древесины и учета сделок с ними.

2. Результаты деятельности физических и юридических лиц в сфере перевозки, хранения древесины и производства продукции их нее.

3. Производственные объекты (пункты складирования древесины, лесозаготовительные комплексы и лесовозы, объекты перерабатывающей инфраструктуры и иные объекты, оборудование, устройства, к которым предъявляются обязательные требования в сфере оборота древесины).

При этом перечень надзорных мероприятий, который может проводиться в отношении указанных объектов, является исчерпывающим: наблюдение за соблюдением обязательных требований; контрольная закупка; документарная проверка; выездная проверка; инспекционный визит; рейдовый осмотр⁶.

Из числа перечисленных мероприятий именно наблюдение за соблюдением обязательных требований является направлением работы, связанным с использованием информационных технологий и автоматизированных систем. В рамках данного мероприятия осуществляется систематический мониторинг и анализ информации, содержащейся в Федеральной государственной информационной системе лесного комплекса (с 2023 г.). До 2023 г. осуществлялся мониторинг информации в системе ЛесЕГАИС. Данное мероприятие осуществляется без какого-либо взаимодействия или уведомления контролируемого лица.

Для учета лиц и предприятий, осуществляющих свою деятельность в лесной сфере, используются информационные системы: государственный лесной реестр;

⁴ Официальный сайт ФГИС ЛК // URL: [https://fgislk.rph/news/rosleshox/posleshox-iskusstvennyy-intellect-p/](https://fgislk.rph/news/rosleshoz/posleshox-iskusstvennyy-intellect-p/) (дата обращения: 09.10.2023)

⁵ О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования лесных отношений : Федеральный закон от 04.02.2021 № 3-ФЗ : принят Государственной Думой 20 января 2021 года : одобрен Советом Федерации 27 января 2021 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375977/ (дата обращения: 28.09.2023).

⁶ О федеральном государственном надзоре в сфере транспортировки, хранения древесины, производства продукции переработки древесины и учета сделок с ними : Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2021 г. N 1099 // Гарант : сайт. <https://base.garant.ru/401432072/> (дата обращения: 28.09.2023).

ЛесЕГАИС; электронные сведения, предоставляемые ФНС России, Федеральной службой государственной статистики и ФТС России.

Необходимо отметить, что с недавнего времени информация, содержащаяся в базах данных информационных систем указанных ведомств представляет интерес для правоохранительных органов. Это связано, прежде всего, с тем, что в нынешних условиях каждая операция, совершаемая на этапе заготовки, переработки, отгрузки, транспортировки и купли-продажи древесины и лесоматериалов, фиксируется в электронном формате, хранится в банках данных соответствующих автоматизированных информационных систем. К примеру, согласно данных Рослесхоза, за третий квартал 2023 г. сформировано свыше 5 млн электронных сопроводительных документов (далее по тексту - ЭСД) на транспортировку древесины. При этом ежедневно составляется порядка 22 тысяч ЭСД⁷.

Электронный сопроводительный документ оформляется собственниками древесины или уполномоченными ими лицами перед ее перевозкой или до подачи декларации на товары, который формируется в системе ЛесЕГАИС (а после 2023 г. в ФГИС лесного комплекса) и подписывается электронной подписью. В ЭСД включается, в том числе, информация о собственнике или продавце древесины; грузоотправителе и грузополучателе, перевозчике древесины; вид и номер государственного регистрационного знака транспортного средства, перевозящего древесину; места складирования древесины; вид, объем, количество, видовой и сортиментный состав древесины.⁸

Внедрение в лесную отрасль современных информационных технологий и адаптация их под нужды лесной сферы – необходимое решение, которое формирует новый вектор в деятельности по контролю за оборотом леса и лесоматериалов.

Вместе с тем следует отметить и обосновать ряд недостатков, препятствующих, по мнению, автора, совершенствованию системы противодействия преступлениям в сфере лесопользования.

- Электронный сопроводительный документ оформляется не во всех случаях.

Так, в соответствии со ст. 50.4 ч. 3 Лесного кодекса Российской Федерации, ЭСД не оформляется в случаях транспортировки древесины:

- заготовленной гражданами для собственных нужд;
- в объеме до 10 кв. м, в случае приобретения на розничном рынке или в организации розничной торговли;

⁷ Официальный сайт Федерального агентства лесного хозяйства Российской Федерации // URL: <http://www.rosleshoz.gov.ru> (дата обращения: 29.09.2023).

⁸ Об утверждении формы электронного сопроводительного документа на транспортировку древесины и продукции ее переработки, состава сведений, включаемых в электронный сопроводительный документ на транспортировку древесины и продукции ее переработки, а также требований к формату и порядку заполнения электронного сопроводительного документа на транспортировку древесины и продукции ее переработки и о признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 16 октября 2020 г. N 1696 : Постановление Правительства РФ от 06.12.2021 N 2214 (ред. от 30.12.2022) // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403071/ (дата обращения: 29.09.2023).

– лицом, приобретшим право собственности на древесину в связи с использованием лесов, если совершение таких операций осуществляется в границах лесосеки⁹.

На наш взгляд, при переходе на автоматизированную систему учета операций по лесозаготовке, лесопереработке и купле-продаже древесины не должно допускаться исключений, поскольку главной целью является именно учет операций с лесом и лесоматериалами и выявление незаконных действий с древесиной.

Сложность выявления данных преступлений связана с активным противодействием и стремлением скрыть следы совершенного преступления. Согласно позиции М. А. Васильевой, типичными целями противодействия являются представить выявленную рубку природных ресурсов как законную; представить выявленную рубку леса как административное правонарушение; выдать незаконную рубку как неумышленное деяние [1, с. 19], либо уничтожение природным пожаром [11].

В связи с этим важно уяснить, что вышеуказанные случаи, при которых ЭСД не обязателен для участников лесных правоотношений, используются не только гражданами для совершения преступлений в сфере лесопользования, но и использования данных возможностей организованными группами и преступными сообществами, действующими в лесном секторе. Такая «схема» организации незаконных рубок уже используется:

Лицо (член организованной группы) склоняет граждан к получению разрешения на заготовку древесины для собственных нужд с целью последующего ее выкупа. Для такой преступной схемы характерна масштабность и длительность. С целью получения большей незаконной прибыли, к продаже древесины привлекают большое количество физических лиц. При этом договоренность достигается на выгодных для гражданина условиях: вознаграждение за купленную древесину, ее рубка, первичная переработка, вывоз из лесного участка осуществляется за счет и силами «черных лесорубов».

Граждане в таком случае со своей стороны также нарушают положения ст. 30 ч. 4.1 Лесного кодекса Российской Федерации, согласно которой древесина, заготовленная гражданами для собственных нужд, не может отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами.

Классическим примером может служить:

Приговор Чердынского районного суда Пермского края от 29 ноября 2018 года в отношении директора ГКУ «Колвинское лесничество» гражданина Д., признанного виновным в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 260 УК РФ. Из материалов уголовного дела установлено, что Д., являясь руководителем ГКУ «Колвинское лесничество», в период времени с ДД.ММ.ГГГГ, находясь на территории <адрес>, умышленно, вопреки действующего законодательства, преследуя свои личные корыстные интересы, используя свое служебное положение для осуществления

⁹ Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/e336cf99424dcbf63101ca827acf0f07700cd724/#dst1544 (дата обращения: 05.10.2023).

преступных намерений и прикрытия незаконной деятельности, спланировал осуществление преступной деятельности в течение неопределенного длительного периода времени под видом заготовки древесины по договорам купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд. Для этого, Д. привлек к совершению преступлений иных лиц, создав организованную группу. С целью конспирации и придания легального вида незаконной деятельности Д. разработал схему совершения преступлений, а именно совершение незаконных рубок лесных насаждений (деревьев) под видом заготовки древесины гражданами для собственных нужд.

Согласно разработанной схемы, привлеченные в состав организованной группы лица, в целях подготовки документации, обеспечивающей легальное прикрытие незаконной деятельности и скрытие следов преступления, приобретали и организовывали приобретение за материальное вознаграждение у населения заявлений и доверенностей на заключение договоров купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд, обеспечивающих формальное основание для заключения фиктивного договора купли-продажи и последующую заготовку древесины; должностные лица ГКУ «Колвинское лесничество», обладающие необходимыми должностными полномочиями и привлеченные в состав организованной группы, в целях конспирации незаконной деятельности, используя свое служебное положение, подготавливали необходимую техническую документацию, предусмотренную порядком заключения гражданами договоров купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд с указанием фиктивной цели (отопление, возведение строений их ремонта и иных собственных нужд), заведомо зная, что граждане не имеют в действительности намерений на приобретение лесных насаждений для выполнения чётко установленных условий договора купли-продажи, а именно целевого использования лесных насаждений, осуществляли формальное заключение договоров купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд с гражданами; формально производили отвод и таксацию лесосек для собственных нужд граждан, без натурного участия, используя материалы лесоустройства, при этом умышленно не клеймили обязательные для клеймения и вырубке деревья, не проводили осмотр лесосек по окончанию заготовки древесины, формально вносили отметки в договоры купли-продажи о соответствии объема заготовленной древесины; не производили после завершения работ по заготовке древесины проверку в целях скрытия преступлений; в свою очередь гражданин Н., привлеченный Д., имеющий в распоряжении наёмных рабочих, инструмент, бензопилы для производства заготовки древесины, трактора и иную технику для перевозки рабочих, которому Д., как организатор преступной группы отвел преступную роль, подыскивал граждан, готовых за материальное вознаграждение формально участвовать в заключении фиктивных договоров купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд; скупку заявлений от граждан, сбор необходимой для составления и заключения договоров документации (копии паспортов, ИНН), и непосредственно осуществлял обязанности по незаконной рубке древесины на указанных лесных участках. При этом Н., заведомо зная и осознавая, что заключенные договоры купли-продажи это прикрытие преступной деятельности при заготовке древесины, не принимая во внимание объемы древесины, указанные в договорах, непосредственно заготавливал наибольшее количество древесины без

каких-либо правовых оснований в лесных участках, в которых также вовлеченные в преступление сотрудники ГКУ «Колвинское лесничество» создали посредством фиктивно заключенных договоров купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд граждан прикрытие незаконной деятельности. Таким образом, в результате преступных действий Д. Российской Федерации был причинен материальный ущерб на общую сумму 57 506 841 руб.¹⁰

Таким образом, указанный способ совершения незаконных рубок в современных условиях может стать наиболее приоритетным, поскольку позволяет не оформлять ЭСД, а, соответственно не отражать операции с древесиной.

Как справедливо отмечает А. А. Иванов, опасность конкретного деяния должна дополняться осознанием наличия подобной опасности индивидом – потенциальным адресатом уголовно-правовых норм.[7, с. 122] В связи с этим и для формирования полноценного понимания наступления уголовной ответственности за экологическое преступление подход к противодействию незаконному обороту леса и в целом экологическим преступлениям должен основываться на актуальных и технологичных возможностях и разработках, которые могут быть адаптированы для потребностей правоохранительной сферы и лесного хозяйства. В настоящее время отмечается значительное внедрение информационный технологий в сферу лесопользования, что позволяет говорить о перспективах развития эффективной системы контроля за заготовкой леса и реализацией древесины, а равно системы профилактики и пресечения преступлений в рассматриваемой сфере.

Как верно отмечено С. И. Голубевым, общественная опасность экологических преступлений определяется их последствиями, имеющими сложный и пролонгированный характер, не поддающимися конкретизации и формализации и затрагивающими интересы не только одного общества и государства, но нескольких государств [3, с. 18].

В свете изложенного, возможно в качестве недостатков дополнительно отметить низкий уровень взаимодействия правоохранительных органов с подразделениями Рослесхоза и иными органами, в чьем ведении находится применение информационных систем, связанных с фиксацией состояния лесов.

За правоохранительными органами закреплено право направлять запросы, обязательные для исполнения и при рассмотрении материалов проверок и расследовании уголовных дел данное право успешно реализуется. Следователями и органом дознания направляются запросы в территориальные лесничества, региональные подразделения Министерства природных ресурсов и экологии с целью получения сведений о правовом статусе земель, на которых произрастал незаконно вырубленный лес; сведений о причиненном ущербе в результате совершенного преступления; правоустанавливающих документов и пр. Однако наполнение и объем запрашиваемой информации могут качественно отличаться, в случае, если

¹⁰ Приговор Чердынского районного суда Пермского края от 29 ноября 2018 года по делу № 1-78/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LaCsLH6B0iVw/?ysclid=lnjdjo3nob1877606796> (дата обращения: 28.09.2023).

правоохранительный орган будет располагать сведениями о том, какая информация, в каких информационных системах и в каких объемах имеется в распоряжении соответствующих государственных органов, взаимодействующих с полицией в вопросах противодействия незаконному обороту леса. Выявление административных правонарушений и преступлений, в том числе в рассматриваемой сфере, посредством анализа аккумулирующейся информации об операциях и сделках с заготавливаемой древесиной относится к компетенции именно правоохранительных органов. Сведения, фиксируемые информационными системами должны систематически использоваться в работе органов внутренних дел при выявлении, профилактике рассматриваемых преступлений и расследовании уголовных дел.

В системе мер борьбы с преступностью наиболее действенными в настоящее время являются информационные технологии, позволяющие использовать при раскрытии и расследовании уголовных дел самые актуальные достижения науки и техники. [9, с. 1]

Верным является и утверждение Д. Б. Чуракова, о том, что декриминализация лесной отрасли строится на применении мер правового, в том числе организационно-управленческого и технического характера, эффективность которых во многом зависит от качества действующего законодательства [13, с. 177], которое, как верно отмечено Е. В. Роговой не всегда позволяет дать правовую оценку вреда, причиненного в связи с совершением экологических преступлений, что является одной из наиболее сложных и актуальных проблем противодействия данным преступлениям [12].

В общем понимании борьба с преступностью предполагает различные формы воздействия: реализацию профилактической, охранительной функций, решающих задачу недопущения наступления общественно опасных последствий преступления. [10, с. 97] При этом специфика выявления фактов незаконных операций с древесиной, связанная, как правило, со значительной площадью лесных территорий, удаленностью от населенных пунктов и пр. [6, с. 133] в современных условиях, направленных на информатизацию правоотношений, должна учитываться при выборе правоприменителем инструментов борьбы с рассматриваемыми преступлениями.

Вышеизложенные доводы позволяют сделать вывод о том, что активное внедрение информационных технологий и искусственного интеллекта в сферу лесопользования и лесопромышленного комплекса создает необходимость в адаптации существующей системы противодействия незаконному обороту леса и лесоматериалов. Разрабатываемые пилотные проекты, фиксирующие состояние лесов необходимо применять на территории всей страны и обеспечивать постоянное обновление информации, содержащейся в базах данных. При этом с целью повышения эффективности противодействия незаконному обороту леса и лесоматериалов необходимо обеспечить доступность информации, содержащейся в автоматизированных системах лесного комплекса для правоохранителей. Информационные технологии, адаптируемые к лесной сфере наделяют правоохранительные органы возможностью своевременно выявлять и реагировать на факты незаконных рубок лесных насаждений или незаконных операций с заготовленной древесиной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кочесокова, З. Х. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, сущность и общая характеристика // Право и управление. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-v-sfere-ekonomiceskoy-deyatelnosti-ponyatie-suschnost-i-obschaya-harakteristika> (дата обращения: 08.11.2023).
2. Гагарин, Ю. Н., Добровольский А. А., Смирнов А. П. Состояние и перспективы охраны лесов от незаконных рубок в Российской Федерации // Вопросы лесной науки. 2019. Т 2 (4). 22 с. URL: https://jfi.ru/2-4-2019-gagarin_et_al/ (дата обращения: 08.11.2023)
3. Гордеев, А. Ю. Перспективы развития и использования искусственного интеллекта и нейросетей для противодействия преступности в России (на основе зарубежного опыта) // Научный портал МВД России. 2021. № 1(53). С. 123–135. URL: https://mvd.ru/upload/site163/folder_page/008/109/567/Nauchnyy_portal_1_53_4.pdf
4. Грибунов, С. П. Космический мониторинг лесов как элемент реализации криминалистической профилактики преступлений в лесной отрасли // Юридическое образование и наука. 2018. № 2. С. 13–16.
5. Васильева, М. А. Концептуальные основы методики расследования экологических преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12: криминастика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность. М/, 2021. 54 с.
6. Морозов, Р. О. Особенности использования непроцессуальных форм специальных знаний при расследовании уничтожения или повреждения лесных насаждений // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14, № 1. С. 354–361.
7. Иванов, А. А. Противодействие экологической преступности в России: проблемы и перспективы с точки зрения формирования эколого-правовой культуры населения // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 1. С. 114–124.
8. Голубев, С. И. Уголовно-правовое обеспечение экологической безопасности (законодательные и доктринальные основы, классификация видов экологических преступлений и характеристика составов): дис. ... д-ра. юрид. наук: 5.1.4: Уголовно-правовые науки/ Казань, 2022. 495 с.
9. Крестовников, О. А. Информационные технологии в борьбе с преступностью // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-borbe-s-prestupnostyu> (дата обращения: 07.11.2023).
10. Чураков, Д. Б. Противодействие преступным посягательствам на сохранность лесных и иных насаждений (уголовно-правовые и криминологические меры): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08: Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право. М., 2017. 286 с.
11. Рогова, Е. В. К вопросу о правовой природе общественно опасных последствий экологических преступлений / Е. В. Рогова, Р. А. Забавко // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13, № 2.
12. Михайлов, А. Е., Семенов, С. А. Криминологический аспект борьбы с преступностью // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 11–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskiy-aspekt-borby-s-prestupnostyu> (дата обращения: 08.11.2023).
13. Дедкова, Т. А., Андреев, Е. И. Проблемы ответственности за незаконную рубку лесных насаждений в Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2018. №12.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-otvetstvennosti-za-nezakonnuyu-rubku-lesnyh-nasazhdennyh-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 08.11.2023).

REFERENCES

1. Kochesokova Z. Kh. Prestuplenija v sfere jekonomiceskoy dejatel'nosti: ponjatie, sushhnost' i obshhaja harakteristika [Crimes in the sphere of economic activity: concept, essence and general characteristics]. Pravo i upravlenie – Law and Management. 2023, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-v-sfere-ekonomiceskoy-deyatelnosti-ponyatie-suschnost-i-obschaya-harakteristika> (date of access: 11/08/2023).
2. Gagarin Yu.N., Dobrovolsky A.A., Smirnov A.P. Sostojanie i perspektivy ohrany lesov ot nezakonnnyh rubok v Rossijskoj Federacii [State and prospects for protecting forests from illegal logging in the Russian Federation]. Voprosy lesnoj nauki – Questions of forest science. 2019, vol. 2 (4), 22 p. [Electronic resource] // Access mode: https://jfsi.ru/2-4-2019-gagarin_et_al/.
3. Gordeev A.Yu. Perspektivy razvitiya i ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta i nejrosetej dlja protivodejstvija prestupnosti v Rossii (na osnove zarubezhnogo opyta) [Prospects for the development and use of artificial intelligence and neural networks to combat crime in Russia (based on foreign experience)]. Nauchnyj portal MVD Rossii – Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 1(53), pp. 123-135 [Electronic resource] // Access mode: https://mvd.ru/upload/site163/folder_page/008/109/567/Nauchnyy_portal_1_53_4.pdf.
4. Gribunov, S. P. Kosmicheskij monitoring lesov kak jelement realizacii kriminalisticheskoy profilaktiki prestuplenij v lesnoj otrassli [Space monitoring of forests as an element of implementation of forensic prevention of crimes in the forestry sector]. Juridicheskoe obrazovanie i nauka – Legal Education and Science. 2018, no. 2, pp. 13-16.
5. Vasilyeva M.A. Konceptual'nye osnovy metodiki rassledovanija jekologicheskikh prestuplenij : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.12: kriminalistika; sudebno-jekspertnaja dejatel'nost'; operativno-rozysknaja dejatel'nost'. [Conceptual foundations of methods for investigating environmental crimes: abstract. dis. ... Doctor of Law. Sciences: 12.00.12: criminology; forensic activity; operational investigative activities]. Moscow, 2021, 54 p.
6. Morozov, R. O. Osobennosti ispol'zovaniya neprocessual'nyh form special'nyh znanij pri rassledovanii unichtozhenija ili povrezhdenija lesnyh nasazhdennij [Peculiarities of the use of non-procedural forms of special knowledge in the investigation of destruction or damage of forest plantations]. Baikal Research Journal. 2023, vol. 14, no. 1, pp. 354–361.
7. Ivanov A.A. Countering environmental crime in Russia: problems and prospects from the point of view of the formation of environmental and legal culture of the population / A.A. Ivanov // All-Russian criminological journal. - 2019. - T. 13, No. 1. - P. 114–124. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).114-124.
8. Golubev S.I. Ugolovno-pravovoe obespechenie jekologicheskoy bezopasnosti (zakonodatel'nye i doktrinal'nye osnovy, klassifikacija vidov jekologicheskikh prestuplenij i harakteristika sostavov): dis. ... d-ra. jurid. nauk: 5.1.4: Ugolovno-pravovye nauki [Criminal legal support for environmental safety (legislative and doctrinal foundations, classification of types of environmental crimes and characteristics of offenses): dis. ... dr. legal Sciences: 5.1.4: Criminal law sciences]. Kazan., 2022, 495 p.
9. Krestovnikov O. A. Informacionnye tehnologii v bor'be s prestupnost'ju [Information technologies in the fight against crime]. Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk – Current problems of the humanities and natural sciences. 2013, no. 6, 4 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-borbe-s-prestupnostyu> (date of access: 11/07/2023).

10. Churakov, D. B. Protivodejstvie prestupnym posjagatel'stvam na sohrannost' lesnyh i inyh nasazhdennij (ugolovno-pravovye i kriminologicheskie mery): dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08: Ugolovnoe pravo i kriminologija, ugolovno-ispolnitel'noe pravo. [Countering criminal attacks on the safety of forest and other plantings (criminal legal and criminological measures): dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.08: Criminal law and criminology, criminal executive law]. M., 2017, 286 p.

11. Рогова Е.В. K voprosu o pravovoij prirode obshhestvenno opasnyh posledstvii jekologicheskikh prestuplenij [On the legal nature of socially dangerous consequences of environmental offences]. Baikal Research Journal. 2022, vol. 13, no. 2.

12. Mikhailov A. E., Semenov S. A. Kriminologicheskij aspekt bor'by s prestupnost'ju [Criminological aspect of the fight against crime]. Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki – Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021, no. 11-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskiy-aspekt-borby-s-prestupnostyu> (date of access: 11/08/2023).

13. Dedkova T. A., Andreev E. I. Problemy otvetstvennosti za nezakonnuju rubku lesnyh nasazhdennij v Rossijskoj Federac [Problems of liability for illegal logging of forest plantations in the Russian Federation]. Ugolovnaja justicija – Criminal justice. 2018, no. 12, pp. 5, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-otvetstvennosti-za-nezakonnuyu-rubku-lesnyh-nasazhdennij-v-rossiyskoy-federatsii> (date of access: 11/08/2023)..

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Грибунов Олег Павлович, доктор юридических наук, профессор, первый проректор – проректор по научной работе. Байкальский государственный университет, 664003 г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11. Профессор кафедры уголовного процесса. Восточно-Сибирский институт МВД России,

Косых Валерия Александровна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики. Санкт-Петербургский университет МВД России, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg Pavlovich Gribunov, Doctor of Law, Professor, First Vice–Rector -Vice-Rector for Science. Baikal State University, 664003 Irkutsk, Lenin St. 11.

Kosykh Valeria Aleksandrovna, candidate of legal sciences, teacher of the department of criminology. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 198206, St. Petersburg, st. Pilot Pilyutov 1.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 08.11.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 01.11.2023; approved after reviewing 08.11.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023 № 4 (107). С. 157–167.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023
Vol. no. 4 (107). p. 157–

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.1

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.47.20.014

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАПРЕТА
ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Днепровская Марина Анатольевна¹, Абрамитов Сергей Анатольевич²

¹⁻²Иркутский национальный исследовательский технический университет, Россия, Иркутск

¹mariosky@rambler.ru

² sabramitov@yandex.ru

Введение. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты применения запрета определенных действий как меры пресечения в уголовном судопроизводстве. Обращено внимание на вопрос правовой природы запрета определенных действий, его отнесения к иным мерам процессуального принуждения, а не к мерам пресечения. Авторами уделено внимание некоторым проблемам применения запрета определенных действий в судебной практике, в частности, о зачете времени их применения в итоговое наказание, о реализации запрета не покидать место нахождения в жилом помещении, а также вопрос о перечне ограничений, накладываемых на подозреваемого (обвиняемого).

Материалы и методы. Нормативную основу исследования образует Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, закрепляющий основные положения реализации уголовно-процессуальных норм, регламентирующих запрет определенных действий, а также судебная практика его применения. Методологической основой исследования послужил комплекс общенаучных (анализ и синтез, индукция и дедукция, системно-структурный подход) и специальных методов познания.

Результаты исследования. Авторы приходят к выводу, что для достижения эффективности реализации уголовно-процессуальных норм, регламентирующих запрет определенных действий, необходимо вывести его из перечня мер пресечения, включив запрет определенных действий в раздел иных мер процессуального принуждения, чтобы исключить применение двух мер пресечения к одному подозреваемому (обвиняемому) одновременно. В исследовании отмечается о необходимости корректировки перечня запретов (ограничений), накладываемых на подозреваемого (обвиняемого). Отдельно уделяется внимание судебной практике, которая только нарабатывается и в настоящем время является малоизученной.

Выводы и заключения. В работе делается вывод о том, что для достижения целей превентивного характера на подозреваемого (обвиняемого) эффективней и целесообразней применение запрета определенных действий видится в рамках иных мер процессуального принуждения. При избрании запрета не выходить за пределы жилого помещения необходимо указывать порядок его исполнения, точный адрес проживания (причем только один), определенный период и время, выяснить, на каком основании подозреваемый (обвиняемый) может проживать в жилом помещении, а также установить отсутствие возражений собственника жилого помещения, в котором данный запрет будет исполняться. Кроме того, авторы полагают о возможности закрепления открытого перечня запретов, в том числе возможности применения иных запретов, по усмотрению следователя или суда, вызванных целесообразностью в конкретном уголовном деле с учетом личности подозреваемого (обвиняемого).

Ключевые слова: запрет определенных действий, мера пресечения, меры процессуального принуждения, запрет покидать жилое помещение

Для цитирования: Днепровская М. А., Абрамитов С. А. Некоторые проблемы применения запрета определенных действий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.- практичес. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 157–167.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.47.20.014

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

SOME PROBLEMS WITH THE APPLICATION OF THE PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS

Marina A. Dneprovskaya¹, Sergey A. Abramitov²

¹⁻² Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

¹mariosky@rambler.ru

²sabramitov@yandex.ru

Introduction: the article considers theoretical and practical aspects of application of prohibition of certain actions as a preventive measure in criminal proceedings. Attention is paid to the question of the legal nature of the prohibition of certain actions, its attribution to other measures of procedural coercion, rather than to preventive measures. The authors pay attention to some problems of application of the prohibition of certain actions in judicial practice, in particular, about the crediting of the time of their application in the final punishment, about the implementation of the prohibition not to leave the place of residence, as well as the issue of the list of restrictions imposed on the suspect (accused).

Materials and Methods: the normative basis of the study is formed by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which enshrines the main provisions of the implementation of criminal procedural norms regulating the prohibition of certain actions, as well as judicial practice of its application. The methodological basis of the study was a set of general scientific (analysis and synthesis, induction and deduction, system-structural approach) and special methods of cognition.

The Results of the Study: the authors conclude that in order to achieve the effectiveness of the implementation of criminal procedural norms regulating the prohibition of certain actions, it is necessary to remove it from the list of preventive measures, including

the prohibition of certain actions in the section of other measures of procedural coercion to exclude the application of two preventive measures to one suspect (accused) at the same time. The study notes the need to adjust the list of prohibitions (restrictions) imposed on a suspect (accused). Special attention is paid to the judicial practice, which is only being developed and is currently understudied.

Findings and Conclusions: the article concludes that in order to achieve the objectives of preventive nature on the suspect (accused) it is more effective and appropriate to apply the prohibition of certain actions in the framework of other measures of procedural coercion. When selecting the prohibition not to leave the residential premises, it is necessary to specify the order of its execution, the exact address of residence (and only one), a certain period and time, to find out on what basis the suspect (accused) can live in the residential premises, as well as to establish the absence of objections of the owner of the residential premises where this prohibition will be executed. In addition, the authors believe that it is possible to fix an open list of prohibitions, including the possibility of applying other prohibitions, at the discretion of the investigator or the court, caused by the expediency in a particular criminal case, taking into account the personality of the suspect (accused).

Keywords: prohibition of certain actions, preventive measure, measures of procedural coercion, prohibition to leave the premises.

For citation: Dneprovskaya M. A., Abramitov S.A. Nekotorye problemy primenenija zapreta opredelennyh dejstvij [Some problems with the application of the prohibition of certain actions]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 4 (107), pp. 157–167.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.47.20.014

Актуальность исследования связана с тем, что, несмотря на постоянные изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, направленные на его совершенствование в целях придания единообразия правоприменительной практики, до настоящего времени некоторые вопросы применения мер пресечения, не разрешены. Относительно новой в российском уголовном судопроизводстве является мера пресечения в виде запрета определенных действий, введенная статьей 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее – УПК РФ). Целью данной меры пресечения, как и любой другой, является обеспечение явки лица к следователю и в суд, обеспечение правомерного поведения подозреваемого (обвиняемого), пресечение преступной деятельности и предполагает при ее избрании наложение на обвиняемого запретов на совершение действий, предусмотренных частью 6 статьи 105.1 УПК РФ. Данная мера пресечения призвана составить альтернативу таким мерам пресечения, как заключение под стражу, домашний арест, залог.

Дополнения, внесенные Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» от 18 апреля 2018 года № 72-ФЗ, существенно изменили порядок исполнения домашнего ареста: законодатель уточнил содержание домашнего ареста как меры пресечения, так как в прежней редакции указывалось, что под домашним арестом подразумевалась полная или частичная изоляция подозреваемого или обвиняемого от общества, не акцентируя внимание на месте исполнения меры пресечения, был исправлен данный недостаток и указан в качестве такого места жилое помещение или лечебное учреждение (в исключительном случае); в отношении домашнего ареста была исключена частичная изоляция и перенесена в качестве запрета

на выход из жилого помещения в определенное время при реализации другой меры пресечения, а именно: запрет определенных действий; введен список запретов и ограничений, которые могут быть возложены на подозреваемого (обвиняемого), причем назначение запретов оставлено на усмотрение суда, который может выбрать один или несколько запретов.

В первоначальной редакции УПК РФ домашний арест фактически соединял в себе две самостоятельные меры пресечения – домашний арест и запрет определенных действий, а в действующей редакции данные меры стали в большей степени обособлены друг от друга, причем запрет определенных действий как мера пресечения является более мягкой мерой пресечения, чем домашний арест [1, с. 97].

В ранее действовавшей редакции УПК РФ изоляция при домашнем аресте могла быть полной или частичной – в зависимости от обстоятельств дела, личности обвиняемого и тяжести совершенного им преступления. Указанными выше изменениями частичная изоляция при домашнем аресте была изъята из статьи 107 УПК РФ и преобразована в запрет, предусмотренный пунктом 1 части 6 статьи 105.1 УПК РФ. Таким образом, в соответствии с действующей редакцией статьи 107 УПК РФ суть домашнего ареста как меры пресечения состоит в изоляции об общества, поскольку без таковой он не может применяться, изоляция – это одно из важнейших признаков домашнего ареста. Такое решение законодателя, с одной стороны, обосновано тем, что необходимо разграничивать сроки, засчитываемые в срок содержания под стражей и впоследствии – в срок наказания, так как по своей природе заключение под стражу и домашний арест с правом покидать жилище являются несоизмеримы по тем последствиям и ограничениям, которые претерпевает подозреваемый (обвиняемый). С другой стороны, домашний арест в ныне действующей редакции в большей степени отвечает степени строгости и месту в иерархии мер пресечения, как более мягкая мера пресечения, нежели заключение под стражу. Кроме того, с исключением из нее частичной изоляции, домашний арест в правовом смысле стал в большей степени отвечать термину «арест», используемом в названии меры пресечения, а также той степени ограничения свободы, которая допускается при ее избрании.

Вместе с тем, до настоящего времени сохраняются проблемы как теоретического, так и практического характера при применении меры пресечения – запрета определенных действий, ставится вопрос о целесообразности внесенных изменений, так как указанные запреты применялись в прежней редакции статьи 107 УПК РФ.

Очевидно, не следует оспаривать факт того, что домашний арест и запрет определенных действий – это различные меры пресечения, которые не могут дополнять друг друга. Системный анализ положений УПК РФ показывает, что применение одновременно двух мер пресечения невозможно, о чем прямо указано в части 1 статьи 97 УПК РФ, согласно которой уполномоченное лицо вправе выбрать только одну из мер пресечения и применить ее к лицу, а часть 1.1 статьи 97 УПК РФ прямо указывает на то, что запрет определенных действий является дополнительной обязанностью, которую суд может наложить на обвиняемого при применении таких мер пресечения как залог, домашний арест. Так, И.П. Бондаренко признавая самостоятельность запрета определенных действий как меры пресечения и возможность применения лишь одной меры пресечения к подозреваемому (обвиняемому), отмечает возможность комбинированного применения данной меры с другими мерами пресечения [2, с. 29–30].

Представляется, что такое комбинирование, смешение понятий «мера пресечения» и «иные меры» не допустимо, равно как и применение нескольких мер

пресечения одновременно, и вызовет, и уже вызвало, ряд проблем в правоприменении. На наш взгляд, необходимо иначе с точки зрения юридической техники изложить нормы УПК РФ в целях исключения путаницы и правильного их понимания и применения. Некоторые исследователи ставят под сомнение отнесение запрета определенных действий к мерам пресечения. В частности, А.Р. Белкин полагает, что запрет определенных действий нельзя относить к мерам пресечения, а следует именовать иной мерой принуждения [3, с. 44]. Согласимся с указанным мнением, а, значит, необходимо рассмотреть возможность применения запретов определенных действий дополнительно к иным мерам пресечения, исключив запрет определенных действий из главы 13 УПК РФ и внеся дополнения в главу 14 УПК РФ. Почему это необходимо сделать? Это необходимо сделать, в том числе, для решения вопроса с зачетом нахождения лица под запретом покидать место жительства и будущим наказанием, назначенным в итоговом судебном решении.

Запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя или на ином законном основании носит территориальный и временной характер. Территориальный характер запрета покидать жилое помещение сопряжен с тем, что подозреваемый (обвиняемый) проживает в каком-либо жилом помещении на правах собственника, нанимателя или на других законных основаниях. Законодателем так же подчеркивается, что помещение должно относиться к жилым, в частности, в качестве такого не могут выступать хозяйственные постройки, гараж, дачный сезонный дом, сарай, производственное помещение или иные помещения, здания или сооружения, не предназначенные для проживания. Временной характер данного запрета объясняется тем, что данная мера назначается временно, на определенный период [4, с. 77].

Следует согласиться с точкой зрения, что запрет покидать жилое помещение в определенное время носит характер частичной изоляции от общества и по факту является ограничением конституционного права свободы передвижения и личной свободы, что сближает запрет определенных действий с домашним арестом, заключением под стражу. В связи с этим, рядом авторов ставится вопрос о самостоятельности данной меры, так как ее содержание фактически входит в другие меры пресечения [5, с. 21].

Закон ничего не говорит о необходимости получения согласия лиц, являющихся собственниками, либо проживающими совместно с лицом, в отношении которого избирается запрет покидать жилое помещение. Однако получение такого согласия может быть необходимым в силу различных причин: подозреваемый (обвиняемый) совершил покушение на жизнь или здоровье такого лица, между членами семьи подозреваемого (обвиняемого) существует конфликт, в результате члены семьи данного лица могут опасаться за свою жизнь и здоровье; либо они выступают свидетелями по уголовному делу и т. д. [6, с. 12–13]. Полагаем, в этой ситуации следует руководствоваться общими правилами избрания мер пресечения, исходя из содеянного и личности подозреваемого (обвиняемого). А также во избежание нарушения права собственника жилого помещения, в котором будет исполняться запрет определенных действий, необходимо включить в статью 105.1 УПК РФ положение о получении письменного согласия всех совершеннолетних лиц, проживающих в этом жилом помещении. Такое дополнение обеспечит законность проживания подозреваемого (обвиняемого) в указанном жилом помещении и надлежащий порядок его исполнения. Кроме того, такое дополнение поможет избежать ситуации, когда суд в нарушение норм уголовно-процессуального закона не указывает порядок исполнения такого

запрета, а именно: конкретное место жительства (адрес жилого помещения)¹; или вообще не установил наличие права собственности или пользования таким помещением². Интерес представляет ситуация, когда суд не определил конкретные условия исполнения З. А. меры пресечения в виде запрета определенных действий и фактически не определил жилое помещение, которое З. А. не должен покидать в установленный период времени, а лишь указал в качестве его возможного места жительства адрес жилого помещения: «....», в котором проживает З. М., которая также является обвиняемой по данному уголовному делу, в отношении которой избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий с установлением запретов покидать в определенные часы пределы жилого помещения по указанному адресу и общаться с другими обвиняемыми по уголовному делу; а также помещение по адресу: «...» которое является нежилым офисным зданием, не предназначенным для проживания физических лиц, и собственник помещения представил возражения против исполнения в указанном помещении установленной З.А. меры пресечения³.

В этой связи необходимо обратить внимание судом на проверку обстоятельств законности права на проживание подозреваемого (обвиняемого) и согласие собственника на исполнение этой меры в принадлежащем ему жилом помещении. Кроме того, нельзя допускать возможность выбора места проживания подозреваемому (обвиняемому), указывая несколько мест возможного проживания при их наличии, например, при наличии нескольких квартир, загородных дач, или постоянной и временной регистрации по месту пребывания в различных местах и т.п., что создаст проблемы надлежащего надзора за соблюдением меры пресечения в виде запрета определенных действий.

Другим наиболее обсуждаемым вопросом в части недостатков применения статьи 105.1 УПК РФ на практике является вопрос зачета срока, на который установлен запрет определенных действий, в срок отбывания наказания в виде лишения свободы. Указанная проблема актуальна в тех случаях, когда одним из запретов, которые применены к подозреваемому (обвиняемому) в рамках этой меры пресечения, является запрет выхода за пределы жилого помещения. Именно этот запрет должен быть установлен на определенный срок и может изменяться или продлеваться. Именно этот запрет может быть учтен в силу части 10 статьи 109 УПК РФ, который предусматривает, что в срок содержания под стражей также засчитывается время запрета, предусмотренного пунктом 1 части 6 статьи 105.1 УПК РФ, из расчета два дня его применения за один день содержания под стражей.

Ошибочность применения указанной нормы отразилось в судебной практике. Так, уголовное дело передано на новое кассационное рассмотрение, поскольку в соответствии с пунктом 1.1 части 10 статьи 109 УПК РФ в срок содержания под

¹ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11 февраля 2021 г. по делу № 77-304/2021 // Архив Третьего кассационного суда общей юрисдикции за 2021 год. URL: <http://3kas.sudrf.ru/> (дата обращения: 21.11.2023).

² Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 5 апреля 2021 г. по делу № 77-1110/2021 // Архив Четвертого кассационного суда общей юрисдикции за 2021 год. URL: https://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=12&arc_list=2021 (дата обращения: 21.11.2023).

³ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26 июля 2022 г. № 77-3960/2022 // Архив Шестого кассационного суда общей юрисдикции за 2022 год. URL: <http://6kas.sudrf.ru/> (дата обращения: 21.11.2023).

стражей засчитывается время запрета определенных действий из расчета два дня его применения за один день содержания под стражей, тогда как суд кассационной инстанции произвел такой зачет в ином порядке, то есть один день нахождения осужденного под запретом определенных действий за два дня лишения свободы, что привело в результате к необоснованному сокращению осужденному срока наказания почти на 1,5 года⁴.

Ситуация с зачетом осложняется тем, что в Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее – УК РФ) изменения и дополнения не внесены и отсутствуют соответствующие на настоящий момент разъяснения Верховного Суда РФ по применению положений статьи 72 УК РФ. В указанной статье закреплен дифференцированный подход к зачету времени содержания лица под стражей, засчитываемый в срок лишения свободы, в зависимости от места исполнения наказания в виде лишения свободы (в тюрьме, исправительной колонии строгого или особого режима, воспитательной колонии либо исправительной колонии общего режима или колонии-поселении) или домашнего ареста. Про запрет определенных действий, связанный с ограничением права покидать жилое помещение, ничего не сказано. Указанный пробел в законе породил различные подходы у правоприменителя к правилам зачета времени срока лишения свободы в случаях назначения для отбывания наказания исправительной колонии общего режима и колонии-поселения, на что обращалось внимание в юридической литературе [6, с. 45].

Так, в отношении С., осужденной по пункту «в» части 3 статьи 226, части 4 статьи 222, части 2 статьи 222, части 1 статьи 286, части 3 статьи 69 УК РФ, статьи 71 УК РФ к 5 годам 6 месяцам лишения свободы в исправительной колонии общего режима, зачтено время применения меры пресечения в виде запрета определенных действий из расчета два дня запрета действий за один день лишения свободы, независимо от того, что ей назначена для отбывания наказания исправительная колония общего режима⁵.

В отношении Ц. определено зачесть время нахождения под запретом определенных действий в период с 10 декабря 2019 г. по 22 декабря 2019 г. в срок лишения свободы из расчета два дня запрета определенных действий за полтора дня отбывания наказания в исправительной колонии общего режима. В обоснование принятого решения кассационная инстанция сослалась не только на пункт 1.1 части 10 статьи 109 УПК РФ, но и на пункт «б» части 3.1 статьи 72 УК РФ, сначала пересчитав запрет определенных действий в срок содержания под стражей, а затем в срок лишения свободы с применением льготных коэффициентов кратности с учетом вида исправительного учреждения, назначенного для отбывания наказания⁶.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что в основном суды производят зачет времени нахождения под запретом определенных действий,

⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2020 г. № 32-УДП20-31-К1 // Архив Верховного Суда Российской Федерации за 2020 год.

⁵ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 декабря 2020 г. № 77-2474/2020 // Архив Второго кассационного суда общей юрисдикции за 2020 год.

⁶ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26 января 2021 г. № 77-191/2021 (77-1690/2020) // Архив Третьего кассационного суда общей юрисдикции за 2021 год.

предусмотренных пунктом 1 части 6 статьи 105.1 УПК РФ, руководствуясь частью 10 статьи 109 УПК РФ из расчета два дня его применения за один день содержания под стражей без применения каких-либо повышающих коэффициентов, то есть вне зависимости от вида исправительного учреждения, которое назначено для отбывания лишения свободы [8, с. 84].

Представляется необходимым внести соответствующую ясность для правоприменителей и скорректировать надлежащим образом нормы УПК РФ и нормы УК РФ в целях единобразия правоприменительной практики. Как видится, следует уточнить правила зачета срока действия запрета определенных действий, исходя из расчета два дня его применения за один день лишения свободы независимо от вида исправительного учреждения, назначенного судом для отбывания наказания, без применения льготных условий исчисления. Необходимо указать, что время нахождения лица под запретом не покидать место жительства засчитывается в срок содержания лица под стражей и в срок лишения свободы из расчета два дня нахождения под таким запретом за один день содержания под стражей или лишения свободы.

Интересной перспективой развития запрета определенных действий как меры пресечения является возможность формировать перечень запретов, предусмотренных частью 6 статьи 105.1 УПК РФ, в открытом виде. В настоящее время перечень сформирован в закрытом виде и не подлежит расширительному толкованию. Точку зрения о возможности изменения редакции статьи 105.1 УПК РФ и формирования перечня запретов в открытом виде высказывает Д. А. Воронов, который предлагает установить открытый перечень, а выбор конкретного запрета отнести на усмотрение суда исходя из конкретных обстоятельств дела [9, с. 24]. Указанную позицию поддерживает ряд других ученых, в частности В. С. Удовиченко и С. А. Сорокина [10, с. 126]. Такой подход позволит в большей степени индивидуализировать набор запретов в отношении подозреваемого (обвиняемого) по конкретному уголовному делу. И. П. Бондаренко предлагает дополнить иными запретами, в частности установить запрет на употребление алкогольных, наркотических веществ и совершать иные действия, способствующие девиантному поведению [2, с. 27]. Учитывая незначительную статистику применения запрета определенных действий, отыскать подобные решения, в которых суды, действуя по своему усмотрению, используя собственное «творчество», определили иные запреты конкретному лицу в конкретном уголовном деле, затруднительно.

Полагаем возможным согласиться с мнением процессуалистов, предлагающих сформировать перечень запретов, предусмотренных частью 6 статьи 105.1 УПК РФ открытым способом, так как это позволит в большей степени индивидуализировать избираемую меру пресечения в отношении подозреваемого (обвиняемого) по конкретному уголовному делу с учетом личности виновного и конкретных обстоятельств дела.

Перевод из разряда «меры пресечения» в разряд «иные меры процессуального принуждения» позволит шире применять различные запреты, даже помимо перечня и по усмотрению следователя или суда. Учитывая, что избрание любой меры пресечения жестко регламентировано нормами УПК РФ, поскольку любая мера пресечения связана с претерпеванием подозреваемым (обвиняемым) серьезных ограничений в передвижении, общении и т. п., то любое усмотрение следователя или суда находится в рамках закона, ограничено им. Однако судейское усмотрение допустимо и может шире проявиться именно в том случае, если запрет определенных действий будет в разряде иных мер. Когда запреты определенных действий, избранные в отношении

лица, будут дополнять меру пресечения, это позволит индивидуально ее применить и будет соответствовать целесообразности их применения наряду с мерой пресечения исходя их личности подозреваемого (обвиняемого) и обстоятельств расследуемого уголовного дела.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гричаниченко, А. В. Запрет определенных действий и домашний арест // Уголовное право. 2019. № 6. С. 97–103.
2. Бондаренко, И. П. Особенности применения комбинированных мер пресечения в контексте внедрения в уголовный процесс запрета определенных действий // Российский следователь. 2021. № 1. С. 26–30.
3. Белкин, А. Р. Запрет определенных действий – хорошо ли он определен? // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2. С. 43–50.
4. Садыкова, Р. А., Красноперова, У. А. К вопросу об исполнении меры пресечения в виде запрета определенных действий // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 2 (45). С. 75–80.
5. Петровских, А. С., Смахтин, Е. В. Запрет определенных действий: толкование и проблемы применения // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 4 (106). С. 19–25.
6. Андроник, Н. А. Некоторые проблемы применения домашнего ареста и запрета определенных действий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2 (34). С. 10–14.
7. Долгих, Т. Н. Мера пресечения в виде запрета определенных действий. Три вопроса практики применения // Уголовный процесс. 2020. № 7 (187). С. 43–49.
8. Дроздова, Л. В. Запрет определенных действий как мера пресечения в российском уголовном процессе: проблемы правового регулирования и практики применения // Развитие правосудия и современные технологии (наука и практика). К 15-летию Четвертого арбитражного апелляционного суда: сборник материалов национальной научно-практической конференции. Чита: Забайкальский государственный университет, 2021. С. 80–86.
9. Воронов, Д. А. Запрет определенных действий в рамках залога, домашнего ареста и новой меры пресечения // Российский судья. 2016. № 3. С. 21–25.
10. Удовиченко, В. С., Сорокина, С. А. Запрет определенных действий: актуальные проблемы теории и практики // Алтайский юридический вестник. 2022. № 2 (38). С. 125–130.

REFERENCES

1. Grichanichenko A.V. Zapret opredelennyh dejstvij i domashnij arrest [Prohibition of particular actions and home confinement]. Ugolovnoe pravo – Criminal law. 2019, no. 6, pp. 97-103.
2. Bondarenko I.P. Osobennosti primeneniya kombinirovannyh mer presecheniya v kontekste vnedreniya v ugolovnyj process zapreta opredelennyh dejstvij [Peculiarities of application of combined restrictive measures within the framework of the introduction of a prohibition of specific actions in the criminal procedure]. Rossijskij sledovatel – Russian investigator. 2021, no.1, pp. 26-30.
3. Belkin A.R. Zapret opredelennyh dejstvij – horosho li on opredelen? [Prohibition of definite actions - is it well defined?]. Sudebnaa vlast i ugolovnyj process – Judiciary and criminal procedure. 2019, no. 2, pp. 43-50.

4. Sadykova R.A., Krasnoperova U.A. K voprosu ob ispolnenii mery presecheniya v vide zapreta opredelennyh dejstvij [On the issue of the enforcement of a precautional measure in the form of prohibition of certain actions]. Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii – Vestnik of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2022, no. 2 (45), pp. 75-80.

5. Petrovskikh A.S., Smakhtin E.V. Zapret opredelennyh dejstvij: tolkovanie i problemy primeneniya [Prohibition of certain actions: interpretation and problems of enforcement]. Rossijskoe pravo. Obrazovanie, praktika, nauka – Russian Law: Education, Practice, Science. 2018, no. 4 (106), pp. 19-25.

6. Andronik N.A. Nekotorye problemy primeneniya domashnego aresta i zapreta opredelennyh dejstvij [Some problems with the application of house arrest and the prohibition of certain actions]. Vestnik Uralskogo uridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 2 (34), pp. 10-14.

7. Dolgih T.N. Mera presecheniya v vide zapreta opredelennyh dejstvij. Tri voprosa praktiki primeneniya [A measure of restraint in the form of a ban on certain actions. Three questions of practice of application]. Ugolovnyj process – Criminal procedure. 2020, no. 7 (187), pp. 43-49.

8. Drozdova L.V. [Prohibition of certain actions as a measure of restraint in the Russian criminal process: problems of legal regulation and practice of application] Razvitiye pravosudija i sovremennye tehnologii (nauka i praktika). K 15-letiju Chetvertogo arbitrazhnogo apellacionnogo suda: sbornik materialov nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii Development of justice and modern technologies (science and practice): collection of materials of the national scientific-practical conference. Chita, Transbaikal State University, 2021, pp. 80-86.

9. Voronov D.A. Zapret opredelennyh dejstvij v ramkah zaloga, domashnego aresta i novoj mery presecheniya [Interdiction of certain actions within the framework of pledge, house arrest and new pre-trial restraint]. Rossijskij sudia – Rossijskij sud'ja. 2016, no. 3, pp. 21-25.

10. Udovichenko V.S., Sorokina S.A. Zapret opredelennyh dejstvij: aktual'nye problemy teorii i praktiki [Prohibition of certain actions: current problems of theory and practice]. Altajskij uridicheskij vestnik – Altajskij juridicheskij vestnik. 2022, no. 2 (38), pp. 125-130.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Днепровская Марина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции. Иркутский национальный исследовательский технический университет. Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83. ORCID ID: 0000-0002-9411-1048

Абрамитов Сергей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории права, конституционного и административного права. Иркутский национальный исследовательский технический университет. Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83. ORCID ID: 0000-0003-0824-4395

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina Anatolievna Dneprovskaya, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence. Irkutsk National Research Technical University. Russia, 664074, Irkutsk, Lermontova str. 83.
ORCID ID: 0000-0002-9411-1048

Abramitov Sergey Anatolievich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of Law, Constitutional and Administrative Law. Irkutsk National Research Technical University. Russia, 664074, Irkutsk, Lermontova str. 83.

ORCID ID: 0000-0003-0824-4395

Статья поступила в редакцию 05.07.2023; одобрена после рецензирования 12.07.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 05.07.2023; approved after reviewing 12.07.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023 № 4 (107). С.168–179.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023
Vol. no. 4 (107). p. 168–179.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.18.89.015

**ПОРЯДОК ОЗНАКОМЛЕНИЯ ОБВИНИЕМОГО С МАТЕРИАЛАМИ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА
НА ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ:
СОВРЕМЕННЫЙ ПРАКТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД**

Зайцев Владислав Николаевич

Академия управления МВД России, Москва, Россия, police.1967@mail.ru

Введение. В статье анализируются вопросы порядка ознакомления с материалами уголовного дела на этапе предварительного расследования, проводится обоснование необходимости его совершенствования. Автором предложен альтернативный порядок ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела путем вручения обвиняемому заверенных копий материалов уголовного дела, в том числе при определенных условиях – электронных.

В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция сохранения значительного количества уголовных дел, срок следствия по которым продлен свыше года по причине длительности ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела. Зачастую длительность ознакомления обусловлена тем, что обвиняемый злоупотребляет своим правом на ознакомление с материалами уголовного дела.

Материалы и методы. Методологическую базу исследования образует диалектический метод, позволивший всесторонне и объективно рассмотреть проблемы, возникающие при проведении ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела на этапе предварительного расследования. При подготовке работы использовались также частно-научные методы, среди которых формально-логический метод (позволивший выявить и проанализировать порядок ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела на этапе предварительного расследования, при этом установить перечень процессуальных и следственных действий, при которых обвиняемый в процессе расследования уголовного дела фрагментарно знакомится с процессуальными документами до окончания проведения следственных действий), метод юридико-технического анализа, в результате применения которого сформулированы предложения по совершенствованию норм уголовно-процессуального права, регламентирующих процессуальный порядок ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела. В качестве частного метода использовался статистический метод, включающий сбор и анализ данных о количестве уголовных дел в системе следственных органов МВД России за период 2019–2021 гг., срок следствия по которым продлен свыше 12 месяцев, в том числе в связи с длительным периодом ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела.

Результаты исследования. Выявлено снижение эффективности деятельности следственных органов, связанной с необходимостью проведения ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела на протяжении длительного периода времени. Предложен альтернативный вариант проведения ознакомления – вручение обвиняемому заверенных копий материалов уголовного дела, в том числе электронных.

Ключевые слова: уголовных процесс, ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела, копии материалов уголовного дела, следователь

Для цитирования: Зайцев В. Н. Порядок ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела на этапе предварительного расследования: современный практический взгляд // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 169–179.

DOI: [10.55001/2312-3184.2023.18.89.015](https://doi.org/10.55001/2312-3184.2023.18.89.015)

**5.1.4. Criminal Law Sciences
(legal sciences)**

Original article

**THE PROCEDURE FOR FAMILIARIZING THE ACCUSED WITH
THE MATERIALS OF THE CRIMINAL CASE AT THE STAGE OF PRELIMINARY
INVESTIGATION: A MODERN PRACTICAL VIEW**

Vladislav N. Zaitsev

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation,
Moscow, police.1967@mail.ru

Introduction: The article analyses the issues of the procedure of familiarisation with the materials of the criminal case at the stage of preliminary investigation and substantiates the need for its improvement. The author proposes an alternative procedure of familiarisation of the accused with the materials of the criminal case by handing the accused certified copies of the materials of the criminal case, including under certain conditions - electronic.

Currently, there is a steady tendency to maintain a significant number of criminal cases, the term of investigation in which is extended for more than a year due to the length of familiarisation of the accused with the materials of the criminal case. Often the length of familiarisation is due to the fact that the accused abuses his right to familiarise himself with the materials of the criminal case.

Materials and Methods: The methodological basis of the study is formed by the dialectical method, which allowed to comprehensively and objectively consider the problems arising during the familiarisation of the accused with the materials of the criminal case at the stage of preliminary investigation. In preparing the work were also used private-scientific methods, including formal-logical method (which allowed to identify and analyse the procedure of familiarisation of the accused with the materials of the criminal case at the stage of preliminary investigation, at the same time to establish a list of procedural and investigative actions, in which the accused in the process of investigation of the criminal case fragmentarily acquainted with procedural documents before the end of investigative actions), the method of legal and technical analysis, as a result of application of the method of legal and technical analysis. As a private

method, the statistical method was used, including the collection and analysis of data on the number of criminal cases in the system of investigative bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the period 2019-2021, the period of investigation in which the term of investigation is extended beyond 12 months, including in connection with a long period of familiarisation of the accused with the materials of the criminal case.

The Results of the Study: It is revealed that the efficiency of the investigative bodies' activity is reduced due to the need to familiarise the accused with the materials of the criminal case for a long period of time. The alternative variant of familiarisation is offered - delivery to the accused of certified copies of the materials of the criminal case, including electronic ones.

Keywords: criminal proceedings, familiarization of the accused with the materials of the criminal case, copies of the materials of the criminal case, investigator.

For citation: Zaitsev V.N. Porjadok oznakomlenija obvinjaemogo s materialami ugolovnogo dela na jetape predvaritel'nogo rassledovanija: sovremennoj prakticheskij vzgljad [The procedure for familiarizing the accused with the materials of the criminal case at the stage of preliminary investigation: a modern practical view]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Irkutsk, 2023, no. 4 (107), pp. 168–179.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.18.89.015

Не подлежит сомнению, что в современном демократическом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Обязанность государства заключается в признании, соблюдении и, несомненно, защите прав и свобод человека и гражданина.

В представленной статье внимание уделено одному из прав человека и гражданина, а именно праву обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела, являющегося разновидностью фундаментального Конституционного права человека и гражданина – права на получение информации, закрепленного в ч. 4 ст. 29 Конституции России¹.

¹ Конституция Российской Федерации : принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. (В редакции указов Президента Российской Федерации от 09.01.1996 № 20, от 10.02.1996 № 173, от 09.06.2001 № 679, от 25.07.2003 № 841; федеральных конституционных законов от 25.03.2004 № 1-ФКЗ, от 14.10.2005 № 6-ФКЗ, от 12.07.2006 № 2-ФКЗ, от 30.12.2006 № 6-ФКЗ, от 21.07.2007 № 5-ФКЗ; законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ; Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ; Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; Указа Президента Российской Федерации от 27.03.2019 № 130; Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; федеральных конституционных законов от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.10.2022). Режим доступа: свободный.

В силу положений ч. 3 ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе защищать свои права и законные интересы и иметь достаточное время и возможность подготовки к защите².

Вместе с этим понятие достаточности времени в данном контексте представляется оценочным.

Так, соглашаясь с мнением Г. Е. Агеевой, о том, что под оценочными понятиями процессуального права понимаются абстрактные правовые формулировки, выражающие понятие, положение, или иное наименование правозначимых предметов, объектов либо явлений путем указания на их обобщенные, наиболее типичные признаки с целью обеспечения возможности субъективного толкования в соответствии с фактическими обстоятельствами правообразовательного, правореализационного или правоприменительного процесса [1, с. 10], необходимо отметить, что законодатель предоставляет возможность толкования положений ч. 3 ст. 47 УПК РФ в определенной степени субъективно, заведомо не определяя четких ограничений.

К примеру, должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование уголовного дела, субъективно толкует понятие достаточности времени для подготовки обвиняемого к защите как определенный промежуток времени, в течение которого обвиняемый сможет оформить и направить для рассмотрения ходатайства и жалобы на действия (бездействия) следователя (дознавателя), предоставить собственные доказательства или совершить иные действия, направленные на доказывание иной, отличной от версии произошедшего органа предварительного расследования. В данном случае следователь (дознаватель) может посчитать достаточным относительно незначительный промежуток времени, необходимый обвиняемому для ознакомления с материалами уголовно дела. Представляется, что подобный вывод следователем (дознавателем) может быть сделан исходя из наличия у него профессиональных качеств, образования и опыта практической деятельности.

Сторона защиты, прежде всего в лице обвиняемого, наоборот, склонна воспринимать понятие достаточности времени для подготовки к защите как промежуток времени, в течение которого обвиняемый может понять, в чем конкретно его обвиняют и какие действия ему необходимо предпринять, чтобы рассчитывать на минимальное наказание, либо оправдательное решение суда. В данном случае обвиняемый субъективно представляет указанный промежуток времени как достаточно длительный, поскольку указанная ситуация в его жизни является новой, а процесс расследования уголовного дела является, как правило, незнакомым³.

Несмотря на то, что понятие достаточности времени подготовки к защите законодателем не определено, представляется, что речь идет о том отрезке времени,

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) от 18.12.2001 N 174-ФЗ (последняя редакция) : принят Гос. Думой 18 дек. 2001 г. : одобрен Советом Федерации 05 декабря 2001 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=l0f78g1dge748707317 (дата обращения: 15.07.2023). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

³ Случаи расследования уголовных дел в отношении лиц, ранее неоднократно привлекавшихся к уголовной ответственности, являются предметом отдельного изучения, и в данной статье исследованию не подлежат.

который позволил бы обвиняемому на этапе предварительного расследования в полной мере реализовать свои права, закрепленные в ст. 47 УПК РФ. В свою очередь, для реализации вышеуказанных прав, обвиняемый должен их знать и понимать их значение, то есть субъективно осознать следующие важные для себя аспекты, связанные с его уголовным преследованием, а именно:

- понять в чем он обвиняется, то есть осознать, почему он является фигурантом⁴ уголовного дела и оказался в кабинете следователя (дознавателя);
- понять, как квалифицируется его деяние следователем (дознавателем), то есть уяснить, какая статья Уголовного кодекса Российской Федерации предполагает уголовную ответственность за совершенное им деяние (действие или бездействие), оценить, какое наказание может быть к нему применено в случае вынесения в отношении него обвинительного приговора суда;
- узнать, какие имеются в уголовном деле сведения о его причастности к совершению преступления, а также степени его вины;
- выработать порядок дальнейшего поведения, то есть либо пойти на «сделку» со следствием в расчете на более мягкий приговор суда, либо активно использовать полный спектр своих процессуальных прав в целях дополнения уголовного дела доказательственной информацией о его непричастности к совершению преступления или смягчающей вину.

Таким образом, несложно заметить, что для адекватной реализации своего права на защиту, фигуранту может потребоваться значительное время, прежде всего для осознания происходящего и для выработки тактики дальнейших действий.

Следует отметить, что уголовный процесс в России построен таким образом, что в ходе расследования уголовного дела фигуранту предоставляется право на ознакомление с рядом процессуальных документов, имеющих непосредственное отношение к возможности реализации своего права на защиту при нахождении его в любых процессуальных статусах.

Фактически фигурантом уголовного дела в ходе расследования является конкретное физическое лицо, при этом процессуальный статус данного лица в ходе расследования может существенно меняться. Так, на практике достаточно часто имеют место ситуации, когда обвиняемый на начальных этапах расследования имеет процессуальных статус свидетеля.

В ходе расследования уголовного дела обвиняемый получает важную для него информацию на этапе возбуждения уголовного дела (положения ч. 4 ст. 146 УПК РФ), при задержании (глава 12 УПК РФ), при допросе в качестве подозреваемого (ст. 46 УПК РФ), при избрании меры пресечения (глава 13 УПК РФ), при проведении очных ставок (ст. 192 УПК РФ), при проведении осмотров предметов и документов с участием подозреваемого и (или) обвиняемого (ст. 177 УПК РФ), при ознакомлении с постановлениями о назначении судебных экспертиз (ст. 195 УПК РФ), при ознакомлении с заключениями экспертов (ст. 206 УПК РФ).

⁴ В данной статье автором вводится указанное понятие, подразумевающее категорию участников уголовно-процессуальных отношений, в отношении которых осуществляется уголовное преследование.

В некоторых, специально определенных УПК РФ случаях, фигуранту уголовного дела вручаются копии документов, являющихся частью уголовного дела, то есть предлагается изучить содержание материалов уголовного дела способом, определяемым фигурантом самостоятельно в удобное для него время. Это происходит, например, при привлечении лица в качестве обвиняемого по уголовному делу, когда в силу положений ч. 8 ст. 172 УПК РФ следователь вручает обвиняемому и его защитнику копию постановления о привлечении данного лица в качестве обвиняемого, при удовлетворении следователем мотивированного ходатайства обвиняемого в порядке главы 16 УПК РФ о предоставлении ему копий интересующих его документов.

Нельзя не сказать еще об одном способе получения информации обвиняемым о ходе расследования уголовного дела – это непосредственное общение со следователем (дознавателем) и своим защитником. Указанное средство получения информации часто является определяющим при выборе фигурантом уголовного дела тактики своего поведения, однако соответствующей процессуально закрепленной обязанности у следователя (дознавателя) не имеется, ввиду чего данное средство получения информации в рамках данной статьи исследованию подвергаться не будет.

Завершающей стадией получения обвиняемым информации о содержании уголовного дела на этапе предварительного расследования является этап ознакомления с материалами уголовного дела, то есть возможность изучения всех материалов уголовного дела, вещественных доказательств, аудио- и видеоматериалов. Таким образом, с учетом всех существующих способов ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела, последнему предоставляется возможность в полной мере осознать происходящее и выработать вариант дальнейшего поведения.

На основании вышеизложенного представляется возможным заключить, что законодатель предусмотрел различные способы осведомленности фигуранта о ходе и результатах расследования уголовного дела, что минимизирует спонтанность и необдуманность решений обвиняемого относительно своего поведения.

Рассмотрев процессуально регламентированные способы получения обвиняемым информации о ходе расследования уголовного дела, следует остановиться на некоторых вопросах реализации обвиняемым своего права на защиту. Так, наличие права логично предполагает прямую заинтересованность субъекта в его реализации, как в способе достижения и получения желаемого. Однако на практике имеют место случаи, когда обвиняемый использует свое право на ознакомление с материалами уголовного дела как инструмент достижения иных целей, отличных от целей реализуемого права, предполагаемых и установленных государством.

Так, на современном этапе достаточно часто имеют место факты злоупотребления обвиняемым правом на ознакомление с материалами уголовного дела, в первую очередь, путем явного затягивания срока ознакомления с целью оказания противодействия порядку расследования, например, во избежание привлечения к уголовной ответственности в связи с истечением срока давности.

Кроме того, следует отметить, что следствием указанных выше действий обвиняемого является существенное увеличение сроков предварительного расследования, а уголовные дела, срок следствия по которым продлен свыше года, в настоящее время исчисляются тысячами.

Так, анализ ходатайств о продлении сроков предварительного следствия по уголовным делам, поступившим в Следственный департамент МВД России в 2019 г., свидетельствует о том, что 29 % из них обусловлены необходимостью выполнения требований ст. 217 УПК РФ, в 2020 году – 31 %⁵, а в 2021 г., при общем снижении количества, таких ходатайств было 33 %⁶.

Таким образом, на протяжении последних трех лет сохранилась устойчивая тенденция увеличения сроков предварительного расследования уголовных дел свыше 12 месяцев исключительно по причине длительного периода ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела, более наглядно указанные официальные статистические данные представлены ниже (рис. 1).

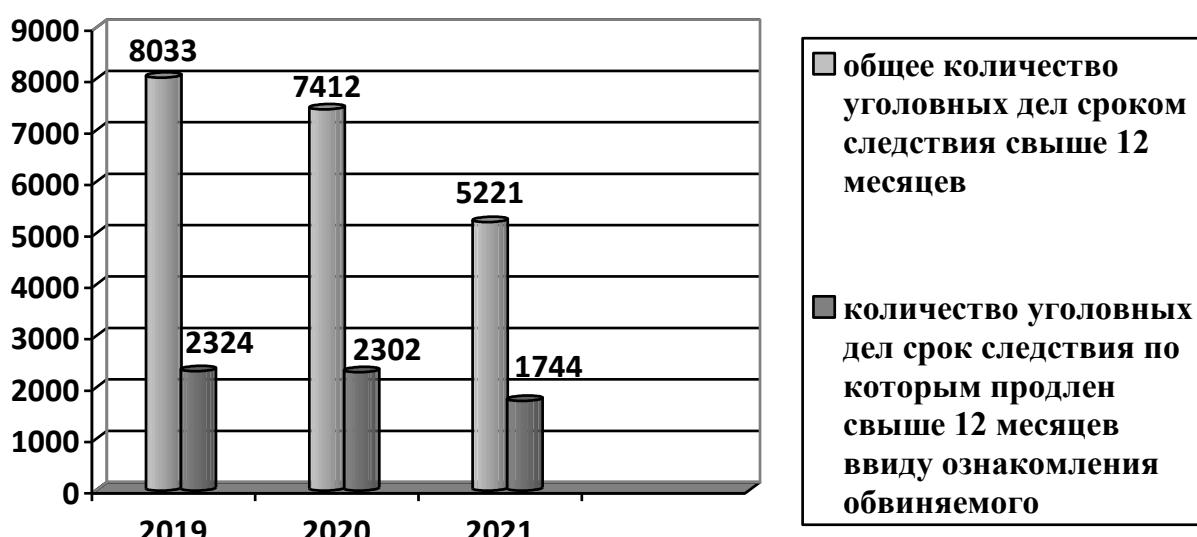

Рис. 1. Статистические данные СД МВД России о количестве уголовных дел, срок предварительного расследования, по которым продлен свыше 12 месяцев

По мнению автора, на сегодняшний момент в правоприменительной практике российского уголовного процесса остро стоит проблема злоупотребления обвиняемым правом на ознакомление с материалами уголовного дела ввиду неопределенности оснований для ограничения этого права. Совершенно справедливо суждение Ю. П. Гармаева о том, что уклонение, отказ от ознакомления с материалами уголовного дела, умышленное затягивание времени ознакомления с материалами уголовного дела

⁵ Обзор практики выполнения требований ст. 217 УПК РФ по уголовным делам, в том числе в случае умышленного затягивания обвиняемыми и их защитниками времени ознакомления с материалами уголовного дела, а так же принимаемых следователем мер по противодействию указанным действиям (Исх. №17/3-34200 от 27.08.2021)

⁶ Ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ : Методические рекомендации. М.: Научно-исследовательский центр №5 по исследованию проблем расследования преступлений органами предварительного следствия и дознания. 2022.

в настоящее время стали бедствием как для представителей стороны обвинения, так и для суда [2, с.15].

Причиной сложившейся ситуации, как представляется, служит недостаточная процессуальная регламентация способов и порядка реализации права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела. Так, в соответствии с УПК РФ, следователь предъявляет обвиняемому и его защитнику подшитые и пронумерованные материалы уголовного дела, за исключением случаев, предусмотренных частью девятой статьи 166 УПК РФ, а именно обвиняемому не предъявляются для ознакомления постановления следователя о сохранении в тайне данных о личности, вынесенные с целью обеспечения безопасности потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц⁷.

При этом ряд вопросов, касающихся порядка реализации данной нормы права, не в полной мере определен. В частности: обязан ли следователь присутствовать при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела? Имеет ли право следователь проводить в этот период процессуальные (следственные) действия по другим уголовным делам? Что должен делать следователь при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела в следственном кабинете следственного изолятора, а также ряд иных, не менее значимых вопросов.

Предпримем попытку предложить ответы на поставленные вопросы.

Так, обязан ли следователь присутствовать при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела? Этот вопрос процессуально не установлен, но поскольку ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела – это процессуальное действие, после проведения которого составляется протокол, то логично указать, что присутствие следователя обязательно, поскольку проведение любого процессуального действия без участия лица, его производящего, невозможно. Представляется, что на протяжении всего времени ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела следователь при этом присутствует, и проводить иные процессуальные (следственные) действия не имеет права. При этом, учитывая современную правоприменительную практику, процесс ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела может занимать месяцы и годы.

К примеру, Мария Францева по делу о финансовой пирамиде «Чара-банк» знакомилась с материалами уголовного дела в течение 7 лет. По правилам действующего УПК РФ следователь обязан был все это время находиться рядом с обвиняемой и не имел возможности проводить расследование по остальным уголовным делам, находящимся в его производстве. Такая работа следователя логично представляется низкоэффективной. Конечно, следователь в момент ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела мог бы, например, заниматься составлением проекта обвинительного заключения, составлять проекты протоколов или постановлений по другим уголовным делам (что на практике часто имеет место), но чем заниматься следователю, если ознакомление обвиняемым с материалами дела

⁷ Указанные решения следователем принимаются в исключительных случаях, и, как правило, постановления имеют незначительный объем, в связи с чем в данной статье не исследуются.

происходит в стенах следственного изолятора? Ответ на этот вопрос найти затруднительно.

В современной научной литературе существует ряд различных мнений относительно целесообразности совершенствования порядка ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела на этапе предварительного расследования.

Так, одним из устоявшихся консервативных научных мнений является сохранение действующих процессуальных норм, регламентирующих порядок ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела [3, с.109; 4; 5, с. 40–46; 6 с. 16–25]. Другие исследователи, например, Н. А. Колоколов, считают, что в условиях современности необходимо модернизировать положения ст. 217 УПК РФ [7, с. 6–10].

Третье, представляющееся автору радикальным, мнение ученых состоит в лишении стороны защиты права на ознакомление с материалами уголовного дела, в том числе в случае наличия угрозы безопасности другим участникам уголовного процесса [8, с. 227; 9, с. 22; 10, с. 22–25].

Автор, соглашаясь с мнением Б. Я. Гаврилова о том, что сегодня определяющим в обеспечении прав и свобод участников уголовного судопроизводства является острая потребность в разработке принципиально новой модели предварительного расследования, которая своей первоочередной задачей ставила бы преодоление сложившейся еще в рамках действия УПК РСФСР, и плавно перетекшую в УПК РФ заформализованность и забюрократизированность уголовно-процессуального закона [11, с. 99], предлагает рассмотреть и оценить альтернативную форму ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела.

По мнению автора, имеющего стаж работы в следственных органах более 10 лет, существует возможность решить эти довольно острые вопросы путем процессуального закрепления возможности передачи заверенных копий материалов уголовного дела обвиняемому для ознакомления.

Кроме того, в настоящее время цифровой трансформации оказались подвержены не только социально-экономические, производственные, управленические процессы, но и преступность, что проявляется в качественных и количественных изменениях ее показателей [12, с. 204]. В этой связи представляется возможным предложить еще одну форму ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела: вручение обвиняемому заверенных цифровой подписью лица, проводящего предварительное расследование уголовного дела, копий материалов уголовного дела в электронном формате. Данный способ передачи обвиняемому копий материалов уголовного дела позволил бы существенно сократить материальные затраты государства при осуществлении правосудия на этапе предварительного расследования и, как справедливо отмечает В. В. Урбан, позволил бы заинтересованным в этом участникам судопроизводства знакомиться с материалами уголовного дела одновременно, и требование осуществления судопроизводства в разумный срок было бы соблюдено надлежащим образом [13, с. 143].

В целом такая форма ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела позволила бы обвиняемому знакомиться с ними в наиболее комфортных для обвиняемого условиях, и, что более значимо – вне зависимости от наличия

возможности проведения указанного процессуального действия следователем (дознавателем).

Конечно, изготовление копий материалов уголовного дела может занять у следователя (дознавателя) длительное время и значительные по объему ресурсы, но, по мнению автора, гораздо более эффективным было бы изготовление копий материалов уголовного дела, к примеру, в течение месяца, чем 7-летнее ознакомление обвиняемого с его материалами.

Кроме того, возможны ситуации, когда передача следователем обвиняемому копий материалов уголовного дела в электронном формате будет нецелесообразной. К примеру, в случае избрания в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, последнему попросту негде будет использовать электронный носитель информации по причине отсутствия в камере компьютера или иного технического устройства, позволяющего считывать электронную информацию. К этой же категории проблем можно отнести банальное отсутствие у обвиняемого, в отношении которого избрана мера пресечения, не связанная с лишением свободы или запретом определенных действий, технических устройств.

Однако для вышеописанных ситуаций применимо вручение именно бумажных копий материалов уголовного дела, и, по мнению автора, данная форма ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела представляется универсальной.

Такой порядок ни в коей мере не нарушает и не ограничивает права обвиняемого – он всегда, в том числе в ходе судебного следствия, может сличить врученные ему копии материалов уголовного дела с оригиналами.

Кроме того, следует отметить, что в уголовном процессе сегодня существуют процедуры, когда заинтересованному лицу вручаются копии материалом уголовного дела для ознакомления и возможности реализации дальнейшего права на защиту. Так, после вынесения судом приговора осужденному в обязательном порядке вручается копия приговора суда, и он имеет 10 суток для его обжалования в установленном законом порядке. При этом указанный срок для обжалования установлен для осужденных по всем категориям преступлений, вне зависимости от объема приговора и сложности квалификации действий лица.

Представляется, что вручение обвиняемому заверенных копий материалов уголовного дела (как альтернативная форма ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела) позволит минимизировать сроки этого ознакомления, что, в свою очередь, снизит общий срок предварительного расследования уголовных дел, при этом повысится эффективность работы органов предварительного расследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агеева, Г. А. Оценочные понятия процессуального права, диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Самара, 2014.
2. Гармаев, Ю. П. Противодействие недобросовестному затягиванию процесса ознакомления с материалами уголовного дела//Уголовный процесс. №2. 2006.
3. Барабанов, П. К. Следует ли сохранить право ознакомления стороны защиты с материалами предварительного следствия (дознания) // Российская юстиция. № 3. 2009.

4. Барабанов, П. К. Реализация назначения уголовного судопроизводства при доказывании в суде первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011.
5. Быков, В. М. Ознакомление следователем обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела // Российский следователь. № 12. 2013.
6. Рагулин, А. В. Право адвоката-защитника на ознакомление с материалами уголовного дела после завершения предварительного расследования: проблемные вопросы регламентации и практической реализации // Адвокат. № 4. 2012.
7. Колоколов, Н. А. Ознакомление с материалами уголовного дела. Инновации неизбежны // Российский следователь. № 10. 2014.
8. Лукичев, Н. А. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
9. Кожевников, И. Н. Упорядочить полномочия следователя // Российская юстиция. № 7. 1997.
10. Багаутдинов, Ф. Право на защиту: проблемы и предложения // Законность. № 7. 2001.
11. Гаврилов, Б. Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? // Сетевое издание «Академическая мысль». № 3 (8). 2019.
12. Гаврилин, Ю. В. Тенденции цифровой трансформации преступности и факторы, ее обуславливающие // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И.Г. Чистобородова, А.Л. Ситковского, В.О. Лапина. М., 2020
13. Урбан, В. В. Разумный срок и эффективность уголовного судопроизводства: монография. Москва, 2020.

REFERENCES

1. Ageeva G.A. Ocenochnye ponjatija processual'nogo prava, dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskikh nauk [Estimated concepts of procedural law, dissertation for the degree of candidate of legal sciences]. Samara, 2014.
2. Garmaev Y.P. Protivodejstvie nedobrosovestnomu zatjagivaniu processa oznakomlenija s materialami ugolovnogo dela [Counteraction to unfair delay in the process of familiarization with the materials of a criminal case]. Ugolovnyj process – Criminal process. 2006, no. 2.
3. Barabanov P.K. Sleduet li sohranit' pravo oznakomlenija storony zashhity s materialami predvaritel'nogo sledstvija (doznanija) [Should the right to familiarize the defense side with the materials of the preliminary investigation (inquest) be retained]. Rossijskaja justicija – Russian Justice. 2009, no. 3.
4. Barabanov P.K. Realizacija naznachenija ugolovnogo sudoproizvodstva pri dokazyvaniu v sude pervoj instancii: dis. ... kand. jurid. nauk [Implementation of the appointment of criminal proceedings when proving in the court of first instance: dis. ... cand. legal Sciences]. Vladimir, 2011.
5. Bykov V.M. Oznakomlenie sledovatelem obvinjaemogo i ego zashhitnika s materialami ugolovnogo dela [Familiarization by the investigator of the accused and his defense counsel with the materials of the criminal case]. Rossijskij sledovatel' – Russian investigator. 2013, no. 12.

6. Ragulin A.V. Pravo advokata-zashhitnika na oznakomlenie s materialami ugolovnogo dela posle zavershenija predvaritel'nogo rassledovanija: problemnye voprosy reglamentacii i prakticheskoy realizacii [The right of a lawyer-defender to familiarize himself with the materials of a criminal case after the completion of the preliminary investigation: problematic issues of regulation and practical implementation]. *Advokat – Lawyer*. 2014, no. 4.
7. Kolokolov N.A. Oznakomlenie s materialami ugolovnogo dela. Innovacii neizbezhny [Acquaintance with the materials of the criminal case. Innovations are inevitable]. *Rossijskij sledovatel'* – Russian investigator. 2014, no. 10.
8. Lukichev N.A. Sostjazatel'nost' i ravnopravie storon v ugolovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. jurid. nauk. [Competitiveness and equality of the parties in criminal proceedings: dis. ... cand. legal Sciences]. Saratov, 2003.
9. Kozhevnikov I.N. Uporjadochit' polnomochija sledovatelja [To streamline the powers of the investigator]. *Rossijskaja justicija* – Russian justice. 1997, no. 7.
10. Bagautdinov F. Pravo na zashhitu: problemy i predlozhenija [The right to protection: problems and proposals]. *Zakonnost'* – Legitimacy. 2001, no. 7.
11. Gavrilov B.Y. Otvechaet li sovremennoe dosudebnoe proizvodstvo realijam bor'by s prestupnost'ju? [Does modern pre-trial proceedings meet the realities of the fight against crime?]. Setevoe izdanie «Akademicheskaja mysl'» – Network edition "Academic Thought". 2019, no. 3 (8).
12. Gavrilin Y.V. [Trends in the digital transformation of crime and the factors that determine it]. *Strategicheskoe razvitiye sistemy MVD Rossii: sostojanie, tendencii, perspektivy*: sb. tr. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Strategic development of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: state, trends, prospects: coll. tr. International scientific-practical. conf.]. M., 2020.
13. Urban V.V. Reasonable time and efficiency of criminal proceedings. Monograph, Moscow, 2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайцев Владимир Николаевич, адыюнкт адыюнктуры. Академия управления МВД России. 125171, г. Москва, ул. Зоя и Александра Космодемьянских, д. 8.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Zaitsev Vladislav Nikolaevich, postgraduate student. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 125171, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8.

Статья поступила в редакцию 11.09.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 11.09.2023; approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 180–189.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023.
Vol. no 4 (107 p. 180–189).

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.9

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.19.64.016

**О НЕОБХОДИМОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ХРАНЕНИЯ
ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ**

Куровский Владимир Михайлович

Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, Иркутск,
vladimir_kurovskiy@mail.ru

Введение. В настоящее время проблема распространения экстремизма в нашем обществе актуальна, как никогда. На это обращают внимание многие отечественные и зарубежные ученые и специалисты. Связано это с тем, что экстремизм тесным образом переплетается со многими сферами социальной жизни и особенно разрушителен для представителей молодого поколения. Кроме того, правоприменительная практика и данные официальной статистики свидетельствуют о том, что экстремизм распространен среди мигрантов. В этой связи в научной литературе обоснованно подчеркивается, что вопросы миграции тесным образом переплетаются с угрозой экстремизма и терроризма. В свете вышесказанного целесообразным представляется совершенствовать применяемые методы профилактики и предупреждения действий экстремистской направленности, в том числе связанных с хранением экстремистских материалов.

Материалы и методы. Нормативную основу настоящего исследования составили такие правовые акты, как Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Ключевыми методами исследования выступили метод описания, сравнительно-правовой метод, метод анализа, синтеза и иные.

Результаты исследования. Автор отмечает, что субъектами профилактики используются различные методы и средства, способные оказать эффективное противодействие экстремистским проявлениям. Одним из таких средств выступает использование уголовно-правового потенциала действующего уголовного закона. Кроме того, широко используются методы административного характера (на практике широко применяются правовые предписания, касающиеся административных правонарушений экстремистского характера). Вместе с тем, меры административного характера не всегда оказываются эффективными на практике. По мнению автора, целесообразнее криминализировать хранение экстремистских материалов.

Выводы и заключения. В результате проведенного исследования автор заключает, что криминализация хранения экстремистских материалов объясняется объективными причинами, поскольку наше общество, как никогда прежде, нуждается в защите от различного рода проявлений экстремистского характера. По мнению автора, «перенос» статьи 20.29 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за хранение экстремистских материалов, в УК РФ позволит привлекать к ответственности лиц, хранящих экстремистские материалы, по более строгим нормам уголовного права.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистские материалы, криминологическая профилактика, экстремистская преступность, хранение экстремистских материалов, уголовная ответственность, административная ответственность.

Для цитирования: Куроцкий В.М. О необходимости криминализации хранения экстремистских материалов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 180–189.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.19.64.016

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

THE NEED TO CRIMINALIZE THE STORAGE OF EXTREMIST MATERIALS

Vladimir M. Kurovsky

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, vladimir_kurovskiy@mail.ru

Introduction: At present, the problem of the spread of extremism in our society is more relevant than ever. Many domestic and foreign scientists and specialists pay attention to this. This is due to the fact that extremism is closely intertwined with many spheres of social life and is especially destructive for representatives of the younger generation. In addition, law enforcement practice and official statistics show that extremism is widespread among migrants. In this regard, academic literature justifiably emphasises that migration issues are closely intertwined with the threat of extremism and terrorism. In light of the above, it seems reasonable to improve the methods used to prevent and prevent extremist activities, including those related to the possession of extremist materials.

Materials and Methods: The normative basis of this study was formed by such legal acts as the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of the Russian Federation on Administrative Offences. The key research methods were the method of description, comparative-legal method, method of analysis, synthesis and others.

Results of the Study: The author notes that the subjects of prevention use various methods and means that can provide effective counteraction to extremist manifestations. One of such means is the use of the criminal-legal potential of the existing criminal law. In addition, methods of administrative nature are widely used (in practice, legal provisions concerning administrative offences of extremist nature are widely used). However, administrative measures are not always effective in practice. In the author's opinion, it is more appropriate to criminalise the possession of extremist materials.

Findings and Conclusions: As a result of the study, the author concludes that the criminalisation of possession of extremist materials is explained by objective reasons, as our society, as never before, needs protection from various manifestations of extremist nature. In the author's opinion, the "transfer" of Article 20.29 of the CAO RF, which establishes liability for possession of extremist materials, to the Criminal Code of the RF will make it possible to prosecute persons who store extremist materials under stricter criminal law norms.

Keywords: extremism, extremist materials, criminological prevention, extremist crime, storage of extremist materials, criminal liability, administrative responsibility.

For citation: Kurovsky V.M. O neobhodimosti kriminalizacii hraneniya ekstremistskih materialov [On the need to criminalize the storage of extremist materials]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 4 (107). pp 180–189 (in Russ.).
DOI: 10.55001/2312-3184.2023.19.64.016

На сегодняшний день в современном обществе большое число экспертов-правоведов затрагивали и продолжают затрагивать вопросы, касающиеся проблем противодействия экстремистским проявлениям [1, с. 117; 2, с. 163]. При этом следует отметить, что негативные последствия от деятельности экстремистских организаций испытывает не только наше государство. Проблема экстремизма и его крайней формы – терроризма характерна для большинства зарубежных государств, на что неоднократно в своих исследованиях указывали специалисты [3, с. 187]. Экстремизм широко распространен в странах «старого» света. При этом идеи экстремистского характера пытаются найти отклик и в российском обществе.

Кроме того, в современном обществе стало распространяться мнение о том, что государству в первую очередь нужно бороться с различными террористами – как правило, выходцами из средней Азии, а вопросы экстремизма оставить на втором плане [5, с. 206]. Все эти действия на сегодняшний день привели к тому, что общество не прослеживает реальной взаимосвязи между задатками ксенофобии, нацизма и совершением террористических актов в отношении общества в целом, а государственная политика была неверно ориентирована на борьбу с проявлениями террористической деятельности, начиная с событий в «Норд-Осте» (террористический акт в Москве в 2002 г.) и заканчивая существенным спадом террористической деятельности к 2017 г.

Конституция Российской Федерации еще в 1993 г. на самом высшем уровне ввела запрет на любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, а также пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду¹.

На сегодняшний день максимально опасной формой указанных ограничений является экстремистская деятельность, которая в различных её разновидностях представляет угрозу безопасности как для нашего государства, так и для всего мирового сообщества в целом [6, с. 65].

Активная деятельность экстремистских сообществ в современных реалиях нашей жизни является одной из наиболее сложных проблем всего мира ввиду наличия

¹ Конституция Российской Федерации : принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) (В редакции указов Президента Российской Федерации от 09.01.1996 № 20, от 10.02.1996 № 173, от 09.06.2001 № 679, от 25.07.2003 № 841; федеральных конституционных законов от 25.03.2004 № 1-ФКЗ, от 14.10.2005 № 6-ФКЗ, от 12.07.2006 № 2-ФКЗ, от 30.12.2006 № 6-ФКЗ, от 21.07.2007 № 5-ФКЗ; законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ; Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ; Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; Указа Президента Российской Федерации от 27.03.2019 № 130; Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; федеральных конституционных законов от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.10.2023).

многообразия проявлений в экстремистских течениях, формирования разнородных организаций экстремистов, которые, как правило, формируют свои преступные ячейки не только из собратьев по идеологии, но и путем воздействия на неокрепшие умы молодых людей.

Молодежь, а именно лица в возрасте от 14 до 35 лет, являются основной мишенью экстремистских сообществ для реализации собственных корыстных планов и придания массовости экстремизму. При этом суть продвижения экстремистской деятельности в отношении молодого поколения обуславливается необходимостью на протяжении долгого времени формирования преступных установок в неокрепших умах индивидов с целью реализации в дальнейшем преступных намерений экстремистских сообществ.

Наиболее ярким примером является ситуация, протекавшая на Украине в 2013 г. на фоне затягивания правительством страны работы по подписанию международного договора с Европейским союзом о пролонгации ранее подписанных договоров в сфере политики, торговли, культуры, а также укрепления международной безопасности. Итогом этих событий стали многочисленные митинги по всей стране. На фоне всеобщего беззакония происходили масштабные формирования экстремистских сообществ.

Как отмечает Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях экстремистской направленности», при производстве по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности судам необходимо обеспечивать как охрану публичных интересов, так и осуществлять защиту прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией РФ².

Если говорить о нашем регионе, то в Иркутской области судебная практика по делам о преступлениях экстремистской направленности не столь обширна, как, например, в центральных регионах России. Данный факт обусловлен национальными особенностями местного населения, а также тем, что Иркутская область не граничит с пронацистскими странами. Для расследования преступлений, связанных с экстремизмом, в аппарате Главного Управления МВД России по Иркутской области функционирует подразделение по борьбе с экстремизмом с небольшим штатным составом. Однако, данного количества сотрудников хватает как для целей выявления, раскрытия преступлений, связанных с экстремизмом, так и для профилактических мероприятий, направленных на формирование достаточных знаний у населения в данной области, а также на развитие гражданской позиции у граждан касательно обнаружения и сообщения в компетентные органы о противоправной экстремистской деятельности. В связи с этим, формирование экстремистских сообществ на данном этапе существования Иркутской области является крайне трудно осуществимой задачей. В целом, политика государства и исторически сложившаяся позиция граждан

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 23.10.2023).

Российской Федерации в отношении экстремизма являются объяснением малочисленной судебной практики по уголовным делам на территории всей страны.

Вообще экстремизм (от лат. *extremus* – крайний, чрезмерный) можно трактовать как процесс приверженности крайним взглядам и методам действий.

В настоящее время наше государство предпринимает самые разнообразные действия, направленные на профилактику и предупреждение экстремизма, особенно в сети Интернет [7, с. 576]. Субъектами профилактики используются различные методы и средства, способные оказать эффективное противодействие экстремистским проявлениям. Одним из таких средств выступает использование уголовно-правового потенциала действующего уголовного закона³. Кроме того, широко используются методы административного характера⁴ (на практике широко применяются правовые предписания, касающиеся административных правонарушений экстремистского характера) [8, с. 239].

Вместе с тем меры административного характера не всегда оказываются эффективными на практике. Кроме того, в соответствии с данными официальной судебной статистики, в 2022 году наблюдалось снижение количества дел об административных правонарушениях, рассмотренных в суде⁵. Источники указывают, что в 2022 году административных правонарушений зафиксировано на 18 % меньше, чем в предыдущий 2021 год. Эксперты также отмечают немалое количество составов административных правонарушений, по которым в 2022 г. произошло увеличение количества дел. К таким составам, в частности, относится ст. 6.11 КоАП РФ («Занятие проституцией»): в 2022 г. было рассмотрено на 20% больше дел по сравнению с 2021 г. (4 510 против 3 609 дел). Рост проституции исследователи, как правило, связывают с проблемами в идеологической и духовно-нравственной сферах общества, усилением безработицы, экономическим кризисом, кризисом семейной сферы, деградацией общественной системы социального контроля⁶.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : текст с изменениями и дополнениями на 24 сентября 2022 года : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.10.2022). Режим доступа: свободный.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : КоАП : текст с изм. и доп. на 9 марта 2022 года : принят Государственной Думой 20 декабря 2001 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&n=377937&base=LAW&from=430599-0&rnd=EUIZvOT6HR5i1rO3#A3IzvOT8KQNoC27P> (дата обращения: 20.03.2022). Режим доступа: свободный.

⁵ В 2022 г. снизилось количество наказанных за административные правонарушения // Адвокатская газета: сайт. URL: <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/v-2022-g-snizilos-kolichestvo-nakazannykh-za-administrativnye-pravonarusheniya/?ysclid=lnffkhbsgj786321306> (дата обращения: 09.10.2023).

⁶ В 2022 г. снизилось количество наказанных за административные правонарушения // Адвокатская газета: сайт. URL: <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/v-2022-g-snizilos-kolichestvo-nakazannykh-za-administrativnye-pravonarusheniya/?ysclid=lnffkhbsgj786321306>

В этой связи можно констатировать, что в современный период меры административной ответственности используются как средство борьбы с различными правонарушениями, в том числе экстремистского характера. Одним из таких средств выступает статья 20.29 КоАП РФ «Производство и распространение экстремистских материалов». Данная статья предусматривает административную ответственность, в том числе, за хранение экстремистских материалов.

Учитывая широкомасштабное распространение экстремистской идеологии в современном мире, становятся актуальными направления противодействия данному деструктивному феномену. В решении выявленной проблемы заинтересованы все цивилизованные государства. Российская Федерация не стала исключением.

Подчеркнем, что в настоящее время наблюдается рост количества экстремистских материалов в Интернете. При этом статья 20.29 КоАП РФ, которая предусматривает ответственность за хранение материалов, не всегда эффективно справляется с задачей пресечения и предотвращения экстремистской деятельности. В связи с этим, на наш взгляд, возникла объективная необходимость в криминализации данного действия, т.е. в «переносе» данной статьи из административного закона в закон уголовный и ужесточении наказания для лиц, хранящих экстремистские материалы.

В настоящее время диспозиция ст. 20.29 КоАП РФ сформулирована таким образом, что преследование лиц, хранящих экстремистский материал, осуществляется исключительно по факту его распространения или публичного демонстрирования. Это означает, что если такой материал находится только в личном пользовании человека, то он не подпадает под ответственность по этой статье.

Такая формулировка диспозиции статьи создает реальные проблемы для правоприменителя, ведь многие экстремистские материалы широко распространяются через Интернет и социальные сети. Большое количество людей может иметь доступ к таким материалам без намерения их распространять или демонстрировать публично. Кроме того, статья 20.29 КоАП РФ предусматривает лишь административное наказание – штраф или административный арест до 15 суток. На наш взгляд, такое наказание не соответствует серьезности совершенного правонарушения, связанного с хранением экстремистских материалов. В случае криминализации такого действия, как хранение экстремистских материалов, в Уголовном кодексе РФ за аналогичные действия можно было бы предусмотреть более строгие виды наказаний, включая лишение свободы.

В свете вышеизложенного возникает объективная необходимость в криминализации хранения экстремистских материалов и привлечении лиц, хранящих экстремистский материал, к уголовной ответственности. По нашему мнению, это позволит обеспечить более эффективную борьбу с экстремизмом и обеспечить более эффективную охрану общественного порядка, а также позволит ужесточить наказание для нарушителей установленного запрета.

При этом для того, чтобы привлекать лиц, хранящих экстремистские материалы, к уголовной ответственности, необходимо обозначить, что именно относится к

террористским материалам. В научной литературе отмечается, что в такой список могут быть включены следующие категории материалов [9, с. 67] (таблица 1).

Таблица 1.
Категории экстремистских материалов

- различные публикации, статьи в периодических изданиях, социальных сетях, отдельные текстовые произведения, имеющие заголовок, единый замысел, идею.
- запрещённые ресурсы, сайты, страницы в социальных сетях.
- книги.
- рисунки, фотографии, карикатуры, «демотиваторы».
- аудио-, кино-, видеоматериалы.

Помимо того, что для правоприменительной деятельности важно определение термина «экстремистские материалы», для практики также важное значение имеет определение экстремистского мотива как определенного собирательного термина, который в обязательном порядке должен в себя включать нетерпимость общей направленности, ненависть, либо вражду.

Мотив в данном случае не является ни конструктивным, ни квалифицирующим (т. к. в данном случае может быть и корыстный мотив), особую роль в процессе квалификации преступного деяния, как экстремистского, соответственно, совершенного по экстремистскому мотиву, составляет конкретный определенный объект посягательства в виде государственного и конституционного строя.

Необходимость «переноса» статьи 20.29 КоАП РФ в Уголовный кодекс и закрепления возможности привлечения лиц, хранящих экстремистские материалы, к уголовной ответственности объясняется также следующим.

Статья 20.29 КоАП РФ, которая регулирует ответственность за хранение и распространение экстремистской литературы и материалов, является, на наш взгляд, одной из важнейших правовых норм, применяемых для борьбы с экстремизмом в Российской Федерации. Однако, несмотря на серьезность этой проблемы, наличие данной статьи только в административном законодательстве ограничивает возможности правоприменительных органов в борьбе с этим правонарушением.

Криминализация деяния, связанного с хранением экстремистских материалов, имела бы ряд значительных преимуществ. Во-первых, это позволило бы рассматривать факты хранения и распространении экстремистских материалов как преступления, что повысило бы уровень защищенности общества от негативного воздействия подобных деяний и помогло бы эффективнее бороться с этой проблемой.

Во-вторых, ужесточение ответственности обеспечило бы возможность применения более серьезных мер наказания к лицам, хранящим экстремистские материалы. Административные штрафы, которые предусмотрены статьей 20.29 КоАП РФ, часто оказываются недостаточными для создания должного эффекта от привлечения правонарушителей к ответственности.

Кроме того, данный «перенос» будет способствовать более эффективной деятельности правоприменителя. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) предоставляет более широкие возможности для проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. В этой связи криминализация деяния, связанного с хранением экстремистских материалов, позволит более эффективно пресекать хранение экстремистской литературы и символики. Таким образом, «перенос» статьи 20.29 КоАП РФ поможет повысить эффективность работы правоохранительных органов и обеспечить безопасность общества.

Подводя итоги нашего исследования, посвященного вопросам обсуждения необходимости криминализации хранения экстремистских материалов, можно сделать следующие выводы.

В настоящее время проблема распространения экстремизма в нашем обществе актуальна как никогда. На это обращают внимание многие отечественные и зарубежные ученые и специалисты [10, с. 196]. Связано это с тем, что экстремизм тесным образом переплетается со многими сферами социальной жизни и особенно разрушителен для представителей молодого поколения. Кроме того, правоприменительная практика и данные официальной статистики свидетельствуют о том, что экстремизм распространен среди мигрантов. В этой связи в научной литературе обоснованно подчеркивается, что вопросы миграции тесным образом переплетаются с угрозой экстремизма и терроризма. В свете вышесказанного целесообразным представляется совершенствовать применяемые методы профилактики и предупреждения действий экстремистской направленности, в том числе связанных с хранением экстремистских материалов.

Трактовка понятия экстремистской деятельности отражена в Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁷. Так или иначе, на сегодняшний день к данному понятию у современных ученых и специалистов в области уголовного права очень много вопросов, в связи с чем необходимо проводить дальнейшие исследования в этой области.

Что касается причин формирования экстремистских сообществ, то в данном случае всему виной социальная дезориентация определенной доли граждан (а именно молодежи). Также к таким причинам относят нахождение общества в сложной социально-экономической обстановке, неэффективность правовой системы и отсутствие должного уровня образования. Экстремистские сообщества все чаще проявляют интерес к деятельности в политической, экономической, социальной, религиозной и других сферах общественной жизни. Экстремизм – наиболее острая проблема современного общества, ставящей под угрозу международную безопасность.

На наш взгляд, «перенос» статьи 20.29 КоАП РФ в УК РФ позволит привлекать лиц, хранящих экстремистские материалы, к более серьезным наказаниям и обеспечит эффективное расследование таких преступлений.

⁷ О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лайкова, Е. А., Бурзанов, Ю. Л. Реализация уголовной политики в сфере противодействия экстремизму и терроризму // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (18). С. 117–126.
2. Сидорова, Е. З. Экстремизм и терроризм: история и современность // Век качества. 2022. № 1. С. 163–181.
3. Sidorova, E. Z., Tarubarov, V. V., Okruzhko, V. Y., Vasiliev, A. M., Pelevin, S. I. Safety issues of the Russian educational system // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2020. Vol. 11. № 1. Pp. 187–195.
4. Шульгина, В. А. Однополые браки в России и зарубежных странах: статус и перспективы легализации // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 3 (20). С. 84–91.
5. Куроцкий, В. М. Некоторые аспекты уголовно-правового анализа преступлений экстремистской направленности, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2023. № 3. С. 205–208.
6. Сидорова, Е. З. Экстремизм и терроризм в образовательной среде как угроза криминологической безопасности системы образования // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 4. С. 64–71.
7. Сурина, А. А. Подростковый экстремизм в интернете // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 12. С. 576–579.
8. Рогова, Е. В. Дифференциация уголовной ответственности: нравственные основы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1(104). С. 238–245.
9. Агамиров, К. В. Правовые вопросы формирования федерального списка экстремистских материалов: теоретические и практические аспекты // Образование и право. 2022. № 9. С. 65–70.
10. Таков, А. З. Распространение экстремистской идеологии в сети интернет: проблемы обнаружения и меры противодействия // Журнал прикладных исследований. 2022. № 2. С. 196–199.

REFERENCES

1. Laikova E.A., Burzanov Yu.L. Realizacija ugolovnoj politiki v sfere protivodejstvija jekstremizmu i terrorizmu [Implementation of criminal policy in the field of countering extremism and terrorism]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 4 (18), pp. 117–126.
2. Sidorova E.Z. Jekstremizm i terrorizm: istorija i sovremennost' [Extremism and terrorism: history and modernity]. Vek kachestva – Century of Quality. 2022, no. 1, pp. 163–181.
3. Sidorova E. Z., Tarubarov V. V., Okruzhko V. Y., Vasiliev A.M., Pelevin S. I. Safety issues of the Russian educational system. Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2020, vol. 11, no. 1, pp. 187–195.
4. Shulgina V.A. Odnopolye braki v Rossii i zarubezhnyh stranah: status i perspektivy legalizacii [Same-sex marriages in Russia and foreign countries: status and prospects of

legalization]. Ural'skij zhurnal pravovyh issledovanij – Ural Journal of Legal Studies. 2022, no. 3 (20), pp. 84–91.

5. Kurovsky V. M. Nekotorye aspeky ugolovno-pravovogo analiza prestuplenij jekstremistskoj napravленности, sovershaemyh inostrannymi grazhdanami i licami bez grazhdanstva [Some aspects of the criminal law analysis of extremist crimes committed by foreign citizens and stateless persons]. Vestnik Permskogo instituta Federal'noj sluzhby ispolnenija nakazanij – Vestnik of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service. 2023, no. 3, pp. 205–208.

6. Sidorova E.Z. Jekstremizm i terrorizm v obrazovatel'noj srede kak ugroza kriminologicheskoy bez-opasnosti sistemy obrazovanija [Extremism and terrorism in the educational environment as a threat to criminological security of the education system]. Juridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta –Legal Bulletin of the Kuban State University. 2021, no. 4, pp. 64—71.

7. Surina A. A. Podrostkovyj jekstremizm v internete [Teenage extremism on the Internet]. Voprosy ustojchivogo razvitiija obshhestva – Issues of sustainable development of society. 2021, no. 12, pp. 576—579.

8. Rogova E. V. Differenciacija ugolovnoj otvetstvennosti: nravstvennye osnovy [Differentiation of criminal responsibility: moral foundations]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 1(104), pp. 238—245.

9. Agamirov K.V. Pravovye voprosy formirovaniya federal'nogo spiska jekstremistskih materialov: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [Legal issues of forming a federal list of extremist materials: theoretical and practical aspects]. Obrazovanie i pravo – Education and Law. 2022, no. 9, pp. 65–70.

10. Takov A.Z. Rasprostranenie jekstremistskoj ideologii v seti internet: problemy obnaruzhenija i mery protivodejstvija [The spread of extremist ideology on the Internet: problems of detection and counteraction measures]. Zhurnal prikladnyh issledovanij – Journal of Applied Research. 2022, no. 2, pp. 196–199.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куровский Владимир Михайлович, асистент аспирантуры Восточно-Сибирского института МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0009-0003-4520-1762

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kurovsky Vladimir Mikhaylovich, adjunct of the Department of Criminal Law and Criminology. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 664074, Russia, Irkutsk, st. Lermontova, d. 110.

ORCID: 0009-0003-4520-1762

Статья поступила в редакцию 10.10.2023; одобрена после рецензирования 17.09.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 10.10.2023; approved after reviewing 17.10.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107) С. 190–202.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023.
Vol. No 4 (107). p. 190–202.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 340.67, 343.983.4

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.70.73.017

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА НАРКОТИЧЕСКОГО СРЕДСТВА d-ЛИЗЕРГИД (ЛСД, ЛСД-25) НА БУМАЖНЫХ НОСИТЕЛЯХ

Лебеденко Сергей Евгеньевич¹, Заер Евгения Валерьевна²

¹ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, lebedenko@list.ru

² Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю, Барнаул, Россия, djinazr@mail.ru

Введение. Статья посвящена проблематике установления количественного содержания наркотического средства d-лизергид (ЛСД, ЛСД-25), распространяемого на бумажных носителях, при производстве экспертных исследований, а также определения размеров указанного психоактивного вещества при рассмотрении в судах уголовных дел, связанных с его незаконным оборотом. Авторами описано и проанализировано современное состояние нормативной и методической баз, лежащих в основе производства экспертиз, в рамках которых проводится исследование основной готовой формы распространения ЛСД, и практики судов различных инстанций по уголовным делам о незаконном обороте последнего. По результатам проведенного анализа предложены меры по устранению выявленных противоречий в подходах к определению размеров ЛСД и совершенствованию законодательства в сфере контроля за оборотом наркотиков.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования составили международные договоры Российской Федерации, законодательные и иные нормативно-правовые акты в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, акты официального толкования права в указанной области. Эмпирической базой исследования явились тексты решений судов Российской Федерации, размещенные в открытом доступе. При проведении исследования использовались общенаучные (наблюдение, описание) и общелогические (анализ, синтез, индукция, аналогия) методы познания.

Результаты исследования позволили определить причины невозможности количественного определения наркотического средства d-лизергид (ЛСД, ЛСД-25) на бумажных носителях в существующих условиях нормативного, методического и материального обеспечения судебно-экспертной деятельности, а также следствия этого явления в виде существования различных подходов судов Российской Федерации к определению размеров указанного наркотического средства.

Выводы и заключения. Оптимальным путем преодоления проблемы определения количества наркотического средства d-лизергид (ЛСД, ЛСД-25) на бумажных носителях является совершенствование действующих нормативно-правовых актов в сфере установления мер контроля в отношении наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Предложено дополнить список I «Значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹ примечанием, предписывающим способ определения массы наркотических средств и психотропных веществ, изымаемых из незаконного оборота на бумажных носителях.

Ключевые слова: d-лизергид (ЛСД, ЛСД-25), «марка», количественное определение, размеры наркотических средств и психотропных веществ, экстракция, сухой остаток, экспертиза наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Для цитирования: Лебеденко С. Е., Заер Е. В. Проблемные вопросы определения количества наркотического средства d-лизергид (ЛСД, ЛСД-25) на бумажных носителях // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журнал. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 190–202.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.70.73.017

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

PROBLEMATIC ISSUES OF DETERMINING THE QUANTITY OF THE NARCOTIC DRUG d-LYSERGIDE (LSD, LSD-25) ON HARD COPIES

Sergey E. Lebedenko¹, Evgeniya V. Zaer²

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, lebedenko@list.ru

²Forensic Expert Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory, Barnaul, Russian Federation, djinazr@mail.ru

Introduction: The article is devoted to the problem of establishing the quantitative content of the narcotic drug d-lysergide (LSD, LSD-25), distributed on paper, during the production of expert examinations, as well as determining the size of the said psychoactive substance when considering criminal cases related to its illicit trafficking in courts. The authors describe and analyse the current state of normative and methodological bases

¹ Значительный, крупный и особо крупный размеры наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 01.10.2010 № 1002 (в ред. постановления Правительства Российской Федерации от 10.07.2023 № 1134). КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.08.2023). Режим доступа: по подписке.

underlying the production of expert examinations, which investigate the main ready-made form of LSD distribution, and the practice of courts of various instances in criminal cases involving illicit trafficking in the latter. Based on the results of the analysis, measures have been proposed to eliminate the identified contradictions in approaches to LSD sizing and to improve legislation in the area of drug trafficking control.

Materials and Methods: the normative basis of the study was formed by international treaties of the Russian Federation, legislative and other normative-legal acts in the sphere of counteraction to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, acts of official interpretation of law in this area. The empirical basis of the study was the texts of decisions of the courts of the Russian Federation, placed in the public domain. The research used general scientific (observation, description) and general logical (analysis, synthesis, induction, analogy) methods of cognition.

The Results of the Study: allowed us to determine the reasons for the impossibility of quantifying the narcotic drug d-lysergide (LSD, LSD-25) on paper carriers in the existing conditions of normative, methodological and material ensuring of forensic expert activity, as well as the consequences of this phenomenon in the form of the existence of various approaches of the courts of the Russian Federation to determine the size of the drug.

Findings and Conclusions: The optimal way to overcome the problem of determining the quantity of the narcotic drug d-lysergide (LSD, LSD-25) on paper and its corresponding size is to improve the current regulatory and legal acts in the area of establishing control measures in respect of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors. It is proposed to supplement list I "Significant, large and especially large sizes of narcotic drugs and psychotropic substances for the purposes of articles 228, 228.1, 229 and 229.1 of the Criminal Code of the Russian Federation" with a note prescribing a method for determining the mass of narcotic drugs and psychotropic substances seized from illicit trafficking in hard copy.

Keywords: d-lysergide (LSD, LSD-25), "mark", quantification, size of narcotic drugs and psychotropic substances, extraction, dry residue, expertise of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors.

For citation: Lebedenko S. E., Zaer E. V. Problemnye voprosy opredeleniya kolichestva narkoticheskogo sredstva d-lizergid (LSD, LSD-25) na bumazhnyh nositelyah [Problematic issues of determining the amount of narcotic drug d-lysergide (LSD, LSD-25) on paper carriers]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, vol. no. 4 (107), pp. 190–202 (in Russ.)

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.70.73.017

В настоящее время в России на нелегальном рынке психоактивной продукции наблюдается рост предложения различных готовых к употреблению форм диэтиламида лизергиновой кислоты (d-лизергид, ЛСД, ЛСД-25), с одновременным падением их цены, о чем свидетельствуют опубликованные данные сервиса «АИПСИН Мониторинг» [1, с. 25]. Такая ситуация в перспективе может повлечь за собой еще большее обострение проблемы, которая длительное время обсуждается в среде следователей, расследующих преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, и экспертов, проводящих исследования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых

веществ, и связана с определением массы (количественного содержания) наркотических средств, готовые к употреблению формы которых представляют собой так называемые «марки» (блоттеры) – фрагменты бумаги или картона (на которые зачастую нанесен многоцветный рисунок), пропитанные раствором действующего вещества (рис. 1–2). «Марки» являются наиболее распространенной готовой к употреблению формой ЛСД [2, с. 2], наряду с микродотами – таблетированными формами, имеющими размер до 2 мм в диаметре.

Рис. 1. Отдельные «марки», изъятые из незаконного оборота

Рис. 2. Листы бумаги, разделенные перфорацией на «марки», изъятые из незаконного оборота

История распространения одного из самых известных галлюциногенов берет свое начало в 30–40-х годах прошлого века. Диэтиламид лизергиновой кислоты был синтезирован в 1938 году швейцарским химиком Альбертом Хоффманом, который позднее описал влияние этого вещества на организм и сознание человека по результатам опытов, поставленных над самим собой. Тогда же появилась и аббревиатура LSD (ЛСД в русской транскрипции) от сокращенного наименования этого соединения на немецком языке – «Lysergsäure Diäthylamid». Обозначение LSD-25 (ЛСД-25) возникло вследствие того, что диэтиламид лизергиновой кислоты был двадцать пятым синтезированным Хоффманом производным лизергиновой кислоты и

именно так назывался в его отчетах [3, с. 2331]. Длительное время проводились клинические исследования ЛСД с целью выявления возможных областей его применения в медицине, выпускались препараты, содержащие тартрат ЛСД, которые использовались в психиатрии [4, с. 141]. Однако в середине 1960-х годов бесконтрольное распространение ЛСД, в основном на территории США, привело к формированию достаточно широкой прослойки его потребителей, что повлекло запрет его оборота во всех странах-участницах Организации Объединенных Наций².

Суть ранее обозначенной нами проблемы заключается в существовании различных подходов к отнесению готовых к употреблению форм психоактивных веществ в виде «марок» к контролируемым субстанциям. Как известно, отнесение веществ и препаратов к наркотическим средствам и психотропным веществам производится в соответствии с Перечнем наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров³. ЛСД наряду с иными веществами включен в список I указанного Перечня и отнесен к наркотическим средствам, оборот которых в Российской Федерации запрещен. Вместе с тем список I содержит уточняющую позицию, которая распространяет меры контроля на существенно более широкий спектр объектов, нежели простой перечень субстанций, непосредственно включенных в этот список, куда входят: «все смеси, в состав которых входят наркотические средства и психотропные вещества данного списка, независимо от их количества». Исходя из наличия такой уточняющей позиции, на стадии предварительного расследования размер наркотического средства зачастую определяется с учетом всей массы «марки» с нанесенным на нее ЛСД, вследствие отнесения такого объекта к смеси, содержащей наркотическое средство, включенное в список I.

Этот подход в некоторой степени подкрепляется и положениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации: «Если наркотическое средство или психотропное вещество, включенное в список I (или в списки II и III, если средство, вещество выделено сноской), входит в состав смеси (препарата), содержащей одно наркотическое средство или психотропное вещество, его размер определяется весом всей смеси»⁴, что находит свое отражение в судебной практике. С учетом чрезвычайно низких пределов значительного, крупного и особо крупного размеров ЛСД, составляющих 0,0001 грамма, 0,005 грамма и 0,1 грамма соответственно⁵, деяния

² Конвенция о психотропных веществах ООН. Заключена в Вене 21.02.1971. // URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1971_en.pdf (дата обращения: 10.08.2023). Режим доступа: свободный.

³ Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 30.06.1998 № 681 (в ред. постановления Правительства Российской Федерации от 10.07.2023 № 1134). // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.08.2023). Режим доступа: по подписке.

⁴ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 (в ред. от 16.05.2017) // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.08.2023). Режим доступа: по подписке.

⁵ Значительный, крупный и особо крупный размеры наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса

обвиняемых в таком случае квалифицируются как тяжкие или особо тяжкие преступления.

К примеру, в апелляционном определении Верховного суда Республики Карелия указано, что гражданин А. был признан виновным в хранении без цели сбыта⁶, помимо иных наркотических средств, «отрезков листов бумаги, содержащих наркотическое средство ЛСД массой 0,15 гр.», то есть в хранении наркотических средств без цели сбыта в особо крупном размере. Приговор суда первой инстанции в отношении А. в указанной части был оставлен без изменения.

Также апелляционным определением Первого апелляционного суда общей юрисдикции оставлен без изменения приговор и в отношении гражданина Ю.⁷, осужденного за «совершение контрабанды наркотических средств – d-Лизергид (ЛСД, ЛСД-25) общей массой 19,47 грамма», а также сбыт и покушение на сбыт этих наркотических средств в особо крупном размере. Как следует из апелляционного определения, контролируемое вещество было нанесено на муляжи купюр номиналом 100 долларов США общей массой 19,47 грамма, которые Ю. получил в почтовом отправлении из Польши, при этом один из муляжей Ю. разрезал на фрагменты и часть из них успел сбыть.

В каждом из приведенных примеров следственные органы, суды первой и второй инстанции определяли размер наркотического средства, исходя из общей массы бумажной матрицы и нанесенного на нее психоактивного вещества. Однако такой подход диаметрально противоположен существующему в среде экспертов, проводящих в органах внутренних дел исследования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ. С естественнонаучной точки зрения фрагмент бумаги («марка») массой около 0,05-0,10 грамма с нанесенным на него веществом в количестве 0,000020-0,000200 грамма [5, с. 7; 6 с. 546] представляет собой готовое изделие, предмет-носитель, который фактически не смешивается с действующим веществом, в связи с чем имеющиеся методические рекомендации по исследованию ЛСД [7, с. 3; 8, с. 21] предусматривают определение его количественного содержания на бумажных носителях методом высокоэффективной жидкостной хроматографии по результатам абсолютной калибровки. Актуальность такого подхода подтверждается ответами ЭКЦ МВД России на запросы территориальных органов внутренних дел. Необходимость количественного определения ЛСД отмечается в зарубежных источниках в области экспертизы наркотических средств [9, с. 1; 10, с. 512], обязательным такой подход является и в судебных системах иностранных государств [11, с. 75].

Российской Федерации: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 01.10.2010 № 1002 (в ред. постановления Правительства Российской Федерации от 10.07.2023 № 1134) // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.08.2023). Режим доступа: по подписке.

⁶ Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия № 22-772/2023 от 15 мая 2023 г. по делу № 22-772/2023 // Судебные Решения Российской Федерации : сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/75706418> (дата обращения: 09.08.2023). Режим доступа: свободный.

⁷ Апелляционное определение № 55-79/2023 от 23 марта 2023 г. по делу № 55-79/2023 // Судебные Решения Российской Федерации : сайт. URL: <https://Судебные Решения Российской Федерации /73547979> (дата обращения: 09.08.2023). Режим доступа: свободный.

В то же время на территории Российской Федерации не производятся государственные стандартные образцы ЛСД, использование которых необходимо для установления количественного содержания данного наркотического средства описанным выше методом, также не ввозятся они и из иностранных государств. Отсутствие стандартных образцов ЛСД практически исключает возможность определения количества данного наркотического средства на каких-либо носителях в рамках экспертного исследования. Приведенные обстоятельства вынуждают экспертов при производстве экспертиз и исследований «марок», содержащих ЛСД, констатировать невозможность ответа на вопрос о массе (количестве) наркотического средства, ограничиваясь определением всей массы исследуемых фрагментов бумаги.

Как один из возможных вариантов преодоления таких затруднений используется альтернативный способ определения массы наркотического средства, аналогичный применяемому к маслу каннабиса (гашеному маслу), находящемуся в смеси с табаком [12, с. 20]. Он заключается в экстракции наркотического средства с матрицы (в случае масла каннабиса – гашеного масла с частиц табака, а применительно к ЛСД – с бумажного носителя) селективным растворителем с последующим высушиванием полученного экстракта до постоянной массы.

Описанный способ не лишен недостатков. Так, если для масла каннабиса (гашеного масла) методическими рекомендациями предусмотрена экстракция с табака неполярным растворителем – гексаном, извлекающим малое количество соэкстрактивных веществ из растительной матрицы, то в случае извлечения ЛСД с «марок» наилучшие результаты могут быть достигнуты при использовании смеси метанола с дистиллированной водой в соотношении 1:1 [13, с. 125], экстракцию при этом следует производить под действием ультразвука не менее 20 минут. В приведенных условиях смесь таких универсальных растворителей, помимо целевого компонента, неизбежно будет извлекать из бумаги и с ее поверхности значительные количества сопутствующих веществ, таких как красители, оптические отбеливатели, компоненты проклейки бумаги, которые при дальнейшем высушивании экстракта значительно увеличат массу его сухого остатка. То есть полученные таким способом значения масс с теоретической точки зрения не должны рассматриваться как соответствующие массам ЛСД, нанесенного на исследуемые марки.

Рассмотренный выше способ определения массы, а соответственно, и размера ЛСД, нанесенного на бумажные носители, находит все более широкое применение в расследовании фактов незаконного оборота этого наркотического средства, а следовательно, и в практике судов различных инстанций.

Так, гражданин П. на сайте интернет-магазина «Астрал» заказал для собственного потребления 100 марок, содержащих ЛСД, оплатив покупку криптовалютой. После получения заказа в почтовом отделении П. был задержан сотрудниками полиции. Из результатов проведенного исследования и экспертизы следует, что на поверхности «фрагмента бумаги массой 1,415 грамма содержится наркотическое средство -d-Лизергид (ЛСД, ЛСД-25). Масса наркотического средства в

высущенном (до постоянного значения) виде составила 0,010 грамма». Суд признал П. виновным в хранении наркотических средств в крупном размере без цели сбыта⁸.

Схожие обстоятельства описаны и в другом судебном решении. В марте 2023 г. в городе Шарья гражданин Ч. получил в почтовом отделении заказанное им через интернет-сайт «MEGA» наркотическое средство, после чего был задержан сотрудниками ГНК МО МВД России «Шарьинский». В ходе личного досмотра в куртке Ч. был обнаружен полимерный конверт, в котором со слов Ч. находилось наркотическое средство «марки» LSD. В результате проведенной экспертизы установлено, что в конверте находился перфорированный лист бумаги, на поверхности которого имелось наркотическое средство – смесь, содержащая d-лизергид (ЛСД, ЛСД-25). Масса сухого остатка экстракта указанной смеси на момент проведения экспертизы составила 0,0002 грамма. Приговором Шарьинского районного суда Костромской области гражданин Ч. был признан виновным в хранении наркотических средств в значительном размере без цели сбыта⁹.

Законность таких решений судов первой инстанции находит свое подтверждение в судах вышестоящих инстанций. Так, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Республики Дагестан в своем апелляционном определении оставила без изменений приговор в отношении гражданина А. в части признания последнего виновным в незаконном приобретении наркотических средств в крупном размере. В ходе рассмотрения дела судебная коллегия решила, что при вынесении приговора суд первой инстанции верно определил размер наркотического средства в соответствии с результатами судебной экспертизы, согласно которым «общая масса сухих остатков экстрактов вещества, полученных путем экстракции с поверхностей отрезков бумаги, общей массой 0,42 гр., изъятых у (гражданина А.), составила 0,0036 гр., всего с учетом ранее израсходованных фрагментов бумаги – 0,0067 гр.»¹⁰.

В общем случае определение массы сухого остатка экстракта с «марок» не проводится в ходе первичной экспертизы, для ее установления назначаются дополнительные или повторные экспертизы, при этом перед экспертом ставится вопрос: «Какова масса сухого остатка экстракта (смыва) с представленных на экспертизу фрагментов бумаги, высущенного до постоянной массы?» При наличии такого вопроса в постановлении о назначении экспертизы эксперт обязан провести соответствующие действия по извлечению ЛСД с «марок», высушиванию полученного экстракта и определению массы его сухого остатка.

Однако некоторые суды не считают возможным применение двух описанных выше подходов и в отсутствие возможности определения количества ЛСД, содержащегося на «марках», изъятых у обвиняемых в ходе личного досмотра, обыска

⁸ Приговор № 1-29/2023 от 13 января 2023 г. по делу № 1-29/2023 // Судебные Решения Российской Федерации : сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/73056195> (дата обращения: 08.08.2023). Режим доступа: свободный.

⁹ Приговор № №1-102/2023 от 5 июня 2023 г. по делу № 1-102/2023 // Судебные Решения Российской Федерации : сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/76719366> (дата обращения: 08.08.2023). Режим доступа: свободный.

¹⁰ Апелляционное определение № 22-1420/2022 от 18 августа 2022 г. по делу № 22-1420/2022 // Судебные Решения Российской Федерации : сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/71503509> (дата обращения: 09.08.2023). Режим доступа: свободный.

или иных следственных действий, исключают из обвинения незаконные действия, совершенные с указанными объектами. Зачастую подобные решения влекут за собой переквалификацию деяний обвиняемых из категории тяжких и особо тяжких преступлений в категорию преступлений небольшой и средней тяжести.

В качестве примера такой ситуации можно рассмотреть приговор Ленинского районного суда г. Владивостока. В ходе судебного разбирательства было установлено, что гражданка П. хранила при себе 28 пакетов со смесью, содержащей наркотическое средство – мефедрон (4-метилметкатинон), общей массой 26 граммов и наркотическое средство – d-лизергид (ЛСД, ЛСД-25), содержащееся на 9 фрагментах картона, общей массой девяти фрагментов картона 0,672 грамма. На этапе предварительного расследования квалифицировали действия П. как хранение наркотических средств в особо крупном размере в соответствии с величинами значительного, крупного и особо крупного размеров, предусмотренных для наркотического средства d-лизергид (ЛСД, ЛСД-25). Однако в связи с невозможностью определения точного количества наркотического средства d-лизергид (ЛСД, ЛСД-25), находящегося на изъятых у П. фрагментах картона, суд исключил из обвинения незаконное хранение наркотического средства d-лизергид (ЛСД, ЛСД-25) и квалифицировал действия П. как незаконное хранение без цели сбыта наркотических средств, совершенное в крупном размере в соответствии с размером обнаруженной при ней смеси, содержащей наркотическое средство – мефедрон (4-метилметкатинон)¹¹.

В другом случае Богучарский районный суд Воронежской области рассматривал уголовное дело в отношении гражданина И., который по результатам предварительного расследования обвинялся в незаконном приобретении, хранении без цели сбыта наркотических средств в значительном размере – таблеток, содержащих в своем составе наркотические средства метамфетамин и МДМА (d, L-3,4-метилендиокси-N-альфа-диметил-фенил-этиламин), общей массой 2,05 грамма, и в особо крупном размере – фрагмента бумаги массой 0,12 грамма, на котором содержится наркотическое средство d-лизергид (ЛСД, ЛСД-25). При этом в заключении эксперта была констатирована невозможность определения количественного содержания ЛСД на фрагменте бумаги, аналогичные сведения были получены в ответ на запросы, направленные в ведущие государственные судебно-экспертные организации – ЭКЦ МВД России и от РФЦСЭ при Минюсте России. На этом основании суд постановил «исключить из обвинения И. указание на незаконное приобретение и незаконное хранение наркотического средства – d-Лизергид (ЛСД, ЛСД-25)», квалифицировав его деяния как незаконное хранение наркотических средств без цели сбыта в значительном размере¹².

Можно констатировать, что в настоящее время имеется весьма неоднородная как экспертная, так и судебная практика в отношении ЛСД, нанесенного на бумажные носители («марки»), что обусловлено как неоднозначно трактуемой нормативно-

¹¹ Приговор № 1-164/2023 от 14 апреля 2023 г. по делу № 1-164/2023 // Судебные Решения Российской Федерации : сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/72233875> (дата обращения: 08.08.2023). Режим доступа: свободный.

¹² Приговор № 1-16/2020 от 29 января 2020 г. по делу № 1-16/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Z15dx5jveeJv> (дата обращения: 08.08.2023). Режим доступа: свободный.

правовой базой, так и отсутствием возможности количественного определения ЛСД в экспертных организациях.

На наш взгляд, оптимальным выходом из сложившейся ситуации является совершенствование законодательства в части определения размеров наркотических средств, нанесенных на бумажные носители. Очевидно, что бумажная матрица «марок» не предназначена для непосредственного употребления и служит лишь «средством доставки» психоактивного вещества в организм потребителя так же, как и вода в случае наркотических средств и психотропных веществ, применяющихся в форме растворов, оборот которых на территории Российской Федерации запрещен. В последнем случае согласно примечанию к списку I «Значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» количество наркотического средства или психотропного вещества будет определяться массой сухого остатка после высушивания до постоянной массы при температуре от +70 до +110 градусов Цельсия. Высушивание до постоянной массы растворов таких веществ нацелено на исключение из значения массы контролируемой субстанции, на основе которого будет производиться квалификация деяния, нейтральной матрицы в виде воды или другого растворителя.

В свете наличия такого положения и в некоторой степени сформировавшейся судебной практики, рассмотренной нами ранее, представляется целесообразным закрепление в аналогичном по смыслу примечании к списку I одного из описанных выше подходов к определению массы ЛСД на бумажных носителях: экстракция действующего вещества растворителем с последующим упариванием полученного экстракта и определением постоянной массы его сухого остатка. Указанное примечание к списку I «Значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» предлагается изложить в следующей редакции: *«Для наркотических средств и психотропных веществ, перечисленных в списке I, нанесенных на бумажные носители, их количество определяется массой сухого остатка экстракта, полученного путем извлечения (экстракции) наркотического средства или психотропного вещества с носителя водой или(и) органическими растворителями, после высушивания до постоянной массы при температуре +70 ... +110 градусов Цельсия».*

Наличие такого примечания позволит ведущим государственным судебно-экспертным учреждениям служб и ведомств, осуществляющим методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности в сфере исследования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ, разработать новые и усовершенствовать существующие методики и методические рекомендации по экспертному исследованию ЛСД на бумажных носителях в части установления его массы или массы смеси, его содержащей, определив формулировки необходимых для этого вопросов и соответствующих им выводов, а также порядок и последовательность действий эксперта, обеспечивающие получение достоверного результата.

В перспективе действие этой нормы права позволит обеспечить единообразие экспертной практики в части определения массы не только ЛСД, но и других наркотических средств, распространяемых на бумажных носителях, что позволит

судам при рассмотрении уголовных дел, связанных с незаконным оборотом подобных контролируемых веществ, определять размер наркотического средства и, соответственно, квалифицировать деяния обвиняемых, в рамках единого подхода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Yurchenko, R., Pavlovets, Yu., Piatsetskaya A. The current state of the market for psychoactive products. Trends and threats. (presentation of the report at the conference in Russian) // Доклад на Международной научно-практической конференции «Современные аспекты химико-токсикологического и судебно-химического анализа». Москва: Институт физической химии и электрохимии им. А. Н. Фрумкина РАН (ИФХЭ РАН), Ассоциация специалистов по химико-токсикологическому и судебно-химическому анализу (ACTFCAS), 2023. DOI: 10.13140/RG.2.2.28273.25449. URL: https://www.researchgate.net/publication/371439377_The_current_state_of_the_market_for_psychotropic_products_Trends_and_threats_presentation_of_the_report_at_the_conference_in_Russian (дата обращения: 08.08.2023). Режим доступа: свободный.
2. Tsochatzis, E., Lopes, J., Reniero, F. et al. Identification of 1-Butyl-Lysergic Acid Diethylamide (1B-LSD) in Seized Blotter Paper Using an Integrated Workflow of Analytical Techniques and Chemo-Informatics // Molecules. 2020; 25(3):712. <https://doi.org/10.3390/molecules25030712>.
3. Nichols, D. E. Dark Classics in Chemical Neuroscience: Lysergic Acid Diethylamide (LSD) // ACS chemical neuroscience. 2018, vol. 9, no. 10, pp. 2331-2343. <https://doi.org/10.1021/acschemneuro.8b00043>.
4. Веселовская, Н. В., Коваленко, А. Е. Наркотики: свойства, действие, фармакокинетика, метаболизм : пособие для работников наркол. больниц, наркодиспансеров, хим.-токсикол. и судеб.-хим. лаб. М.: Триада-Х, 2000. 203 с.
5. Рекомендуемые методы анализа лизергид (ЛСД). Руководство для национальных лабораторий экспертизы наркотиков. Организация Объединенных Наций. Отдел по наркотическим средствам. Вена, 2005. 18 с. URL: https://www.unodc.org/documents/scientific/recommended_methods_for_testing_lysergide-LSD-R.pdf (дата обращения: 09.08.2023). Режим доступа: свободный.
6. Brandt, S. D., Kavanagh, P. V., Westphal F. et al. Separating the wheat from the chaff: Observations on the analysis of lysergamides LSD, MIPLA, and LAMPA // Drug Test Analysis, 2022. Vol. 14, No 3. Pp. 545–556. <https://doi.org/10.1002/dta.3103>.
7. Сорокин, В. И., Алексеев И. Г., Кимстач Т. Б. и др. Количественное определение некоторых наркотических средств методами газовой, жидкостной хроматографии и УФ спектроскопии: Методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 1998. 46 с.
8. Дроздов, М. А., Сорокин В. И. Особенности пробоподготовки при исследовании малых количеств ЛСД // Экспертная практика: сборник. М.: ЭКЦ МВД России, 1998. № 3. С. 21–25.
9. Oiye, E., Ipólito, A., De Oliveira, M. Quantification of LSD in seized samples using one chromatographic methodology for diode array detection and electrochemical detection // Forensic Science and Criminology. 2017. Vol. 2, No 3. Pp. 1–7. 10.15761/FSC.1000117.
10. Ripani, L., Schiavone, S., Garofano, L., GC Quantitative Determination of Illicit LSD // Journal of Forensic Sciences, JFSCA. 1994, vol. 39, no. 2, pp. 512–517.
11. Теунаев, А. С. У. Актуальные проблемы определения количества наркотиков (d-Лизергид, ЛСД, ЛСД-25) для целей российского уголовного законодательства //

Право и политика: научный журнал. М.: ООО «НБ-Медиа», 2021. № 9. С. 72–86. DOI 10.7256/2454-0706.2021.9.36346.

12. Сорокин, В. И., Савенко, В. Г., Семкин, Е. П. и др. Определение вида наркотических средств, получаемых из конопли и мака: Методические рекомендации / Под ред. д-ра мед. наук, проф. Э. А. Бабаяна. М.: ЭКЦ МВД России, РФЦСЭ МЮ России, 1995. 24 с.

13. McDonald, P. A., Martin, C. F., Woods, D. J. et al., An Analytical Study of illicit Lysergide // Journal of Forensic Sciences, JFSCA. 1984, vol. 29, no. 1, pp. 120-130.

REFERENCES

1. Yurchenko R., Pavlovets Yu., Piatsetskaya A. [The current state of the market for psychoactive products. Trends and threats. (presentation of the report at the conference in Russian)]. Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Sovremennye aspekty himiko-toksikologicheskogo i sudebno-himicheskogo analiza». Moskva: Institut fizicheskoy himii i elektrohimii im. A.N. Frumkina RAN (IFHE RAN), Asociaciya specialistov po himiko-toksikologicheskому i sudebno-himicheskому analizu (ACTFCAS)]. International Scientific and Practical Conference "Modern aspects of chemical-toxicological and forensic chemical analysis". Moscow: Frumkin Institute of Physical Chemistry and Electrochemistry of the Russian Academy of Sciences (IFHE RAS), Association of Specialists in Chemical-Toxicological and Forensic Chemical Analysis (ACTFCAS). 2023. DOI: 10.13140/RG.2.2.28273.25449. URL: https://www.researchgate.net/publication/371439377_The_current_state_of_the_market_for_psychotropic_products_Trends_and_threats_presentation_of_the_report_at_the_conference_in_Russian (accessed 08.08.2023).
2. Tsochatzis E., Lopes Ja., Reniero F. et al. Identification of 1-Butyl-Lysergic Acid Diethylamide (1B-LSD) in Seized Blotter Paper Using an Integrated Workflow of Analytical Techniques and Chemo-Informatics. Molecules. 2020; 25(3):712. <https://doi.org/10.3390/molecules25030712>. URL: <https://www.mdpi.com/1420-3049/25/3/712> (accessed 08.08.2023).
3. Nichols D. E. Dark Classics in Chemical Neuroscience: Lysergic Acid Diethylamide (LSD). ACS chemical neuroscience. 2018, vol. 9, no. 10, pp. 2331-2343. <https://doi.org/10.1021/acschemneuro.8b00043>.
4. Veselovskaya N.V., Kovalenko A.E. Narkotiki : svojstva, dejstvie, farmakokinetika, metabolizm [Drugs: properties, action, pharmacokinetics, metabolism : a manual for employees of narcological hospitals, drug dispensaries, chemical-toxicological and forensic-chemical laboratories]. Moscow, 2000, 203 p.
5. Rekomenduemye metody analiza lizergida (LSD). Rukovodstvo dlya nacional'nyh laboratoriij ekspertizy narkotikov [Recommended methods of lysergide analysis (LSD). Guidelines for National Drug Examination Laboratories]. Organizaciya Ob"edinennyh Nacij – The United Nations. Otdel po narkoticheskim sredstvam – Department of Narcotic Drugs. Vienna, 2005. 18 p. URL: https://www.unodc.org/documents/scientific/recommended_methods_for_testing_lysergide-LSD-R.pdf (accessed 09.08.2023).
6. Brandt S.D., Kavanagh P.V., Westphal F. et al. Separating the wheat from the chaff: Observations on the analysis of lysergamides LSD, MIPLA, and LAMPA. Drug Test Analysis, 2022, vol. 14, no 3, pp. 545–556. <https://doi.org/10.1002/dta.3103>.
7. Sorokin V.I., Alekseev I.G., Kimstach T.B. i dr. Kolichestvennoe opredelenie nekotoryh narkoticheskikh sredstv metodami gazovoj, zhidkostnoj hromatografii i UF spektroskopii: Metodicheskie rekomendacii [Quantitative determination of some narcotic drugs by methods of gas, liquid chromatography and UV spectroscopy: Methodological recommendations]. Moscow, 1998, 46 p.

8. Drozdov M.A., Sorokin V.I. Osobennosti probopodgotovki pri issledovanii malyh kolichestv LSD [Features of sample preparation in the study of small amounts of LSD]. Ekspertnaya praktika – Expert practice. 1998, no. 3, pp. 21-25.
9. Oiye E., Ipólito A., De Oliveira M. Quantification of LSD in seized samples using one chromatographic methodology for diode array detection and electrochemical detection // Forensic Science and Criminology. 2017, vol. 2, no 3, pp. 1-7. 10.15761/FSC.1000117.
10. Ripani L., Schiavone S., Garofano L., GC Quantitative Determination of Illicit LSD // Journal of Forensic Sciences, JFSCA. 1994, vol. 39, no. 2, pp. 512-517.
11. Teunaev, A. S. U. Aktual'nye problemy opredeleniya kolichestva narkotikov (d-Lizergid, LSD, LSD-25) dlya celej rossijskogo ugolovnogo zakonodatel'stva [Actual problems of determining the amount of drugs (d-Lysergide, LSD, LSD-25) for the purposes of Russian criminal legislation]. Pravo i politika – Law and Politics. 2021, no. 9, pp. 72-86. DOI 10.7256/2454-0706.2021.9.36346.
12. Sorokin V.I., Savenko V.G., Semkin E.P. i dr. Opredelenie vida narkoticheskikh sredstv, poluchаемых из конопли и мака: Metodicheskie rekomendacii [Determination of the type of narcotic drugs obtained from cannabis and poppy: Methodological recommendations]. Moscow, 1995. 24 p.
13. McDonald P. A., Martin C. F., Woods D. J. et al., An Analytical Study of illicit Lysergide // Journal of Forensic Sciences, JFSCA, 1984, vol. 29, no. 1, pp. 120-130.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лебеденко Сергей Евгеньевич, кандидат химических наук, доцент кафедры криминалистики. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0002-6239-1495

Заэр Евгения Валерьевна, эксперт отдела экспертизы материалов, веществ и изделий. Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю, 656015, Российская федерация, г. Барнаул, ул. Молодежная, 3.

ORCID: 0009-0006-1023-7302

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lebedenko Sergey Evgenievich – PhD in Chemistry, Associate Professor of the Department of Criminalistics. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110, Lermontov St., Irkutsk, Russia, 664074.

ORCID: 0000-0002-6239-1495

Zaer Evgeniya Valerievna – expert of the Department of Expertise of Materials, Substances and Products. Expert Forensic Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory. 3, Molodezhnaya St., Barnaul, Russia, 656015.

ORCID: 0009-0006-1023-7302

Статья поступила в редакцию 12.09.2023; одобрена после рецензирования 19.09.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 12.09.2023; approved after reviewing 19.09.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С.203–212.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. no. 4 (107). p. 203–212.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК: 343.132

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.77.97.018

**ПРИМЕНЕНИЕ ВИДЕОЗАПИСИ И КИНОСЪЕМКИ
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПОТЕРПЕВШИМ И СВИДЕТЕЛЕМ**

Леонова Кристина Игоревна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
156815916@mail.ru

Введение. Статья посвящена отдельным аспектам применения видеозаписи при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, исследуются вопросы, связанные с реализацией нормы ч. 5 ст. 191 УПК РФ, сопоставляются различные точки зрения ученых-процессуалистов по исследуемым вопросам, анализируется и приводится следственно-судебная практика по применению следователем норм УПК РФ, предусматривающих отказ от видеозаписи со стороны законного представителя или несовершеннолетнего.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», материалы следственно-судебной практики. Исследование проведено с использованием общего диалектического метода, а также метода анализа нормативных правовых актов, сравнительно-правового, обобщения и описания.

Результаты исследования. На основе проведенного исследования выявлены специфичные особенности применения следователем, дознавателем норм ч. 5 ст. 191 УПК РФ, выявлены противоречия и предложены пути решения обозначенных проблем.

Выводы и заключение. исследование позволило рассмотреть интерпретацию уголовно-процессуального законодательства, предусматривающего обязательное применение видеозаписи при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля, а также альтернативную возможность отказа от такого применения. На основе рассматриваемых точек зрения ученых-процессуалистов и материалов следственно-судебной практики выдвинуто суждение о положительных аспектах видеофиксации следственного действия и предоставления следователю, дознавателю возможности определения необходимости ее применения.

Ключевые слова: несовершеннолетний потерпевший и свидетель, следственные действия, видеозапись, киносъемка, отказ от видеозаписи, законный представитель

Для цитирования: Леонова К. И. Применение видеозаписи и киносъемки при производстве следственных действий с несовершеннолетним потерпевшим и свидетелем /К.И. Леонова / Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практический журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. 4 (107). С. 203–212.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.77.97.018

**5.1.4. Criminal law sciences
(legal sciences)**

Original Article

**APPLICATION OF VIDEO AND FILM RECORDING
IN THE COURSE OF INVESTIGATIVE ACTIONS
WITH UNDERAGE VICTIMS AND WITNESSES**

Kristina I. Leonova

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation,
Yekaterinburg, 156815916@mail.ru

Introduction: The article is devoted to certain aspects of the use of video recording in the production of investigative actions with the participation of a minor victim or witness, the issues related to the implementation of the norm of part 5 of article 191, part 5 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation are studied. 5 of article 191, part 5 of the RF CPC, compares different points of view of scientists-processualists on the issues under study, analyses and presents the investigative and judicial practice on the application by the investigator of the norms of the RF CPC providing for the refusal of video recording by the legal representative or a minor.

Materials and Methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.02.2011 № 1 "On judicial practice of application of legislation governing the specifics of criminal responsibility and punishment of minors", materials of investigative and judicial practice. The study was conducted using the general dialectical method, as well as the method of analysis of normative legal acts, comparative-legal, generalization and description.

The Results of the Study: on the basis of the conducted research the specific features of the application by the investigator, the inquirer of the norms of Part 5 of Article 191 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are revealed, contradictions are revealed and ways of solving these problems are proposed.

Findings and Conclusions: the study allowed us to consider the interpretation of criminal procedural legislation that provides for the mandatory use of video recording in the production of investigative actions with the participation of minor victims and witnesses, as

well as the alternative possibility of refusing such use. On the basis of the considered points of view of scientists-processualists and materials of investigative and judicial practice, the judgement about the positive aspects of video recording of the investigative action and providing the investigator, inquirer the opportunity to determine the necessity of its application was put forward.

Keywords: minor victim and witness, investigative actions, video recording, filming, refusal of video recording, legal representative.

For citation: Leonova K. I. Primenenie videozapisi i kinos#emki pri proizvodstve sledstvennyh dejstvij s nesovershennoletnim poterpevshim i svidetelem [Application of video and film recording in the course of investigative actions with underage victims and witnesses]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Irkutsk, 2023, no. 4 (107), pp. 203–212.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.77.97.018

Охрана прав и свобод человека и гражданина является неотъемлемой частью любого государства. Конституция Российской Федерации определяет права человека и гражданина высшей ценностью и признает всеобъемлющую охрану указанных прав обязанностью государства¹. Особым механизмом обеспечения, охраны и соблюдения прав обладают несовершеннолетние лица, как участники уголовного судопроизводства, выступающие в качестве подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, либо свидетелей. Указанное является бесспорным, так как лицо, не достигшее возраста 18 лет, не способно в полной мере осознавать и понимать всю сущность участия в уголовном процессе, понимать значение своих прав, а также каким образом и в какой степени пользоваться предоставленными правами. Учитывание всех факторов, связанных с возрастом, уровнем осознанности и образования, а также психоэмоционального состояния и иных факторов, влияющих на юридически грамотное участие несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве, должны иметь для следователя или дознавателя первостепенное значение.

Установление обстоятельств расследуемого уголовного дела невозможно представить без производства следственных действий органом предварительного

¹ Конституция Российской Федерации : принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). (В редакции указов Президента Российской Федерации от 09.01.1996 № 20, от 10.02.1996 № 173, от 09.06.2001 № 679, от 25.07.2003 № 841; федеральных конституционных законов от 25.03.2004 № 1-ФКЗ, от 14.10.2005 № 6-ФКЗ, от 12.07.2006 № 2-ФКЗ, от 30.12.2006 № 6-ФКЗ, от 21.07.2007 № 5-ФКЗ; законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ; Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ; Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; Указа Президента Российской Федерации от 27.03.2019 № 130; Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; федеральных конституционных законов от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.08.2023). Режим доступа: свободный.

расследования. Расследуя уголовное дело, следователь или дознаватель проводит большой объем следственных действий, которые составляют основу доказательственной базы. Единого подхода к определению понятия следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве России нет, поэтому учеными-процессуалистами неоднократно предлагались собственные трактовки указанного понятия [1, с. 82; 2, с. 24].

Правильное проведение следственных действий должно привести к определенному результату, заключающемуся в итоговом процессуальном закреплении доказательств по каждому уголовному делу. Если следственное действие проведено с нарушением уголовно-процессуального законодательства, то доказательства признаются недопустимыми, и сам факт производства следственного действия теряет юридическую силу. Особую актуальность представляет правильное проведение следственных действий с участием несовершеннолетних. Каждое следственное действие необходимо проводить в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законодательством при четком соблюдении прав и свобод несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. По отношению к несовершеннолетним, обязательства государства, связанные с охраной их прав, значительно усиливаются, что предусматривает специальный порядок участия несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве. В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации участие несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, подсудимых регламентируется Главой 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Отдельные аспекты участия несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в следственных действиях закреплены в ст. 191 УПК РФ.

С 1 января 2015 г. в законную силу вступили дополнения в ст. 191 УПК РФ, направленные на дополнительную защиту и охрану прав несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. Одним из нововведений стала ч. 5 ст. 191 УПК РФ, которая предусматривает обязанность органов предварительного расследование применять при производстве следственных действий с несовершеннолетним потерпевшим и свидетелем видеозапись или киносъемку. В этой связи интерес ученых и практиков представляет исследование вопросов, касающихся применения рассматриваемой выше нормы.

Применение видеозаписи при производстве допроса, очной ставки, проверки показаний на месте и опознания с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля преследует несколько целей.

Во-первых, видеосъемка предполагает, что производство любого следственного действия при его записи на носитель требует от следователя или дознавателя соблюдения всех процессуальных и тактических правил, а также затраты дополнительного времени для подготовки и производства следственного действия. Более качественная подготовка к производству следственного действия с несовершеннолетним потерпевшим или свидетелем, в связи с записью его производства на видеокамеру, позволит с наибольшей эффективностью получить важную и значимую информацию по обстоятельствам уголовного дела от несовершеннолетнего, не влияя на его общее состояние. Данное обстоятельство можно рассматривать только в положительном ключе применения регламентируемой нормы.

Во-вторых, использование видеозаписи позволяет отследить более тщательно реакцию несовершеннолетнего на задаваемые вопросы, проконсультироваться, в

случае необходимости, со специалистами о вербальных жестах несовершеннолетнего, а также о его мимике. В некоторых случаях исследование видеозаписи следственного действия совместно со специалистом способствует выявлению недостоверных показаний от несовершеннолетнего, путем исследования механизмов невербального общения.

В-третьих, видеозапись позволяет избежать производства повторных следственных действий с несовершеннолетним и непосредственное его участие в судебном заседании для дачи показаний. Так, по мнению В. В. Николюка и А. Б. Судницына: «Уголовно-процессуальный инструментарий, способствующий охране и реализации прав лиц, не достигших совершеннолетия, был дополнен обязательностью видеозаписи допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля (ч. 5 ст. 191 УПК РФ); возможностью оглашения показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей без допроса в ходе судебного заседания, просмотра видеозаписи их допросов, проведенного в ходе предварительного расследования (ч. 2.1, 6 ст. 281 УПК РФ)» [3, с. 50].

Обоснованно можно отметить, что вышеуказанные цели применения видеозаписи следственных действий с несовершеннолетним потерпевшим и свидетелем благоприятно сказываются как на качественном производстве самого следственного действия, так и на относимости, достоверности и допустимости полученного доказательства.

Иной составляющей нормы ч. 5 ст. 191 УПК РФ является определенное исключение в обязательности применения видеозаписи следственных действий с несовершеннолетним потерпевшим или свидетелем. Законодатель предоставляет право отказа от видеозаписи для самого несовершеннолетнего либо его законного представителя.

По мнению В. В. Кальницкого и М. М. Овчинниковой, «сложность для понимания и реализации нормы ч. 5 ст. 191 УПК РФ состоит в том, что законодатель, с одной стороны, диктует органу расследования: «применение видеозаписи – ваша обязанность», с другой стороны – обуславливает видеозапись согласием заинтересованных лиц» [4, с. 79].

Мы согласны с мнением авторов и считаем, что по смыслу интерпретации указанной нормы отсутствует четкая определенность между обязанностью и альтернативным выбором при применении видеозаписи следственного действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля.

Исходя из положений исследуемой нормы, возникает несколько вопросов: отказ должен поступить от двух участников? Либо приоритетным является отказ законного представителя, когда сам несовершеннолетний не возражает о применении видеозаписи? Или, наоборот, первостепенным должно быть мнение самого несовершеннолетнего?

Отвечая на указанные вопросы, В. В. Кальницкий и М. М. Овчинникова проводят аналогию с участием несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном судопроизводстве по делам частного обвинения, где необходимо выяснить мнение самого несовершеннолетнего о возможности примирения с обвиняемым. Авторы пришли к признанию, «что несовершеннолетний, осознанно отвергающий привилегию

в виде отсутствия обязанности являться в суд и желающий лично изобличать подсудимого, должен принять волю законного представителя. Если законный представитель считает, что стрессы его подопечному не нужны, то он дает согласие (не возражает) на применение видеозаписи» [4, с. 79].

При исследовании вопросов, связанных с отказом законного представителя или самого несовершеннолетнего от применения видеозаписи, существует мнение, что следователь или дознаватель преднамеренно избегает использования видеофиксации и различными приемами, методами «уговаривает» несовершеннолетнего или его законного представителя отказаться от ее применения.

Так, по мнению Е. В. Марковичевой, «видеозапись его [несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля] допроса на стадии предварительного расследования отсутствует в связи с отказом законного представителя чаще всего под воздействием «убедительных» доводов следователя» [5, с. 146].

Также автор обозначает позицию, что «как правило, в материалах уголовного дела присутствует отказ законного представителя от проведения видеосъемки. Полагаем, что по каждому такому уголовному делу суду целесообразно выяснить обстоятельства получения такого отказа. Нередко именно следователь, опасаясь последующей судебной оценки качества произведенного следствия, склоняет законного представителя к написанию такого отказа. Очевидно, что в случае установления оказания давления на законного представителя у суда есть все основания для вынесения частного определения» [6, с. 78].

Придерживаясь аналогичного мнения, Е. В. Носкова обосновывает позицию о том, что «100 % случаев отказа содержится в материалах досудебного производства по уголовному делу. Как следствие, в суде возможность воспроизвести с помощью технических средств конкретное следственное действие с участием несовершеннолетнего (просмотреть запись) невозможно» [7, с. 287].

В любом случае возможность отказа от видеосъемки при проведении следственных действий с несовершеннолетним потерпевшим или свидетелем существует у его законного представителя и у самого несовершеннолетнего. Мы согласны с мнением автора и считаем, что суду необходимо дополнительно устанавливать обстоятельства, которые послужили для отказа со стороны несовершеннолетнего или его законного представителя от видеозаписи следственного действия. Вышеуказанное необходимо для установления законности при производстве следственного действия с участием несовершеннолетнего.

А. А. Орлова отмечает «излишнюю категоричность заложенных в ч. 5 ст. 191 УПК РФ положений, адресованных должностным лицам». По мнению автора, указанное влечет за собой снижение самостоятельности субъекта применения рассматриваемой нормы и уменьшению эффективности тактического взаимодействия между участниками следственного действия [8, с. 131].

Важным условием соблюдения рассматриваемой нами нормы является получение письменного заявления от законного представителя или несовершеннолетнего, в котором они отразят свой отказ. Либо нежелание использования видеозаписи отмечается в заявлениях участников следственного действия в самом протоколе следственного действия с участием несовершеннолетнего.

В любом случае, отказ от видеосъемки должен носить материальный характер, выражающийся на бумажном носителе с подтверждающей подписью законного представителя, либо несовершеннолетнего.

Несоблюдение указанного правила становится предметом апелляционных жалоб на производство следственного действия без применения видеозаписи и без оформления соответствующего отказа от законного представителя, либо самого несовершеннолетнего.

Например, приговором мирового судьи К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ. В ходе судебного заседания К. вину в совершении преступления не признал и после вынесения приговора подал апелляционную жалобу. В апелляционной жалобе К. выразил несогласие с постановленным в отношении него судебным решением и в обоснование своих доводов указал, что показания несовершеннолетнего свидетеля являются недопустимыми, так как получены без применения видеозаписи, при этом законный представитель не отказывалась от проведения видеозаписи; при проведении очной ставки со свидетелем не участвовал педагог, показания он давал в болезненном состоянии².

В данном случае в материалах уголовного дела не содержалась отметка об отказе в применении видеозаписи, что может послужить признанием такого допроса недопустимым доказательством.

Исследуя различные мнения ученых-процессуалистов, а также практику органов предварительного расследования по применению ч. 5 ст. 191 УПК РФ, мы не можем прийти к однозначному выводу о том, что всегда следователь или дознаватель пытаются обойти применение видеозаписи при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, путем склонения к отказу от видеофиксации законного представителя или несовершеннолетнего. Если следователю или дознавателю крайне необходимо применить видеозапись допроса несовершеннолетнего, например, как сказано нами выше, для исследования верbalного или неверbalного общения с несовершеннолетним, но поступает отказ от видеозаписи со стороны законного представителя, как поступить в данной ситуации?

Указанные вопросы непосредственно возникают в практической деятельности должностных лиц органов предварительного расследования и являются актуальными. Решением указанных проблем, по нашему мнению, может являться наделение правом выбора использования видеозаписи при производстве следственных действий с несовершеннолетним потерпевшим или свидетелем на самого следователя или дознавателя, который решает вопрос о целесообразности видеофиксации, исходя из психофизиологического состояния несовершеннолетнего. Видеозапись допроса позволит следователю (дознавателю) сопоставить показания несовершеннолетнего

² Апелляционное постановление Измайловского районного суда г. Москва по делу № 10-0033_2019.URL:https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwiQlb-L07X_AhV2CBAIHZ2VDRAQFnoECAwQAQ&url=https%3A%2F%2Fmos-gorsud.ru%2Frs%2Fizmajlovskij%2Fcases%2Fdocs%2Fcontent%2Fe53bd443-36e5-431d-a134-d75b348aefdd&usg=AOvVaw0C_sLFR3dtrCAa3YD6td7r

потерпевшего или свидетеля с уже имеющимися доказательствами в уголовном деле и позволит избежать производства дополнительных следственных действий с ребенком. В последующем данную видеозапись, в случае необходимости, возможно просмотреть в ходе судебного заседания, если возникнут трудности с исследованием доказательств.

Таким образом, приходим к выводу, что участие несовершеннолетних потерпевших или свидетелей в следственных действиях обладает своими специфичными особенностями, с которыми ежедневно сталкивается следователь или дознаватель. Важно грамотно применять все правила и приемы при производстве следственных действий с несовершеннолетним, чтобы их участие не оказывало негативного влияния на несформированную личность ребенка. Таким образом, в ходе нашего исследования были рассмотрены вопросы применения видеозаписи при производстве следственных действий с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями, а также предложены пути решения возникших проблем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россинский, С. Б. Еще раз о понятии и сущности следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия не закончена... // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 1. С. 74–82.
2. Шейфер, С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение: монография / С. А. Шейфер. Самара, 2004.
3. Николюк, В. В., Судницын, А. Б. Внесудебное депонирование показаний несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) как одно из процессуальных средств охраны его психического и физического здоровья (часть первая) // Общество и право. 2021. № 4. С. 50–58.
4. Кальницкий, В. В., Овчинникова, М. М. Видеозапись следователем (дознавателем) показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля // Законодательство и практика. 2016. № 3. С. 77–83.
5. Марковичева, Е. В. Показания несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля в российском уголовном процессе // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV международной научно-практической конференции. Ч. 1. Красноярск. 2021. С. 144–147.
6. Марковичева, Е. В. Проблемы, связанные с участием несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля в судебном разбирательстве // Рос. правосудие. 2019. № 3. С. 77–83.
7. Носкова, Е. В. Значимость и правовые последствия отказа от видеофиксации следственных действий с участием несовершеннолетних // Правовые проблемы укрепления российской государственности. 2019. Ч. 83. С. 284–291.
8. Орлова, А. А. Правовое регулирование применения видеозаписи в ходе допроса несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 131–132.

REFERENS

1. Rossinsky S.B. Eshhe raz o ponjatii i sushhnosti sledstvennyh dejstvij v ugolovnom sudoproizvodstve: diskussija ne zakonchena... [Once again about the concept and essence of investigative actions in criminal proceedings: the discussion is not over ...]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice.* 2021, no. 1, pp. 74-82.
2. Shafer S. A. *Sledstvennye dejstvija. Osnovaniya, processual'nyj porjadok i dokazatel'stvennoe znachenie* [Investigative actions. Grounds, procedural order and evidentiary value]. Samara, 2004.
3. Nikolyuk V.V., Sudnitsyn A.B. *Vnesudebnoe deponirovanie pokazanij nesovershennoletnego poterpevshego (svidetelja) kak odno iz processual'nyh sredstv ohrany ego psihicheskogo i fizicheskogo zdrorov'ja (chast' pervaja)* [Extrajudicial deposition of testimony of a minor victim (witness) as one of the procedural means of protecting his mental and physical health (part one)]. *Obshhestvo i parvo – Society and Law.* 2021, no. 4, pp. 50-58.
4. Kalnitskiy V.V., Ovchinnikova M.M. *Videozapis' sledovatelem (doznavatelem) pokazanij nesovershennoletnego poterpevshego ili svidetelja* [Video recording by an investigator (inquirer) of the testimony of a minor victim or witness]. *Zakonodatel'stvo i praktika – Legislation and practice.* 2016, no. 3, pp. 77-83.
5. Markovicheva E.V. [Testimony of a minor victim and witness in the Russian criminal process] *Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'ju: voprosy teorii i praktiki : materialy XXIV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Ch. 1.* [Actual problems of combating crime: questions of theory and practice: materials of the XXIV International Scientific and practical conference. Part 1]. Krasnoyarsk. 2021, pp. 144-147.
6. Markovicheva E.V. *Problemy, svjazанные с участием несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля в судебном разбирательстве* [Problems associated with the participation of minors of the victim and witness in court proceedings]. *Ros. Pravosudie – Russian Justice.* 2019, no. 3, pp. 77-83.
7. Noskova E.V. *Znachimost' i pravovye posledstvija otkaza ot videofiksacii sledstvennyh dejstvij s uchastiem nesovershennoletnih* [The significance and legal consequences of the refusal of video recording of investigative actions involving minors]. *Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti – Legal problems of strengthening Russian statehood.* 2019, part 83, pp. 284-291.
8. Orlova A.A. *Pravovoe regulirovanie primenenija videozapisi v hode doprosa nesovershennoletnego uchastnika ugolovnogo sudoproizvodstva* [Legal regulation of the use of video recording during the interrogation of a minor participant in criminal proceedings]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2016, no. 2, pp. 131-132.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонова Кристина Игоревна, преподаватель кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России, 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leonova Kristina Igorevna, Lecturer at the Department of Criminal Procedure, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 620057, Yekaterinburg, Korepin st., 66.

Статья поступила в редакцию 14.09.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 14.09.2023; approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107) С. 213–224.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023.
Vol. no 4 (107), pp. 213–224.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.3/.7

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.52.46.019

**ГААГСКИЕ КОНВЕНЦИИ 1899 и 1907 гг. КАК ИСТОЧНИК ТОЛКОВАНИЯ
ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ РАССМОТРЕНИЯ
Ч. 1 СТ. 356 УК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Лисаускайтэ Валентина Владо, Восточно-Сибирский институт МВД России,
Иркутск, Россия, yладо@mail.ru

Введение. Закрепленное в ч. 1 ст. 356 УК РФ преступление обладает историей правового регулирования и своей спецификой. Поскольку данное деяние признано преступным всем мировым сообществом, особое значение приобретают международные договоры, закрепляющие его характеристику и обязательства государств. Поэтому автор в рамках данного исследования проводит анализ одного из блоков таких соглашений, как источник толкования сути военных преступлений.

Материалы и методы. В качестве материалов работы выступают Гаагские конвенции, принятые в рамках двух мирных конференций в 1899 и 1907 гг. Применены методы описания, анализа, сравнения и системный метод исследования.

Результаты исследования. Результатами работы стала итоговая оценка проанализированных Гаагских конвенций относительно закрепления военных преступлений и их видов.

Выводы и заключения позволили автору оценить роль проанализированных международных договоров РФ в понимании военных преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 356 УК РФ, их достоинств и недостатков, как источников толкования.

Ключевые слова: военные преступления, применение запрещенных средств и методов ведения войны, Гаагские конвенции, законы и обычаи войны, международные договоры Российской Федерации

Для цитирования: Лисаускайтэ В. В. Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. как источник толкования военных преступлений в контексте рассмотрения ч. 1 ст. 356 УК Российской Федерации / Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С.213–224.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.52.46.019

5.1.4. Criminal Law Sciences

Original article

GAAG CONVENTIONS of 1899 and 1907. AS A SOURCE OF INTERPRETATION OF WAR CRIMES IN THE CONTEXT OF THE EXAMINATION OF THE PART 1 ART. 356 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Valentina V. Lisauskaite

East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia,
vlado@mail.ru

Introduction: The offence set forth in part 1 of article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation has a history of legal regulation and its specificity. Since this act is recognised as a criminal act by the entire world community, international treaties that enshrine its characteristics and obligations of states are of particular importance. Therefore, the author within the framework of this study analyses one of the blocks of such agreements as a source of interpretation of the essence of war crimes.

Materials and Methods: the Hague Conventions adopted at two peace conferences in 1899 and 1907 serve as the materials of the work. The methods of description, analysis, comparison and systematic method of research were applied.

The Results of the Study: The work resulted in a final assessment of the analyzed Hague Conventions on the establishment of war crimes and their types.

Findings and Conclusions: allowed the author to assess the role of the analyzed international treaties of the Russian Federation in understanding the war crimes provided for in Part 1 of Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation, their advantages and disadvantages as sources of interpretation.

Keywords: war crimes, use of prohibited means and methods of warfare, Hague conventions, laws and customs of war, international treaties of the Russian Federation.

For citation: Lisauskaite V.V. Gaagskie konvencii 1899 i 1907 gg. kak istochnik tolkovaniya voennyh prestuplenij v kontekste rassmotrenija ch. 1 st. 356 UK Rossijskoj Federacii [Gaag conventions of 1899 and 1907. as a source of interpretation of war crimes in the context of the examination of the part 1 art. 356 of the criminal code of the Russian Federation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, vol. no. 4 (107), pp.213–224 (in Russ.)

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.52.46.019

При анализе военных преступлений в рамках ч.1 ст. 356 УК РФ¹, к сожалению, мы сталкиваемся с отсутствием конкретизации в диспозиции признаков состава, как это характерно для многих других противоправных деяний Уголовного закона. В данном случае в ч. 1 указанной статьи присутствует лишь перечисление

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ ч.1 ст. 356 УК РФ : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8054a66d213c5d4e82e7a4a5fa84470e7059322b/ (дата обращения 15.08.2023).

альтернативных действий, совершение которых рассматривается в качестве преступления. При этом, как отмечают многие ученые, сама диспозиция носит открытый характер за счет формулировки «применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международными договорами» России. То есть для качественного понимания состава преступления нам необходимо определиться, о каких именно международных договорах Российской Федерации идет речь и какие именно средства и методы ведения войны запрещены в них.

В научной литературе и средствах массовой информации, когда идет речь о фактах совершения военных преступлений, часто говорят о нарушении положений Женевских конвенций 1949 г. Однако международно-правовые основы закрепления запретов и ограничений порядка ведения военных действий были заложены гораздо ранее и в рамках другой группы соглашений – Гаагских конвенций, подписанных в рамках двух мирных конференций 1899 и 1907 гг. Возникает естественный вопрос: почему эти международные соглашения не упоминаются официально? На наш взгляд, объективным объяснением могут быть следующие факты:

1. В положениях Гаагских конвенций закреплено правило, согласно которому, обязательность их исполнения возложена только на участников самих соглашений². То есть в них был закреплен конвенционный характер. Как отмечает О. Ф. Эфендиев: «в связи с этим, если в войну вступало государство, не являющееся участником конвенции, то она переставала действовать даже в отношении между ее участниками» [1, с. 25]. Это правило было изменено именно Женевскими конвенциями, положения которых обязательны для всех государств, вне зависимости от их участия в данных соглашениях.

2. Многие положения Гаагских конвенций были перенесены в Женевские соглашения 1949 г., откорректированы и усовершенствованы. Однако далеко не все законы и обычай войны из Гаагских документов были перенесены.

3. Сложный вопрос о правопреемстве для России обязательств по Гаагским конвенциям в связи с официальной позицией Советского государства еще в 1918 г. о непризнании себя в качестве правопреемника Российской Империи. В данном случае есть правовая позиция, позволяющая нам подтвердить данный факт. Она отражена в Ноте МИД СССР Правительству Нидерландов относительно Гаагских конвенций и деклараций 1899 и 1907 гг. В этом документе указано, что СССР признает обозначенные международные акты в той мере, в какой они не противоречат Уставу ООН³. Поскольку Россия является правопреемником СССР⁴, то и обязательства по Гаагским конвенциям имеют для нашей страны обязательную юридическую силу.

² IV Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. с приложением: «Положение о законах и обычаях сухопутной войны» // URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11967448@egNPA (дата обращения 25.3.2023 г.)

³ Нота МИД СССР Правительству Нидерландов относительно Гаагских конвенций и деклараций 1899 и 1907 гг. // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/6159640/> (дата обращения 25.03.2023).

⁴ Конституция Российской Федерации : принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля

Поэтому для полного и всестороннего исследования военных преступлений, на наш взгляд, следует заглянуть в историю и отметить ряд правовых особенностей, не вошедших в Женевские конвенции, а также динамику изменений юридического закрепления отдельных законов и обычаев войны, которые имеют существенное значение в современной квалификации международных преступных деяний. По мнению ученых, кодификация на международно-правовом уровне законов (норм) и обычаев войны в Гаагских конвенциях и Декларации 1899 и 1907 гг. привела к формированию такого международно-правового понятия, как «военные преступления» [2, с. 5].

В научной литературе сформировалась достаточно однозначная позиция относительно роли Гаагских конференций и принятых на них документов. Авторы сходятся во мнении о том, что, несмотря на высокий уровень достигнутых правовых договоренностей с точки зрения развития международного гуманитарного права, далеко не все из них были достигнуты, либо не нарушались, о чем свидетельствуют факты Первой мировой войны [3; 4; 5]. В тоже время, следует подчеркнуть, что юридическим результатом проведения двух Мирных Гаагских конференций 1899 и 1907 гг. стало принятие большого пакета документов по различным вопросам относительно участия государств в вооруженном конфликте. В 1899 г. появились три конвенции: «О мирном разрешении международных столкновений», «О законах и обычаях сухопутной войны», «О применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 г.»; а также три декларации: «О запрещении на пятилетний срок метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров или при помощи иных подобных новых способов»; «О неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы»; «О неупотреблении пуль, легко разворачивающихся или сплющивающихся в человеческом теле».

Исследователи отмечают, что в рамках документов, принятых на первой конференции (1899 г.), ни в одном из них не был отражен вопрос об ответственности за нарушение их основных положений [1, с. 22]. Не в оправдание, а в обоснование данного обстоятельства, на наш взгляд, можно выделить несколько фактов:

1. Государства только начали создавать договорную (а не обычную) правовую платформу с закреплением порядка ведения военных действий.

2020 года) (В редакции указов Президента Российской Федерации от 09.01.1996 № 20, от 10.02.1996 № 173, от 09.06.2001 № 679, от 25.07.2003 № 841; федеральных конституционных законов от 25.03.2004 № 1-ФКЗ, от 14.10.2005 № 6-ФКЗ, от 12.07.2006 № 2-ФКЗ, от 30.12.2006 № 6-ФКЗ, от 21.07.2007 № 5-ФКЗ; законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ; Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ; Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; Указа Президента Российской Федерации от 27.03.2019 № 130; Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; федеральных конституционных законов от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 07.07.2023) (дата обращения 25.08.2023 г.)

2. В тот период времени вооруженный конфликт еще являлся законным, естественным, хоть и нежелательным способом разрешения споров между государствами. Сама война была правомерна, поэтому говорить об ответственности за нарушение ее правил было сложно.

3. Рассматриваемые отношения находились на стадии своего правового закрепления с учетом гуманизации общества, нового порядка его жизни, развития научно-технического прогресса. Соответственно, говорить уже об ответственности за нарушение только устанавливаемых законов и обычаев войны было еще рано.

Гаагская мирная конференция 1899 г. стала важнейшим этапом в кодификации международного права, первым серьезным шагом в гуманизации войны [6, с. 26].

В рамках проводимых международных мирных конференций в последующие годы уже отмечаются попытки государств – участников закрепить ответственность или отдельные ее формы применения. В итоге работы Второй Гаагской конференции были пересмотрены три конвенции предыдущего форума и приняты десять новых конвенций относительно законов и обычаев войны, а также декларация и семь резолюций [7, с. 36.]. Этот нормотворческий процесс стал первой в истории международного права крупной кодификацией законов и обычаев войны, а также мирного разрешения международных споров [8, с. 32]. Результатом второй Мирной Гаагской конференции стало принятие 13-ти конвенций:

- О мирном решении международных столкновений;
- Об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам;
- Об открытии военных действий; О законах и обычаях сухопутной войны;
- О правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны;
- О положении неприятельских торговых судов при начале военных действий;
- Об обращении торговых судов в суда военные;
- О постановке подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин;
- О бомбардировании морскими силами во время войны;
- О некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне;
- Об учреждении Международной призовой палаты;
- О правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны.

Такое большое количество соглашений, на наш взгляд, объясняется намеренной раздробленностью на более узкие вопросы, нуждающиеся в международном урегулировании в связи с опасением организаторов Конференции не набрать необходимого количества участников для дальнейшего вступления их в силу. Такой подход создает определенную психологическую иллюзию, что государство берет на себя лишь конкретное узкое обязательство, а в результате начал действовать почти весь пакет принятых договоров.

Следует отметить, что не все выше перечисленные Гаагские документы содержат правила, нарушение которых можно соотнести с военными правонарушениями. Поэтому рассмотрим некоторые из них.

1. Конвенция о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне 1907 г.

Договор устанавливает запреты на осуществление определенных военных действий, которые не рассматриваются в качестве военных преступлений международными соглашениями, принятыми позднее. Такие действия нарушают установленный порядок ведения военных действий и могут рассматриваться, на наш взгляд, в качестве военных деликтов. Например, ст. 3 Конвенции закрепляет правило: «Суда, исключительно предназначенные для берегового рыболовства или для потребностей мелкого местного мореплавания, не подлежат захвату, как равно и их машины, снасти, приспособления и груз»⁵. Аналогичного характера правила содержатся и в Конвенции об обращении торговых судов в суда военные 1907 г.

2. Гаагская конвенция о бомбардировании морскими силами во время войны 1907 г.⁶

Уже исходя из названия данного соглашения, можно говорить о закреплении в нем методов ведения военных действий. А значит, и их запретов или ограничений, нарушение которых следует рассматривать как военное правонарушение или преступление. К запрещенным методам следует отнести:

- бомбардировку морскими силами незащищенных портов, городов, селений, жилищ или строений;
- отдачу на разграбление города или места, взятых приступом.

К ограниченным методам Конвенция относит изначально запрещенные действия при наличии определенных условий: «эти объекты (порты, города, селения, жилища и строения) можно бомбить, если специально оповестили, а местные власти после этого отказались подчиниться и предоставить продовольствие или запасы, необходимые для нужд. Но такая реквизиция возможна только по решению начальника морских сил»⁷. Как отмечает профессор Котляров: «Бомбардировка защищенных портов, прибрежных городов не противоречит нормам права. Однако при этом должны соблюдаться нормы права, запрещающие бомбардировать культурные ценности, исторические памятники, госпитали и т. д.» [9, с. 55]. В этом обстоятельстве и выражается установленное ограничение на рассмотренный метод. Относительно бомбардировки гражданских объектов, уже в Женевских конвенциях сам факт таких действий (любыми войсками) в отношении гражданских объектов был запрещен.

3. Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.

А. Строителев отмечает: «Переломным моментом в формировании норм права вооруженных конфликтов стало принятие 1-й Гаагской конференцией мира 1899 г. Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны» [10, с. 16.]. В содержание этого договора вошли положения конвенций, принятых в 1899 г. («О законах и обычаях сухопутной войны», «О применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 г.»). В Конвенции закрепляются категории лиц, признаваемых в

⁵ Конвенция о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне 1907 г. URL:<https://base.garant.ru/2540774/> (Дата обращения 25.3.2023 г.)

⁶ Гаагская конвенция о бомбардировании морскими силами во время войны 1907 г. URL: <https://base.garant.ru/2540211/> (Дата обращения 25.3.2023 г.)

⁷ Гаагская конвенция о бомбардировании морскими силами во время войны 1907 г. URL: <https://base.garant.ru/2540211/> (дата обращения 25.08.2023 г.)

качестве участников вооруженного конфликта. Позднее, уже в Женевских конвенциях, этот перечень будет конкретизирован и расширен. Определен правовой статус военнопленных, раненных и больных, а следовательно, устанавливаются запреты и ограничения, нарушение которых можно рассматривать в качестве военных преступлений. Здесь также встречаются отдельные правила, которые в Женевских конвенциях получили более жесткое закрепление. Например, ст. 52 Положения о законах и обычаях сухопутной войны к Гаагской Конвенции устанавливает, что «Реквизиции натурай и повинности могут быть требуемы от общин и жителей лишь для нужд занявшей область армии. Они должны соответствовать средствам страны и быть такого рода, чтобы они не налагали на население обязанности принимать участие в военных действиях против своего отечества⁸». Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 г. определила: «Оккупирующая держава может реквизировать съестные припасы или другие предметы, а также санитарные материалы, находящиеся на оккупированной территории, только для оккупационных войск и для администрации и только с учетом нужд гражданского населения. При условии соблюдения других международных конвенций оккупирующая держава должна принять меры для обеспечения того, чтобы всякая реквизиция была справедливо возмещена.»⁹. Помимо этого, она закрепила обязательство для оккупирующего государства обеспечивать гражданское население продовольствием и санитарными материалами.

В ст. 23 рассматриваемой Гаагской конвенции закреплены запреты на совершение определенных действий. Рассмотрим их относительно средств и методов ведения военных действий и в преломлении к диспозиции ч 1. Ст. 356 УК РФ. Перечень содержит 8 запретов, которые, с учетом их содержания можно разделить на запрещенные методы (п.п. б, в, г, е, ж, з) и запрещенные средства (п.п. а, д.) ведения войны:

- а) употреблять яд или отравленное оружие;
- б) предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к населению или войскам неприятеля;
- в) убивать или ранить неприятеля, который, положив оружие или не имея более средств защищаться, безусловно сдался;
- г) объявлять, что никому не будет дано пощады;
- д) употреблять оружие, снаряды или вещества, способные причинять излишние страдания;
- е) незаконно пользоваться парламентерским или национальным флагом, военными знаками и форменной одеждой неприятеля, равно как и отличительными знаками, установленными Женевской конвенцией;

⁸ IV Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. с приложением: «Положение о законах и обычаях сухопутной войны» URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11967448@egNPA (дата обращения 25.08.2023 г.)

⁹ Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_33.shtml (Дата обращения 25.08.2023 г.)

ж) истреблять или захватывать неприятельскую собственность, кроме случаев, когда подобное истребление или захват настоятельно вызывается военной необходимостью;

з) объявлять потерявшими силу, приостановленными или лишенными судебной защиты права и требования подданных противной стороны¹⁰.

На наш взгляд, в Конвенции через закрепление таких методов отражается постепенное признание государствами гуманизации общества и прав человека (п. п. б, ж, з). В то же время, необходимо отметить, что закрепление запретов не определяет, какие из них следует рассматривать как серьезные нарушения законов и обычаяв войны, т. е. военные преступления. Гипотетически, для выделения таковых среди всех военных правонарушений нам необходимо исходить из специальных принципов международного гуманитарного права, в основе которых лежит, в первую очередь, защита жизни и здоровья человека. С учетом данного критерия к военным преступлениям по ст. 23 Гаагской конвенции можно отнести следующие запрещенные методы: предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к населению или войскам неприятеля; убивать или ранить неприятеля, который, положив оружие или не имея более средств защищаться, безусловно сдался.

В современных правоотношениях закрепление запрета данных методов должно иметь конкретизацию обязательных признаков и иметь самостоятельное закрепление в качестве отдельного состава преступления. Например, выше приведенный п. г ст. 23 Гаагской конвенции (объявлять, что никому не будет дано пощады) нуждается в указании на приказ или распоряжение командования, либо публичное объявление такого приказа лицом, выполняющим руководящие полномочия конкретным военным подразделением. Как отмечают многие исследователи, поскольку в настоящее время нет международного договора, закрепляющего конкретный перечень военных преступлений, обязательный для всех, каждое государство само устанавливает конкретные виды военных преступлений в рамках своего национального уголовного закона.

Запрещенные средства ведения военных действий по ст. 23 Гаагской конвенции заслуживают более детального рассмотрения. Исходя из их содержания, мы можем говорить лишь о направленности запрета. Так, к п. а можно отнести оружие, содержащее ядовитые вещества. В современных условиях таковым могут быть пули, снаряды, применяемые в отношении конкретных лиц, либо отдельные виды оружия массового поражения, например, токсинное оружие. Относительно первых в настоящее время нет соглашения, конкретизирующего такой запрет и виды оружия, в отношении которого он может быть применен, а также детализации самих веществ, рассматриваемых в качестве ядовитых. По токсинному оружию в настоящее время действует Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении

¹⁰ Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_33.shtml (дата обращения 25.08.2023 г.)

1972 г. Однако закрепленный в ней запрет носит конвенционный характер и распространяется только на государства-участников.

К п. д ст. 23 Гаагской конвенции (употреблять оружие, снаряды или вещества, способные причинять излишние страдания) можно отнести несколько видов оружия, в отношении которых признак причинения излишних страданий юридически закреплен, и сам запрет носит всеобщий характер:

- пули, легко разворачивающиеся или сплющающиеся в теле человека (запрет был установлен Декларацией 1899 г., подписанный в рамках Первой Гаагской мирной конференции. К таким пулям относят пули с надрезами и полостями);

- разрывные боеприпасы (таковые массой до 400 г были запрещены еще Петербургской декларацией 1868 г. «Об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль»);

- зажигательное оружие (запрет установлен также Декларацией 1868 г.).

Эти документы уже были приняты на момент подписания Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. Следовательно, в ее положениях содержится обобщение указанных выше средств ведения войны с учетом их характеристик. Отметим ряд особенностей Деклараций 1868 и 1899 гг.

Так, наименование «декларация» в современном международном праве принято рассматривать в качестве документа рекомендательного характера, который не содержит обязательств государств-участников. Как правило, сам текст деклараций дает характеристику конкретных международных отношений и позиции по ним мирового сообщества. Могут использоваться формулировки: государства рекомендуют, настоятельно призывают, будут способствовать, что еще раз подчеркивает его необязательность.

В рассматриваемом случае обе Декларации представляют собой именно международные договоры, поскольку закрепляют конкретные обязательства сторон в определенной сфере. Сами документы небольшие по объему, выражены сплошным текстом без разделения на статьи или разделы, который по смыслу изложенного можно разделить на преамбулу, обязательства сторон и правила применения документа.

Согласно положениям Декларации 1868 г., закреплено следующее обязательство: «стороны обязуются в случае войны между собой отказаться взаимно от употребления сухопутными и морскими войсками снарядов, которые при весе менее 400 г имеют свойство взрывчатости или снаряжены ударным или горючим составом»¹¹.

В соответствии с содержанием Декларации 1899 г. «стороны обязуются не употреблять пуль, легко разворачивающихся или сплющающихся в человеческом теле, к каковым относятся оболоченные пули, коих твердая оболочка не покрывает всего сердечника или имеет надрезы»¹².

Таким образом, в положениях Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. получили закрепление юридически сформированные в ранее

¹¹ Санкт-Петербургская декларация о запрещении употребления разрывных пуль 1868 г. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753623> (дата обращения: 25.08.2023 г.).

¹² Декларация о неупотреблении легко разворачивающихся и сплющающихся пуль 1899 г. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900891> (дата обращения: 25.08.2023).

принятых документах положения относительно запрещенных или ограниченных средств и методов ведения войны, которые в последующем вновь будут откорректированы и включены в правила Женевских конвенций 1949 г. Как отмечает Рыбачёнок И.С.: «События двух мировых войн показали, что эта конвенция не была всеобъемлющей, хотя она ограничивала в ряде случаев произвол сторон» [11, с. 144–145].

Проведенный анализ положений отдельных Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг., как источников закрепления военных преступлений, позволяет сделать следующие выводы.

1. Данные международные документы свидетельствуют об этапе становления закрепления законов и обычаев войны, нарушение которых в последующие годы будет рассматриваться в качестве военных правонарушений, а некоторые – военных преступлений. В них отражены также правила защиты гражданского населения, военнопленных, культурных ценностей, которые получили свое правовое развитие в принятых после Второй Мировой войны международных договорах.

2. Используемые в рассмотренных договорах формулировки весьма расплывчаты, что не позволяет их использовать для квалификации конкретных преступных деяний в качестве военных преступлений. В выявленных в Конвенциях запретах в преломлении к ч. 1 ст. 356 УК РФ можно рассмотреть закрепленные альтернативные действия: «жестокое обращение с военнопленными и гражданским населением»; «разграбление национального имущества на оккупированной территории». В то время как уже в Гаагских конвенциях таких запретов было больше, чем в указанной норме уголовного закона. В том числе установлены запретные действия в отношении раненных и больных, отдельных видов объектов, которые в ст. 356 УК РФ не упоминаются.

Проведенное исследование позволяет констатировать важную роль Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. в контексте их рассмотрения как источников международных обязательств Российской Федерации относительно толкования военных преступлений. Характеристика документов свидетельствует о сложном процессе постепенного формирования правил войны в сознании и потребности мирового сообщества. Именно эта проделанная государствами работа позволяет нам сейчас говорить об особенностях уже национального закрепления военных преступлений и их содержании. Несмотря на некорректность, по нашему мнению, преломлять положения Конвенций при толковании ч. 1 ст. 356 УК РФ, эти соглашения являются значимым источником международного права для национального уголовного законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Эфендиев, О. Ф. О военных преступлениях в системе законов и обычаев войны // Военно-юридический журнал. 2006. № 11. С. 22–27.
2. Волеводз, А. Г. Исторические и международно-правовые предпосылки формирования современной системы международной уголовной юстиции // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 2. С. 2–9.

3. Николаев, Н. Ю. Европейское общественное мнение и Гаагская мирная конференция 1899 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2003. № 8. С. 92–96.
4. Ореховский, В. О. Возникновение и развитие международного гуманитарного права (до середины 60-х гг. XIX в.) // ЕГИ. 2014. № 2 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknenie-i-razvitiye-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava-do-serediny-60-h-gg-xix-v> (дата обращения: 25.07.2023).
5. Чернявский, С. И. К 110-летию Второй Гаагской конференции мира // Juvenis scientia. 2017. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-110-letiyu-vtoroy-gaagskoy-konferentsii-mira> (дата обращения: 25.07.2023).
6. Николаев, Н. Ю. Участие России в кодификации международного гуманитарного права во второй половине XIX века // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 3 (20). С. 21–27.
7. Саямов, Ю. Н. О Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96). С. 33–46.
8. Фархутдинов, И. З. Гаагские мирные конференции 1899 и 1907 гг. Кто развязал Первую мировую войну. Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4 (143). С. 29–36.
9. Котляров, И. И. Международное гуманитарное право об ограничении воюющих в выборе методов ведения войны // Московский журнал международного права. 2009. № 2. С. 44–62.
10. Строителев, А. Источники права вооруженных конфликтов и их современная правовая характеристика // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ-OBSERVER. 2012. № 6. С. 14–23.
11. Рыбачёнок, И. С. Россия и Вторая конференция мира 1907 года в Гааге // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 113–146.

REFERENCES:

1. Efendiev O.F. O voennyh prestupleniyah v sisteme zakonov i obychaev vojny [On war crimes in the system of laws and customs of war]. Voenno-juridicheskij zhurnal – Military Law Journal. 2006, no.11, pp. 22 - 27.
2. Volevodz A.G. Istoricheskie i mezhdunarodno-pravovye predposyлki formirovaniya sovremennoj sistemy mezhdunarodnoj ugolovnoj yusticii [Historical and international legal prerequisites for the formation of a modern system of international criminal justice]. International criminal law and international justice. 2008, no.2, pp.2-9.
3. Nikolaev, N. U. Evropejskoe obshchestvennoe mnenie i Gaagskaya mirnaya konferenciya 1899 goda [European Public Opinion and the Hague Peace Conference of 1899]. Bulletin of Volgograd State University. Episode 4: The Story. Regional studies. International relations. 2003, no. 8, pp. 92-96.
4. Orekhovsky V.O. Vozniknenie i razvitiye mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava (do serediny 60-h gg. XIX V.) [The emergence and development of international humanitarian law (until the mid-60s of the XIX century)]. EGI. 2014, no.2 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknenie-i-razvitiye-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava-do-serediny-60-h-gg-xix-v> (дата обращения: 25.07.2023).

<https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-razvitiye-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava-do-serediny-60-h-gg-xix-v> (date accessed June 25, 2023).

5. Chernyavsky S.I. K 110-letiyu Vtoroj Gaagskoj konferencii mira [On the 110th anniversary of the Second Hague Peace Conference]. Juvenile science. 2017, no.7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-110-letiyu-vtoroy-gaagskoy-konferentsii-mira> (accessed date: 25.07.2023).

6. Nikolaev N.U. Uchastie Rossii v kodifikacii mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava vo vtoroj polovine XIX veka [Russia's participation in the codification of international humanitarian law in the second half of the 19th century]. Humanitarian problems of military affairs. 2019, no. 3 (20), pp. 21-27.

7. Sayamov U.N. O Gaagskih konferenciyah 1899 i 1907 gg. [On the Hague Conferences of 1899 and 1907]. Russia and the modern world. 2017, no.3 (96), pp. 33-46.

8. Farhutdinov I.Z. Gaagskie mirnye konferencii 1899 i 1907 gg. Kto razvylazal Pervuyu mirovuyu vojnu. Opyt doktrinal'nogo issledovaniya problem formirovaniya sovremennoj modeli mezhdunarodnyh otnoshenij v kontekste razvitiya mezhdunarodnogo prava [Hague Peace Conferences 1899 and 1907. Who unleashed the First World War. Experience of doctrinal study of the problems of forming a modern model of international relations in the context of the development of international law]. Evrazijskij juridicheskij zhurnal – Eurasian Law Journal. 2020. №4 (143). pp. 29-36.

9. Kotlyarov I.I. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo ob ogranicenii voyuyushchih v vybore metodov vedeniya vojny [International humanitarian law on the restriction of warring in the choice of methods of warfare]. Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava – Moscow Journal of International Law. 2009, no.2, pp. 44-62.

10. Stroitelev A. Istochniki prava vooruzhennyh konfliktov i ih sovremennaya pravovaya harakteristika [Sources of the law of armed conflicts and their modern legal characteristics]. OBOZREVATEL' - OBSERVER. 2012, no.6, pp. 14 - 23.

11. Fisherman I.S. Rossiya i Vtoraya konferenciya mira 1907 goda v Gaage [Russia and the Second World Conference of 1907 in The Hague]. Novaja i novejshaja istorija' – New and recent history. 2019, no.1, pp. 113-146.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лисаускайте Валентина Владо, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД Российской Федерации. 664074, Россия, г. Иркутск, Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Lisauskaite Valentina Vlado, Candidate of Law, docent, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 664074, 110 Lermontov str., Irkutsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 13.09.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 13.09.2023; approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023 № 4 (107). С. 225–239.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023
Vol. no. 4 (107). P. 225–239.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК343.985

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.14.36.020

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ДОСТИЖЕНИЮ КОМПРОМИССА СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Попова Елена Ильинична, Башкирский государственный университет, Уфа, Россия,
popovaelena03@yandex.ru

Сандакова Арюна Баировна, Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления, Улан-Удэ, Россия, sanaryuna@yandex.ru

Введение. В статье обращается внимание на то, что такое важное как в теоретическом, так и в практическом плане направление, как криминалистическое обеспечение деятельности следователя по достижению компромисса стороны обвинения и защиты, до настоящего времени не становилось предметом серьезных научных криминалистических исследований.

Материалы и методы. При проведении исследования за основу был принят всеобщий диалектический метод научного познания; использовались и другие методы: анкетирование, интервьюирование, анализ, синтез, аналогия, системный и др.

Результаты исследования. Позволили актуализировать необходимость создания системы рекомендаций, образующих криминалистическое обеспечение деятельности следователя по достижению компромисса стороны обвинения и защиты; обозначить основные направления формирования такой системы рекомендаций, определить ее место в структуре частной криминалистической методики расследования ДТП.

Выводы и заключения. Определены условия, при которых следователем для решения тактических задач расследования может быть принято решение о применении по уголовному делу о преступлении, квалифицированном по ст. 264 УК РФ, компромиссных норм. Акцентируется внимание на том, что одним из главных таких условий должен быть приоритет защиты прав и законных интересов потерпевших.

Ключевые слова: дорожно-транспортные преступления, компромисс, криминалистическое обеспечение деятельности следователя

Для цитирования: Попова Е. И., Сандакова А. Б. Криминалистическое обеспечение деятельности следователя по достижению компромисса стороны обвинения и защиты как важная составляющая методики расследования дорожно-транспортных преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практический журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 235–239.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.14.36.020

5.1.4. Criminal Law Sciences

Original article

FORENSIC SUPPORT OF THE INVESTIGATOR'S ACTIVITIES TO ACHIEVE A COMPROMISE BETWEEN OF THE PROSECUTION AND DEFENCE AS AN IMPORTANT COMPONENT OF THE METHODOLOGY OF INVESTIGATION OF ROAD TRAFFIC OFFENCES

Elena I. Popova¹, Arjuna B. Sandakova

¹Bashkir State University, Russia, popovaelena03@yandex.ru

²East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russia, sanaryuna@yandex.ru

Introduction: the article draws attention to the fact that such an important both in theoretical and practical terms direction, as criminalistics support of the investigator's activity to achieve a compromise of the prosecution and the defense, until now has not become the subject of serious scientific criminalistics research.

Materials and Methods: When conducting the research, the universal dialectical method of scientific cognition was taken as a basis; other methods were also used: questionnaire survey, interviewing, analysis, synthesis, analogy, systemic, etc.

The Results of the Study: allowed to actualise the need to create a system of recommendations that form the criminalistic support of the investigator's activity to achieve a compromise of the prosecution and defence; to identify the main directions of the formation of such a system of recommendations, to determine its place in the structure of the private criminalistic methodology of road traffic accident investigation.

Findings and Conclusions: The conditions under which the investigator for solving tactical tasks of investigation can decide to apply compromise norms in a criminal case about an offence qualified under Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation are defined. It is emphasised that one of the main such conditions should be the priority of protection of the rights and legitimate interests of victims.

Keywords: traffic crimes, compromise, forensic support of the investigator

For citation: Popova E.I., Sandakova A.B. Kriminalisticheskoe obespechenie dejatel'nosti sledovatelja po dostizheniju kompromissa storony obvinenija i zashchity kak vazhnaja sostavljalushchaja metodika rassledovanija dorozhno-transportnyh prestuplenij [Forensic support of the investigator's activities to achieve a compromise between of the prosecution and defence as an important component of the methodology of investigation of road traffic offences]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia : scientific.- practical

journal. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 4 (107), p. 235–239.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.14.36.020

Криминалистика возникла и развивается как наука, призванная способствовать практике раскрытия и расследования преступлений [1, с. 52]. При этом она не стоит на месте и, как отмечает Т. С. Волчецкая, за многолетнюю историю своего существования, во-первых, обогатилась немалым количеством новых теорий и на сегодня стала универсальной прикладной юридической наукой, своеобразными адаптационными «воротами» для применения в уголовном судопроизводстве последних достижений научной и технической мысли. Во-вторых, с учетом существенных изменений в социально-экономической и политической сфере переосмысления требуют ранее сформированные криминалистикой научные продукты. В-третьих, накопилось большое количество серьезных научоведческих вопросов, требующих своего осмысления и разрешения [2, с. 349]. На один из таких вопросов хотелось бы обратить внимание.

Так, анализ научной и методической литературы позволяет констатировать, что среди ученых, представителей наук уголовного права, уголовного процесса, криминалистики на протяжении достаточно длительного периода (практически вплоть до начала 90-х гг. XX в.) превалировала некая установка на бескомпромиссную борьбу с преступностью. Однако законодатель всегда понимал, что преступления совершаются с различными мотивами, целями, с различной формой вины, характеризуются разнообразным посткриминальным поведением, преступники имеют разный социальный статус и т. п. Вероятно, поэтому в отечественном законодательстве всегда присутствовали нормы, предполагающие те или иные компромиссы с лицами, подвергающимися уголовному преследованию.

Первые уголовные кодексы молодого Советского государства¹ содержали нормы, в той или иной степени допускающие возможность некоего компромисса с подозреваемыми и обвиняемыми. К примеру, ст. 4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – УПК РСФСР) 1922 года и ст. 4 УПК РСФСР 1923 года устанавливали, что уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное не может быть продолжено и подлежит прекращению во всякой стадии процесса, в том числе за примирением обвиняемого с потерпевшим по делам, возбужденным не иначе, как по жалобе потерпевшего, за исключением случаев, указанных в ст. ст. 10 и 11 УПК РСФСР (ч. 2), за истечением срока давности (ч. 4), вследствие акта об амнистии, если таковая исключает наказуемость совершенного обвиняемым или помилования отдельных лиц, или прекращения дел о них постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета или его Президиума, в порядке предоставленных ему законом прав (ч. 6). «Необходимо отметить, что УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. и внесенные в последующие годы изменения и дополнения в уголовно-процессуальное законодательство не содержали в себе норм, согласно которым процессуальная форма производства по уголовным делам в какой-то мере усложнялась» [3].

¹ Заметим, что компромиссные нормы были закреплены и в дореволюционном законодательстве.

В свою очередь в УК РСФСР 1922 г. содержались нормы, предусматривающие возможность назначения наказания ниже низшего предела (ст. 28), а также такие меры социальной защиты, заменяющие наказание, как удаление из определенной местности, передача несовершеннолетнего на поруки родителям (пп. «г», «д» ст. 46).

В дальнейшем отечественное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство становилось еще более гуманным по отношению к лицам, подвергающимся уголовному преследованию. В него были включены нормы, предусматривающие еще более широкие возможности для достижения компромиссов. Так, в УК РСФСР 1960 г. входили ст. 24.2 (Условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду), ст. 38 (Обстоятельства, смягчающие ответственность), ст. 50 (Освобождение от уголовной ответственности и наказания), ст. 52 (Освобождение от уголовной ответственности с передачей на поруки) и др. УПК РСФСР 1960 г. содержал ст. 6 (Прекращение уголовного дела в связи с изменением обстановки), ст. 7 (Прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием), ст. 8 (Прекращение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия) и др. [3].

Как отмечают О. В. Химичева и Г. П. Химичева, «многообразие фактических обстоятельств конкретных преступлений, особенности расследования и рассмотрения отдельных категорий уголовных дел неизбежно требует определенной дифференциации уголовно-процессуальной формы, различий в порядке осуществления уголовного судопроизводства. Такая необходимость существует объективно и обусловлена как спецификой преступлений, так и личностью подозреваемых, обвиняемых, а также потерпевших и иных участников уголовного процесса» [4]. Указанное дает основание утверждать, что компромиссы (основанные на нормах закона² и законодательно не урегулированные [5, с. 75]) как в ходе расследования, так и судебного разбирательства присутствовали и, вероятно, будут присутствовать всегда [6, с. 69].

Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации содержат еще более широкий перечень статей, предусматривающих возможность достижения компромисса с лицами, подвергающимися уголовному преследованию, либо их стимулирование к положительному посткриминальному поведению, поощрение за него. Анализ действующего законодательства, изучение научной и методической литературы позволили предложить следующую классификацию таких норм с учетом предмета настоящего исследования. Так, в зависимости от вида законодательства можно выделить соответствующие нормы, предусмотренные в:

- уголовном законе;
- уголовно-процессуальном законодательстве;
- законодательстве об административных правонарушениях и административном процессе;
- в гражданском, гражданско-процессуальном, ином законодательстве, регламентирующем цивилистический процесс.

² Речь идет о нормах, регламентирующих особенности освобождения от уголовной ответственности и наказания (деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, явка с повинной и т. п.).

С учетом направленности настоящей публикации дадим более развернутую классификацию норм первых двух пунктов из вышепредложенной классификации. Так, в зависимости от места в структуре нормативных актов, где излагаются такие нормы, их можно дифференцировать на те, что закреплены:

- в общей части. В УК РФ – это некоторые нормы, регламентирующие правила назначения наказания (ст. ст. 61, 62, 64, 65, 72.1 УК РФ); освобождение от уголовной ответственности (ст. 75–78 УК РФ); освобождение от наказания (ст. 79–83 УК РФ); некоторые иные нормы – ч. 2 ст. 31 УК РФ (кроме подготовки к совершению преступления небольшой или средней тяжести), применение принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ), амнистия, помилование, судимость (ст. 84–86 УК РФ), судебный штраф (ст. 104.4, 104.5 УК РФ) и др., в УПК РФ – основания отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и уголовного преследования (ст. 24, 25.1, 27, 28.1 УПК РФ);

- в особенной части. В УК РФ – это примечания к ст. 126 (Похищение человека), ст. 127.1 (Торговля людьми), ст. 198 (Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица – плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов), ст. 199 (Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией – плательщиком страховых взносов), ст. 204 (Коммерческий подкуп), ст. 205 (Террористический акт), ст. 205.1 УК РФ (Содействие террористической деятельности), ст. 291 УК РФ (Дача взятки) и другие. В Особенной части УПК РФ – гл. 40 УПК РФ (Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением); гл. 40.1 УПК РФ (Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве); гл. 51.1 УПК РФ (Производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности).

Обратим внимание, что, по мнению Н. Г. Стойко, «помимо таких уголовно-процессуальных стратегий, как защита прав и свобод обвиняемого, социальная поддержка обвиняемого, социальная поддержка потерпевшего, рациональность и эффективность уголовного судопроизводства, уголовное преследование выделяет еще и примирение» [7]. Причем автор обоснованно отмечает, что «названные стратегии должны не исключать, а дополнять друг друга» [8]. «Примирение является лучшим исходом дела, по которому виновный осознал свою вину, готов извиниться перед потерпевшим, загладить причиненный вред и разрешить конфликт, возникший по его вине» [9]. В связи с этим А. Г. Маркелов пишет: «Если проанализировать компромиссную процедуру примирения сторон в уголовном процессе, то она прежде всего направлена на обоюдное волеизъявление заинтересованных сторон в разрешении уголовно-правового конфликта» [10].

В то же время, вынуждены отметить, что концепция компромисса развивается преимущественно учеными в области уголовного права и уголовного процесса. В свою очередь, криминалисты, как правило, не выбирают предметом своих исследований компромиссы сторон обвинения и защиты, а зачастую выступают и с их жесткой критикой [11, с. 73]. Криминалисты осуществляют исследования преимущественно в рамках устоявшейся парадигмы, формируя систему научно-обоснованных рекомендаций, руководствуясь принципом бескомпромиссной борьбы с преступностью. Как результат, мы имеем, к примеру, многочисленные методики расследования отдельных видов и групп преступлений, зачастую, содержащие

повторяющие (дублирующие) друг друга положения (рекомендации) [11, с. 73–74]. К настоящему времени, несмотря на обширность практики использования компромиссных норм, их критику со стороны высшего руководства страны, представителей юридического сообщества, массовости ошибок и нарушений, допускаемых при расследовании и судебном разбирательстве с применением особых порядков, криминалисты до настоящего времени практически не занимались (на монографическом уровне) созданием систем научно обоснованных рекомендаций, направленных на оптимизацию использования упрощенных форм судопроизводства при обеспечении прав и законных интересов обвиняемых и потерпевших» [11, с. 73–74].

Как показал анализ научной и иной криминалистической литературы, на сегодня фактически отсутствуют системные рекомендации, посвященные криминалистическому обеспечению деятельности следователей по эффективному использованию норм, предусматривающих уголовно-правовые и уголовно-процессуальные компромиссы по уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, квалифицируемые по ст. 264 УК РФ (далее – ДТП). Подобного рода рекомендации зачастую можно встретить лишь на уровне фрагментов отдельных научных статей, монографий, подготовленных преимущественно представителями наук уголовного права и уголовного процесса [12; 13; 14]. В целом же целый ряд российских ученых обосновывают актуальность такого научного направление, как криминалистическое обеспечение компромиссов сторон обвинения и защиты (О. Я. Баев, М. О. Баев, Ю. П. Гармаев, А. С. Горбань, Е. И. Попова, И. А. Попова, Р. С. Хамидуллин, Я. Ю. Янина) [15; 16; 17; 18; 4; 19; 20; 21].

Отметив вышеприведенные обстоятельства, носящие, на наш взгляд принципиально важный характер, обратим внимание на некоторые аспекты совершения, расследования и привлечения к уголовной ответственности за дорожно-транспортные преступления. Итак, в обоснование такой позиции следует указать на следующее:

1. Преступления, которые квалифицируются по ст. 264 УК РФ, как правило, совершаются неожиданно для водителя.

2. В следственных ситуациях, когда лицо, совершившее ДТП, установлено [22, с. 316; 23, с. 85; 24, с. 101; 25, с. 72–73] сразу после его совершения (в ряде случаев – спустя определенное время), подозреваемые/обвиняемые по уголовным делам рассматриваемой категории зачастую раскаиваются в содеянном и готовы в той или иной форме (размере) возместить потерпевшему вред, причиненный в результате дорожно-транспортного происшествия (особенно, если это поможет улучшить его положение (быстрее прекратить производство уголовному делу, избежать судимости и т. п.). На это в рамках интервьюирования указали 78 % следователей и 82 % адвокатов. В то же время практически 100 % респондентов отметили, что с течением времени в ходе расследования стремление возместить вред, как правило, снижается, а иногда и вовсе пропадает.

3. Как показал анализ материалов уголовных дел, в 28 % случаев в результате совершения анализируемых преступлений потерпевшими признаются родственники, близкие лица водителя, которые не заинтересованы в его привлечении к уголовной ответственности.

4. Как правило, подозреваемые/обвиняемые по уголовным делам о преступлениях, квалифицированных по ст. 264 УК РФ заинтересованы в прекращении

в отношении них уголовного преследования. На это в рамках анкетирования обратили внимание 97 % следователей и 95 % адвокатов³.

Раскрываемость дорожно-транспортных преступлений достаточно высока, ежегодно в среднем она составляет около 91 % (в 2022 г. – 90%, в 2021 г. – 90 %, в 2020 г. – 98,4 %, в 2019 г. – 90 %, в 2018 г. – 89 %, в 2017 г. – 87,8 %). При этом из числа преступлений, дела и материалы которых находились в производстве органов расследования, в суд направляется в среднем менее 60 % (к примеру, в 2022 г. этот показатель составил 52 %)⁴, остальные прекращаются преимущественно по нереабилитирующему основаниям (в связи с примирением сторон, с деятельным раскаянием, назначением судебного штрафа и др.). Ежегодно примерно по 65 % таких уголовных дел судебное разбирательство производится в особом порядке (глава 40 УПК РФ). В целом же (вне зависимости от формы судебного разбирательства) около 40–45 % уголовных дел в суде прекращаются (в основном по нереабилитирующему основаниям). По обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, в 2022 г. было осуждено 8 370 чел. При этом число лиц, оправданных и в отношении которых уголовное дело было прекращено, составило 5 846 чел., или 70 % от числа всех подсудимых⁵.

Таким образом, можно говорить о широкой распространенности практики применения компромиссных норм⁶ по делам анализируемой категории. Однако, как показало проведенное исследование, следователь[19]⁷:

- 1) зачастую принимает решение о их применении «по факту», то есть, как правило, на завершающем этапе расследования;
- 2) не нацелен на решение тактических задач расследования (преодоление противодействия стороны защиты, обеспечение реальной защиты прав и законных интересов потерпевших, обвиняемых и так далее) путем использования компромиссных норм. На это в рамках интервьюирования следователей обратили внимание 48 % опрошенных. Вместе с тем следователь может эффективно использовать компромиссные нормы уголовного и уголовно-процессуального

³ Анкетирование проводилось в отношении 88 следователей, 84 адвокатов, интервьюирование в отношении 20 следователей, 11 адвокатов.

⁴ Состояние преступности в Российской Федерации в 2017–2022 годы. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации: URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987/> (дата обращения: 01.05.2023).

⁵ Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2022 года. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 10.05.2023).

⁶ Далее, если иное не оговорено, в качестве тождественных будут использоваться следующие словосочетания «нормы, предусматривающие компромисс», «нормы о компромиссах».

⁷ Здесь мы намеренно не упоминаем о ситуациях, когда следователь применяет компромиссные нормы намеренно, желая «прикрыть» нарушения закона и ошибки, допущенные сотрудниками правоохранительных органов. Об этом см., например: Прекращение уголовного дела по статье 264 УК РФ с назначением судебного штрафа в соответствии со статьей 25.1 УПК РФ и статьей 76.2 УК РФ на стадии предварительного расследования. Московская область, 2018 год / Праворуб. Режим доступа: <https://pravorub.ru/cases/80980.html> (дата обращения: 01.05.2023).

законодательства по уголовным делам о ДТП для решения тактических задач расследования (преодоление противодействия стороны защиты, обеспечение реальной защиты прав и законных интересов потерпевших, обвиняемых и так далее).

Сказанное позволяет утверждать, что давно назрела необходимость разработки системы научно-обоснованных криминалистических рекомендаций по эффективному использованию тактического потенциала компромиссных норм сотрудниками правоохранительных органов при расследовании ДТП. Применительно в анализируемой нами категории уголовных дел речь идет о компромиссных нормах, предусмотренных ст. 75 (Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием), 76 (Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим), 76.2 (Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа) Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 25 (Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон), 25.1 (Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа), 28 (Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием), гл. 40 (Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением), 51.1 (Производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности) УПК РФ. Также для целей оптимизации расследования ДТП следователем могут эффективно использоваться ст. 61 (Обстоятельства, смягчающие наказание), 62 (Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств), 78 (Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности) и др. УК РФ.

В то же время убеждены, что какие-либо компромиссные нормы в отношении лиц, совершивших анализируемые преступления в состоянии алкогольного опьянения, могут применяться лишь в исключительных случаях (например, когда водитель, будучи единственным, кто умеет управлять автомобилем, сел за руль для того, чтобы доставить в медицинское учреждение лицо, которому требовалась неотложная помощь. В других случаях, когда вождение автотранспортного средства в состоянии опьянения было вызвано жизненной необходимостью). Здесь справедливо утверждение о том, что «необходимо понимать, что всякий случай применения компромисса – мера прежде всего вынужденная. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные (дополнено нами. – Авт.) уступки могут применяться только в тех случаях, когда выполнение задач уголовного и уголовно-процессуального законодательства путем применения иного способа невозможно или самым существенным образом затруднено, создает реальную угрозу наступления непоправимых последствий. Другими словами, при применении компромисса должно соблюдаться требование вынужденности уступок и их соразмерности предполагаемым негативным последствиям» [4].

В целом мы разделяем позицию о том, что выражение «бескомпромиссная борьба с преступностью» в большей мере связано с нетерпимостью к совершению преступлений, с мгновенной и эффективной реакцией государства и общества на нарушения законодательства в результате осуществления общественно опасных деяний» [26]. В настоящее время широко распространено понимание того, что «борьба с преступностью как социальным явлением не может не быть бескомпромиссной. Признавая тот факт, что преступность — явление неискоренимое в современном обществе, также необходимо понимать, что борьба с ней должна вестись постоянно и

не допускать изъятий. Однако бескомпромиссность борьбы не означает отказа от применения поощрительных норм, формирующих институт компромисса...» [10]. «Перед государством стоит задача не только снизить уровень преступности, обеспечив неотвратимость наказания за совершенное преступление, но и сделать наказание наиболее справедливым и эффективным, максимально уменьшив социальные последствия как для самого осужденного, так и для государства в целом» [27].

В то же время совершенно очевидно, что расследование – это сложный процесс. Сложность, как отмечает, например, В. Д. Зеленский, «обусловлена его составными частями (в том числе процессуальным использованием специальных знаний), множественными субъектами, противодействием заинтересованных лиц и большим числом иных факторов» [28]. Именно поэтому убеждены, что следователь должен иметь обширный тактический арсенал, в котором присутствуют разнообразные инструменты, позволяющие эффективно преодолевать противодействие уголовному проследованию, формировать непротиворечивую и прочную доказательственную базу при безусловном обеспечении законности при производстве по уголовному делу. Одним из таких инструментов, как показало проведенное нами исследование следственной и судебной практики, по уголовным делам о преступлениях, квалифицированных по ст. 264 УК РФ может быть достижение компромисса сторон обвинения и защиты путем использования норм действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства (ст.ст. 75, 76, 76.2 УК РФ и ст. 25, 25.1, 28, гл. 40, 40.1, 51.1 УПК РФ).

Тезисно обозначим некоторые из ключевых моментов использования следователем компромиссных и иных норм для оптимизации расследования ДТП. Следователь может принять решение о применении по уголовному делу о преступлении, квалифицированном по ст. 264 УК РФ, компромиссных норм на любом, в том числе первоначальном, этапе расследования. Однако только при наличии следующих групп условий:

1) следователь должен быть субъективно убежден, что дорожно-транспортное происшествие действительно подпадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ;

2) должно быть однозначно установлено, что именно обвиняемый совершил преступление, квалифицированное по ст. 264 УК РФ;

3) необходимо наличие оснований для применения компромиссных норм;

4) целесообразность для решения тактических задач расследования (формирование прочной доказательственной базы; преодоление противодействия уголовному преследованию; обеспечение реального соблюдения и защиты прав обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца; процессуальной экономии при безусловном обеспечении полноты расследования, соблюдении принципов уголовного судопроизводства), получения следователем тактических преимуществ, которые предоставляет применение компромиссных норм.

В случае принятия решения о целесообразности достижения компромисса со стороной защиты следователю с целью достижения стойкой установки обвиняемого на положительное посткриминальное поведение (в том числе возмещение потерпевшему вреда, причиненного преступлением) целесообразно продемонстрировать ему и его защитнику преимущества применения компромиссных норм: возможность прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования, в том числе на досудебных стадиях; минимизация времени на участие в уголовном судопроизводстве,

эмоциональных затрат, связанных с участием в уголовном процессе; вероятность снижения расходов на вознаграждение адвоката (при определенных условиях). Целесообразно обратить внимание стороны защиты и на то, что добровольное содействие сотрудникам органов предварительного расследования, как правило, позволяет достоверно и полно установить все обстоятельства совершенного преступления, а значит предупредить ошибки при квалификации действий обвиняемого, верно установить обстоятельства, смягчающие наказание, обстоятельства, которые могут повлечь освобождение от уголовной ответственности и наказания, и т.п. В целом перечень таких преимуществ, в зависимости от следственной ситуации, с учетом личности обвиняемого и других обстоятельств может быть достаточно разнообразным.

При этом одним из главных условий применения достижения вышеобозначенного компромисса должен быть приоритет защиты прав и законных интересов потерпевших. Как отмечалось выше делам о преступлении, квалифицированном по ст. 264 УК РФ типично нарушение прав и законных интересов потерпевшего. Несмотря на то что этот субъект наделен достаточно большим кругом процессуальных прав (ст. 42 УПК РФ), он зачастую не обладает необходимыми знаниями о том, как действовать в рамках правового поля, чтобы реально отстоять свои интересы. Одновременно с этим вред, причиненный здоровью потерпевшего, является серьезным препятствием в направлении реализации предоставленных ему действующим законодательством прав. Именно поэтому следователь как представитель органов государственной власти и гарант законности при производстве по уголовному делу обязан предпринимать комплекс мер по максимально эффективной защите прав и законных интересов потерпевших.

Для целей обеспечения защиты прав и законных интересов потерпевшего, баланса интересов сторон обвинения и защиты предлагается реализовывать тактическую операцию «Возмещение потерпевшему вреда по делам о нарушениях правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств». Ее реализация целесообразна:

1) для решения целого ряда тактических задач (преодоление противодействия уголовному преследованию со стороны потерпевшего, лица, подвергающегося уголовному преследованию, иных заинтересованных лиц; точное определение всех обстоятельств, связанных с вредом, причиненным нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств; формирование у обвиняемого добровольного решения о необходимости возмещения вреда, причиненного нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств; убеждение защитника в целесообразности принятия такого решения подзащитным; обеспечение реальной защиты прав и законных интересов непрофессиональных участников уголовного процесса;

2) при наличии необходимых условий (достоверно установлена виновность лица, его действиям дана верная квалификация, потерпевший намерен требовать возмещение вреда; обвиняемый уклоняется от возмещения ему вреда).

С учетом всего вышеизложенного, полагаем доказанной актуальность формирования системы криминалистических рекомендаций по использованию следователем норм о компромиссах по делам о ДТП. Одновременно следует отметить, что такая система криминалистических рекомендаций:

1) должна рассматриваться как часть частной криминалистической методики расследования преступлений названной категории. Содержательно соответствующие рекомендации могут излагаться в рамках тактики производства следственных действий, взаимодействия следователя с другими сотрудниками правоохранительных органов защитником, потерпевшим. Отдельные положения могут найти отражение в рамках систем криминалистических рекомендаций, адресованных работникам прокуратуры и судьям, участвующим при рассмотрении судами уголовных дел о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств;

2) может быть использована для разработки/модернизации тактико-криминалистических рекомендаций по использованию следователем (дознавателем) иных (помимо тех, с использованием содержания которых предложены рекомендации в рамках настоящей работы) компромиссных норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства;

3) может учитываться при разработке/модернизации уже сформированных методик расследования преступлений в случае, если имеются законные основания для применения компромиссных норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. Москва: НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М), 2001.
2. Волчецкая, Т. С. Современные направления развития криминалистики как науки и как учебной дисциплины // Вестник Башкирского государственного университета. 2015. № 1. С. 349–352.
3. Зинатуллин, Т. З. Уголовно-процессуальная форма в законодательстве, теории и практике советского и постсоветского российского уголовного судопроизводства / Т.З. Зинатуллин, Д.Р. Гимазетдинов // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2013. № 3. С.138-143.
4. Химичева, О.В. Дифференциация как основной тренд современного уголовного судопроизводства / О. В. Химичева, Г. П. Химичева // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С.33–36.
5. Аликперов, Х. Д. Компромисс в борьбе с преступностью Москва, 1999.
6. Попова, Е.И. Поддержание государственного обвинения в особом порядке судебного разбирательства: монография М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2020.
7. Стойко, Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук СПб., 2007. 50 с.
8. Фильченко, А. П. Компромисс как метод уголовно-правового регулирования // Вестник Пермского университета. 2013. № 2 (20). С. 251–259.
9. Виницкий, Л. В. Субъекты примирения в уголовном процессе России / Л.В. Виницкий // Российское право в Интернете. 2009. № 05. Спецвыпуск. Режим доступа: <http://www.rpi.msal.ru> (дата обращения: 18.05.2023).
10. Янина, Я. Ю. Теоретические и практические аспекты применения компромиссов для разрешения конфликтов предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2007. 194 с.

11. Попова, Е. И. Негативные факторы заинтересованности следователя в рассмотрении уголовного дела судом в порядке главы 40 УПК РФ // Российский следователь. М.: Юрист, 2011. № 4. С. 12–15;
12. Кусакин, В. В. Некоторые вопросы реализации уголовно-правовых норм об ответственности за преступления в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. №29 (Т.1). С. 110–118.
13. Любимов, Л. В. Дорожно-транспортные преступления: проблемы законодательного конструирования составов и дифференциации ответственности участников дорожного движения: дис. ... канд. юрид. наук / Л.В. Любимов. М., 2005. 234 с.
14. Кудряшов, А. В. Примирение с потерпевшим по делам о преступлениях, повлекших по неосторожности смерть человека в результате дорожно-транспортных происшествий / А.В. Кудряшов // Виктимология. 2017. №4 (14). С. 53–56.
15. Гармаев, Ю. П. Использование следователем норм об особом порядке судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) / Ю.П. Гармаев, Е.И. Попова. Новосибирск, 2016.
16. Попова, И. А. Тактико-криминалистическое обеспечение компромиссных процедур в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 30 с.
17. Попова, Е. И. Расследование с использованием норм об особом порядке (гл. 40 УПК РФ). М., 2017.
18. Горбань, А. С. Особенности организации расследования при производстве дознания в сокращенной форме дис. ... канд. юрид. наук Краснодар, 2021. 208 с.
19. Сверчков, В. В. Действительные и мнимые проблемы допустимого компромисса в противостоянии преступности. URL: <http://www.k-press.ru/bh/2002/4/sverchkov/sverchkov.asp> (дата обращения: 02.05.2023).
20. Шатихина, Н. С. К вопросу об уголовно-правовой природе компромисса / Н.С. Шатихина // Правоведение. 2003. № 3 (248). С. 91–98.
21. Баев, О. Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения: монография. Москва: Норма, Инфра-М, 2013.
22. Криминалистика: учебник / под ред. Е. П. Ищенко. М., 2006.
23. Абрамочкин, В. В. Расследование дорожно-транспортных преступлений: учеб. пособие / В.В. Абрамочкин. М.: Щит-М, 2010.
24. Владимиров, С. В. Расследование наезда транспортного средства на пешехода: дис. ... канд. юрид. наук Владимир, 2011. 217 с.
25. Кольчурин, А. Г. Особенности расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в сельской местности: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 223 с.
26. Славская, Н. В. Сущность уголовно-правового компромисса и его возможности // Государство и право в XXI веке. 2016. № 2. С. 48–54.
27. Стойко, Н. Г. Стратегии уголовного процесса и их совместимость // Российский следователь. 2006. № 4. С. 12-15.
28. Зеленский, В. Д. Основные положения организации расследования преступлений: учеб. пособие. Краснодар: Изд-во КубГАУ, 2012.

REFERENCES

1. Belkin R. S. *Kriminalistika: problemy segodnjashnego dnja. Zlobodnevnye voprosy rossijskoj kriminalistiki* [Criminalistics: problems of today. Current issues of Russian criminalistics]. M.: NORMA (NORMA-INFRA M Publishing Group), 2001.
2. Volchetskaya T. S. *Sovremennye napravlenija razvitiya kriminalistiki kak nauki i kak uchebnoj discipliny* [Modern trends in the development of criminalistics as a science and as a discipline]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Bashkir State University*. 2015, no. 1, pp. 349-352.
3. Zinatullin T.Z. *Ugolovno-processual'naja forma v zakonodatel'stve, teorii i praktike sovetskogo i postsovetskogo rossijskogo ugolovnogo sudoproizvodstva* [Criminal-procedural form in the legislation, theory and practice of the Soviet and post-Soviet Russian criminal justice]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija «Jekonomika i pravo» – Vestnik of Udmurt University. Series "Economics and Law"*. 2013, no. 3, pp.138-143.
4. Khimicheva O.V. *Differenciacija kak osnovnoj trend sovremennoj ugolovnogo sudoproizvodstva* [Differentiation as the main trend of modern criminal proceedings]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018, no. 1, pp.33-36.
5. Alikperov, H.D. *Kompromiss v bor'be s prestupnost'ju Moskva* [Compromise in the fight against crime]. M., 1999.
6. Popova E.I. *Podderzhanie gosudarstvennogo obvinenija v osobom porjadke sudebnogo razbiratel'stva* [Maintaining the state prosecution in a special order of court proceedings]. Moscow: Publishing house "Yurlitinform", 2020, 20 p.
7. Stoyko N.G. *Ugolovnyj process zapadnyh gosudarstv i Rossii: sravnitel'noe teoretiko-pravovoe issledovanie anglo-amerikanskoy i romano-germanskoj pravovyh sistem: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Criminal process of the western states and Russia: comparative theoretical and legal research of Anglo-American and Romano-Germanic legal systems: autoref. diss. D. in law]. Saint-Petersburg. 2007, 50 p.
8. Filchenko A.P. *Kompromiss kak metod ugolovno-pravovogo regulirovaniya* [Compromise as a method of criminal-legal regulation]. *Vestnik Permskogo universiteta – Vestnik of Perm University*. 2013, no. 2 (20), pp. 251-259.
9. Vinitsky, L.V. *Sub#ekty primirenija v ugolovnom processe Rossii* [Subjects of reconciliation in criminal proceedings in Russia]. *Rossijskoe pravo v Internete – Russian law on the Internet*. 2009, no. 05. Special issue. Mode of access: <http://www.rpi.msal.ru> (date of reference: 18.05.2023).
10. Yanina, Y.Y. *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty primenenija kompromissov dlja razreshenija konfliktov predvaritel'nogo sledstvija: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk.* [Theoretical and practical aspects of application of compromises for the resolution of conflicts of preliminary investigation: doctoral dissertation. Candidate of jurisprudence]. Kaliningrad, 2007, 194 p.
11. Popova E.I. *Negativnye faktory zainteresovannosti sledovatelja v rassmotrenii ugolovnogo dela sudom v porjadke glavy 40 UPK RF* [Negative factors of interest of an investigator in consideration of a criminal case by the court under chapter 40 of the CPC of the RF]. *Rossijskij sledovatel' – Russian investigator*. Moscow, 2011, no. 4, pp. 12-15;
12. Kusakin, V.V. *Nekotorye voprosy realizacii ugolovno-pravovyh norm ob otvetstvennosti za prestuplenija v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija i jeksploatacii transporta* [Some issues of implementation of criminal-law norms of responsibility for crimes in the field of road safety and operation of transport]. *Juridicheskij Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta – Juridical Vestnik of Dagestan State University*. 2019, no.29 (vol.1), pp. 110-118.

13. L. V. Lyubimov, Dorozhno-transportnye prestuplenija: problemy zakonodatel'nogo konstruirovaniya sostavov i differenciacii otvetstvennosti uchastnikov dorozhnogo dvizhenija: dis. ... kand. jurid. nauk [Road traffic crimes: problems of legislative construction of corpus delicti and differentiation of responsibility of road traffic participants: diss. D. in Law]. M., 2005, 234 p.
14. Kudryashov A.V. Primirenie s poterpevshim po delam o prestuplenijah, povlekshih po neostorozhnosti smert' cheloveka v rezul'tate dorozhno-transportnyh proisshestvij [Reconciliation with the victim in cases of crimes resulting in negligent death as a result of road accidents]. *Victimologija – Victimology*. 2017, no.4 (14), pp. 53-56.
15. Garmaev Y.P. Ispol'zovanie sledovatelem norm ob osobom porjadke sudebnogo razbiratel'stva (gl. 40 UPK RF) [The use by an investigator of the norms of a special order of court proceedings (Chapter 40 of the Criminal Procedural Code of the RF)]. Novosibirsk, 2016.
16. Popova I.A. Taktiko-kriminalisticheskoe obespechenie kompromissnyh procedur v ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. [Tactico-criminalistic maintenance of compromise procedures in criminal proceedings: autoref. d. ... Candidate of Law]. Saratov, 2011, 30 p.
17. Popova E.I. Rassledovanie s ispol'zovaniem norm ob osobom porjadke (gl. 40 UPK RF) [Investigation with the use of the norms of the special order (Chapter 40 of the CPC of the RF)]. M., 2017.
18. Gurban, A.S. Osobennosti organizacii rassledovaniya pri proizvodstve doznanija v sokrashchennoj forme dis. ... kand. jurid. nauk [Peculiarities of the organization of the investigation during the investigation in the reduced form. Candidate of Law]. Krasnodar, 2021, 208 p.
19. Sverchkov, V.V. Dejstvitel'nye i mnimye problemy dopustimogo kompromissa v protivostojanii prestupnosti [Actual and imaginary problems of admissible compromise in the confrontation of crime]. URL: <http://www.k-press.ru/bh/2002/4/sverchkov/sverchkov.asp> (access date: 02.05.2023).
20. Shatikhina N.S. K voprosu ob ugolovno-pravovoj prirode kompromissa [Thee question about the criminal-legal nature of a compromise]. *Pravovedenie – Jurisprudence*. 2003, no. 3 (248), pp. 91-98.
21. Bayev O.Y. Dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve: pravovye i kriminalisticheskie problemy, vozmozhnye napravlenija ih razreshenija [Pre-trial agreement on cooperation: legal and criminological problems, possible directions of their resolution]. M.: Norma, Infra-M, 2013.
22. Ishchenko E. P. (ed.) *Kriminalistika* [Criminalistics]. M., 2006.
23. Abramochkin, V.V. Rassledovanie dorozhno-transportnyh prestuplenij [Investigation of road traffic crimes]. Moscow: Shield-M, 2010.
24. Vladimirov S.V. Rassledovanie naeza transportnogo sredstva na peshehoda: dis. ... kand. jurid. nauk [Investigation of a vehicle collision with a pedestrian: Ph. Candidate of Law]. Vladimir, 2011, 217 p.
25. Kolchurin A.G. Osobennosti rassledovaniya dorozhno-transportnyh prestuplenij, sovershennyh v sel'skoj mestnosti: dis. ... kand. jurid. nauk. [Peculiarities of the investigation of traffic crimes committed in rural areas: Ph. Cand. in Philosophy]. Krasnodar, 2004, 223 p.
26. Splavskaya, N.V. Sushhnost' ugolovno-pravovogo kompromissa i ego vozmozhnosti [Essence of criminal-law compromise and its possibilities]. *Gosudarstvo i pravo v XXI veke – State and law in the XXI century*. 2016, no. 2, pp. 48-54.

27. Stoyko N.G. Strategii ugolovnogo processa i ih sovmestimost' [Strategies of criminal process and their compatibility]. Rossijskij sledovatel' – Russian investigator. 2006, no. 4, pp. 12-15.

28. Zelensky, V.D. Osnovnye polozhenija organizacii rassledovanija prestuplenij [The main provisions of the organization of the investigation of crimes]. Krasnodar, Publishing house of KubGAU, 2012.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Попова Елена Ильинична, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики. Башкирский государственный университет. 450076, Уфа, ул. Заки Валиди, 32,

Сандакова Арюна Баировна, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин. Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления. 670013 Республика Бурятия г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40 В.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Popova Elena Ilyinichna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology. Bashkir State University. Zaki Validi str., 32, Ufa, 450076,

Sandakova Aryuna Bairovna, senior lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines. East Siberian State University of Technology and Management. 670013 Republic of Buryatia Ulan-Ude Klyuchevskaya str., 40 V.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 240–250.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023.
no.4 (107). P. 240–250.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 343.9

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.66.16.021

ПРОФИЛАКТИКА ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Тирских Анатолий Афанасьевич

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, fvs-mvd@mail.ru

Введение. В представленной статье рассмотрены актуальные проблемы противодействия идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде.

Автором проанализированы взгляды авторов, касающиеся данной проблемы. Исследованы состояние и динамика преступлений экстремистской и террористической направленности. Отдельно рассмотрены преступные деяния, связанные с распространением идеологии экстремизма и терроризма. Рассмотрен криминологический портрет личности преступника, указан причинный комплекс совершения указанных преступных деяний, рассмотрены направления их профилактики и предупреждения.

Методы и материалы. Нормативно-правовую базу исследования составили Конституция Российской Федерации, федеральные законы, регламентирующие вопросы противодействия экстремизму и терроризму, а также научные работы, в которых исследуется данная проблематика. Методологическую основу работы составил общий диалектический метод научного познания. Также применялись методы логической дедукции и индукции. Наряду с этим использовались познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили рассмотреть и проанализировать проблемные вопросы распространения идеологии экстремизма и терроризма, совершающейся в образовательной среде, а также предложить определенные меры противодействия.

Выводы и заключения. Глубокое изучение всех аспектов распространения идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде будет способствовать выработке эффективных и своевременных профилактических мер в данной сфере.

Ключевые слова: профилактика, пропаганда, экстремизм, терроризм, образовательная среда, преступления

Для цитирования: Тирских А. А. Профилактика идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 240–250.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.66.16.021

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

PREVENTION OF EXTREMIST AND TERRORIST IDEOLOGY IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Anatoly A. Tirsikh

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, fvs-mvd@mail.ru

Introduction: The presented article considers the actual problems of countering the ideology of extremism and terrorism in the educational environment.

The author analyses the views of authors concerning this problem. The state and dynamics of extremist and terrorist offences are studied. Separately considered criminal acts related to the spread of extremism and terrorism ideology. The criminological portrait of the criminal personality is considered, the causal complex of committing these criminal acts is indicated, the directions of their prevention and prevention are considered.

Methods and Materials: The normative-legal base of the study was formed by the Constitution of the Russian Federation, federal laws regulating the issues of countering extremism and terrorism, as well as scientific works that explore this issue. The methodological basis of the work was the general dialectical method of scientific cognition. Also methods of logical deduction and induction were used. Along with this, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalisation and description were used.

The Results of the Study: made it possible to consider and analyse the problematic issues of the spread of extremist and terrorist ideology committed in the educational environment, as well as to propose certain countermeasures.

Findings and Conclusions: An in-depth study of all aspects of the spread of extremist and terrorist ideology in the educational environment will contribute to the development of effective and timely preventive measures in this area.

Keywords: prevention, propaganda, extremism, terrorism, educational environment, offences

For citation: Tirsikh A.A. Profilaktika ideologii jekstremizma i terrorizma v obrazovatel'noj srede [Prevention of the ideology of extremism and terrorism in the educational environment]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 4 (107), pp. 240–250.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.66.16.021

Современный мир полон противоречий, катаклизмов и конфликтов. Отмечается нестабильность общественно-политической и социально-экономической обстановки, наблюдается значительная дифференциация населения по уровню жизни и достатка, растет недовольство определенных групп населения своим социальным и материальными положением.

В этой связи отчетливо проявляются две тенденции. Первая состоит в том, что в любом обществе имеются девиантные личности, которые для удовлетворения своих потребностей готовы к применению крайних мер и средств. В своих действиях данные лица нередко становятся на путь совершения преступлений экстремистской и террористической направленности.

Другая тенденция проявляется в росте негативных тенденций в межгосударственных отношениях, которые часто приводят к военным столкновениям и подрывной деятельности, носящей часто гибридный характер.

В таких условиях в государстве и обществе под воздействием пропаганды также появляются граждане, которые совершают действия экстремистской направленности. Иностранные государства и их спецслужбы зачастую используют таких лиц для подрыва государственного и общественного строя, создания атмосферы страха, террора, ослабления всех государственных институтов.

Среди существующих угроз безопасности России, наряду с военными, политическими и иными, безусловной, одними из основных являются угрозы распространения идеологии терроризма и экстремизма в образовательной среде среди молодежи, и особенно несовершеннолетних.

Так, выступая на заседании коллегии ФСБ России 28 февраля 2023 года, президент России В. В. Путин, говоря об угрозах использования Западом экстремизма и терроризма, в частности, отметил, что «мы знаем, что они никогда не брезговали использовать в своих интересах и радикалов, и экстремистов, несмотря на все громогласные заявления о борьбе с международным терроризмом. Против нас всегда используют то, что под рукой, то, что можно, то и используют. Всегда так было – и сейчас так» [1].

Также президент России В. В. Путин подчеркнул, что должна быть продолжена работа правоохранительных органов по выявлению и пресечению лиц и организаций, которые используют телекоммуникационную сеть Интернет для пропаганды идеологии экстремизма и терроризма.

Важность этой работы обозначена в докладе Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В. А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 20 марта 2023 г. Так, по данным МВД России в 2022 г. наращивались усилия по нейтрализации радикальных структур, пресечению экстремистских и террористических проявлений. В список экстремистских внесены 11 организаций, включая ряд украинских неонацистских структур. Деятельность 18 организаций объявлена нежелательной на территории России. Также только в 2022 г. задокументировано более одной тысячи преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в преступную или антиобщественную деятельность [2].

Вовлеченность молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность на сегодня является одной из болевых точек современной России и вызывает глубокую озабоченность как общества, так и государства в целом. Именно поэтому целенаправленная работа по профилактике идеологии экстремизма и терроризма является важным направлением государственной политики России.

Статистика последних лет говорит об устойчивых тенденциях роста проявлений экстремизма и терроризма в России. Их динамику можно рассмотреть в таблице № 1.

Таблица № 1

**Динамика преступлений экстремистской
и террористической направленности за период 2018-2023 гг. [3]**

Преступления:	Годы					
	2018	2019	2020	2021	2022	1-е полугодие 2023
экстремистской направленности	1265	585	833	1057	1566	802
террористической направленности	1679	1806	2342	2136	2233	1365

Динамический ряд преступлений экстремистской направленности за период 2018–2022 гг. говорит о постепенном увеличении указанных преступных деяний. Их показатель за указанный период варьировался с 833 до 1 566 преступлений. За 1-е полугодие 2023 г. число таких преступлений составило уже 802 деяния.

В свою очередь, можно наблюдать также определенный рост преступлений террористической направленности. Так, если в 2018 г. число данных преступлений составило 1 679 деяний, то в 2022 г. зарегистрировано уже 2 233 преступления, или на 33 % больше. Негативные тенденции прослеживаются также по итогам 1-го полугодия 2023 г., когда зарегистрировано 1 365 преступных деяний.

Такая статистическая картина проявлений экстремизма и терроризма показывает, что по-прежнему на сегодняшний момент не удается коренным образом переломить и изменить ситуацию в данной сфере, обеспечить профилактику этих антигосударственных антиобщественных действий.

При анализе преступлений экстремистской и террористической направленности следует иметь в виду, что, хотя в количественном отношении в общей структуре преступности их число невелико, однако общественная опасность этих преступных деяний очень высока, вызывает широкий общественный резонанс и посягает на сами основы существования государства.

Говоря о преступлениях экстремистской и террористической направленности, нельзя не отметить, что успешная борьба с данными преступными деяниями состоит не только в механическом их пресечении, но и в глубокой комплексной работе по профилактике идеологии проявлений экстремизма и терроризма, основанной на научном фундаменте исследований в данной сфере.

Необходимо указать, что актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму давно уже находятся в сфере научных интересов исследователей. Указанная проблематика стала темой многочисленных научных изысканий. Причем рассмотрение этих проблем осуществлялось многоаспектно и фундаментально.

Так, криминологические и уголовно-правовые аспекты терроризма рассматривались в исследованиях Ю. М. Антоняна, В. И. Василенко, В. В. Грачева, А. С. Горелик, С. У. Дикаева, В. П. Емельянова, В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. А. Лунева, Л. А. Моджорян, Э. Ф. Побегайло, В. Е. Петрищева, В. П. Тихого, Д. В. Сопова, В. А. Федорцева, С. А. Эфирова.

Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений экстремистской направленности анализируется такими учеными, как Ю. М. Антонян, Я. И. Гилинский, С. В. Дьякова, А. И. Долгова, В. П. Емельянов, А. В. Жеребченко, Л. И. Залихановой, В. И. Ткаченко, Р. М. Узденов, В. В. Устинов, А. Г. Хлебушкин и др.

Указанные ученые в своих исследованиях рассматривают проблемы профилактики экстремизма и терроризма в общем плане без подробного рассмотрения специфики профилактики идеологии этих негативных явлений.

Среди различных специалистов и исследователей, анализирующих проблемы профилактики идеологии и пропаганды экстремизма и терроризма с использованием различных средств коммуникации, следует отметить О. Н. Алексеева, М. Ю. Великосельского, Д. А. Журавлева, Е. П. Ильина, Д. В. Ольшанского, М. И. Шамова и иных авторов.

Вместе с тем, несмотря на наличие многочисленных научных исследований по проблемам борьбы с экстремизмом и терроризмом, вопросы предупреждения и профилактики идеологии этих антиобщественных явлений являются дискуссионными и требующими дальнейшего научного осмыслиения.

В последние годы проведена большая работа, направленная на формирование правовой основы противодействия экстремизму и терроризму. Основные принципы закреплены в Конституции Российской Федерации, в международных договорах Российской Федерации. Приняты Федеральный закон от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», а также другие нормативные правовые акты в данной сфере.

Представляется, что понимание сущности преступлений экстремистской и террористической направленности начинается с уяснения терминологии этих понятий.

В российском законодательстве под экстремизмом обычно понимают противозаконную деятельность, которая включает значительный перечень антигосударственных и антиобщественных действий. В данный перечень включены такие незаконные действия, как насилиственное изменение основ конституционного строя и нарушение территориальной целостности Российской Федерации, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, публичные призывы к осуществлению экстремистских деяний, массовое распространение заведомо экстремистских материалов и ряд других действий [4].

Крайним проявлением экстремистской деятельности является терроризм. Как правило, терроризм характеризуется организацией преступных вооруженных формирований, совершением террористических актов и других преступлений, связанных с пропагандой идей терроризма, распространение информации и материалов, которые призывают к использованию террористических методов и ряд иных подобных действий.

Научное осмыслиение и анализ приведенных терминов свидетельствует, что к числу преступлений экстремистской и террористической направленности безусловно относятся преступные деяния, связанные с радикальной идеологией, пропагандой идей указанных выше негативных явлений.

Следует отметить, что под идеологией обычно понимают систему идей, характеризующих определенную группу лиц, общество, класс [5]. Применительно к идеологии экстремизма и терроризма следует говорить о ценностных установках, которые присущи радикальным элементам и выражают их глубинные интересы.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации приводится понятие экстремистской идеологии, где она понимается как совокупность взглядов и идей, представляющих насилиственные и иные противоправные действия, как основное средство разрешения политических, расовых, национальных, религиозных и социальных конфликтов [6].

Экстремистская идеология является основой современного терроризма, и эта угроза будет сохраняться до тех пор, пока существуют каналы распространения экстремистских идей. Идеология экстремизма и терроризма в современных условиях становится скрепляющим, можно сказать, цементирующим элементом, который определяет направления деятельности членов экстремистских организаций, консолидирует усилия на совершение противоправных действий, служит основой для привлечения и вербовки в ряды радикалов новых членов экстремистских ячеек.

Определение «среда» происходит от старофранцузского слова, в переводе означает «окружать». Таким образом, среда – это то, что окружает.

К определению термина «образовательная среда» существуют различные подходы. Так, психологический терминологический словарь трактует образовательную среду как часть социокультурного пространства, зону взаимодействия образовательных систем, их элементов, образовательного материала и субъектов образовательных процессов [7]. Думается, что с данным определением можно согласиться.

Принимая во внимание, что из всех чувствительных к воздействию идеологии экстремизма и терроризма групп населения основной является молодежь, в свою очередь, это обуславливает необходимость реализации мер по профилактике указанных явлений среди обучающихся образовательных организаций.

Сегодня ни для кого не является секретом факт, что основным каналом проникновения враждебной идеологии экстремизма и терроризма среди обучающихся является информационно-телекоммуникационная сеть Интернет и информационные технологии. Динамику преступлений, связанных с распространением идеологии терроризма и экстремизма можно рассмотреть в таблице № 2.

Таблица № 2

Динамика преступлений экстремистской и террористической направленности, с использованием информационных технологий в 2019–2023 годах [8]

Преступления	Годы				
	2019	2020	2021	2022	1-е полугодие 2023
публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма, или оправдание терроризма ст. 205.2 УК РФ	212	232	315	490	335
публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности ст. 280 УК РФ	257	340	455	493	253

Анализируя преступления, связанные с публичным призывом к осуществлению террористической деятельности или публичным оправданием терроризма или

пропагандой терроризма (ст. 205.2 УК РФ), можно отметить, что отчетливо просматривается рост указанных преступных деяний. Их число в период с 2019 по 2022 гг. увеличилось более чем в два раза. Данная тенденция просматривается и в 1 полугодии 2023 г., когда таких преступлений совершено 335.

При рассмотрении динамики преступлений, связанных с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), следует констатировать, что здесь также отмечается тенденция роста преступных деяний.

Таким образом, статистический анализ преступлений экстремистской и террористической направленности, совершенных с использованием информационных технологий, говорит о последовательном и неуклонном росте негативных идеологических установок и экстремистских идей радикальных элементов в российском обществе.

Распространение негативной экстремистской идеологии выливается в серии акций радикального толка в образовательных организациях России, в том числе с использованием огнестрельного оружия. Число этих фактически террористических акций в последние годы пугающее увеличилось. Жертвами преступных действий становятся как несовершеннолетние обучающиеся, так и преподаватели образовательных организаций.

Расследование преступлений показывает, что совершению преступных деяний предшествовал длительный период общения в социальных сетях, сетевых обществах экстремистского и радикального направлений, где исполнитель террористических акций заражался идеями экстремизма и терроризма, допустимости решения своих внутренних проблем через насилие и лишение жизни значительного числа других людей.

Рост актов насилия в целом, в том числе и в образовательных организациях, а также преступных деяний, связанных с пропагандой идей экстремизма и терроризма, позволяет сделать вывод о необходимости более глубокого и всестороннего изучения личности преступника, совершающего преступные деяния экстремистской направленности и проповедующего радикальные взгляды.

Несомненно, изучение личности преступника, совершившего преступления экстремистской направленности, представляет серьезный научный интерес, как в теоретическом плане, так и имеет самостоятельное практическое значение для выработки мер профилактики.

Некоторые исследователи данного вопроса выделяют несколько моделей личности преступника, которые связаны с проявлением различных видов экстремизма. Так, выделяют религиозный экстремизм, молодежный экстремизм, политический экстремизм. Все три модели имеют свою характеристику личности преступника, свои особенности и основные черты [9].

Так, при религиозном экстремизме лицо, исповедующее экстремистские взгляды, строит свои убеждения на искаженном понимании религиозных убеждений, превосходстве своей религии перед остальными. Обычно возраст участников этой группы колеблется от 16 до 30 лет. Свое недовольство они выражают с помощью различных форм, в том числе насилия.

Для молодежного экстремизма свойственен достаточно молодой возраст участников экстремистских группировок, в основном имеющих крайне взгляды на существующие проблемы в обществе. Преступные деяния совершаются из принципа национальной вражды, ненависти и унижения достоинства.

Политический экстремизм проистекает из-за неудовлетворенности какого-либо лица либо определенной группы лиц деятельностью государства, его политической

системы. На наш взгляд, это наиболее опасные преступники, совершающие экстремистские преступные деяния, так как они посягают на основы существования государства и общества, что может привести к весьма тяжелым последствиям. Средний возраст таких лиц примерно от 16 до 27 лет.

В целом, как показывают исследования, большая часть преступлений экстремистской направленности совершается лицами мужского пола (99,3 %). Возрастной ценз составляет: от 14 до 18 лет – 28,7 %; от 18 до 25 лет – 52,4 %; от 25 до 30 лет – 18,9 %. Подавляющее число указанных лиц не состояли в браке (87,5 %), не имели официального источника дохода (75,3 %). Большинство привлекались к уголовной ответственности (88,9 %); 75,5 % привлеченных к ответственности были в состоянии алкогольного или наркотического опьянения [10].

Таким образом, подавляющее число лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, составляют лица молодежного возраста, в том числе обучающиеся в образовательных организациях. Все эти обстоятельства ставят на повестку дня вопросы осуществления профилактической работы по недопущению проявлений экстремизма и терроризма, неприятия идеологии терроризма во всех ее проявлениях.

Между тем в целях эффективного противодействия антигосударственным и антиобщественным проявлениям среди молодежи в образовательных организациях следует тщательно проанализировать причинный комплекс, который влияет на осуществление противоправной деятельности и совершению преступных деяний.

Анализ этих причин показывает, что к ним можно отнести следующие:

- низкая правовая культура лиц молодежного возраста;
- наличие в молодежной среде различных субкультур, которые нередко оправдывают решение различного рода проблем с помощью незаконных действий, в том числе и насилия;
- рост числа преступлений, совершаемых с помощью информационно-телекоммуникационных технологий;
- широкий доступ к гаджетам с возможностью доступа в сеть Интернет, где без ограничений появляется возможность к поиску любой информации, нередко противоправного характера;
- наличие в социальных сетях широкого круга сообществ с противоправным контентом, зачастую направленным на пропаганду идеологии экстремизма и терроризма;
- многонациональный состав обучающихся во многих образовательных организациях приводит к проблемам адаптации иностранных обучающихся, сбалансированности процессов межкультурного взаимодействия.

Рост проявлений экстремизма, увеличения попыток распространения враждебной идеологии экстремизма и терроризма в образовательных организациях выводит на первый место решение вопросов предупреждения, профилактики инейтрализации этих негативных явлений.

Предупреждение и профилактика распространения идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде должно опираться на широкий спектр мер политического, экономического, законодательного и культурного характера.

К числу мер по противодействию идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде следует отнести:

- оперативное изменение уголовного и административного законодательства Российской Федерации, регламентирующее ответственность за проявления экстремизма и терроризма;
- правовое информирование родителей и лиц молодежного возраста о пагубности экстремистского поведения, об ответственности за такое противоправное поведение;
- изучение и диагностика девиантного поведения лиц, которые обучаются в образовательных организациях на ранних этапах;
- разработка и реализация образовательных программ, которые формируют законопослушные нормы поведения;
- воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма, гражданственности, уважения прав и свобод других граждан;
- деятельность по ограничению доступа обучающихся к противоправной информации в информационно–телекоммуникационных сетях;
- систематическое проведение специальных учебных занятий по антиэкстремистской и антитеррористической тематике.

Таким образом, глубокое осознание опасности распространения идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде, знание механизмов распространения этих негативных явлений, безусловно, будет способствовать выработке эффективных и своевременных профилактических мер в данной сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Выступление президента России В. В. Путина на заседании коллегии ФСБ России 28 февраля 2023 года // Администрация Президента России : официальные сетевые ресурсы: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70597> (дата обращения: 05.09.2023).
2. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В. А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 20 марта 2023 года // МВД МЕДИА : URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-ministra-vnutrennikh-del-rossiyskoy-federatsii-general-a-politsii-rossiyskoy-federatsii-v/> (дата обращения: 05.09.2023).
3. Состояние преступности о России за январь–декабрь 2018 года; Состояние преступности о России за январь–декабрь 2019 года; Состояние преступности о России за январь–декабрь 2021 года; Состояние преступности о России за январь–декабрь 2022 года; Состояние преступности о России за январь–июнь 2023 года // МВД России : официальный интернет-сайт МВД России. URL: mvd.ru.
4. Федеральный закон деятельности от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, N 30, ст. 3031.
5. Словарь иностранных слов современного русского языка. – М.: «Аделант», 2014. – 800с.
6. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ президента Российской Федерации от 29 мая 2020 года № 344 // КонсультантПлюс : сайт. [/https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353838/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353838/) (дата обращения: 05.09.2023).
7. Педагогический терминологический словарь // URL: https://pedagogical_dictionary.academic.ru/2178/

8. Состояние преступности о России за январь-декабрь 2018 года; Состояние преступности о России за январь-декабрь 2010 года; Состояние преступности о России за январь-декабрь 2021 года; Состояние преступности о России за январь-декабрь 2022 года; Состояние преступности о России за январь-июнь 2023 года // МВД России : официальный интернет-сайт МВД России. URL: mvd.ru.

9. Агеев, Н. В., Танага, А. Г. Криминологическая характеристика личности преступника в преступлениях экстремистской направленности // Эпомен. № 55. 2021. С. 31–36.

10. Хомяченкова, О. В. О структуре личности преступника, совершившего преступление экстремистской направленности // Вестник Московского университета МВД России : науч. журн. 2016. № 6. С.78–80.

REFERENCES

1. Speech by Russian President V.V. Putin at a meeting of the board of the FSB of Russia on February 28, 2023. – Electronic resource: kremlin.ru.
2. Speech by the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation, General of Police of the Russian Federation V.A. Kolokoltsev at an extended meeting of the board of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on March 20, 2023. – Electronic resource: mvd.ru.
3. State of crime in Russia for January-December 2018; State of crime in Russia for January-December 2010; State of crime in Russia for January-December 2021; State of crime in Russia for January-December 2022; State of crime in Russia for January-June 2023. // Electronic access website mvd.ru.
4. Federal Act of July 25, 2002 No. 114-FZ “On Combating Extremist Activities” // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2002, No. 30, Art. 3031.
5. Dictionary of foreign words of the modern Russian language. – M.: “Adelant”, 2014, 800 p.
6. On approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025: Decree of the President of the Russian Federation of May 29, 2020 , no. 344.
7. Pedagogical terminological dictionary. – Electronic resource: https://pedagogical_dictionary.academic.ru/2178.
8. State of crime in Russia for January-December 2018; State of crime in Russia for January-December 2010; State of crime in Russia for January-December 2021; State of crime in Russia for January-December 2022; State of crime in Russia for January-June 2023. // Electronic access website mvd.ru.
9. N.V. Ageev, A.G. Tanaga Kriminologicheskaja harakteristika lichnosti prestupnika v prestuplenijah jekstremistskoj napravленnosti [Criminological characteristics of the personality of the criminal in extremist crimes]. Jepomen – Epomen. 2021, no. 55, pp.31–36.
10. O.V. Khomyachenkova O strukture lichnosti prestupnika, sovershivshego prestuplenie jekstremistskoj napravленности [On the personality structure of a criminal who has committed an extremist crime]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016, no. 6, pp.78–80.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тирских Анатолий Афанасьевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела. Восточно-Сибирский институт МВД Российской Федерации. 664074, Россия, г. Иркутск, Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Tirskikh Anatoly Afanasyevich, Candidate of Law, senior researcher of the research and editorial and publishing department. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 664074, 110, Lermontov st., Irkutsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 13.09.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 13.09.2023; approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 251–262.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023.
Vol. no. 4 (107). P. 251–262.

5.1.4. Уголовно-правовые науки

РАЗМЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ В СОСТАВАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Научная статья

УДК: 343.79

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.65.73.022

Титов Сергей Николаевич,

Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова,
Российская Федерация, Ульяновск, s.n.titov@yandex.ru

Введение. Настоящая статья посвящена применению размерных признаков в составах преступлений против интеллектуальной собственности.

Важность исследований в этой области обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, применение размерных признаков в уголовном праве в целом является дискуссионным, связано со множеством нерешенных проблем в части методики расчета, терминологии, учета инфляции и т.д. Во-вторых, применительно к составам преступлений против интеллектуальной собственности включение в составы этих признаков не отличается системностью, единообразием и удобством для практического применения. В частности, в этих составах используются разные признаки – крупный ущерб и крупный размер. При этом значения для крупного ущерба не определены.

Автор приходит к выводу о том, что включение размерных признаков в составы преступлений против интеллектуальной собственности является подходящим решением для дифференциации ответственности за преступления этой категории. В целях систематизации норм и использования положительного опыта изменения ст. 146 УК РФ предлагается отказаться от признака крупного ущерба, заменив его признаком крупного размера.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования образуют Уголовный кодекс Российской Федерации. Сформулированные выводы основываются на представленных материалах судебной практики, научной литературы, исторических нормативных документах. Исследование проведено с использованием историко-генетического метода, логических методов, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили установить, что размерные признаки составов преступления в отечественном уголовном праве исторически находят все большее применение и в качестве кriminoобразующих, и в качестве квалифицирующих признаков. Признано целесообразным их использование в составах преступлений против интеллектуальной собственности. Сформулированы соответствующие предложения по совершенствованию уголовного законодательства в части уголовной ответственности за преступления против интеллектуальной собственности.

Выводы и заключения. В результате проведенного исследования автором сделан вывод о том, что наличие размерных признаков в составах преступлений против интеллектуальной собственности в настоящее время следует признать целесообразным, поскольку они позволяют отделить преступное использование объектов интеллектуальной собственности и, например, административно наказуемого. В целях систематизации применения размерных признаков в составах преступлений против интеллектуальной собственности предлагается признак крупного ущерба заменить на признак крупного размера по аналогии со ст. 146 УК РФ.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторские права, крупный размер деяния, крупный ущерб

Для цитирования: Титов С. Н. Размерные признаки в составах преступлений против интеллектуальной собственности /С.Н. Титов / Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 251–262.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.65.73.022

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

DIMENSIONAL ATTRIBUTES IN INTELLECTUAL PROPERTY OFFENCES

Sergey N. Titov

Ulyanovsk State University of Education, Russian Federation, Ulyanovsk,
s.n.titov@yandex.ru

Introduction: The present article is devoted to the application of dimensional features in offences against intellectual property.

The importance of research in this area is due to two circumstances. Firstly, the application of dimensional characteristics in criminal law in general is debatable, associated with many unresolved problems in terms of calculation methodology, terminology, accounting for inflation, etc. Secondly, in relation to the structures of offences against intellectual property, the inclusion of these attributes in the compositions is not systematic, uniform and convenient for practical application. In particular, these offences use different attributes - large damage and large size. At the same time, the values for large damage are not defined.

The author concludes that the inclusion of dimensional features in the structures of offences against intellectual property is an appropriate solution for differentiation of liability for offences of this category. In order to systematise the norms and use the positive experience of amendments to Article 146 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is proposed to abandon the sign of large damage, replacing it with the sign of large size.

Materials and Methods: The normative basis of the study is formed by the Criminal Code of the Russian Federation. The formulated conclusions are based on the presented

materials of judicial practice, scientific literature, historical normative documents. The study was conducted using the historical and genetic method, logical methods, generalisation and description.

The Results of the Study: allowed to establish that the dimensional signs of offences in domestic criminal law historically find increasing use both as criminally forming and as qualifying characteristics. Their use in the corpus delicti of offences against intellectual property is considered appropriate. The relevant proposals for the improvement of criminal legislation in terms of criminal liability for offences against intellectual property are formulated.

Findings and Conclusions: as a result of the study, the author concluded that the presence of dimensional features in the composition of crimes against intellectual property should now be recognized as appropriate, since they allow separating the criminal use of intellectual property and, for example, administratively punishable. In order to systematize the use of dimensional signs in the elements of crimes against intellectual property, it is proposed to replace the sign of large damage with a sign of large size, by analogy with Art. 146 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: intellectual property, copyright, large size of the act, large damage.

For citation: Titov S.N. Razmernye priznaki v sostavah prestuplenij protiv intellektual'noj sobstvennosti [Dimensional attributes in intellectual property offences]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 4 (107), pp. 251–262.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.65.73.022

Под размерными признаками преступления в уголовном праве понимают крупный размер деяния или крупный ущерб, причиняемый преступлением, с которыми закон связывает криминализацию деяния или квалифицированный состав деяния.

Размерные признаки характеризуют размах, масштабы преступного поведения [1, с. 89], предмет преступления или его последствия. Размерные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации представлены в виде размера деяния, размера ущерба, причиненного преступлением, либо в виде дохода, полученного виновным.

Поскольку эти признаки напрямую связаны с квалификацией преступления и служат для ограничения преступного поведения от непреступного, они определяются самим кодексом. Как правило, они связаны с предметом преступления, получаемым виновным доходом либо с убытками потерпевшего. Применительно к преступлениям против интеллектуальной собственности, например, примечание к ст. 146 УК РФ связывает крупный размер со стоимостью экземпляров произведений или фонограмм либо стоимостью прав на использование объектов авторского права и смежных прав.

В действующем уголовном законе применение таких признаков очень распространено. Только в главе 22 УК РФ содержится не менее 40 статей с такими криминообразующими признаками.

Отношение к ним в науке неоднозначно. Значительное количество статей с рассматриваемыми криминообразующими признаками рассматривается как заимствование действующим уголовным законом юридической техники конструирования уголовно-правовых норм хозяйственных преступлений советского и

переходного (с 1991 г. до принятия УК РФ 1996 г.) периодов, поставившей в зависимость криминализацию преступлений данной разновидности от материальных оснований, выражаемых через стоимостные критерии преступности экономических правонарушений [2, с. 123].

Существует мнение о необходимости отказаться от них как целиком, так и частично¹. Озвучиваются предложения об отказе от размерных признаков как во всех преступлениях в сфере экономической деятельности, так и применительно к отдельным составам [3, с. 67]. Обосновывается это обычно со ссылками на отсутствие общественной опасности и условий наступления уголовной ответственности, предусмотренных ст. 8 УК РФ.

В научных источниках также не раз обращалось внимание на необходимость отказа в конструкциях юридических норм от использования категорий крупного ущерба, дохода, размера и криминализации их независимо от масштабов экономических правонарушений и их негативных последствий [2, с. 126].

Проблема заключается в том, что выстроить единый подход к криминализации деяний по размерным признакам непросто и данная задача в настоящее время не решена ни законодателем, ни уголовно-правовой доктриной. Можно выделить несколько проблемных вопросов, в отношении которых сохраняется дискуссия и которые требуют скрупулезного научного анализа и осмысления.

Проблематичным представляется однозначное определение той границы, за которой деяние приобретает свойство общественной опасности, перестает быть административно наказуемым и переходит в разряд преступлений. В настоящее время размерные признаки в УК РФ являются абсолютно-определенными, выражены в четких суммах. Однако вопрос о том, каковы критерии выделения этих сумм, остается открытым. Наиболее логичной представляется привязка этих сумм к уровню экономического дохода населения и последующая их корректировка с учетом уровня инфляции. Между тем, разнообразие норм УК РФ не позволяет сделать здесь каких-либо четких выводов.

Попытку обоснования единого порога криминализации в таких преступлениях делает С. И. Мурзаков. Он предлагает брать за основу криминообразующих размерных признаков среднегодовой размер пенсии, то есть дохода наиболее уязвимой категории населения. Крупный и особо крупный размер деяния в статьях УК РФ по этой логике должны соотноситься со среднегодовым доходом пенсионеров [4, с. 73]. С одной стороны, это попытка ввести какой-то более или менее определенный ориентир для размерных признаков. В то же время эта попытка не может быть однозначно принята. Во-первых, размер пенсионного обеспечения весьма разнится для различных категорий населения. Во-вторых, совершенно непонятна социально-экономическая связь некоторых категорий преступлений с размером пенсии, например, таких преступлений, как незаконная предпринимательская деятельность либо преступления против интеллектуальной собственности.

В научной среде даже нет однозначного подхода к тому, должны ли как-то

¹ Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2010. С. 53.

соотноситься между собой размерные признаки разных категорий преступлений, например, хищений и преступлений в сфере экономической деятельности. С одной стороны, размерные признаки в них формулируются похожим образом – как размер или ущерб. С другой стороны, объект и объективная сторона этих преступлений существенно различаются, что дает основание для различного подхода к определению размерных признаков в этих составах.

В качестве иллюстрации можно привести такой пример. Министерством юстиции Российской Федерации разработан и опубликован для общественного обсуждения проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Законопроект подготовлен во исполнение поручения Президента Российской Федерации. Проект федерального закона направлен на либерализацию и гуманизацию уголовного законодательства об ответственности за нарушение авторских и смежных прав, а также причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Так, предлагается увеличить пороговые значения крупного и особо крупного размеров ущерба с учетом динамики социально-экономической обстановки и уровня инфляции.

Суммы крупного и особо крупного размеров ущерба, причиненного путем обмана или злоупотребления доверием, предлагается повысить до 1 млн рублей и 4 млн рублей соответственно. Сейчас Уголовным кодексом предусматриваются суммы ущерба в 250 тыс. рублей и 1 млн рублей.

В официальном сообщении министерства говорится, что такие изменения будут способствовать декриминализации порядка 20–30% преступлений, и при этом позволят соблюсти баланс интересов участников правоотношений, охраняемых указанными уголовно-правовыми нормами².

Как видим, изменение порогового значения криминообразующих размерных признаков преступлений против интеллектуальной собственности предлагается довольно существенное. При этом опубликованные министерством материалы не содержат каких-либо расчетов, обоснования предлагаемых размеров. Более того, отсутствует вообще какое-либо описание социально-экономического значения предлагаемых нововведений.

Указанные обстоятельства позволяют заключить, что использование размерных признаков в уголовном законодательстве требует дальнейшего научного анализа. В то же время представляется, что для отказа от них в настоящее время нет достаточных оснований. До той поры, пока не будет предложена достойная альтернатива, отказ от таких признаков неизбежно приведет к избыточной уголовно-правовой репрессии в случае криминализации экономических преступлений без указания их размера. Отказ от криминализации отдельных деяний может привести, с другой стороны, к недостаточной криминализации, пробелам в уголовном праве.

² Разработан законопроект, направленный на либерализацию уголовного законодательства об ответственности за нарушение авторских и смежных прав и причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Сайт Министерства юстиции Российской Федерации. 18.09.2023. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49746/> (дата обращения: 05.11.2023).

Согласно ч. 1 ст. 1225 ГК РФ интеллектуальной собственностью признаются результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана. К таким результатам относятся произведения науки, литературы и искусства; программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ); базы данных; исполнения; фонограммы; сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач (вещание организаций эфирного или кабельного вещания); изобретения; полезные модели; промышленные образцы; селекционные достижения; топологии интегральных микросхем; секреты производства (ноу-хау); фирменные наименования; товарные знаки и знаки обслуживания; географические указания; наименования мест происхождения товаров; коммерческие обозначения.

Среди составов преступлений против интеллектуальной собственности можно отметить следующие варианты преступного деяния:

- 1) присвоение авторства (ч. 1 ст. 146, ч. 1 ст. 147 УК РФ);
- 2) принуждение к соавторству (ч. 1 ст. 147 УК РФ);
- 3) незаконное использование объекта интеллектуальной собственности (ч. 2 ст. 146, ч. 1 ст. 147, ч. 1 и ч. 2 ст. 180, ч. 2 ст. 183 УК РФ);
- 4) приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров объектов интеллектуальной собственности (ч. 2 ст. 146 УК РФ);
- 5) разглашение сущности объекта промышленной собственности (ч. 1 ст. 147 УК РФ);
- 6) незаконное собирание сведений, составляющих коммерческую тайну (ч. 1 ст. 183 УК РФ);
- 7) незаконное разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну (ч. 2 ст. 183 УК РФ).

В отношении статьи 183 УК РФ нужно обратить внимание на то, что из всех видов тайн, указанных в этой статье и других статьях УК РФ, только коммерческая тайна является объектом интеллектуальной собственности, что следует из ст. 1465 ГК РФ.

Необходимость обращения к анализу размерных признаков в этих составах связана как с общей дискуссионностью, так и с отсутствием системности установления данных признаков в преступлениях против интеллектуальной собственности.

В дореволюционном отечественном уголовном праве такие признаки не были широко распространены. В Уголовном уложении 1903 года они применяются для дифференциации ответственности за воровство (ст. 581) и мошенничество (ст. 591). В этих составах размер похищенного, равный 500 рублям, обуславливал, говоря современным языком, квалифицированный состав преступления, а равный 50 копейкам – привилегированный. В ряде составов размер играл роль криминообразующего признака. Речь идет о необъявлении о находке (ст. 571–572) и о ростовщичестве (ст. 608)³.

В первых советских уголовных кодексах размерные признаки использовались в составах о хищении, причем зачастую без четкого определения размера. Так, согласно

³ Уголовное уложение. Скианская типография. 1903. 144 с. С. 117, 120.

ст. 180 УК РСФСР 1922 года кража признавалась квалифицированной, если похищенное имущество было необходимым средством существования потерпевшего. А по ст. 180а хищение из государственных складов в особо крупном размере влекло лишение свободы на срок не менее трех лет, а при отягчающих обстоятельствах смертную казнь. При этом размер, признаваемый особо крупным, не определялся.

Эти составы сохранились в УК РСФСР 1926 года. В УК РСФСР 1960 года размерные признаки встречались уже более чем в десятке статей о хозяйственных преступлениях, контрабанде, незаконных операций с валютой и др. Появился признак причинения значительного ущерба гражданину (ст. 144–145, 147). Общей чертой этих составов и обозначенных составов предшествующих кодексов является отсутствие четких границ размерных признаков.

В УК РФ 1996 года размерные признаки применяются уже очень широко, в первую очередь в статьях об экономических преступлениях (главы 21 и 22 УК РФ), при этом широкое распространение имеют эти признаки и в качестве криминообразующих, и в качестве квалифицирующих. Стоит отметить, что в первоначальной редакции эти признаки зачастую также не определялись в каких-то точных суммах, как в советский период. Однако начиная с 2003 года подавляющее большинство размерных признаков определены и имеют четкие суммы. Исключение составляет только крупный размер в составах преступлений против интеллектуальной собственности, о чем будет сказано ниже.

Можно заключить, что применение размерных признаков исторически в отечественном уголовном праве имеет тенденцию к расширению и конкретизации.

Процесс включения размерных признаков в уголовный закон не свободен от значительных проблем и неразрешенных вопросов. Среди них отсутствие единой терминологии, неопределенность методики расчета криминального ущерба, дохода, сложности учета инфляции, разница между крупным и особо крупным размером в разных составах [5, с. 110]. Однако эти проблемы стоит рассматривать не как препятствие для использования размерных признаков, а как поле для научных исследований с целью их корректировки и правильной настройки.

Нормы о преступлениях против интеллектуальной собственности в действующем УК РФ, за исключением ст. 183 УК РФ, предусматривают наказание за эти преступления при условии наступления предусмотренных законом последствий либо при условии совершения деяния в определенном размере.

Ответственность за plagiat (ч. 1 ст. 146 УК РФ) и за незаконное использование объектов патентных прав (ст. 147 УК РФ) наступает при условии, если эти деяния причинили крупный ущерб. Определение крупного ущерба для этих статей уголовный закон не устанавливает, что можно признать упущением, пробелом, требующим восполнения. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в связи с этим вынужден был дать разъяснения о том, что суды при установлении крупного ущерба должны исходить из обстоятельств каждого конкретного дела⁴. В статье 180 УК РФ в

⁴ О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14.

качестве конструктивного признака также указывается крупный ущерб, однако в этом случае он строго определен размером 250 тыс. руб.

Описанный подход к включению размерных признаков в составы преступлений против интеллектуальной собственности представляется непоследовательным и требующим корректировки, по крайней мере в части определения крупного размера в ст. 146 и 147 УК РФ. Однако более удачным представляется замена данного признака на признак крупного размера. Это суждение можно пояснить на примере ч. 2 и ч. 3 ст. 146 УК РФ.

Статья 146 УК РФ в редакции 1996 года предусматривала ответственность за присвоение авторства и незаконное использование объектов авторских прав при условии крупного ущерба правообладателю. В 2003 году статья была изменена с заменой признака крупного ущерба на признак крупного размера⁵.

Данное изменение положительно оценивалось как практиками, так и учеными-исследователями. В частности, отмечается уход от оценочного понятия «ущерб» к понятию, не являющемуся оценочным, «размер» [6; 7]. Отмечалось, что такое изменение положительно сказалось на правоприменительной практике – возросло количество уголовных дел [8, с. 18].

Приведем примеры определения ущерба из судебной практики.

В приговоре по делу З. и Х. от 13.07.2001 ущерб определен как произведение стоимости одного экземпляра программы Windows 98 и количества носителей, на которые она была нелегально установлена, что составило 98 361 рубль 18 копеек.

Приговором от 02.10.2000 ущерб, причиненный Г. и Б. агентству «Рейтер», определен как недополученная абонентская плата за пользование информацией на сумму 10 192 173 руб. [6, с. 35].

В указанных примерах ущерб от деяния определяется стоимостью экземпляров произведений либо стоимостью прав на эти произведения. Между тем, это вводит презумпцию получения дохода правообладателем в случае отсутствия преступления. Поскольку иное в процессах не доказывалось и иные сценарии не рассматривались, можно признать эту презумпцию неопровергимой. Представляется, что это необоснованное введение предположений в уголовное право и уголовный процесс.

О сложностях с определением ущерба правообладателя и его доказыванием отмечалось в уголовно-правовой доктрине [9, с. 375–376].

Типичными являются ситуации, когда приговоры судов отменяются ввиду неправильного исчисления размера ущерба правообладателя⁶.

Изменение состава с материального на формальный в связи с этим представляется вполне обоснованным.

Как отмечает Н. А. Лопашенко, большее число составов экономических преступлений сформулированы как формальные (60,5 %) [10, с. 7]. Каменева А.Н.

⁵ О внесении изменения в статью 146 Уголовного кодекса Российской Федерации Федеральный закон от 08.04.2003 № 45-ФЗ // Российская газета, № 69, 11.04.2003.

⁶ Ленинский районный суд г. Чебоксары. Обобщение о причинах отмен приговоров за 3 квартал 2009 г.. Сайт Ленинского районного суда г. Чебоксары. URL: http://leninsky.chv.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=81 (дата обращения: 30.04.2023).

указывает, что предпринимательская и иные хозяйствственные сферы требуют четких правил деятельности, точного понимания отграничения преступного деяния от непреступного [11, с. 58].

Как и в случае с экономическими преступлениями, в преступлениях против интеллектуальной собственности логичнее осуществлять криминализацию на основании масштабов деятельности, а не на основании причиненного ущерба, поскольку последний труднодоказуем на практике, как мы убедились на примере ст. 146 УК РФ.

Сказанное справедливо и для средств индивидуализации товаров, работ и услуг. Оценка ущерба от их незаконного использования является не менее проблематичной [12, с. 109–124]. Представляется, в связи с этим в целях обеспечения системности норм, разумным распространить на эти составы описанный выше подход и определить криминообразующим признаком незаконного использования средств индивидуализации размер деяния.

При определении размера деяния необходимо исходить из особенностей обстоятельств дела. В качестве общего правила разумно применять установку, что размер деяния определяется стоимостью товаров, работ, услуг, которые реализуется с незаконным использованием средств индивидуализации.

С учетом приведенных умозаключений можно сформулировать определение преступлений против интеллектуальной собственности. Преступления против интеллектуальной собственности представляют собой запрещенные уголовным законом под угрозой наказания умышленные общественно опасные посягательства на отношения в сфере интеллектуальной собственности, в том числе созданной с использованием систем искусственного интеллекта, заключающиеся в присвоении авторства, незаконном использовании результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации либо нарушении тайны объектов интеллектуальной собственности, совершаемые в крупном размере.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Размерные признаки составов преступления в отечественном уголовном праве исторически находят все большее применение и в качестве криминообразующих, и в качестве квалифицирующих признаков.

2. Наличие размерных признаков в составах преступлений против интеллектуальной собственности в настоящее время следует признать целесообразным, поскольку они позволяют отделить преступное использование объектов интеллектуальной собственности и, например, административно наказуемого, и, кроме того, соответствует экономическому негативному эффекту преступления.

3. Включение размерных признаков в составы преступлений против интеллектуальной собственности в настоящее время осуществлено бессистемно, о чем говорит отсутствие определения крупного ущерба в этих статьях и наличие разных размерных признаков (крупный ущерб и крупный размер).

4. В целях систематизации применения размерных признаков в составах преступлений против интеллектуальной собственности предлагается признак крупного ущерба заменить на признак крупного размера по аналогии со ст. 146 УК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волженкин, Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб.: Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2007. 765 с.
2. Трунцевский, Ю. В., Осипов, И. В. Законодательное закрепление количественных параметров стоимостных критериев преступлений в сфере экономической деятельности: закономерности и методика подсчета // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 122–148.
3. Умнова, Ю. В. Материальное содержание оснований уголовной ответственности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IX Международной научно-практической конференции 26–27 января 2012 г. М.: Проспект, 2012. С. 67–71.
4. Мурзаков, С. И. Экономические основания уголовно-правового запрета // Уголовноправовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью. Сборник научных трудов. Саратов: Сателлит, 2008. С. 73–75.
5. Есаков, Г. А. Размерные признаки в уголовном законе // Закон. 2020. № 6. С. 108–121.
6. Вошинский, М. В. Уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав по новой редакции статьи 146 УК // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 34–36.
7. Смыков, С. И. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями, связанными с производством и оборотом контрафактной продукции // Общество и право. 2009. № 1. С. 209–214.
8. Бондарев, М. Ю. Правовые основы противодействия распространению контрафакта и иным нарушениям прав интеллектуальной собственности // Российский следователь. 2008. № 11. С. 17–20.
9. Трунцевский, Ю. В. Защита авторского права и смежных прав (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 514 с.
10. Лопашенко, Н. А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М.: Wolters Kluwer, 2006. 673 с.
11. Каменева, А. Н. Общественно опасные последствия в нормах о преступлениях в сфере экономической деятельности: проблемы отражения в законе // Lex russica. 2020. № 5. С. 53–63.
12. Головизнина, И. А. Незаконное использование товарного знака: проблемы квалификации и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 198 с.

REFERENCES:

1. Volzhenkin B.V. *Prestuplenija v sfere jekonomiceskoy dejatel'nosti po ugolovnomu pravu Rossii* [Crimes in the sphere of economic activity according to Russian criminal law]. St. Petersburg, 2007, 765 p.
2. Truntsevsky Yu.V., Osipov I.V. *Zakonodatel'noe zakreplenie kolichestvennyh parametrov stoimostnyh kriteriev prestuplenij v sfere jekonomiceskoy dejatel'nosti: zakonomernosti i metodika podscheta* [Legislative consolidation of quantitative parameters of cost criteria for crimes in the field of economic activity: patterns and calculation methods].

Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018, no. 3, pp. 122–148.

3. Umnova Yu.V. [Material content of the grounds of criminal liability] Ugolovnoe pravo: strategija razvitiija v XXI veke: materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 26–27 janvarja 2012 g. [Criminal law: development strategy in the XXI century: materials of the IX International scientific and practical conference on January 26-27, 2012]. M.: Prospekt, 2012, pp. 67–71.

4. Murzakov S.I. Jekonomicheskie osnovaniya ugolovno-pravovogo zapreta [Economic foundations of the criminal law ban]. Ugolovnopravovoj zapret i ego effektivnost' v bor'be s sovremennoj prestupnost'ju. Sbornik nauchnyh trudov – Criminal law ban and its effectiveness in the fight against modern crime. Collection of scientific papers. Saratov, 2008, pp. 73–75.

5. Esakov G.A. Razmernye priznaki v ugolovnom zakone [Dimensional characteristics in criminal law]. Zakon – Law. 2020, no. 6, pp. 108–121.

6. Voshchinsky M.V. Ugolovnaja otvetstvennost' za narushenie avtorskih i smezhnyh prav po novoj redakcii stat'i 146 UK [Criminal liability for violation of copyright and related rights under the new version of Article 146 of the Criminal Code]. Rossijskaja justicija – Russian Justice. 2003, no. 6, pp. 34–36.

7. Smykov S.I. Ugolovno-pravovye mery bor'by s prestuplenijami, svjazannymi s proizvodstvom i oborotom kontrafaktnoj produkciij [Criminal legal measures to combat crimes related to the production and circulation of counterfeit products]. Obshhestvo i pravo – Society and Law. 2009, no. 1, pp. 209–214.

8. Bondarev M.Yu. Pravovye osnovy protivodejstvija rasprostraneniju kontrafakta i inym narushenijam prav intellektual'noj sobstvennosti [Legal basis for combating the spread of counterfeit goods and other violations of intellectual property rights]. Rossijskij sledovatel' – Russian investigator. 2008, no. 11, pp. 17–20.

9. Truntsevsky Yu.V. Zashhita avtorskogo prava i smezhnyh prav (ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty): dis. ... d-ra jurid. nauk. [Protection of copyright and related rights (criminal and criminological aspects): dis. ... Doctor of Law. Sci.].M., 2003, 514 p.

10. Lopashenko N.A. Zashhita avtorskogo prava i smezhnyh prav (ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty): dis. ... d-ra jurid. nauk. [Crimes in the economic sphere: author's commentary on the criminal law (Section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation)].M.: Wolters Kluwer, 2006, 673 p.

11. Kameneva A.N. Obshhestvenno opasnye posledstvija v normah o prestuplenijah v sfere jekonomiceskoy dejatel'nosti: problemy otrazhenija v zakone [Socially dangerous consequences in the rules on crimes in the sphere of economic activity: problems of reflection in the law]. Lex russica. 2020, no. 5, pp. 53–63.

12. Goloviznina I.A. Nezakonnee ispol'zovanie tovarnogo znaka: problemy kvalifikacii i pravoprimenenija: dis. ... kand. jurid. nauk [Illegal use of a trademark: problems of qualification and enforcement: dis. ...cand. legal Sci.]. M., 2008, 198 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Титов Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры права. Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова. 443071, г. Ульяновск, пл. Ленина, 4.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Titov Sergey Nikolaevich, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Law. Ulyanovsk State University of Education. 443071, Ulyanovsk, pl. Lenina, 4.

Статья поступила в редакцию 10.07.2023; одобрена после рецензирования 17.07.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 10.07.2023;; approved after reviewing 17.07.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 263–274.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023.
Vol. no. 4 (107). p. 263–274.

5.1.4. Уголовно-правовые науки

К ВОПРОСУ О ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ПОРЯДКА ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМ

Научная статья

УДК: 343.1

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.53.61.023

Шаутаева Гульнара Хасановна,

Волгоградская академия МВД России, Российская Федерация, Волгоград,
shautaeva@list.ru

Попова Людмила Владимировна,

Волгоградская академия МВД России, Российская Федерация, Волгоград,
lygmina.2015@yandex.ru

Введение. В статье рассматриваются отдельные положения уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики сквозь призму последних дополнений в УПК РФ. Показано, что в обществе продолжается поиск наиболее эффективных средств, обеспечивающих наименьшие ограничения прав и свобод предпринимателей. Особое внимание уделяется проблемам, возникающим в ходе оптимизации специального регулирования мер пресечения.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования образует Конституция РФ, уголовно-процессуальное законодательство, а также предписания в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Проанализированы новые нормы правового оформления заключения под стражу, продления процессуальных сроков. Методологическую основу составили общий диалектический метод научного познания, сравнительно-правовой и формально-юридические методы.

Результаты исследования. Проведенный анализ позволил обратить внимание на недостаточную отрегулированность процессуального порядка применения новых правил, регламентирующих избрание и продление меры пресечения в виде заключения под стражу к предпринимателям; раскрыть некоторые недостатки, присущие применению залога в отношении бизнесменов и сформулировать рекомендации и предложения, направленные на совершенствование действующего российского законодательства в этой части.

Выводы и заключения. Отмечается положительное значение принятия изменений и дополнений в уголовно-процессуальный закон, касающихся избрания и продления мер пресечения. Внесены предложения о более тщательной правовой регламентации норм института мер пресечения, избираемых подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Ключевые слова: законопроект, федеральный закон, преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, меры пресечения, заключение под стражу, залог, продление процессуальных сроков, следователь, прокурор, Верховный Суд РФ, поправка.

Для цитирования: Шаутаева Г. Х., Попова Л. В. К вопросу о либерализации порядка применения мер пресечения к предпринимателям // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 263–274.
DOI: 10.55001/2312-3184.2023.53.61.023

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

TOWARDS A LIBERALISATION OF THE APPLICATION OF THE LIBERALISATION OF PREVENTIVE MEASURES FOR ENTREPRENEURS

, Gulnara Kh. Shautaeva¹ Lyudmila V. Popova²

^{1,2} Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

¹shautaeva@list.ru

²lygmila.2015@yandex.ru

Introduction: the article considers certain provisions of criminal procedural regulation of pre-trial proceedings in criminal cases on offences in the sphere of economy through the prism of recent additions to the CPC of the Russian Federation. It is shown that society continues to search for the most effective means to ensure the least restrictions on the rights and freedoms of entrepreneurs. Special attention is paid to the problems arising in the course of optimisation of special regulation of preventive measures.

Materials and Methods: The normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal procedural legislation, as well as regulations in the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. New norms of legal registration of remand in custody, extension of procedural terms are analysed. The general dialectical method of scientific cognition, comparative-legal and formal-legal methods formed the methodological basis.

The Results of the Study: the analysis allowed us to draw attention to the insufficient regulation of the procedural order of application of the new rules governing the election and extension of preventive measures in the form of remand in custody for businessmen; to reveal some shortcomings inherent in the application of bail to businessmen and to formulate recommendations and proposals aimed at improving the current Russian legislation in this part.

Findings and Conclusions: the positive significance of the adoption of amendments and additions to the law of criminal procedure concerning the election and extension of

preventive measures is noted. Proposals have been made for a more thorough legal regulation of the norms of the institute of preventive measures for suspects and accused of committing offences in the sphere of entrepreneurial and other economic activities.

Keywords: draft law, federal law, crimes in the sphere of entrepreneurial and other economic activity, preventive measures, detention, bail, extension of procedural terms, investigator, prosecutor, Supreme Court of the Russian Federation, amendment.

For citation: Shautaeva G.H., Popova L.V. K voprosu o liberalizacii porjadka primenenija mer presechenija k predprinimateljam [Towards a liberalisation of the application of the liberalisation of preventive measures for entrepreneurs]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 4 (107), pp. 263–274.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.53.61.023

Как известно, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее УПК) определяет функции уголовного преследования, защиты и расследования преступлений¹. В этой процессуальной триаде в последнее время в досудебном производстве по уголовным делам о предпринимательских составах преступлений на передний край выступает функция защиты. Уже не менее 10-15 лет в российской науке уголовного процесса существуют полярные мнения о законодательном закреплении в правовом поле особого статуса предпринимателей. От полного отрицания создания организационно-правового механизма привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с предпринимательской деятельностью, до категорического построения модели отдельного вида производства по уголовным делам в сфере экономики.

Но вся эта полемика несколько теоретического свойства. Конституция Российской Федерации прямо декларирует в числе основ конституционного строя свободу экономической деятельности (ч.1 ст.8)². Поэтому более правильным нам

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 20.07.2023).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (в редакции указов Президента Российской Федерации от 09.01.1996 № 20, от 10.02.1996 № 173, от 09.06.2001 № 679, от 25.07.2003 № 841; федеральных конституционных законов от 25.03.2004 № 1-ФКЗ, от 14.10.2005 № 6-ФКЗ, от 12.07.2006 № 2-ФКЗ, от 30.12.2006 № 6-ФКЗ, от 21.07.2007 № 5-ФКЗ; законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ; Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ; Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; Указа Президента Российской Федерации от 27.03.2019 № 130; Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; федеральных конституционных законов от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г. (дата обращения: 20.07.2023).

видится умеренное видение решения правовых проблем предпринимательства в России, к которому, полагаем, и следует стремиться, не отрицая особый статус предпринимателя при производстве по уголовному делу, но, не забывая о той задаче, которая стоит перед реальным бизнесом в России.

Понятно, что законодатель и высшие судебные инстанции практически ежегодно затрагивают те или иные правовые вопросы судьбы предпринимательства в российской действительности, при этом было найдено много правильных решений для практических работников органов предварительного расследования и судей. Надо сказать, что большая часть проблем предпринимателей в контексте решения уголовно-процессуальных вопросов рассматривалась в плане защиты прав и свобод участников бизнеса. И это верно, как пишет И. П. Попова: «Уголовно-процессуальная деятельность в досудебном производстве должна быть основана на принципе гуманизма как общеправовом принципе, имеющем несомненное значение в уголовном судопроизводстве. Нравственные начала реализуются через уголовно-процессуальные нормы, выступают целевым ориентиром для лиц, осуществляющих производство по уголовному делу» [1, с. 136].

Законодатель регулярно обращает внимание на негативные тенденции в практике применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Вносятся все новые поправки, влияющие на изменение ситуации. Подобные изменения представляются позитивными, но они, на наш взгляд, не всегда обеспечивают баланс интересов общества и бизнеса. Видится, что с научной и практической точек зрения небезинтересно рассматривать перспективу реализации последних законодательных инициатив в области обеспечения защиты законных интересов предпринимателей и приравненных к ним лиц, определенных законом и разъяснениями высшей судебной власти России.

Одним из таких нормативно-правовых актов является Федеральный закон от 13.06.2023 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», внесший изменения и дополнения в некоторые нормы УПК. Согласно этому документу расширены гарантии подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, относящихся к сфере предпринимательской деятельности. Можно выделить оптимизацию ряда процессуальных процедур, осуществляемых органами предварительного расследования. Видится, что многие дополнения стали возможными, в том числе, в связи с вынужденностью и потребностью бизнес-сообщества в условиях нестабильной экономической ситуации на свой страх и риск решать проблемы правового характера.

Как следует из пояснительной записки к законопроекту № 253849-8, внесение на рассмотрение законодателя изменений в УПК явилось необходимостью реализации в России системных мер, направленных на исключение избыточного уголовно-правового воздействия в отношении предпринимателей. По мнению разработчиков проекта Закона, а это Правительство РФ, он позволит расширить гарантии вовлеченных в уголовное судопроизводство предпринимателей и одновременно не

затронет достижения целей действующих в России государственных программ, связанных с экономической деятельностью³.

Рассматриваемым нами Законом введена новая норма, отраженная в ч.3.1 ст.108 УПК, где указано, что в постановлении о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и приложениях к нему должны содержаться конкретные сведения, подтверждающие факт совершения преступления индивидуальным предпринимателем или иными указанными в ч.1.1 ст.108 УПК лицами, не в связи с предпринимательской деятельностью. Для органа расследования с появлением данного новшества могут создаваться некие «препоны» в решении вопроса об аресте предпринимателя. Следователь должен собирать доказательства, иначе говоря, конкретные сведения, подтверждающие, что деяние совершено бизнесменом не в связи с целями предпринимательской и иной экономической деятельности.

Тем не менее, думается, что законодатель все-таки выбрал правильную позицию, поскольку правовой спор должен разрешаться объективно и беспристрастно. Органы предварительного расследования, настаивающие на применении к обвиняемым предпринимателям заключение под стражу, обязаны обосновывать такую необходимость.

И все-таки этого явно недостаточно. Стоит согласиться с точкой зрения Г.В. Стародубцевой о субъективной оценке принятия решения об избрания меры пресечения: «Безусловно, сведения, составляющие содержание доказательств, как объективный, материальный аспект принятия решения всегда проходят через субъективное восприятие и субъективную оценку уполномоченного на принятие этого решения лица» [2, с. 64]. Кроме того, не все следователи, а тем более дознаватели обладают достаточной квалификацией, которая позволяет качественно обеспечить обоснование ходатайства перед судом о совершении преступления не в связи предпринимательской деятельностью или использования имущества не в коммерческих, предпринимательских целях.

В таком случае, представляется следующий выход. Поскольку получение согласия прокурора на возбуждение уголовного дела не возможно, так как закон этого не допускает, то остается эффективная мера – вынесение прокурором письменного заключения, касающегося совершения подозреваемым или обвиняемым бизнесменом преступления не в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности или управлением принадлежащего ему имущества вне целей экономической деятельности. Это повысит ответственность всех должностных лиц, а также легитимность судебного решения об избрании той или иной меры пресечения. Думается, что данное заключение должно быть примерно такого содержания.

³ Пояснительная записка к Законопроекту № 253849-8«О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (об уточнении оснований избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и продления сроков содержания под стражей в отношении субъектов предпринимательской деятельности и членов органов управления коммерческих организаций)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/253849-8> (дата обращения: 20.07.2023).

В Красноармейский районный
суд г. Волгограда

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
*о совершении преступления индивидуальным
предпринимателем Семененко Б.Ю.*

В производстве старшего следователя следственного отдела № 8 следственного управления Управления МВД России по г. Волгограду капитана юстиции Сусловой М.М. находится уголовное дело № 0000000000000000, возбужденное 15.09.2023 г. по ч.4 ст.159 УК РФ в отношении индивидуального предпринимателя «ИП СЕМЕНЕНКО Б.Ю.» Семененко Бориса Юрьевича, 1981 года рождения.

В ходе расследования установлено, что Семененко Б.Ю. 14 августа 2023 года договорился с директором коммерческой организации ООО «Строймедкомплекс» Жидковым А.А. о намерении заключить договор оказания услуг в сфере рекламной деятельности и связи. Сославшись на то обстоятельство, что главный специалист ИП находится в командировке, договор с уточнением конкретных обязательств будет составлен через 3-4 дня, Семененко Б.Ю. попросил Жидкова А.А срочно перечислить на счет ИП денежные средства в сумме 1 300 000 руб. для закупки необходимого оборудования, пока оно продается по заниженной стоимости. Жидков А.А. выполнил предложение Семененко Б.Ю. и перечислил на счет «ИП СЕМЕНЕНКО Б.Ю.» указанную сумму, которую последний в тот же день обналичил и потратил на собственные нужды.

Орган расследования ходатайствует перед судом об избрании Семененко Б.Ю. меры пресечения в виде заключения под стражу. Семененко Б.Ю. является предпринимателем, осуществляет предпринимательскую деятельность в сфере рекламной деятельности, в связи с чем возникает вопрос о законности применения к нему указанной меры пресечения, несмотря на совершение преступления, относящегося к категории тяжкого.

В соответствии с ч.1.1 ст.108 УПК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения в отношении подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч.4 ст.159 УК РФ может быть применено при наличии указанных в законе условий. Одно из таких требований установлено в. ч.3.1 ст.108 УПК РФ, где указано, что преступление должно быть совершено индивидуальным предпринимателем не в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности.

Установлено, что «ИП Семененко Б.Ю.» реально осуществляет предпринимательскую деятельность в рекламной сфере и оказанию услуг связи. Семененко Б.Ю. показал, что ему срочно понадобились денежные средства в указанной выше сумме на медицинское обследование дочери Ольги, 13 лет, проходящей курс лечения в Германии. Не имея наличности, он вынужден был поступить таким образом с Жидковым А.А. Оборудование на полученные деньги он приобретать не собирался, а переведя их в валюту, направил в лечебное учреждение ФРГ. Однако, через неделю договор между этими предпринимателями на оказание услуг был заключен, но не исполнялся в связи с отсутствием денежных средств в «ИП СЕМЕНЕНКО Б.Ю.».

В пункте 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 года № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере

предпринимательской и иной экономической деятельности» говорится, что наличие в постановлении о возбуждении ходатайства о заключении под стражу предпринимателей указания на корыстный мотив или способ распоряжения имуществом в личных целях не может служить основанием для признания деяния совершенным вне связи с осуществлением предпринимательской деятельностью.

В ч.1 ст.2 Гражданского кодекса РФ указано, что предпринимательская деятельность является самостоятельной, направленной на систематическое получение прибыли, в том числе и от оказания услуг. Предприниматель должен быть зарегистрирован в этом качестве в установленном порядке. Указанные признаки в деятельности Семененко Б.Ю. присутствуют. Он официально зарегистрирован в качестве предпринимателя, занимается бизнесом в указанных сферах услуг. Преступление (мошенничество), совершенное Семененко Б.Ю., связано с предпринимательской деятельностью. Денежные средства со счета ИП он снял и распорядился по своему усмотрению - направил на лечение дочери.

Договор оказания услуг, то есть сделка между заказчиком (ООО) и исполнителем (ИП), все-таки была подписана, а предмет сделки обозначен по заданию заказчика на осуществление определенной деятельности, заказчик внес предоплату (это произошло в соответствии с ч.1 ст.779 ГК РФ). Уголовное дело было возбуждено после того, как потерпевший стал активно требовать исполнения договора, но никаких услуг оказано не было. При таких обстоятельствах, в ходе предварительного расследования уголовного дела необходимо провести ряд следственных мероприятий с целью уточнения квалификации преступного деяния по ч.5 ст.159 УК РФ (преступление средней тяжести), поскольку в действиях Семененко Б.Ю. могут содержаться признаки преднамеренного неисполнения договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. А такая квалификация не предусматривает в силу ч.1.1 ст.108 УПК РФ применение меры пресечения в виде заключения под стражу при обычных обстоятельствах.

Таким образом, законных оснований для избрания Семененко Б.Ю. меры пресечения в виде заключения под стражу НЕ ИМЕЕТСЯ.

Прокурор Красноармейского района
Г. Волгограда старший советник юстиции
19.09.2023 г.

Ю.Н. Николаевский

На наш взгляд, следует внести дополнение в ст.108 УПК, именно о том, что вместе с ходатайством следователя и иными документами в виде приложений в суд должно быть представлено и указанное заключение прокурора. Например, такой текст новой части: «3.2. В случае вынесения постановления о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого или обвиняемого в преступлениях, указанных в части 3.1 настоящей статьи, прокурор представляет суду специальное мотивированное заключение с анализом доказательств, подтверждающих вывод о наличии либо отсутствии обстоятельств, отраженных в этой же части статьи.».

Мы согласны с тем, что необходимо совершенствовать механизм избрания мер пресечения предпринимателям, обвиняемым в преступлениях экономической направленности. Для них должны следовать, в первую очередь, наказания имущественного характера, так как в условиях рыночной экономики именно меры

материальной ответственности являются наиболее эффективными, конечно, если обвиняемый не скрывается от следствия и суда.

В. В. Путин, выступая на совещании судей 14.02.2023 г., заявил: «Судебная власть через правоприменительную практику всегда влияла на формирование в нашей стране благоприятного делового, инвестиционного климата. Сегодня это особенно актуально. В этой связи вновь встает вопрос о законодательных гарантиях защиты предпринимателей от необоснованного уголовного преследования, включая запрет на продление срока содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в преступлениях в экономической сфере, а также избрание для них мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества. Например, внесение залога или домашний арест. Это будет способствовать дальнейшей гуманизации правосудия.»⁴.

Сейчас тезис о том, что предпринимателю, вовлеченному в досудебное производство, необходимо сохранять рабочие места и иметь возможность реализовать свои хозяйственно-экономические функции приобретает особое значение. Страна трудится в условиях санкций, Правительство Российской Федерации занимается импортозамещением, проводится специальная военная операция, результаты которой имеют огромное значение как для России в целом, так и для каждого гражданина в частности. Поэтому вопрос применения меры пресечения в виде залога обретает конкретный смысл.

Если заключение под стражу и домашний арест избираются помимо воли обвиняемого, то применение залога по своей сути и порядку избрания обусловлено его волеизъявлением. Судебный порядок избрания залога обеспечивает реальную возможность применения этой альтернативной меры лишению человека свободы по экономическим преступлениям. В качестве залога вполне могут быть внесены, кроме денег, и другие материальные ценности, а также движимое и недвижимое имущество, например, земельные участки, здания, то есть имущество, которое переместить нельзя. А оно у предпринимателей видимо есть. В наличии может быть водный транспорт, а порой и воздушное судно. И такое имущество при его передаче в качестве предмета залога, подлежит денежной оценке. Эта самостоятельная мера, где предметом выступало бы такое имущество, была бы наиболее эффективной по предпринимательским составам.

На наш взгляд, обязательным условием принятия в залог такого имущества должно быть наложение на него ареста, что предупредит его возможную бесконтрольную реализацию. Думается, что такое положение является заслуживающим внимания, в том числе и в связи с возможностью соблюдения прав потерпевших, связанных с гражданским иском в уголовном деле. Хотя, конечно, это дискуссионный вопрос, то есть о допустимости обращения взыскания на залог в целях возмещения ущерба, так как действующий уголовно-процессуальный закон не допускает такое обращение. Но с согласия осужденного взыскание из суммы залога могло бы быть проведено. После научно-практической проработки вопроса, на наш взгляд, эти положения следует отразить путем внесения дополнений в ст. 106 УПК.

С. И. Вершинина пишет: «Современный залог – это мера принуждения, производная от заключения под стражу; мера, выступающая его альтернативой. В этом есть суть залога и в этом его процессуальное значение. У каждого задержанного или арестованного есть право быть освобожденным под залог, размер которого

⁴ Совещание судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70510> (дата обращения: 20.07.2023).

определяется судом на основании установленных законом критерииев» [3, с. 82]. Видимо, следует обозначить видимые нами такие критерии по отношению применения размера залога к подозреваемым и обвиняемым в совершении экономических преступлений.

С одной стороны, на наш взгляд, залог - оптимальная мера пресечения для обвиняемых в преступлениях предпринимательской направленности, а с другой, эта мера не имеет разумного объяснения в плане обозначенных в законе цифр минимальной суммы залога. Рубль, с позволения законов рыночной экономики, показывает чудеса в российской финансовой сфере и это, в частности, дает право признать, что минимальный размер залога при расследовании экономических преступлений следует пересмотреть в сторону увеличения. Мы имеем в виду очень конкретную вещь.

Проблемой является значительный разрыв в доходах населения страны, в том числе и поэтому эта мера пресечения избирается не так часто. Процессуальное решение принимается судом в зависимости от имущественного положения обвиняемого или иных залогодателей. Важна сумма залога, ведь если предполагаемое преступление «тянет на несколько миллионов», а залог назначают в небольшом размере, то тогда эта мера пресечения будет противоречить и процедурам уголовного судопроизводства и справедливости, а значит и законности.

Дифференцирование суммы залога, на наш взгляд, должно проводиться и в зависимости от того бизнеса, в котором осуществляется предпринимательская деятельность. Думается, что для подозреваемых и обвиняемых, участвующих в работе предприятий крупного, среднего и малого бизнеса, мера пресечения в виде залога по минимальной сумме должна быть различной, например, для предпринимателя среднего бизнеса составлять не менее трехкратной от установленного законом минимального порога, для крупного – шестикратной. Конечно, это требует дальнейшей проработки, но сначала надо определиться в принципиальной возможности такого, на наш взгляд, довольно перспективного расчета.

Не существует и верхнего предела размера залога, что, полагаем, также не правильно. Не следует, конечно, устанавливать фиксированную сумму, но должно быть и разумное обоснование такого предела для спецсубъектов (предпринимателей), иначе озвучивание в новой ч. 2 ст. 99 УПК необходимости применения мер пресечения, позволяющих продолжить бизнес-деятельность, будет декларативным. Слишком широкие пределы усмотрения со стороны следствия и суда не должны создавать тупиковую ситуацию в применении принятой законодателем правовой конструкции избрания меры пресечения в отношении обвиняемого предпринимателя.

Верховный Суд РФ ориентирует, что при определении размера залога судам надлежит учитывать, в том числе, данные о личности подозреваемого, имущественное положение залогодателя, а также характер и размер вреда, причиненного преступлением⁵. По поводу такого курса, видится, что сумма залога должна быть соразмерной с ущербом, причиненным «предпринимательскими» преступлениями, и быть не ниже половины суммы причиненного ущерба. А при внесении залога юридическим лицом, его размер не может быть ниже полной суммы ущерба. Этими положениями целесообразно дополнить ст.106 УПК.

⁵ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 (ред. 11.06.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»..

Интересна введенная норма в целях недопущения случаев продления сроков содержания под стражей, если по уголовному делу имеет место неэффективная организация расследования. В новой редакции ч.8 ст.109 УПК закреплено положение о том, что необходимость дальнейшего производства следственных действий не может являться единственным и достаточным основанием для продления срока содержания под стражей. Если рассматривать эту новеллу через призму производства предварительного расследования по уголовным делам о совершении экономических преступлений бизнесменами не в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, указанной в новой части 3.1 ст.108 УПК, то думается, что главным критерием разрешения процессуальной ситуации является повторность допускаемых следователем нарушений уголовно-процессуального законодательства, а также сочетания строгости предполагаемого наказания и фактора возможности виновного лица скрыться от следствия. Это, конечно, обязательно должно быть доказано материалами дела и отражено в соответствующем постановлении следователя и судебном решении. На наш взгляд, такое дополнение следовало бы также отразить в измененной части 8 ст.109 УПК.

Следует внимательно отнестись к основаниям продления срока содержания под стражей предпринимателям, на которых не распространились условия, предусмотренные ч.1.1 ст.108 УПК, а также наемным работникам, не состоящим в органе управления коммерческой организации, когда по корыстным ненасильственным преступлениям, не относящихся к категории особо тяжких, обвиняемый или его окружение в полном объеме возместили причиненный преступлением ущерб. Если в процессе досудебного производства при полном признании вины обвиняемым следователь ожидает получение заключения дополнительной судебно-бухгалтерской экспертизы, документов и ответов на запросы, которые не повлияют на потенциальное вмешательство в ход расследования «беловоротничковых» преступников, то, на наш взгляд, отсутствует необходимость дальнейшего содержания под стражей такого «фигуранта». И уж, конечно, когда имеет место сделка со следствием при активном способствовании раскрытию и расследованию преступления, в том числе уголовному преследованию после изобличения с помощью обвиняемого других соучастников преступления. Особенно, если они задержаны, арестованы и будут содержаться в одном и том же ИВС или СИЗО, поскольку могут повлиять на возможность отказа от показаний нашего обвиняемого для смягчения своей роли в групповом преступлении.

Говоря о неэффективности предварительного расследования, нужно также относить к этому понятию и выполнение требований ст.217 УПК уже по оконченному предварительному следствию. Думается, что такое основание, как «продолжение ознакомления с материалами уголовного дела» не может быть само по себе достаточным для продления срока содержания под стражей, а должно еще и обосновываться фактическими данными, указывающими на необходимость продления (особо тяжкое преступление, отрицательно характеризуемая личность обвиняемого, возможность скрыться и помешать расследованию, влиять на свидетелей и т.д.). В постановлении о продлении срока заключения под стражей, на наш взгляд, должны указываться обстоятельства ознакомления с делом, прилагаться график изучения материалов дела в СИЗО (там проведение этого мероприятия не возможно осуществить каждый день) и другие документы, свидетельствующие об активном, интенсивном по времени изучении материалов следствия, а не наоборот, когда, например, следователь смог организовать ознакомление в течение месяца лишь с 2 томами дела. Если это не происходит, то при учете всех других имеющих юридическое значение факторов суду

ничего не остается, как изменить меру пресечения на домашний арест, а следователю и в этих условиях продолжать ознакомление с делом. Видится, что п. 7 ст.109 УПК целесообразно дополнить положением о неэффективности действий должностных лиц на этапе ознакомления с материалами уголовного дела.

Продление срока следствия и содержания под стражей по экономическим составам теперь будет возможно только с согласия руководителя следственного органа региона. И это правильно, в ряде областей и до вступления закона в силу так и происходило, когда по распоряжению руководителя следственного органа областного масштаба готовилось письмо за подписью данного руководителя, в котором обосновывалась необходимость продления срока. Да, это усложняет организационную составляющую процедуры продления сроков, но ведь и повышает, с одной стороны, качество произведенного до продления сроков следствия, а с другой, - предоставляет возможность стороне защиты на более высоком процессуальном уровне обосновать свою позицию для изменения меры пресечения, если в расследовании уголовного дела нет активности и не реализуются ходатайства адвоката-защитника. Вот и получается, что лицу, осуществляющему расследование, потребуется доказать не только суду, но еще и руководству следственного органа, который не связан «местническими» интересами, реальность преступления вне предусмотренной УПК РФ формы предпринимательской деятельности или просто экономической.

Но тут может возникнуть проблема, о которой законодатели вряд ли могли догадываться. Начнется «игра с процессуальными правилами», дело может быть будет возбуждено вне рамок преступления, совершенного в сфере предпринимательской деятельности, или по факту хищений неустановленными лицами. «Загвоздка» еще и в том, что при низком уровне работы адвокатов-защитников повлиять на эти процедуры будет сложно. Поэтому, если уже быть до конца последовательным, то и возбуждать дела по соответствующим составам экономического направления необходимо лишь с письменного согласия руководителя следственного органа регионального уровня. И эта четкая процедура, возможно, будет способствовать снижению риска необоснованного преследования лиц из числа бизнес-сообщества.

Обращает на себя внимание и конструкция новой части 2.1 ст. 109 УПК о продлении срока заключения под стражу по уголовным делам экономической направленности. В данной норме говорится о делах в форме предварительного следствия, а как быть с уголовными делами, где производится предварительное расследование в форме дознания? Часть 4 ст. 224 УПК предписывает дознавателю ходатайствовать о продлении срока данной меры пресечения до 6 месяцев с согласия прокурора района, и не выделяет предпринимательские составы, как это происходит при продлении срока заключения под стражу по делам следователей. Это противоречие, видимо, необходимо устраниТЬ на законодательном уровне, внеся в ч. 4 ст. 224 УПК соответствующие дополнения, о которых здесь идет речь.

В заключение нашего небольшого анализа законодательной новеллы нельзя не сказать о том, что в ходе рассмотрения законопроекта Верховным Судом РФ была внесена поправка с предложением дополнения ст.108 УПК примечанием, в котором были бы детально изложены критерии преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Данное решение не так наивно, как кажется. Это законодательно закрепило бы те процессуальные гарантии, касающиеся особенностей применения меры пресечения «настоящему» предпринимателю. В действующем

режиме имеются лишь разъяснения по данному вопросу судам России высшей судебной инстанции⁶.

А вот законодательные стандарты были бы обязательны и для органа расследования, не вносили путаницу в правоприменительную практику и порождали споры при проверке обоснованности ходатайств о применении ареста в отношении бизнесменов и прикосновенных к ним лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Это исключало бы даже формальное внепроцессуальное вмешательство в деятельность следователя. Не было бы мотивировки и у самого следователя неправомерного разрешения вопроса о заключении под стражу предпринимателя, так как все возможные складывающиеся ситуации с признаками предпринимательской деятельности, получившие широкое распространение в экономическом обороте, были бы законодательно описаны. К сожалению, эти поправки отклонены.

Строить прогнозы на будущее – дело неблагодарное. Трудно судить какие именно обсужденные сейчас правовые новинки будут наиболее эффективными. Одно несомненно, установление законодателем приоритета избрания иных мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей, предпринимателям, конечно, положительное явление и стоит только надеяться, что процесс усовершенствования законодательства в области гарантий прав и интересов лиц, занимающихся законным бизнесом, будет содействовать поступательному движению вперед. А для этого, думается, необходимо подготовить ведомственные указания о применении иных мер пресечения в конкретных случаях и ужесточить процессуальный контроль за их исполнением, то есть «не пустить дело на самотек».

В подготавливаемых указаниях в первую очередь должно быть отражено понятие законности статуса индивидуального предпринимателя, члена органа управления коммерческой организации, таких как член совета директоров, член правления акционерного общества, различного рода директора предприятий, председатели правления организаций и т.п. лиц. Отражены признаки определенных видов предпринимательской деятельности и управления имуществом, используемого в целях законной экономической деятельности.

Инструкция должна ориентировать лиц, осуществляющих расследование уголовного дела, какие обязательные действия характерны для неисполнения договоров в сфере предпринимательства. Что свидетельствует о наличии у лица прямого умысла на мошенничество, детализируя возможные обстоятельства. Разъяснить процессуальное положение соучастников в преступлении предпринимательской и иной экономической деятельности и порядок избрания им мер пресечения. Дать понятие обоснованного риска при осуществлении предпринимательской деятельности. Раскрыть особенности проверки сообщения о налоговых преступлениях и возбуждения уголовного дела по данному виду правонарушений. Разработчики рекомендаций должны показать весь спектр проблем, возникающих в ходе возбуждения уголовных дел в сфере экономики и избрания мер пресечения вовлеченым в производство по уголовному делу лицам, дать исчерпывающие рекомендации по разрешению каждого спорного вопроса.

⁶ О практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Попова, И. П. Функции следователя в механизме уголовно-процессуального регулирования / И. П. Попова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4(99). С. 123–139.
2. Стародубова, Г. В. Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого: объективная основа и субъективная оценка // Российская юстиция. 2017. № 12. С. 62–64.
3. Вершинина, С. И. Проблемы правового регулирования залога как меры пресечения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2(46). С. 78-83.

REFERENCES

1. Popova, I. P. Funkcii sledovatelja v mehanizme ugolovno-processual'nogo regulirovaniya [Functions of the investigator in the mechanism of criminal procedural regulation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 4(99), pp. 123-139. – DOI 10.24412/2312-3184-2021-4-123-139. – EDN IBFFT.
2. Starodubova, G. V. Izbranie mery presechenija v otnoshenii podozrevaemogo ili obvinjaemogo: ob#ektivnaja osnova i sub#ektivnaja ocenka [The election of a preventive measure against a suspect or accused: an objective basis and a subjective assessment]. Rossijskaja justicija – Russian justice. 2017, no. 12, pp. 62-64. – EDN YLZPSN.
3. Vershinina, S. I. Problemy pravovogo regulirovaniya zaloga kak mery presechenija [Problems of legal regulation of collateral as a preventive measure]. Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019, no. 2(46), pp. 78-83. – DOI 10.24411/2078-5356-2019-10213. – EDN CFNGDZ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаутаева Гульнара Хасановна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса. Волгоградская академия МВД России. 400075, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

Попова Людмила Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса. Волгоградская академия МВД России. 400075, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shautaeva Gulnara Khasanovna, Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 400075, Volgograd, ul. Historical, 130.

Popova Lyudmila Vladimirovna, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 400075, Volgograd, ul. Historical, 130.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023; одобрена после рецензирования 22.08.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 15.08.2023; approved after reviewing 22.08.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023 № 4 (107). С. 276–285.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023
Vol. no. 4 (107). p. 276–285.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.611

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.42.71.024

**ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ СОСТАВЫ УБИЙСТВ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Федотова Евгения Николаевна

Академия ФСИН России, Рязань, Россия, evgenija_kaz@mail.ru

Введение. На любом этапе развития общества охране жизни уделяется особое значение, при чем уголовно-правовым средствам охраны, традиционно отводится ведущая роль. Так, структура особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) отражает определенную иерархию ценностей современного общества именно поэтому она начинается с преступлений против жизни, где на ряду с убийством содержится совокупность норм, устанавливающих ответственность за умышленное причинение смерти другому лицу, с учтенными особыми обстоятельства его совершения. Эти нормы устанавливают более мягкую ответственность за убийство (ст. 106–108 УК РФ). Обозначенные составы в доктрине уголовного права принято называть привилегированными. Анализу данных норм посвящена настоящая статья.

Материалы и методы. При проведении научного исследования привилегированных составов убийств были изучены и обобщены материалы последних диссертационных исследований посвященных данной проблеме, статистические данные Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации, проанализирован зарубежный опыт привлечения к уголовной ответственности за совершение убийств при смягчающих обстоятельствах. Методами проведения исследования являются: статистический метод (при изучении и анализе статистических данных Судебного Департамента при Верховном Суде РФ), метод сравнительного анализа (при изучении доктринальных и правовых источников, отечественной и зарубежной правоприменительной практики), формально-логический метод (при формулировании выводов исследования), а так же иные общенаучные и частнонаучные методы познания (дедукции, индукции и т. д.).

Выводы и заключение. Результатом проведенного исследования являются научно-обоснованные выводы о необходимости оптимизации системы привилегированных убийств в действующем законодательстве, путем исключения из нее ст. 106 УК РФ.

Ключевые слова: убийство, привилегированные составы убийств; детоубийство; убийство матерью новорожденного ребенка; убийство в состоянии аффекта; убийство при превышении пределов необходимой обороны; убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление

Для цитирования: Федотова Е. Н. Привилегированные составы убийств в российском уголовном законодательстве: теоретико-методологический анализ. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 276–285.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.42.71.024

5.1.4. Criminal Law Sciences

Original article

PRIVILEGED COMPOSITIONS OF MURDERS IN RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

Evgenia N. Fedotova

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia,
evgenija_kaz@mail.ru

Introduction: At any stage of society's development, the protection of life is given special importance, and criminal law means of protection are traditionally given a leading role. Thus, the structure of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter - the Criminal Code of the Russian Federation) reflects a certain hierarchy of values of modern society, which is why it begins with crimes against life, where, along with murder, there is a set of norms establishing liability for intentional infliction of death on another person, taking into account the special circumstances of its commission. These norms establish a more lenient liability for murder (Articles 106-108 of the Criminal Code of the RF). These compositions in the doctrine of criminal law are usually called privileged. The present article is devoted to the analysis of these norms.

Materials and Methods. When conducting a scientific study of privileged corpus delicti of murder, the materials of recent dissertation studies devoted to this problem, statistical data of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation, foreign experience of bringing to criminal responsibility for the commission of murder under extenuating circumstances were studied and summarised. Methods of research are: statistical method (in the study and analysis of statistical data of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation), method of comparative analysis (in the study of doctrinal and legal sources, domestic and foreign law enforcement practice), formal-logical method (in the formulation of conclusions of the study), as well as other general scientific and private scientific methods of cognition (deduction, induction, etc.).

Findings and Conclusion. The result of the conducted research are scientifically substantiated conclusions about the need to optimize the system of privileged murders in the

current legislation, by excluding from it article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: murder, privileged compositions of murders; infanticide; murder by the mother of a newborn child; murder in a state of affect; murder if the limits of necessary defense are exceeded; murder in excess of the measures necessary to detain the person who committed the crime

For citation: Fedotova E. N. Privilegirovannye sostavy ubijstv v rossijskom ugolovnom zakonodatel'stve: teoretiko-metodologicheskij analiz [Privileged compositions of murders in russian criminal legislation: theoretical and methodological analysis]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Irkutsk, 2023, no. 4 (107), pp. 276–285.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.42.71.024

Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации начинается со статей, устанавливающих ответственность за преступные посягательства на жизнь человека. Выделение указанного места для таких составов не случайно, таким образом законодатель подчеркивает особый статус данных преступлений, их исключительную общественную опасность и приоритет уголовно-правовой охраны.

Напомним, что Особенная часть УК РСФСР 1960 года¹ начиналась с преступлений против государства, смена общественной формации и приоритет демократических ценностей обусловили такую реструктуризацию Особенной части уголовного закона.

Статья 105 УК РФ определяет убийство как умышленное причинение смерти другому человеку².

Многообразие жизненных ситуаций и преступных деяний, сопряженных с посягательством на жизнь другого человека вынуждают законодателя учитывать некоторые особенности умышленного причинения смерти другому лицу.

В связи с этим в уголовном законе предусмотрен ряд составов, предусматривающих уголовную ответственность за совершение убийств с учтенными в диспозициях статей смягчающими обстоятельствами.

В доктрине уголовного права такие составы именуются привилегированными. К их числу относятся: ст. 106 Убийство матерью новорожденного ребенка; ст. 107 Убийство, совершенное в состоянии аффекта; ст. 108 Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Большинство названных составов относятся к преступлениям небольшой тяжести (за исключением ч. 2 ст. 107 УК РФ убийство двух и более лиц, совершенное в состоянии аффекта, которое законодатель отнес к числу преступлений средней тяжести).

¹ Уголовный кодекс РСФСР" утв. ВС РСФСР 27.10.1960. ред. от 30.07.1996 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 02.07.2023).

² Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.07.2023).

Согласно со статистическими данными Судебного Департамента при Верховном Суде РФ в 2021 году было осуждено 309 человек за совершение преступлений предусмотренных ст. 106-108 УК РФ и только 14,8 % из них были приговорены к лишению свободы, оставшейся доли осужденных были назначены наказания и меры не связанные с изоляцией от общества, что согласовывается с категориями преступлений (небольшой тяжести)³.

Отметим, что преступления, закрепленные в ст. 107 и 108 УК РФ характеризуются в первую очередь стечением обстоятельств, и во многом зависят именно от поведения виновного лица: аффект должен быть обусловлен насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего (ст. 107 УК РФ); либо убийство должно быть совершено при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108 УКРФ), то есть указанные преступления должны быть спровоцированы потерпевшим.

Совершение деяния, предусмотренного ст. 106 УК РФ, зависит только от воли виновного лица и должно быть совершено в отношении новорожденного (Убийство матерью новорожденного ребенка вовремя или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости).

В связи с этим обоснованность отнесения данного состава к числу привилегированных вызывает сомнения, уже после неглубокого осмыслиения диспозиции.

Обратимся к положениям ст. 63, устанавливающей обстоятельства, отягчающие наказание. В соответствии с п. «з» указанной статьи к их числу относятся совершение преступления «в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица, находящегося в зависимости от виновного»; п. «п» «совершение преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем».

В соответствии с ч. 2 ст. 105 квалифицированными составами убийства являются убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Обратим внимание, что за совершение указанного преступления возможно назначение пожизненного лишения свободы и смертной казни.

Таким образом, рассматриваемый состав содержит в себе признаки и обстоятельства, отнесенные УК РФ к числу отягчающих ответственность. В связи с этим встает вопрос, на каком основании данное преступление отнесено к числу привилегированных?

Отметим, что предыдущий Уголовный кодекс 1960 года не содержал подобной статьи.

Обратившись к более ранним источникам отечественного уголовного законодательства, установим, что Свод законов уголовных 1832 года устанавливал ответственность за детоубийство. В нем для исключения представления о праве

³ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год. // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759> (дата обращения: 02.07.2023).

родителей на жизнь детей закреплялось, что родители не имеют права на убийство детей и за совершение такого деяния наказываются так же, как и другие лица [1, с. 151].

Подобного привилегированного состава не было и в законодательных актах советской власти. Первый УК РСФСР относил такое убийство к числу квалифицированных составов, т. к. в перечне обстоятельств, отягчающих умышленное убийство, было убийство лицом, в обязанности которого входила забота об убитом, по которому и квалифицировались данные деяния [2, с. 85].

Кроме того, в настоящее время не учитываются при квалификации убийства по ст. 106 УК РФ мотивы его совершения. Таким образом, фактически любое убийство матерью новорожденного ребенка (во время или сразу после родов) должно считаться и расценивается на практике как привилегированное.

Данная законодательная конструкция вступает в противоречие с целой системой норм действующего уголовного закона и не согласовывается с положениями о необходимости учета обстоятельств, отягчающих наказание (п. «п» ч. 1 ст 63 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), а также идет вразрез усиления уголовно-правовой охраны жизни малолетних и несовершеннолетних, установленной многими международными стандартами.

Согласно поправкам, принятым по итогам Всенародного голосования 1 июля 2020 года, Конституция России была дополнена также статьей 67.1, устанавливающей, что дети являются важнейшим приоритетом политики нашего государства, что государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим.

Таким образом, необходимость усиления уголовной ответственности за посягательства на несовершеннолетних имеет под собой прочную конституционную основу и выступает веским аргументом против оценки такого состава убийства, как привилегированного.

Особое психофизиологическое состояние, вынесенное в диспозицию анализированной нормы, обусловленное родовым процессом, по сути, является естественным, через него проходят все роженицы, и должно, напротив, побуждать женщину к защите своего ребенка (как это прослеживается в животном мире). Таким образом, намерение убить ребенка, противоречит естественным психофизиологическим и биологическим процессам.

Изучив материалы конкретных уголовных дел, можно проследить четкую тенденцию того, что такие убийства являются умышленными, причем умысел чаще всего возникает до рождения ребенка и является заранее обдуманным, а не внезапно возникшим.

Такие женщины не встают на учет по беременности в медицинские организации, тщательно скрывают от окружающих свою беременность, заранее готовятся к самостоятельным родам, то есть уже с момента установления беременности обдумывают умысел на убийство ребенка и готовятся к совершению данного преступления⁴.

⁴ Приговор Лузского районного суда Кировской области от 17 июля 2022 по делу №1-49/2020 // «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 25.07.2023); Приговор Ессентукского городского суда (Ставропольского края) от 15 июля 2020 г по делу № 1-125/2020. // «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru> (дата

Далее хотелось бы обратить внимание на следующий законодательный пробел.

Ст. 106 УК РФ отсутствует в перечне статей, установленных ч. 2 ст. 20 УК РФ, закрепляющей закрытый перечень преступлений, ответственность за которые наступает с 14 лет, с учетом того, что данный состав относится к числу привилегированных, привлекать лиц, не достигших 16 лет к уголовной ответственности по общей норме (п. в, ч. 2 ст. 105 УК РФ) невозможно, так как это ухудшит положение лиц в возрасте от 14 до 16 лет и приведет к противоречию логике уголовного закона, устанавливающего более мягкий уголовно-правовой режим для лиц, не достигших совершеннолетия. Соответственно, лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ, вообще не могут быть привлечены к уголовной ответственности, хотя случаи совершение таких деяний лицами в возрасте 15 лет известны, подобные факты довольно часто появляются в средствах массовой информации⁵.

Отметим, что Верховный суд Российской Федерации в своих постановлениях не дает никаких разъяснений ни по одной из выявленных выше проблем, а также вообще не указывает на какие-либо особенности квалификации преступлений, связанных с посягательством на жизнь, по привилегированным составам убийств.

Подобных положений не содержит ни Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», ни в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

Исследование практики применения анализируемой нормы, позволило найти позицию Верховного Суда Российской Федерации, отраженную в обзоре судебной практики за третий квартал 2012 г., в части порядка привлечения к уголовной ответственности лиц, не достигших 16-летнего возраста за привилегированные составы убийств, в соответствии с которой «Лица, не достигшие 16-летнего возраста, не подлежат уголовной ответственности за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны», «в связи с отсутствием состава преступления»⁶.

Думается, что сходная позиция будет у судов и в части применения ст. 106 УК РФ, к лицам, не достигшим, 16-летнего возраста.

обращения: 25.07. 2023); Приговор Калужского районного суда (Калужской области) от 21 ноября 2018 г. по делу № 1-901/2018) // «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 25.07. 2023).

⁵ 15-летняя девчонка родила и убила своего новорожденного младенца // МАНГАЗЕЯ : информ. агентство. URL: <https://www.mngz.ru/ugra/52601-15-letnyaya-devchonka-rodila-i-ubila-svoego-novorozhdennogo-mladenca.html> (дата обращения 02.02.2023); Смерть младенца в Тульской области: несовершеннолетняя мать рассказала о беременности и родах // MYSLO : новости. URL: <https://myslo.ru/news/tula/2017-11-10-smert-mladenca-v-tul-skoj-oblasti-nesovershennoletnyaya-mat-rasskazala-o-beremennosti-i-rodah> (дата обращения 02.07.2023).

⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2012 года (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.12.2012) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 4.

Далее уместно привести мнение В. А. Казаковой, С. М. Иншакова, исследование которых выявили проблему, которая может возникнуть при применении ст. 106 УК РФ на практике. Это вопрос квалификации данного преступного деяния, совершенного суррогатной матерью. Указанные авторы отмечают, что «юридически матерью может считаться и женщина, выносившая и родившая генетически чужого ребенка, и та, которая биологически является его матерью, но использовала суррогатную мать для его вынашивания и рождения». Указанные обстоятельства также могут вызвать значительные проблемы при квалификации подобных убийств, при наличии выше обозначенного обстоятельства [3, с. 130].

Согласимся с мнением Н. Е. Аленкина, который верно указывает, что отнесение тех или иных составов преступлений к числу привилегированных должно строго согласовываться с положениями других отраслей национального законодательства и с системой привилегирующих и квалифицирующих признаков, выделенных уголовным законом. Проведенная оценка состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, данному требованию явно не соответствует [4, с. 11].

По структуре диспозиция ст. 106 УК РФ является описательной, т. е. содержит в себе признаки, которые необходимо учитывать при квалификации, к числу таких признаков относится время (во время или сразу же после родов), обстановка (в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости), однако четких критериев в порядке установления данных обязательных признаков преступления в законодательстве также не приведено, не высказывает свою позицию и Верховный Суд Российской Федерации. Сложившуюся проблему также можно отнести к значимому законодательному пробелу, особенно с учетом объекта данного преступления (жизнь новорожденного ребенка).

Обратившись к опыту зарубежных государств, отметим, что в настоящее время прослеживается тенденция исключения данного состава из числа привилегированных, в частности, по такому пути пошло законодательство Германии и Испании. Свое решение власти указанных государств мотивируют тем, что в отношении матерей одиночек и женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации, реализуются государственные программы их поддержки [5, с. 58]. Подобные программы существуют и в России, что выступает еще одним аргументом против смягчения ответственности за детоубийство.

Таким образом, системные противоречия, в которые вступает ст. 106 УК РФ, свидетельствуют о необходимости ставить вопрос обоснованности причисления данного убийства к числу привилегированных составов. А с учетом вышеназванных изменений в Конституции России (введенной ст. 67.1), в этом есть острая необходимость.

Что касается ст. 107, 108 УК РФ, отметим, что их критический анализ не выявил каких-либо коллизий и рассогласованности ни в законодательном закреплении, ни в практики их применения.

Изучение материалов уголовных дел выявил некоторые сложности в установлении субъективной стороны преступления, предусмотренной ст. 107 УК РФ, наличие состояния аффекта достаточно сложно в доказывании, тем не менее именно по данному элементу состава преступления идет разграничение ст. 107 и ст. 105 УК РФ. В помощь судам в таких ситуациях должны в обязательном порядке привлекаться

эксперты, способные оценить психическое состояние осужденного, а суды, в свою очередь, должны устанавливать, что состояние сильного душевного волнения вызвано именно аморальным поведением потерпевшего.

Данная норма давно известна российскому уголовному праву: подобное положение содержалось в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных Российской империи 1845 года, и далее переходило из одного уголовного закона в другой, не претерпев существенных изменений.

Она успешно применяется судами, а критическая оценка данной уголовно-правовой нормы, как квалифицированного состава убийства, не выявила каких-либо проблем в вопросе отнесения его к таковым.

Заключительным составом рассматриваемой группы является убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Одной из основных проблем практики ее применения является вопрос разграничения со ст. 107 УК РФ, так как убийство, совершенное при обстоятельствах, описанных в ст. 108, не исключает наличие у лица состояния аффекта, возникшего от противоправных действий потерпевшего.

Однако по данному вопросу имеется Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», и можно утверждать, что убийство, как совершенное в состоянии аффекта, квалифицируется, если оно совершено после того, как посягательство было завершено (конечно, при установлении факта наличия у лица сильного душевного волнения), и при необходимой обороне обороняющийся совершает убийство непосредственно во время совершения преступного посягательства виновного лица.

Еще одним критерием разграничения выступает факультативные признаки субъективной стороны преступления, а именно ее цель и эмоциональное состояние. Так, если при необходимой обороне существует цель в виде защиты, то при убийстве, совершенном в состоянии аффекта, такой цели виновный уже не преследует.

В заключение будет интересно привести статистику судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о количестве привлеченных за привилегированные составы убийства лиц и практику назначения наказания за данные преступления.

В 2021 г. по ст. 106–108 было осуждено 309 чел. (ст. 106 – 26 чел., ч. 1 ст. 107 – 34 чел.; ч. 2 ст. 107 – 1 чел.; ч. 1 ст. 108 – 248 чел.; ч. 2 ст. 108 – 0), при этом к наказанию в виде лишения свободы было осуждено 46 чел. (14,8 %), к ограничению свободы – 162 чел. (52,4 %); к исправительным работам – 40 чел. (12,9 %); наказание условно было назначено 28 осужденным (9 %)⁷.

Представленные статистические данные свидетельствуют о востребованности норм, предусматривающих привилегированные составы убийств в России, лидером по частоте их применения выступает ст. 108 УК РФ «Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление». На ее долю приходится более 80

⁷ См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год.

% от общего количества совершенных преступлений, входящих в рассматриваемую группу.

Научное осмысление законодательного закрепления и практики применения ст. 106–108 УК РФ выявило наличие критических проблем в части отнесения убийства матерью новорожденного ребенка к числу привилегированных составов, на что необходимо обратить внимание научного сообщества, общественности и государственных органов.

Оставшиеся нормы, закрепляющие ответственность за совершение убийства при смягчающих обстоятельствах, заслуживают положительной оценки. Оснований для расширения количества привилегированных составов убийств, учитывающими какими-либо особые смягчающие обстоятельства, авторам статьи не усмотрено.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сидорова Е. З. История детоубийств в уголовном праве России // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (1). С. 151–153.
2. Хатуев В. Б. Эволюция уголовного законодательства России об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка // Lex russica. 2019. № 1. С. 83–96.
3. Казакова В. А., Иншаков С.М. Коррекция юридической терминологии в механизме обретения уголовным законом правовой сущности // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 120–133.
4. Аленкин Н. Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования : автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Москва, 2017. 34 с.
5. Милаева М. Ю. Проблемы квалификации привилегированных составов 106, 107 и 108 УК РФ: спорные вопросы и их решения // Юридическая наука. 2021. № 10. С. 56–60.

REFERENCES

1. Sidorova E.Z. Istorija detoubijstv v ugolovnom prave Rossii [History of infanticide in criminal law of Russia]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019, no. 1 (1), pp. 151-153.
2. Khatuev V.B. Jevoljucija ugolovnogo zakonodatel'stva Rossii ob otvetstvennosti za ubijstvo mater'ju novorozhdennogo rebenka [Evolution of the criminal legislation of Russia on responsibility for the murder of a newborn child by a mother]. Lex russica. 2019, no. 1, pp. 83 - 96.
3. Kazakova V.A., Inshakov S.M. Korrekcija juridicheskoy terminologii v mehanizme obretenija ugolovnym zakonom pravovoj sushhnosti [Correction of legal terminology in the mechanism of obtaining a criminal law of legal essence]. Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law. 2020, no. 6, pp. 120-133.
4. Alenkin N.E. Sistema privilegirovannyh sostavov ubijstva v ugolovnom prave Rossii: problemy sovershenstvovaniya : avtoreferat dis. ... kand. jurid. nauk [The system of

privileged murder in the criminal law of Russia: problems of improvement: abstract dis....
cand. jurid. Sciences]. Moscow, 2017, 34 p.

5. Milaeva M.Yu. Problemy kvalifikacii privilegirovannyh sostavov 106, 107 i 108
UK RF: spornye voprosy i ih reshenija [Problems of qualification of privileged compositions
106, 107 and 108 of the Criminal Code of the Russian Federation: controversial issues and
their solutions]. Juridicheskaja nauka – Legal science. 2021, no. 10, pp. 56-60.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федотова Евгения Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права юридического факультета. Академии ФСИН России. Россия, 390000,
Россия, Рязань, Сennaya, 1.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Evgenia Nikolaevna Fedotova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Department of Criminal Law, Faculty of Law. Academy of the Federal Penitentiary Service
of Russia. Russia, 390000, Russia, Ryazan, Sennaya, 1.

Статья поступила в редакцию 2023; одобрена после рецензирования 2023;
принята к публикации 2023.

The article was submitted .2023; approved after reviewing .2023; accepted for
publication .2023.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023 № 4 (107). С. 286–296.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023
Vol. no. 4 (107). p. 286–296.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 343.14

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.72.83.025

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОЦЕНКИ ДОСТАТОЧНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Юдина Элла Игоревна

следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Саратовской области, Саратов, Россия, femidina2010@yandex.ru

Введение. Автором рассматриваются вопросы оценки доказательств на современном этапе развития уголовного судопроизводства. Произведен анализ действующего законодательства, посвященного оценке доказательств. Выявлены пробелы правового регулирования оценки достаточности доказательств, а также отдельных свойств доказательств – относимость, допустимость, достоверность и достаточность. Проанализированы взгляды ученых на природу и сущность свойств доказательств. Особое внимание уделено рассмотрению понятия «достаточность доказательств» в досудебном производстве. Освещены дискуссионные вопросы оценки достаточности доказательств, высказанные в теории.

Материалы и методы. Нормативную основу настоящего исследования образуют уголовно-процессуальное законодательство – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, а также судебные акты толкования норм уголовно-процессуального права – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре».

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и частнонаучных методов научного познания таких как анализ, системность, сравнительно-исторический, формально-юридический.

Результаты исследования. Автором в настоящем исследовании осуществлен комплексный теоретико-правовой анализ современного состояния уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в части оценки достаточности доказательств. Указывается о несоответствии законодательного и доктринального толкования этапа оценки доказательств на предмет достаточности.

Выводы и заключения. Автором сделаны выводы о плюрализме мнений, высказанных в доктрине о рассматриваемых понятиях, которые, по своей сути, сведены к рассмотрению их отдельных сторон и отсутствию комплексных исследований рассматриваемых категорий. Предложено авторское видение понятий «оценки доказательств» и «достаточность доказательств».

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, доказательства, досудебное производство, оценка доказательств, относимость, допустимость, достоверность, достаточность, процессуальные решения

Для цитирования: Юдина Э. И. О некоторых вопросах оценки достаточности доказательств в досудебном производстве по уголовным делам // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 4 (107). С. 286–296.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.72.83.025

5.1.4. Criminal Law Sciences

Original article

ON SOME ISSUES OF ASSESSING THE SUFFICIENCY OF EVIDENCE IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

Ella I. Yudina

Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for Saratov region, Saratov, Russia, femidina2010@yandex.ru

Introduction: The author considers the issues of evaluation of evidence at the present stage of development of criminal proceedings. The author analyses the current legislation on the assessment of evidence. Gaps in the legal regulation of the assessment of sufficiency of evidence, as well as certain properties of evidence - relevance, admissibility, reliability and sufficiency are revealed. The views of scientists on the nature and essence of properties of evidence are analysed. Special attention is paid to the consideration of the concept of "sufficiency of evidence" in pre-trial proceedings. Discussion issues of evaluation of sufficiency of evidence, expressed in the theory, are highlighted.

Materials and Methods: the normative basis of the present study is formed by criminal procedural legislation - Criminal Procedural Code of the Russian Federation, as well as judicial acts of interpretation of norms of criminal procedural law - Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 31, 1995 № 8 "On some issues of application of the Russian Federation Constitution by courts in the administration of justice" and Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2016 № 55 "On court verdict".

Methodological basis of the study is a set of general scientific and particular scientific methods of scientific knowledge such as analysis, systematicity, comparative-historical, formal-legal.

The Results of the Study: The author in this study carried out a comprehensive theoretical and legal analysis of the current state of the criminal procedural legislation of the Russian Federation in terms of assessing the sufficiency of evidence. The author points out the inconsistency of legislative and doctrinal interpretation of the stage of evaluation of evidence for sufficiency.

Findings and Conclusions: The author made conclusions about the plurality of opinions expressed in the doctrine about the concepts under consideration, which, in essence, are reduced to the consideration of their individual sides and the lack of comprehensive studies of the categories under consideration. The author's vision of the concepts of "evaluation of evidence" and "sufficiency of evidence" is proposed.

Keywords: criminal procedure, proving, evidence, pre-trial proceedings, assessment of evidence, relevance, admissibility, reliability, sufficiency, procedural decisions.

For citation: Yudina E.I. O nekotoryh voprosah ocenki dostatochnosti dokazatel'stv v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam [On some issues of assessing the sufficiency of evidence in pre-trial proceedings in criminal cases]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Irkutsk, 2023, no. 4 (107), pp. 286–296.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.72.83.025

Наиболее важным и сложным элементом доказывания по уголовным делам, как известно, выступает оценка доказательств. Несмотря на значимость данной категории, а также всеобъемлющее использование на всех стадиях уголовного судопроизводства, понятие «оценка доказательств» не имеет легального толкования.

Правилам оценки доказательств посвящена ст. 88 УПК РФ, сущность которой сведена к перечислению свойств доказательств – относимости, допустимости, достоверности и достаточности, как свойства совокупности всех доказательств, а также правилам исключения недопустимых доказательств.

Подобная законодательная трактовка выступает основой неопределенностей, сложностей в правоприменительной деятельности, поскольку не понятно кому (субъекты оценки доказательств), как (критерии оценки доказательств) и в каком качественном и количественном выражении (достаточность доказательств) оценивать доказательства.

Не остался данный законодательный пробел без внимания процессуалистов. Учеными проводились научные исследования по раскрытию содержания, форм и иных аспектов понятия «оценка доказательств», чему посвящены многочисленные фундаментальные труды, диссертационные и монографические работы, научные доклады и статьи и другие публикации. В правовой литературе рассматривались как общие вопросы оценки доказательств, так и оценка отдельных свойств доказательств, таких как относимость [1], допустимость и достоверность [2], а также оценка достаточности доказательств применительно к принятию процессуальных решений [3] и окончанию расследования [4].

Вместе с тем, единства мнения по данному вопросу до настоящего времени не достигнуто. На сегодняшний день также не имеется общепризнанного подхода ни к оценке доказательств в целом, ни к определению достаточности доказательств в частности. Аналогичное единство понимания и толкования указанных понятий не сложилось и в правоприменительной практике.

Анализ рассмотрения различных подходов к оценке доказательств позволяет выделить следующие трактовки этого понятия: как мыслительная деятельность [5, с. 303–305; 6, с. 4], ее итог [7, с. 66–67; 8 с. 223; 9, с. 133], совокупность мыслительной деятельности и ее результата [10, с. 5, 11, с. 44–45], а также разделение оценки доказательств на два вида – мыслительную деятельность, которая сопровождает весь процесс доказывания и юридически-значимую оценку доказательств, предшествующую принятию процессуального решения и находящую отражение в мотивированной части такого решения [12, с. 469].

Каждая из указанных трактовок оценки доказательств отражает отдельные аспекты этого сложного процессуального явления, что позволяет судить об их правильности. Вместе с тем приведенные взгляды не отражают комплексного характера оценки доказательств. По мнению Л. К. Капустиной оценке подлежат

отдельные доказательства, их совокупность, а также их отдельные свойства, что позволяет определять информацию в виде доказательств [2, с. 23].

На наш взгляд, из этих определений можно выделить наиболее значимый элемент оценки доказательств, которым является способность доказательственной информации выступать в качестве «юридически-значимой» основы принятия процессуальных решений. Вместе с тем, нельзя не учитывать обязательность всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств преступного деяния (установление истины), а также принцип свободы оценки доказательств каждым из субъектов доказывания.

Подчинение оценки доказательств требованиям ст. 88 УПК РФ обеспечивает возможность рассмотрения структуры достаточности доказательств. Названная норма выделяет свойства относимости, допустимости и достоверности доказательств, образующих в совокупности достаточность, необходимую для разрешения уголовного дела. Каждое из названных свойств выступает требованиями к доказательствам, а отсутствие любого из них приводит к невозможности их использования [13, с. 133–136].

Свойства доказательств – относимость, допустимость и достоверность – автономны и имеют специфические черты. Анализ каждого из указанных свойств позволяет сформировать мнение о качественной стороне достаточности, выступающей свойством, консолидирующем в себе все названные. Следует указать, что понятие «достаточность» не ограничивается лишь наличием совокупности относимых, допустимых и достоверных доказательств, в нем также присутствует количественный компонент, отвечающий за необходимый объем доказательств.

Необходимо отметить об отсутствии законодательной трактовки рассматриваемых понятий. Вместе с тем, доктриной уголовного процесса разработаны положения, определяющие природу и содержание каждого элемента достаточности, первым из которых выступает относимость.

Об относимости доказательств впервые заговорил Л.Е. Владимиров, рассматривая границы расследования и выводя зависимость предмета доказывания от норм уголовного закона [14, с. 180]. В советский период А.Я. Вышинский сформулировал правило относимости, заключающееся в использовании в доказывании только доказательств, относящихся к фактам, которые должны быть установлены в суде [15, с. 153]. С.А. Фролов под относимостью понимает способность доказательства установить обстоятельства предмета спора, которые имеют существенное значение для разрешения уголовного дела [16, с. 20]. Буквальное толкование ст. 74 УПК РФ позволяет сделать вывод об установлении относимыми доказательствами обстоятельств предмета доказывания по уголовному делу.

Указанное позволяет говорить об относимости как содержательном свойстве доказательства, связанным с предметом доказывания и иными обстоятельствами, объективно его устанавливающими.

Допустимость имеет неоднозначные трактовки: как качество, отражающее пригодность доказательств по источникам, методам и приемам получения доказательств [17, с. 435–436]; как соответствие процессуальной форме [18, с. 7]; как обратную сторону относимости [19, с. 31].

Прямой конституционный запрет (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ) на использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона, определение в ст. 75

УПК РФ понятия и видов недопустимых доказательств, а также их конкретизация в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» позволяют сделать зеркальный вывод о допустимых доказательствах как полученных в четком соответствии с нормами процессуального закона. Приведенные нормы не позволяют нам согласиться с авторами, включающими в предмет допустимости как свойства формы доказательств содержательного элемента [9, с. 133]. Допустимыми доказательства могут быть при соблюдении основных условий – доказательства должны быть получены, закреплены и проверены надлежащим субъектом; их закрепление должно производиться в надлежащем источнике; при собирании, закреплении и проверке доказательств не допущены нарушения закона, т.е. соблюдены все установленные правила осуществления этих действий. Только соблюдение этих условий позволяет говорить о том, что конкретное доказательство допустимо. Именно соблюдение установленных УПК РФ правил собирания доказательств, их отражения в процессуальных документах и их проверки позволяют ввести полученную таким образом информацию в общий массив данных, служащих основой формирования убеждения о достаточности доказательств.

На законодательном уровне достоверность стала известна отечественной науке с введением действующего в настоящее время УПК РФ. В п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ подчеркивается важность данной правовой категории в виде недопустимости использования в доказательственном процессе показаний, основанных на слухе, догадке, предположении, либо при невозможности допрашиваемого лица указать источник своей осведомленности. Такие показания не содержат объективной действительности, не позволяют осуществить их проверку в соответствии с правилами ст. 87 УПК РФ, а соответственно не могут расцениваться как достоверные. Аналогичные требования, запрещающие использовать основанные на предположении доказательства встречаются и в ч. 4 ст. 14 УПК РФ, ч. 4 ст. 302 УПК РФ, а также п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре». Важность достоверной доказательственной информации в уголовном судопроизводстве неоспорима. Вместе с тем, законодателем не предпринято никаких попыток разъяснить сущность указанного свойства. Высказываемые в литературе точки зрения на предмет достоверности очень различны и отражают различные аспекты данного свойства.

Так, многие ученые ставят знак равенства между достоверностью и истинностью [20, с. 69-75]; другие видят взаимосвязь с допустимостью [21, с. 25]; трети в достоверности усматривают отображение событий прошлого [22, с. 84]; четвертые рассматривают как степень обоснованности вероятного знания [23, с. 9–10]. Мы же определяем достоверность как сведения, полученные из надлежащего, проверенного источника и соответствующие реальной действительности. Подобное толкование свойства достоверности приводит нас к выводу о его содержательном наполнении, выступающим незаменимым при формировании достаточной совокупности доказательств.

Каждое из рассмотренных свойств показывает различные аспекты, формирующие доброкачественность доказательств, ложащихся в основу образования достаточности.

Необходимо подчеркнуть, что о достаточности доказательств речь может идти только в том случае, если собранные в досудебном производстве доказательства отвечают требованиям относимости, допустимости и достоверности. Отсутствие любого из указанных свойств не позволит сформировать совокупность, признаваемую как достаточную для разрешения уголовного дела. Это обосновывает утверждение о достаточности как наиболее важном элементе оценки доказательств.

С учетом того, что понятие «достаточности» используется в условиях отсутствующего законодательного определения, теоретические разработки различных аспектов свойства «достаточности» в доказывании привели ученых к следующим выводам.

Л. Т. Ульянова под достаточностью доказательств понимает совокупность относимых, допустимых, достоверных доказательств, которая способна установить обстоятельства преступления [24, с. 30–37].

Ф. Н. Фаткуллин считает, что достаточность выступает результатом «логической обработки фактической информации», выводы которой о каждом обстоятельстве, входящем в предмет доказывания, являются достоверными и позволяют выполнять задачи уголовного судопроизводства [25, с. 191].

А. А. Хмыров считает достаточной совокупность доказательств, устанавливающую предмет доказывания [26, с. 213].

Как систему относимых, допустимых и достоверных доказательств, которые получены в результате объективного, полного и всестороннего исследования совокупности доказательств в уголовном деле, и составляющую предмет доказывания, определяют достаточность Ф. М. Кудин и Р. В. Костенко [27, с. 43].

Современный этап развития уголовно-процессуального права пополнился следующими определениями достаточности доказательств.

М. В. Кочкина определяет достаточность доказательств как совокупность доказательств, оцениваемую на основании внутреннего убеждения субъекта доказывания, устанавливающую обстоятельства преступления и возможность на ее основе вынесения процессуальных решений [4, с. 9].

Н. В. Профатилова под достаточностью доказательств также понимает совокупность доказательств, которые обладают свойствами, указанными в ч. 1 ст. 88 УПК РФ и являются необходимыми для принятия законных и обоснованных процессуальных решений [3, с. 9].

Приведенные определения ученых понятия «достаточность доказательств» предлагают рассматривать его как систему доказательств, необходимую для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу и соответственно для принятия процессуальных решений.

Вместе с тем, по смыслу ч. 1 ст. 88 УПК РФ оценка достаточности доказательств осуществляется с целью разрешения дела. Вопреки указанной законодательной норме о стадии, на которой оцениваются доказательства на предмет их достаточности, современное состояние доктринальной мысли входит в противоречие с легальным указанием стадии определения достаточности доказательств – прочно укрепившимся является мнение, что оценка достаточности доказательств реализуется на протяжении всего досудебного производства, а не только на этапе окончания производства по уголовному делу. О достаточности доказательств идет речь всякий раз, когда делается какой-либо вывод. Этот вывод может быть связан с такими решениями как

направление хода предварительного расследования или его завершения, либо обначен в форму постановления о производстве следственных или иных процессуальных действий. Такое проявление достаточности доказательств А. С. Барабаш назвал узлом уголовно-процессуального доказывания [28, с. 135]. Подтверждает это и Н. В. Профатилова, указывающая, что у должностных лиц в ходе оценки доказательств появляется убежденность в установлении обстоятельств, которые ложатся в основу принятия решения. В отсутствие такой убежденности сбор и проверка доказательств продолжаются [3, с. 22].

Поскольку закон рассматривает достаточность как свойство не отдельно взятого доказательства, а их совокупности, то оценивать можно лишь достаточность всех доказательств, собранных по делу. Под совокупностью законодатель имеет в виду все собранные по делу и признанные относимыми, допустимыми, достоверными доказательства, независимо от того, о какой количественной величине идет речь.

Рассматривая достаточность доказательств как свойство системы, характеризующееся внутренней устойчивостью и согласованностью между собой информации, обначенной в процессуальную форму, следует констатировать уникальность данного свойства. Каждое доказательство, входящее в систему достаточных доказательств, должно «занимать свое место», дополняя, подтверждая и обосновывая другое, а их совокупность – позволять формирование единого бесспорного вывода, впоследствии трансформируемого в процессуальное решение. Уровень обоснованности знания, полученного в ходе расследования преступления, установленного совокупностью относимых и достоверных по содержанию и допустимых с формальной точки зрения доказательств, определяется нами как «информационная достаточность доказательств», выступающая основой оценки доказательств на предмет их достаточности. При этом достаточность доказательств должна основываться на некотором количестве доказательств, обладающих указанными свойствами. Единственное доказательство, оцененное как относимое, допустимое и достоверное не может определяться как достаточное и выступать основой формирования вывода и принятия решений.

Подводя итоги, сделаем следующие выводы:

1. Оценка доказательств по уголовному делу автором определяется как процесс, сочетающий в себе мыслительную, логическую и юридически-значимую деятельность следователя, дознавателя, руководителя следственного органа, прокурора, судьи и присяжных заседателей, а также деятельность указанных субъектов по анализу качества доказательств (с учетом всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств, входящих в предмет доказывания), их отдельных свойств и всей совокупности доказательств, позволяющая каждому из них по своему внутреннему убеждению сформировать необходимую основу для принятия законного, обоснованного и мотивированного процессуального решения.

Информация, содержащаяся в материалах уголовного дела, проходит мыслительную обработку по законам логики, направленная на установление ее принадлежности к предмету доказывания, т.е. относимости; анализа соблюдения порядка, способа и формы собирания, закрепления и проверки доказательств, т.е. допустимости; степени обоснованности и соответствия реальности вывода, т.е. достоверности, а также юридически-значимую оценку доказательств, позволяющую на

основе анализа доказательственного массива сформировать один и только один вывод, ложащийся в основу процессуального решения, т.е. достаточности.

2. Достаточность доказательств оценивается на протяжении всего предварительного расследования по уголовному делу, а не только на этапе разрешения дела. О достаточности доказательств речь идет даже при направлении хода расследования, принятия решений о производстве следственных и (или) процессуальных действий, а также каждое обстоятельство, входящее в предмет доказывания, подлежит обоснованию достаточной совокупности доказательств.

3. Основой признания достаточности доказательств выступает информационная достаточность доказательств, под которой понимается рациональная информационная насыщенность согласованных между собой относимых, допустимых и достоверных сведений, закрепленных в доказательствах, позволяющая обосновать каждое из входящих в предмет доказывания обстоятельств.

4. Достаточность доказательств является качественно-количественным свойством, в котором в определенной совокупности сочетаются относимые, допустимые и достоверные доказательства, полученные на основе всестороннего, объективного и полного исследования обстоятельств преступного события и необходимые для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, которые способны обосновывать выводы органов предварительного расследования и их должностных лиц на каждом из этапов производства по уголовному делу и составляющие основу для принятия «единственно возможного», законного, обоснованного и мотивированного процессуального решения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фролов, С. А. Свойство относимости уголовно-процессуальных доказательств: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. 256 с.
2. Капустина, Л. К. Оценка допустимости и достоверности доказательств при производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2020. 206 с.
3. Профатилова, Н. В. Оценка следователем достаточности доказательств при принятии основных процессуальных решений по уголовным делам: авторес. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 27 с.
4. Кочкина, М. А. Оценка достаточности доказательств на этапе окончания предварительного расследования по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 28 с.
5. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. 470 с.
6. Арсеньев, В. Д. Основы теории доказательств в советском уголовном процессе. Иркутск, 1970. 145 с.
7. Белкин, Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М. Наука, 1966. 295 с.
8. Кокорев, Л. Д., Кузнецов, Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. 444 с.
9. Крупницкая, В. И. Теория доказательств и доказывание: курс лекций. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2018. 169 с.
10. Матюшин, Б. Т. Общие вопросы оценки доказательств в судопроизводстве: учебное пособие. Хабаровск: Хабаровская высшая школа МВД СССР, 1987. 68 с.

11. Егорова, Т. З. Средства доказывания и их оценка в судебных стадиях российского уголовного процесса: дис... канд. юрид. наук. Ижевск, 2003. 163 с.
12. Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головко. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.
13. Ишмаева, Т. П. К вопросу о юридических свойствах доказательств в уголовном процессе// Вестник Челябинского государственного университета. 2015. №. 23 (378). Право. Вып. 44. С. 133–136.
14. Владимиров, Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 462 с.
15. Вышинский, А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Юридическое издательство ЕКЮ СССР, 1941. 308 с.
16. Фролов, С. А. Свойство относимости уголовно-процессуальных доказательств: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. 34 с.
17. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н. В. Жогин. М.: Юридическая литература, 1973. 736 с.
18. Резник, Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М.: Юрид.лит., 1977. 118 с.
19. Полянский, Н. Н. Доказательства в иностранном уголовном процессе. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. 142 с.
20. Корнакова, С. В. Соотношение понятий «достоверность» и «истинность» доказательств в уголовном процессе. // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 2 (12). С. 69–75.
21. Абросимов, И. В. Актуальные вопросы обеспечения допустимости и достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 26 с.
22. Савельева, Н. В. Проблемы доказательств и доказывания в уголовном процессе: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2019. 95 с.
23. Жданова, Я. В. Проблемы вероятного и достоверного в уголовно-процессуальном доказывании и их влияние на принятие отдельных процессуальных решений следователем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 34 с.
24. Ульянова, Л. Т. О достаточности доказательств // Вест. МГУ. 1974. № 6. С. 30–37.
25. Фаткуллин, Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. 203 с.
26. Хмыров, А. А. Косвенные доказательства в уголовных делах. СПб: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2005. 247 с.
27. Кудин, Ф. Н., Костенко, Р. В. Достаточность доказательств в уголовном процессе. Краснодар: КГАУ, 2000. 159 с.
28. Барабаш, А. С. Основной, дополнительные и вспомогательные процессы доказывания в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства. М: Юрлитинформ, 2017. 272 с.

REFERENCES

1. Frolov S.A. Svojstvo otносимости уголовно-процессуальных доказательств: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. [Relativity property of criminal procedural evidence: problems of theory and practice: thesis. ... candidate of juridical sciences.]. Nizhniy Novgorod, 2008, 256 p.

2. Kapustina L.K. *Ocenka dopustimosti i dostovernosti dokazatel`stv pri proizvodstve po ugolovny`m delam: dis. ... kand. yurid. nauk.* [Assessment of admissibility and reliability of evidence in criminal proceedings: thesis. ... candidate of juridical sciences.]. SPb, 2020, 206 p.
3. Profatilova N.V. *Ocenka sledovatelem dostatochnosti dokazatel`stv pri prinyatiu osnovny`x processual`ny`x reshenij po ugolovny`m delam: avtores. dis. ... kand. yurid. nauk.* [Assessment by the investigator of the sufficiency of evidence when making basic procedural decisions in criminal cases: author's disc. Cand. of jurisprudence.]. M., 2008. 27 p.
4. Kochkina M.A. *Ocenka dostatochnosti dokazatel`stv na e`tape okonchaniya predvaritel`nogo rassledovaniya po ugolovnomu delu: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk.* [Assessment of sufficiency of evidence at the stage of the end of preliminary investigation in a criminal case: autoref. diss. ... candidate of juridical sciences.]. M., 2015, 28 p.
5. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo processa* [Course of Soviet Criminal Procedure]. M.: Nauka, 1968, vol. 1, 470 p.
6. Arsen`ev V.D. *Osnovy` teorii dokazatel`stv v sovetskem ugolovnom processe* [Fundamentals of the theory of evidence in Soviet criminal proceedings]. Irkutsk, 1970, 145 p.
7. Belkin R.S. *Sobiranie, issledovanie i ocenka dokazatel`stv. Sushhnost` i metody`* [Collection, examination and evaluation of evidence. Essence and methods]. M. Nauka, 1966, 295 p.
8. Kokorev L.D., Kuzneczov N.P. *Ugolovny`j process: dokazatel`stva i dokazy`vaniye* [Criminal Procedure: Evidence and Proof]. Voronezh, 1995, 444 p.
9. Krupniczkaya V. I. *Teoriya dokazatel`stv i dokazy`vaniye* [Theory of evidence and proof]. Novosibirsk, 2018, 169 p.
10. Matyushin B.T. *Obshchie voprosy` ocenki dokazatel`stv v sudoproizvodstve* [General issues of evaluation of evidence in legal proceedings]. Xabarovsk, 1987, 68 p.
11. Egorova T.Z. *Sredstva dokazy`vaniya i ix ocenka v sudebny`x stadiyakh rossijskogo ugolovnogo processa: dis... kand. yurid. nauk.* [Means of proof and their evaluation in the judicial stages of the Russian criminal process: Cand. of Juridical Sciences.]. Izhevsk, 2003, 163 p.
12. Golovko L.V. *Kurs ugolovnogo processa* [Criminal Procedure Course]. M.: Statut, 2017, 1280 p.
13. Ishmaeva T.P. *K voprosu o yuridicheskix svojstvakh dokazatel`stv v ugolovnom processe* [The question of legal properties of evidence in criminal proceedings]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Chelyabinsk State University. 2015, no. 23 (378), vol. 44, pp. 133-136.
14. Vladimirov L.E. *Uchenie ob ugolovny`x dokazatel`stvakh* [Criminal evidence doctrine]. Tula, 2000, 462 p.
15. Vy`shinskij A.Ya. *Teoriya sudebny`x dokazatel`stv v sovetskem prave* [Theory of forensic evidence in Soviet law]. M.: Yuridicheskoe izdatel`stvo EKYu SSSR, 1941, 308 p.
16. Frolov S.A. *Svojstvo otnosimosti ugolovno-processual`ny`x dokazatel`stv: problemy` teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk.* [The property of relativity of criminal procedural evidence: problems of theory and practice: autoref. diss. ... candidate of juridical sciences.]. Nizhnij Novgorod, 2008, 34 p.
17. N.V. Zhogin *Teoriya dokazatel`stv v sovetskem ugolovnom processe* [Theory of Evidence in Soviet Criminal Procedure]. M.: Yuridicheskaya literatura, 1973, 736 p.
18. Reznik G.M. *Vnutrennee ubezhdenie pri ocenke dokazatel`stv* [Internal conviction in the assessment of evidence]. M.: Yurid.lit., 1977, 118 p.
19. Polyanskij N.N. *Dokazatel`stva v inostrannom ugolovnom processe* [Evidence in foreign criminal proceedings]. M.: Yurid. izd-vo MYu SSSR, 1946, 142 p.

20. Kornakova S.V. Sootnoshenie ponyatij «dostovernost`» i «istinnost`» dokazatel`stv v ugolovnom processe [Correlation of the concepts of "reliability" and "truthfulness" of evidence in criminal proceedings]. Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta e`konomiki i prava – Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2010, no. 2 (12), pp. 69-75.
21. Abrosimov I.V. Aktual`ny`e voprosy` obespecheniya dopustimosti i dostovernosti dokazatel`stv v ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. kand. yurid. nauk. [Actual issues of ensuring the admissibility and reliability of evidence in criminal proceedings: autoref. diss. candidate of juridical sciences]. Moscow, 2007, 26 p.
22. Savel`eva N.V. Problemy` dokazatel`stv i dokazy`vaniya v ugolovnom processe [Problems of evidence and proof in criminal proceedings]. Krasnodar: KubGAU, 2019, 95 p.
23. Zhdanova Ya.V. Problemy` veroyatnogo i dostovernogo v ugolovno-processual`nom dokazy`vaniyu i ix vliyanie na prinyatie otdel`ny`x processual`ny`x reshenij sledovatelem: avtoref. dis. kand. yurid. Nauk [Problems of probable and reliable in criminal procedural proving and their influence on the adoption of certain procedural decisions by the investigator: autoref. diss. cand. juris. sciences.]. Izhevsk, 2004, 34 p.
24. Ul`yanova L.T. O dostatochnosti dokazatel`stv [On the sufficiency of evidence]. Vestnik of MGU – Vestnik of Moscow University. 1974, no. 6, pp. 30-37.
25. Fatkullin F.N. Obshchie problemy` processual`nogo dokazy`vaniya [General problems of procedural evidence]. Kazan`: Izd-vo Kazan. un-ta, 1976, 203 p.
26. Xmy`rov A.A. Kosvenny`e dokazatel`stva v ugolovny`x delax [Circumstantial evidence in criminal cases]. SPb: Izd-vo R. Aslanova «Yurid. centr Press», 2005, 247 p.
27. Kudin F.N., Kostenko R.V. Dostatochnost` dokazatel`stv v ugolovnom processe [Adequacy of evidence in criminal proceedings]. Krasnodar: KGAU, 2000, 159 p.
28. Barabash A.S. Osnovnoj, dopolnitel`ny`e i vspomogatel`ny`e processy` dokazy`vaniya v stadiyakh predvaritel`nogo rassledovaniya i sudebnogo razbiratel`stva [Basic, supplementary and auxiliary evidentiary processes at the stages of preliminary investigation and court proceedings]. M: Yurlitinform, 2017, 272 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юдина Элла Игоревна, следователь по особо важным делам следственного отдела по Ленинскому району г. Саратов. Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Саратовской области. Россия, 410086, Саратовская область, г. Саратов, 2-й Московский пр-д, д. 16

Yudina Ella Igorevna, investigator for particularly important cases of the investigative department for the Leninsky district of Saratov. Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Saratov Region. Russia, 410086, Saratov region, Saratov, 2nd Moskovsky pr-d, 16.

Статья поступила в редакцию 06.07.2023; одобрена после рецензирования 13.07.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 06.07.2023; approved after reviewing 13.07.2023; accepted for publication 04.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.

2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.

3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее – Институт) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащем его полнотекстовую версию.

4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляется редакционный совет.

5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляют редакционная коллегия.

6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.

7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.

8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.

10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.

11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.

12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.

13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в информационно-коммуникационной сети Интернет.

14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.

15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом Института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия дает всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, ученая степень, ученое звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передается рецензентом для учета и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для аспиранта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещен на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу исключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственоручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем – 7 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем – 15 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Сыр).

Размер шрифта: 13 кегль.

Межстрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм). Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине».

Фотографии, рисунки представляются отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в черно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации **не** представлять как сканированное изображение.

В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке источников. Затекстовые библиографические ссылки оформляются как «Список источников». Внутритестовые ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке источников (затекстовых ссылках) и страниц, на которые ссылается автор (например, [2, с. 46]). Список источников оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (обязательно *с указанием издающей организации (издательства) и полным количеством страниц*). Список источников оформляется по степени упоминания в тексте, в соответствии с ГОСТ Р 7.07–2021. Рекомендуем использовать: snoska.info (онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников).

Сноски (если есть) – концевые (*нумерация сквозная*).

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, ученое звание, ученую степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять–семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы

и заключения (данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи).
Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утвержденной приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

К представленному научному материалу должна прилагаться справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, заверенная личной подписью.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала

Статья представляется в адрес Института в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии (на CD), соответствующей бумажному варианту.

При этом рукопись статьи должна быть пронумерована и подписана лично автором.

Рукопись, ее электронная копия, отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, может быть направлена по электронной почте в адрес: esirk_vestnik@mvd.ru. Оригиналы направленных по электронной почте документов должны быть предоставлены не позднее двух недель со дня направления их по электронной почте.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков настоящего журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esirk.mvd.ru

**ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ**

Научно-практический журнал
№ 4 (107) 2023

Редактор: Н. А. Платонова
Технический редактор: Л. Е. Ким
Редактор-переводчик: Е. С. Фидель
Дизайн обложки: М. А. Полянская

НИИРИО ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110